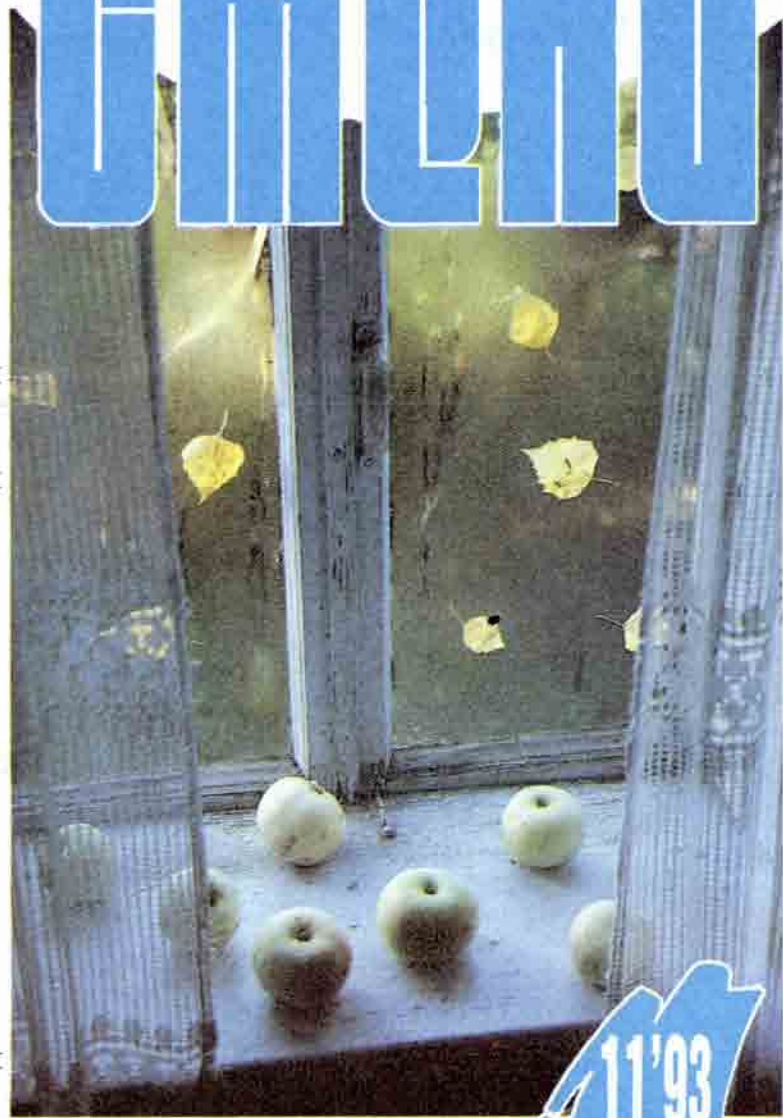

ISSN 0131-6656

СЮЖЕТ

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВ • ОБОЧИНА ГРЕГОРИ МАКДОНАЛД • ВЫБОР ФЛЕТЧА

ЭДУАРД РОЗЕНТАЛЬ • ЗНАКИ И ВОЗГЛАВЛЯ

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ • ПОЖАР В ЗИМНЕМ

11'93

(Читайте стр. 24)

**КАРГОЛАВЬЕНКА
СМОТРИНЫ**

11'93 СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 24.08.93.
Подписано к печати 17.09.93.
Формат 84×108^{1/2}.
Бумага «Газетная».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 17,64
Уч.-изд. л. 23,10.
Тираж 238100 экз.
Заказ № 748
Цена свободная,
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
257-33-87 — отдел рекламы
и реализации,
250-49-98 — отдел писем.
Факс (095) 250-59-28.
Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации. Рег. №166.
Учредитель —
коллектив редакции
журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

11 (1549) НОЯБРЬ

© Издательство «Пресса».
© «Смена», 1993.

В НОМЕРЕ:

2

Проза

46

ИГОРЬ КОЗЛОВ. ГНЕЗДО МОЛНИЙ
Криминальный рассказ

108

ФРИЦ ЛЕЙБЕР. ДЕВУШКА С ГОЛОДНЫМИ ГЛАЗАМИ
Рассказ

146

ГРЕГОРИ МАКДОНАЛЬД. ВЫБОР ФЛЕТЧА
Детектив

Поэзия

71

СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА

125

ТАТЬЯНА СМЕРТИНА

140

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Человек и общество

4

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. ОБОЧИНА

76

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ. ЧЕСТЬ МУНДИРА

86

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ. ПОЖАР В ЗИМНЕМ
Исторический очерк

94

ВИКТОР ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

130

ИГОРЬ ЯКОВЛЕВ. МАГАДАНСКОЕ ЗОЛОТО
Фоторепортаж

Культура, музыка, искусство

13

ЭДУАРД РОЗЕНТАЛЬ. ЗНАКИ И ВОЗГЛАВЬЯ
Пророчества Максимилиана Волошина

На нашей
обложке:
фотознуд
ВЛАДИМИРА
ЧЕЙШВИЛИ.

24

ЛЕОНИД ЛЕРНЕР. КАРГОПОЛЬСКИЕ СМОТРИНЫ

120

АЛЕНА ЮРЬЕВА. ТЕАТР МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

255

ЕЛЕНА ЦЫГАНКОВА. ЛЕДИ-ШАРМ

258

ТАТЬЯНА ШАШКОВА. ШАМАН РОКА
Жизнь и смерть Джима Моррисона

287

АЛЛА ТРИСТАН. И ОТКРОЮТСЯ ИСКУСНЫЕ

42

ВАШИ ПИСЬМА

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

12•93

3

■ **ЭЛЕН МАККЛОЙ.** «УДАР ИЗ ЗАЗЕРКАЛЯ»

Хотя роман американской писательницы Элен Макклой «Удар из Зазеркалья» написан в 40-х годах, он и сегодня воспринимается с большим интересом, благодаря причудливому переплетению двух жанров: детективного и мистического.

Фостина Крайль — школьная учительница — и не подозревала, что окажется жертвой фантастической мистификации, задуманной против нее в женских школах Мейдстоун и Бреретон.

Сразу же после выхода в свет роман завоевал огромную популярность и был переведен на многие языки мира. Наш же читатель впервые открывает для себя Элен Макклой, перу которой принадлежат более 30 произведений, написанных в жанре психологического детектива.

■ **ОЛЬГА НЕКРАСОВА.** «КРУГО-ВЕРТЬ»

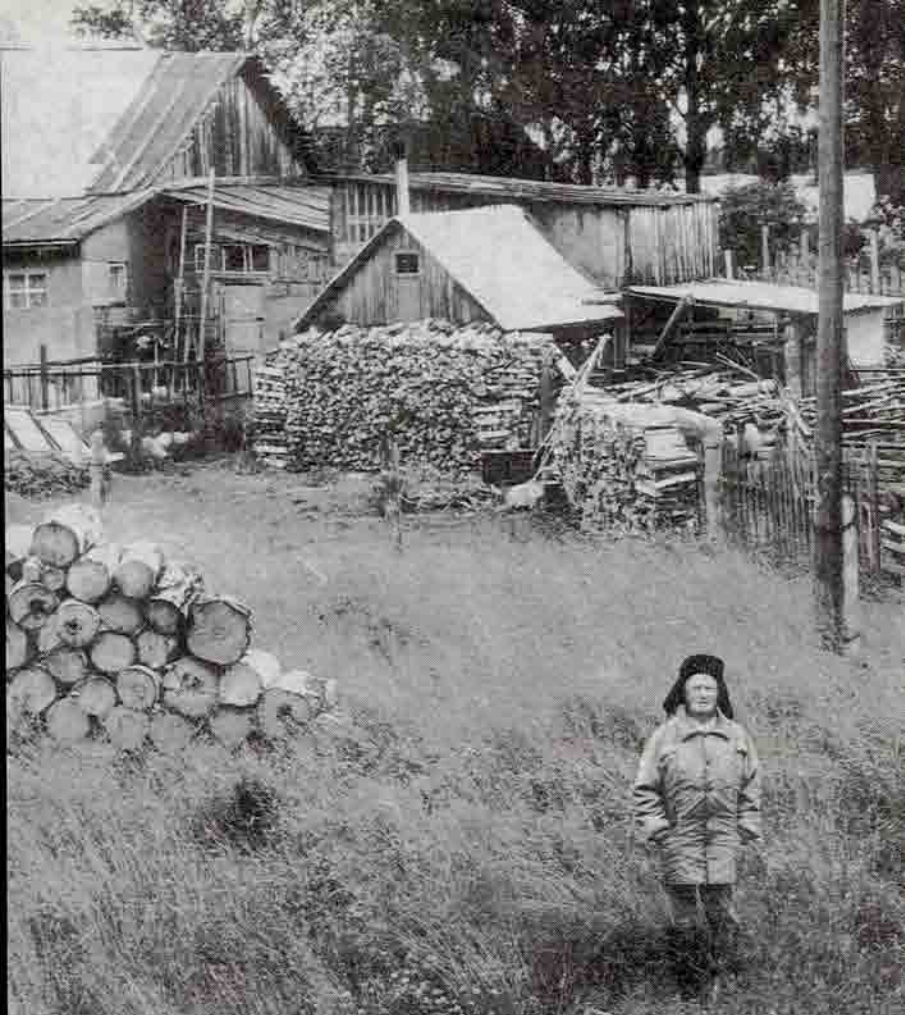
О тайных механизмах теневой экономики, преобразовании власти в капитал, причинах люмпенизации вчера еще честных советских тружеников размышляет социолог

■ **АНДРЕЙ ЕФИМОВ.** «ОБРАТНЫЙ ПУТЬ»

Исторический очерк.

Через несколько дней после ухода французов в городах и селениях Смоленской губернии появились собаки и волки. На глазах жителей они несли руку, голову или часть человеческого тела и спокойно уходили с этой добычей в лес или в поле...

АНОНС:

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

Фотв. АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА

ОБОЧ

KHO

Геннадий Шиловский купил сотню тонн мяса на мясокомбинате, отвез в Москву и там продал, получив на разнице цен несколько миллионов...

Сам по себе этот факт в наше время капитализации экономики ничем не примечателен. Если бы не одно обстоятельство: Шиловский не спекулянт-перекупщик, а председатель вологодского колхоза «Родина». И миллионы те пошли в колхозную кассу. (Точнее говоря, «Родина» с недавних пор стала товариществом, но это чистая формальность. Просто в новых законах теперь нет такого вида собственности — колхозной. Но вологжане продолжают именовать себя постаринке и даже вывеску менять не хотят.)

Что же это получается, спрашивал я Шиловского, крестьянин, по природе своей призванный производить продукты, занимается перепродажей? Колхоз-спекулянт? Получается так, согласился он. И добавил: надо как-то выживать...

Колхоз был лучшим в области, миллионером. Он и сейчас миллионер, да миллионы нынче не те. Полсотни миллионов ежемесячного дохода расходятся моментально: 12 — на горючее, 2 — на электроэнергию, 2,5 — на запчасти, около восьми — на технику, материалы. Да еще на зарплату, не сказать, чтобы очень высокую. Летом в самую горячую пору механизатор зарабатывал до 35 тысяч рублей (включая 15 процентов районного коэффициента). Зимой будет иметь почти вдвое меньше.

Колхоз полностью прекратил всякое строительство. Стоит каркас физкультурно-оздоровительного комплекса, а когда он будет доведен до ума — никому не известно. Очень крупно прогадали те, кто не решился несколько лет

назад раскошелиться на кирпичный особняк со всеми удобствами. Правда, 50 тысяч казались огромными деньгами, но сразу требовалось внести 17, а остальные — рассрочка на 25 лет. Многие надеялись получить бесплатную квартиру в хорошем доме — теперь их надежды рухнули: колхоз перестал строить жилье. На территории «Родины» обнаружили прекрасную минеральную воду, стали возводить цех розлива. Теперь и эта стройка заморожена. Причина та же — нет денег.

Беспокоит Шиловского и материальная база. Техника почти не обновляется — есть тракторы, отработавшие по десятку лет. Стоимость капремонта одного двигателя — полмиллиона. Стараяются латать сами, реставрируют старые детали, ибо запчасти вздорожали, как и все остальное. А если не обновлять машинный парк, не поддерживать в должном состоянии, колхоз рухнет. А может, туда ему и дорога? Ишь, до чего довели Россию колхозы-совхозы...

Отчего ж так обнищала «Родина»? Главный экономист Валентина Мохте привела только несколько цифр. Раньше молоко сдавали по 24 копейки за литр. А литр солянки стоил 4 копейки. Теперь сдают молоко по 60 рублей, а солянку покупают по 130. Производители техники, материалов устанавливают цены, какие хотят. А колхоз обязан 40 процентов молока, мяса сдавать по твердым ценам, себе в убыток. Вот и приходится заниматься даже перепродажей...

Везде в нашем капиталистическом народном хозяйстве установлена обязательная предоплата. Везде, кроме сельского хозяйства! Колхозники месяцами не могут получить с переработчиков уже за-

рабоченные деньги. А при нынешней инфляции каждая неделя задержки влетает в немалую копеечку.

...Мы мечтали об изобилии — и мы его получили. К немалому удивлению, я узнал в «Родине», что перед колхозом возникла проблема... перепроизводства. Нет, они еще не сокращают поголовье, посева (кроме картошки), но сбывать продукцию становится все сложнее. Вот вопиющий, не поддающийся пониманию факт. Шилковский сдал молоко на переработку, получил его обратно в виде масла и попытался продать. Никто не берет! В то же время торговля забита... импортным маслом. Точно так же никому не нужным оказалось сухое молоко. Мужики на селе гадают: кому «наверху» выгодно платить миллионы валюты, когда свои готовы продать втрое дешевле? И кого в таком случае поддерживает правительство — русского крестьянина или западного фермера?

Теперь о нашем доморощенном фермере, который, по мнению оптимистов, сможет накормить Россию. В Вологодской области 1900 фермеров. Причем все они обзавелись своим хозяйством, техникой еще до повышения цен. Парадокс: несколько лет назад было много желающих взять свой надел, да технику не могли купить. Сейчас — пожалуйста, покупай. Но по такой цене, что желающих уже нет. Как выразился один тракторист, сегодня уйти из колхоза — последние штаны снять.

Так вот. Примерно треть вологодских фермеров не пашут и не сеют, а занимаются чистой коммерцией. Торгуют водкой, пуховиками — словом, что под руку подвернется. Областной комитет по сельскому хозяйству предупредил их: коммерция может составлять

не более 30 процентов деятельности. Но и фермеров понять надо: они ведь в таком же положении, как и колхозы. Даже в худшем — выживать-то приходится в одиночку. Фермер вроде полностью свободен и может устанавливать справедливую цену на свой продукт. Но она будет раз в 5—10 выше колхозной. Кто же ее купит?

Не случайно кое-где, например, в Омской области, фермеры стали вновь объединяться в своеобразные «колхозы». Крестьянские хозяйства ищут партнеров, заключают союз, стараются вести дела коллективно. Даже собираются строить хутора для совместного проживания.

— Когда развалился Союз — всем стало плохо, — говорил Шилковский. — Еще хуже будет, если развалить колхозы.

«Родина» и сегодня хозяйство крепкое. Урожай — до 50 процентов ячменя с гектара, средние надои — 5,5 тысячи килограммов. Очень даже неплохо, особенно учитывая северную специфику. Колхоз еще умудряется всячески поддерживать крестьянина. Так, ежемесячно бесплатно выдают каждому, включая пенсионеров, по два килограмма сливочного масла. Комбикорма продают не по государственной — 65 рублей за килограмм — цене, а по 25. Цельное молоко в колхозном магазине — 80 рублей литр. Построили ферму для личного скота.

После приватизации на селе началась ликвидация предприятий бытового обслуживания, потребкооперации. Райпо закрыло в «Родине» столовую. Ведь торговцы и «бытовики» работают там, где выгодней, а выгодней в городе. У колхоза же есть и столовая, и три магазина...

— В такой ситуации, как сего-

дня.— продолжал Шиловский,— я никогда не бывал. «При коммунистах» я знал программу: что получим, кто потребители. А теперь из-за инфляции невозможно даже составить финансовый план.

— Рынок...

— Какой же это рынок, если нельзя свободно торговать? Свои предприятия не берут, а чтобы вывезти продукцию за пределы области, я должен идти за разрешением в администрацию, кому-то кланяться. А еще заплатить пошлину и вернуть в бюджет соответствующую часть дотаций.

— Значит, дотации получаете?

— Да. Но, что это значит? Пять миллионов в месяц. А налогов плачу вдвое больше. Причем если налоги платим сразу, то дотации поступают через три-четыре месяца. За это время рубль превращается в гривенник... Мы же ничего не можем вложить в расширение производства.

— Вы — член областного забастовочного комитета. Каковы и к кому ваши требования?

— Главное требование к администрации области: установить паритет цен. Это же смешно, когда молоко, зерно дешевле солярки вдвое!

— А что может администрация?

— Добиваться повышения закупочных цен у переработчиков, в правительстве.

— Ну, если вы своего добьетесь, нам в магазины лучше вообще не ходить...

— Но не за счет потребителя! Между прочим, зря крестьян винят в дороговизне продуктов. Скажем, мы сдаем мясо по 500 рублей, а в магазине оно — 1200. Накручивают цены переработчики, посредники, торговля — основная прибыль остается там.

— Может, выход еще и в том, чтобы иметь собственные перерабатывающие предприятия?

— Во-первых, строить их не на что. Во-вторых, я знакомился с этим делом в Америке, на которую мы теперь все время оглядываемся. Там все перерабатывающие предприятия — крупные. А нам они навязывают мини-заводы — свое старье сбавить. От чего они ушли, к тому нас толкают. И еще об Америке. У них четкая специализация. На севере, к примеру, не сеют пшеницу — покупают ее на юге. У нас же, особенно после распада Союза, обстановка совершенно другая. И вообще сравнивать наши страны очень трудно. На ферме под Нью-Йорком, где я побывал, летний выпас — 10 месяцев. В Вологодской области — три...

Финансовая яма, в которой оказались крестьяне, затягивает в себя промышленность, подрывает будущее сельского хозяйства.

Так, Череповецкий металлургический комбинат на 40 процентов сократил производство, потому что у села нет денег купить нужный ему металл. Многие хозяйства сеют «мусор», потому что не имеют возможности купить хорошие семена...

В «Родине» ни у кого нет твердых окладов. Все — и скотник и председатель — получают зарплату от реализации продукции — 50 процентов. Как обстоят дела со сбытом, я уже сказал. В связи с этим непонятен не только импорт продуктов, когда своих завались, но и «гуманитарная» помощь. По сути, она тоже подрывала экономику села, отнимая хлеб у российского крестьянина. Немудрено, что даже из сравнительно благополучного колхоза молодежь потихоньку уходит. Куда? А там рядом железнодорожный батальон. Устраиваясь по контракту, получают массу льгот: колес-

ные, паек, бесплатный билет, пособие к отпуску на каждого члена семьи и т. д.

...Появились на селе и такие случаи, которых раньше, кажется, отродясь не было. Выгнали из колхоза человек двадцать бездельников — просто ни один трудовой коллектив не захотел их брать. Нигде не работают, живут тем, что воруют у односельчан продукты. И посадить их трудно, потому как тащат по мелочам. На каждом загоне общественной фермы для личного скота — замок. А прежде замок в деревне был большой редкостью...

Раньше деревенские ребята работали летом в колхозе — обычно при лошадях. Лошадей позадели, на трактор пацана не посадишь, вот и слоняются все лето беспризорными. Со скуки забираются на фермы, в цеха, ломают оборудование — просто так. И этого прежде не наблюдалось... Прошедшим летом колхоз сумел на один месяц организовать лагерь труда и отдыха: двухразовое питание, работа в поле до обеда, экскурсии. На остальные два месяца денег не хватило.

— Раньше я видела перспективу на полгода вперед, — сказала на прощанье Валентина Мохте. — Сейчас все в тумане. Дурацкий у нас рынок: кто-то имеет полную свободу, а нам того нельзя, этого нельзя...

— Кстати, — вспомнил я, — а куда делись миллиарды, выделенные на подъем Нечерноземья по постановлению ЦК от 1982 года? Кинули, как в черную дыру?

— Да на эти миллиарды строили обкомы, горкомы, исполкомы, жилье для начальства. А теми средствами, которые дошли до села, мы не могли распоряжаться сами. Нам указывали, что и где строить. Так, навязали животноводческие комплексы-гиганты...

Шиловский надеется к концу года выплатить дивиденды членам товарищества. Мужики не верят...

«Родина» находится в относительно привилегированном положении — пригородное хозяйство. В один из дней съездили мы и в колхоз «Встреча» — это километров 70 от Вологды, в Шекснинском районе. (Теперь — акционерное общество, но это, как и в «Родине», чистая формальность.)

У правления встретили трех старушек-пенсионерок, разговорились. Даже пересказывать подробно не хочу — очень уж тяжело...

А суть в том, что никогда они не думали, что дойдут до жизни такой, даже в войну лучше жили. Возможно, это и преувеличение, но не мне судить, старушкам виднее... Во всяком случае, в войну они жили надеждой на будущее, а сейчас какие могут быть надежды в восемьдесят-то лет...

С председателем Анатолием Хатовым заговорили о другом поколении — подрастающем.

— Вот чего я не пойму, — сказал он. — За детсад, принадлежащий РОНО, родители должны платить 8 тысяч в месяц — это при зарплате 20 тысяч! А если оставил ребенка дома, получаешь из бюджета те же 8 тысяч. Почему их нельзя платить детсаду? Дети дома беспризорные, ползают грязные по улице, того и гляди, под машину попадут. А если родители пьющие?.. В садике было три группы, осталась одна. Последнее у детей отнимаем...

Пустеет село. Из 600 человек — 130 работающих (надо бы 190). Половина жителей — «дачники». Это те, кто купил дома уехавших в город. В каждой деревне процветают перекупщики, они торгуют водкой в любое время суток. Эта сеть отлично организована!

Задал я тот же вопрос, что и в «Родине»: куда ушли миллиарды?

— Кое-что по той программе мы получили. Но крупных подрядчиков тогда не было. Сделали мелиорацию, построили 150 квартир. В то время эти деревянные домики выглядели неплохо. А сейчас уже не устраивают по комфорту. Незадача: появились строительные мощности — исчезли деньги. Про обкомы не знаю, но точно могу сказать, что половина тех миллиардов осела в городах. Деньги ушли на «обслужу». На дом для «Межколхозстроя», других районных организаций. В одной Шексне построены тысячи благоустроенных квартир...

Ситуацию на селе Хапов оценивает как критическую. Более того, а он резок в оценках — считает политику правительства по отношению к своему народу предательской:

— Осуществляется программа удушения села. Цены бьют напова! Другие выживают за счет подсобного производства — поставят пилораму, торгуют лесом. А у нас леса нет, переработки нет, да и за чем она, если рядом маслозавод? Мы перестали сеять лен — себе в убыток. Сократили поголовье коров, производство молока. Такая ситуация: чем меньше производим, тем нам лучше! Технику не покупаем: она вся старая. И раньше мало получали — 1 трактор вместо 4—5 в год, а сейчас вообще ничего. Только поддерживаем хозяйство на плаву.

— Вы говорите — мало получали... А может, пора не получать, а зарабатывать?

— Тогда пусть нам платят нормально! Западный фермер получает 50 процентов дотаций к цене. То есть на каждый заработанный доллар он получает доллар от государства. Это делается, чтобы

удешевить продукцию для потребителя. Мы имеем дотаций 15 процентов, причем никто не хочет понять, что дотации предназначены вовсе не для сельского хозяйства, а для покупателя, чтоб он мог ходить в магазин. А деньги из бюджета — это наши деньги, а не администрации. Их отобрали установлением низких закупочных цен. Мы их заработали, но не получили. Так возместите хотя бы затраты! Государство должно найти на это средства! У колхоза есть маленькая прибыль, но она чисто формальна: мы задержали людям зарплату, чтобы купить топливо. Сэкономили на своем животе... Я вам скажу, что колхозы сегодня очень эффективны: ничего не получая, они еще что-то производят...

— А фермеры?

— У нас есть один. Отделился до начала инфляции. Ему достался участок — пять гектаров многолетних трав. Вся забота — скосить. Больше ничем на земле не занимается. Основное занятие — купля-продажа в городе. Как-то приходил ко мне, просил помочь. Ну, я ответил: а чем ты колхозу поможешь? На том и расстались. Фермерство — это ширма для коммерции.

— Существует забастовочный комитет... Если дойдет до крайности, в какой форме вы намерены бастовать?

— Тяжелый вопрос... Завод получает за продукцию столько, сколько она стоит — иначе остановится или забастует. А мы остановиться не можем, мы поставлены в рамки самой природой: корову надо кормить и доить ежедневно, она не виновата в наших несуразных проблемах. Забастовкой загубим все на корню. Областная администрация должна изыскивать средства на дотации, добиваться их у правительства. Но

деньги получает тот, кто ближе, кто в городе. Перераспределение средств в пользу сельского хозяйства чревато бунтами в промышленности. А крестьяне привыкли все сносить, они не организованы. У нас и раньше забирали все до копейки; за наш счет построена оборонка, космическая промышленность... Город жалуется на дороговизну продуктов, но он сам виноват. Раньше в себестоимости молока и мяса было 50 процентов затрат промышленности. А сейчас — 75. Удорожание идет за счет города, но этого никто не хочет замечать. Областные экономисты подсчитали: в прошлом году селу недоплатили 83 копейки на каждый рубль — это то, что необходимо для простого воспроизводства. А насчет забастовки... Стихийно она давно идет. Крестьяне бастуют ногами — бегут в город — и спадом производства. В городе пока можно найти работу. Кстати, еще о городе. Предполагалось, что в связи с безработицей у нас начнется приток предприимчивых людей из города. Ничего подобного. Если на село и едут, то отбросы общества. А другие на демонстрацию выйдут, но к земле не пойдут.

О западной помощи у Хапова резко отрицательное мнение. С ним можно спорить, не соглашаться, но знать широко распространенную позицию необходимо.

— Перекроют этот каналчик помощи и поставят Россию на колени, задаром заберут наше сырье. Они хотят разрушить нашу страну, сделать ее полностью сырьевым придатком, и это реально. Вы посмотрите, план разрухи осуществляется планомерно: разрушили сельское хозяйство, промышленность, армию, науку, мораль и нравственность. А чтобы люди ни о чем не думали — их надо сполить! И залили всю Рос-

сию низкопробной водкой да разными «роялями». Люди наши живут одним днем. А когда спохватятся, поздно будет. Тогда начнут искать виновных, а это очень просто. Сдали Россию без боя... Правители наши будто вбили в голову: разрушив село, построим рыночные отношения. Не отрицаю; так, как мы жили раньше, воспитывали иждивенцев, тоже жить нельзя. Не отрицаю, что в колхозной системе есть недостатки. Однако 70 процентов хозяйств вполне работоспособны. Но крестьян давно бросили на произвол судьбы. Да, надо менять производственные отношения, но не путем же разрушения всего! Вот стали мы собственниками, а что изменилось? Само по себе это еще ничего не дает. Мы собственники чего? Гроша? Нищеты? Нужды? Заметьте еще одно обстоятельство: в нашем правительстве нет человека, отвечающего за сельское хозяйство.

— А министр?

— Да, но он рядовой член кабинета, а не первый вице-премьер, как должно было бы быть. Помните, премьер-министр Столыпин начинал свои реформы именно с сельского хозяйства, а не с торговли, как у нас. Поэтому его сейчас стараются не вспоминать. Экономист Чайнов тоже стал неудобен, ведь он стоял за общественные формы земледелия — вот его и «отбросили». Дальнейшая жизнь села абсолютно неясна, и в таком положении находятся 60 процентов хозяйств. Проблем масса. И мы готовы их решать. Но стоим у последней черты... Раньше хотя бы была идея — обеспечить людей продуктами. А теперь никакой идеи вообще нет.

Можно сколь угодно плохо относиться к откровениям председателей. Обзывать их недобитыми

коммунистами, правыми, консерваторами и т. д. Но когда я слышу речи горожан-теоретиков, особенно депутатов, поучающих селян, как надо вести хозяйство, невольно вспоминаю своих новых знакомых. Должность председателя колхоза не была синекурой. Били его сверху — планом, терзали снизу — зарплатой, и всегда он был во всем виноват. А отвечал за все в хозяйстве. Шиловский и Халпов немало лет проработали в колхозах, знают, что почему и, думаю, неплохо устроились бы на других начальственных должностях или в коммерческих структурах. Однако тянут свой воз.

Как сообщил мне первый заместитель областного комитета по сельскому хозяйству Валентин Ловчиков, вологодское село ничего не задолжало городу. А вот нефтепереработчики должны ему много тонн горючего. Задолженность пищевой промышленности — более двух миллиардов рублей...

Откуда брать дотации? Бюджет нищий. Плохую службу сослужил Указ Президента о свободной торговле спиртным. Вся выручка оседает у частника, а проконтролировать его прибыль и забрать положенные налоги невозможно — нигде нет кассовых аппаратов. Госмонополия на торговлю алкоголем теоретически восстановлена очередным Указом — да кто ж его собирается выполнять?!

Летом этого года был скандал по поводу провозглашения Уральской и Вологодской республик. По части Вологды это оказалось дезинформацией. Просто сессия облсовета направила Президенту письмо с просьбой предоставить области такие же экономические права, как республикам. Там посчитали несправедливым платить в федеральный бюджет 70 процентов прибыли в то время,

когда, скажем, Татария не платит ничего. Так что никаких политических требований вологжане не выдвигали, к власти не рвались. Чистая экономика.

Ловчиков согласен насчет дикой диспропорции цен. Но сделать, как я понял, ничего не может. Администрация только рекомендует цены, а контролируют их переработчики. У них тоже проблема сбыта...

Последнее понятно: покупательная способность «населения» снизилась на треть. Ну, а когда она снова поднимется, как нам обещают, в состоянии ли будут разрушенные сегодня колхозы, фермерские хозяйства ее обеспечить?

Стоим у последней черты, над пропастью. Сегодня мяса и молока не можем вдоволь купить из-за дороговизны, а завтра и покупать будет нечего.

Пустые вопросы — кто накормит Россию, кто ее кормит сейчас — колхозы или фермеры? В нынешней экономической обстановке все едино: обоим невыгодно производить продукты. Выгодно спекулировать. Так что я готов поверить Шиловскому, когда он говорит: село никому не нужно. Как же вышло, что хлеб наш насущный оказался на обочине государственных деяний?

Помнится, все-то мы стремились стереть грань между городом и деревней.

Грань стерли — ров копаем...

Максимиф Вилкиф
1919
Роктебен

ЭДУАРД
РОЗЕНТАЛЬ

ЗНАКИ

ВОЗГЛАВЛЯ

*Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, иступлений —
Возникнет праведная Русь —
Я за нее за всю молюсь...*

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

В свое время крымское ЧК обвинило поэта Максимилиана Волошина в шпионаже в пользу Германии. Эта байка просуществовала недолго, поэт получил охранную грамоту от советского правительства. Волошин никогда не был ничьим шпионом. И тем не менее давал и продолжает давать нам ценную информацию к размышлению. И не менее ценные размышления к информации. Рихард Зорге предупреждал о скорой войне с Германией. Максимилиан Волошин предостерегает от второй гражданской войны в России.

«Дверь отперта. Переступи порог...»

100 лет назад, в 1893 году, мать будущего поэта, художника, историка, философа Максимилиана Волошина, приобрела на пустынном берегу Восточного Крыма, близ болгарской деревушки Коктебеля, земельный участок. Так начался Дом поэта, которому суждено было сыграть выдающуюся роль в развитии русской культуры.

«Дверь отперта. Переступи порог» — слова из программной поэмы Волошина. Кто только не переступал порог этого дома: люди самых различных судеб и взглядов. В этом доме отдыхали и работали Михаил Булгаков и Алексей Толстой, Андрей Белый и Владислав Ходасевич, Иван Бунин и Валерий Брюсов, Осип Мандельштам и Марина Цветаева, Корней Чуковский и Илья Эренбург, Надежда Обухова и Генрих Нейгауз...

Так случилось, что в раннем детстве посчастливилось переступить порог Дома и мне, потом я часто приезжал и жил в нем. Его хозяйка Мария Степановна Волошина, вдова поэта, одарила меня своей дружбой и не раз говорила: напиши о Доме, о Максе, своем ощущении его. Выполняя эту просьбу с большим опозданием. И не потому, что раньше не было желания или времени, а потому, что внутренняя потребность сделать это появилась именно сейчас, когда россияне мучительно ищут нравственную опору, которая помогла бы им сохранить устойчивость в нашем раздерганном потерянном обществе.

Волошин, безусловно, был поэтом от Бога, и основное свойство поэзии он определял как «пророчественность». Сам Макс — так он просил всех называть его — прекрасно понимал, что пророче-

ства его будут поначалу встречены скептически, — это и случилось на самом деле, — что осознают их по-настоящему лишь будущие поколения, но это его не смущало, такова уж участь всех поэтов. Настоящих, разумеется. «Для того, чтобы увидеть текущую современность в связи с общим течением истории, — писал он, — надо суметь отойти от нее на известное расстояние. Но чтобы найти соответствующую перспективную точку зрения теперь же — в текущий момент — поэт должен найти ее в своем мирозерцании, в своем представлении о ходе и развитии мировой трагедии».

В марте 1917 года, в самый разгар массовой эйфории по поводу славной Февральской революции, Волошин предсказал России близкий террор, гражданскую войну, расстрелы и Ван-дею, озверение, потерю лика и раскрепощение духов стихий. И кровь, море крови. Его тогда называли чудаком. А от пророчества отмахнулись, ведь было сказано, что «умом Россию не понять». Макс понял Россию умом и интуицией.

Для него русская революция была нерусской, ибо Россия в феврале 1917 года пошла, по его убеждению, не своим, а западным путем, приняла на себя удар, предназначавшийся Западу, и тем самым спасла его:

*Не нам ли суждено изжить
Последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратить
Его погибельные тропы.*

Наверное, что-то в этом роде имел в виду Петр Чаадаев, когда говорил, что «мы принадлежим к числу наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать людям какой-нибудь страшный урок». Однако для Макса Волошина эти страшные уроки происходят не оттого, что Россия как бы не входит в состав человечества, а, напротив, оттого, что она слишком близко к сердцу принимает его судьбы: «Как поварные болезни — оспа, дифтерит, холера — предотвращаются предохранительными прививками, так Россия — социально наиболее здоровая из европейских стран — совершает в настоящий момент жертвенный подвиг, принимая на себя примерное заблуждение социальной революцией, чтобы, переболев ею, выработать иммунитет и предотвратить смертельный кризис болезни в Европе». И потому «мы вправе рассматривать совершающуюся революцию как одно из глубочайших указаний о судьбе России и об ее всемирном служении».

Однако для самой России эта честь обернулась новой жертвенной трагедией, ибо к демократической форме правления в тот момент она была не подготовлена. Хотя бы уже потому, что в ней отсутствовал средний класс, наделенный достаточным уровнем культуры:

*Буржуя не было, но в нем была потребность...
Для революции необходим капиталист,
Чтоб одолеть его во имя пролетарьята.
Его слепили наскоро: из лавочников, из кушцов,
Помещиков, кадет и акушерок.*

*Его смешали с кровью офицеров,
Прожгли, оплавив в застенках Чрезвычайек.
Гражданская война дохнула в его уста...
Тогда он сам поверил в свое существование
И начал быть.*

Вот это искусственное создание, а точнее, отсутствие третьего сословия, неотвратимо вело революцию к трагедии.

В своем исследовании исторических путей России, стержнем пронизывающим его стихи и статьи периода революции, Волошин исходил из того, что «никакая одежда, взятая напрокат с чужого плеча, никогда не придется нам по фигуре», что «каждое государство вырабатывает себе форму правления согласно чертам своего национального характера и обстоятельствам своей истории». В правоте этого постулата россияне могут сегодня убедиться на собственном горьком опыте: ни шоковая терапия по-польски, ни монетарная реформа по-англосаксонски вытянуть Россию из кризиса не способны, они загоняют ее в еще больший тупик.

К сожалению, замечает Волошин, необходимого для выбора политической формы жизни личного опыта у России в канун революции не было из-за нескольких веков «строгой опеки». Поэтому вероятнее всего, прогнозирует он, «она пройдет через ряд социальных экспериментов, оттягивая их как можно дальше влево, вплоть до крайних форм социалистического строя, что и психологически, и исторически желательно для нее».

16 Думаю, что под «крайними формами» поэт понимал то, что мы называем сегодня казарменным коммунизмом. И вот что интересно: «прогностик», как назвал свой прогноз Волошин, он сделал, по его словам, «в те дни, когда Ленин еще не успел вернуться в Россию и угроза большевизма еще не намечалась!» Такой ход событий поэт считал неизбежным: «все это было бы пережито Россией, независимо от того или иного правительства».

Волошин, однако, не останавливается в своем прогностике на крайней форме социалистического строя: «Но это отнюдь не будет формой окончательной, потому что впоследствии Россия вернется на свои старые исторические пути, то есть к монархии: видоизмененной и усовершенствованной, но едва ли в сторону парламентаризма».

Читая в 1920 году лекцию «Распятая Россия», поэт констатировал: «Первая часть моих тогдашних предположений осуществилась, в осуществлении второй я не сомневаюсь». Это не было простой догадкой, это было логическим прозрением, основывавшимся на реальных фактах. Революционеры разрушили старую Россию. А дальше что? — спрашивает он. И отвечает: «Но только лишь они принялись за созидательную работу, как против их воли, против собственной идеологии и программы, их шаги стали совпадать со следами, оставленными самодержавием... Советская власть, утвердившись в Кремле, сразу стала государственной и строительной: выборное начало уступило место централизму, социалисты стали чиновниками, канцелярское бумаготворчество удесятерилось, взятки и подкушность возросли

в сотни раз и т. д. Это сходство говорит о неизбежности государственных путей России».

И Волошин делает вывод: «На этом основывается наше предположение, что Россия будет единой и останется монархической, несмотря на теперешнюю «социалистическую революцию». Им ничто, по существу, не мешает ужиться вместе... Социализм тщетно ищет точки опоры, чтобы перевернуть современный мир... Он неизбежной логикой вещей будет приведен к тому, что станет искать ее в диктатуре, а после в цезаризме» (!)

«Великий Петр был первый большевик...»

Парадоксальные зачастую высказывания Волошина будоражат мысль, заставляют глубже осознать, казалось бы, уже известные вещи. Бесспорно, что сам поэт состоялся как мыслитель и философ благодаря сложным революционным процессам, осмысление которых оказалось ему по плечу и которые сами пробудили его колоссальный творческий потенциал. На это обратили внимание многие его современники. Викентий Вересаев отметил, что революция ударила по Макс-поэту, как огниво по кремню. Удивлялся огромному прогрессу в творчестве Волошина Иван Бунин. А Марина Цветаева без обиняков утверждала, что Макс стал настоящим русским поэтом именно благодаря революции.

— Так чем же был для Макса Октябрь?

Мария Степановна не торопится с ответом, обдумывает его:

— Чем был для него Октябрь?.. Если в двух словах, то — повторением попытки Петра сделать Россию цивилизованной. Но и тут цивилизаторская миссия большевиков натолкнулась на российскую темноту и фабричную отсталость... И вышло то, что вышло. Маса был убежден, что в тех условиях ничего иного, кроме монархии, в России быть не могло... И что зерна социализма, брошенные в российскую почву, способны были прорасти только уродливым симбиозом, который он сам называл социал-монархией. Вы это теперь именуете «сталинизмом».

*Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле...*

Мысль о волонтаристской политике в российской истории Волошин в своих стихах проводил неоднократно, подчеркивая преемственность такой политики, независимо от того, осуществляли ее цари или революционеры:

*Что менялось? Знаки и возглавья.
Тот же ураган на всех путях.
В комиссарах — дух самодержавья,
Взрывы революции в царях.*

*Вздеть на виску, выбить из подклетья
И швырнуть вперед через столетья
Вопреки законам естества —
Тот же хмель и та же трын-трава.*

Ну, а сегодня? Сегодня опять поменялись знаки и возглавья. Казней и застенков пока, слава Богу, нет. Но существо политики все то же. С помощью большевистских методов типичный россиянин Ельцин снова, в который раз пытается швырнуть Россию через столетья, правда, на сей раз не вперед, а назад, в начало XIX века, в самый что ни на есть дикий капитализм.

Тут следует прояснить одну существенную деталь: говоря о большевистских методах, я имею в виду не столько конкретную партийную принадлежность, сколько сугубо российское явление, как его понимал Макс Волошин, для которого большевизм был «чисто русским состоянием духа, в котором перемешаны и славянофильство, и восхваление своего варварства в противовес гнилому Западу, и чисто русская антигосударственность, роднящая любого сановника старого режима с любым современным демагогом». Больше того, понятый таким образом большевизм являл собой, по мнению поэта, неотъемлемую часть российской жизни, без которой она сама не может быть понята: «Большевизм оказался неожиданной и глубокой правдой о России, которую предстоит связать со всем нашим мирозерцанием, идеологическим отношением к России».

18

В понятый таким образом большевизм одним из главных элементов входит формула «склонениям и нравам вопреки». Бросать сегодня Россию в дикий капитализм возможно только склонениям и нравам вопреки. Ибо многочисленными указами можно, худо ли бедно, сломать традиционную для нас общинную, коллективистскую экономику, запретить те или иные неудобные политические партии, но гораздо труднее сломать коллективистскую психологию, присущую подавляющему большинству россиян, тому же, кстати, Ельцину и его команде. Так идеолог либеральных консерваторов Геннадий Бурбулис, например, именует нынешние реформы грандиознейшим общественным переворотом: «Радикальные реформы в России — это поворачивание исторического вектора на уровне планеты Земля». Узнаете? Все те же большевистские мотивы поворачивания и переворачивания. На сто лет вперед или на столько же назад — дела не меняет, лишь бы повернуть.

О ломке старого и созидании на пустом месте нового хорошо сказал Федор Достоевский, любимый писатель Волошина: «Но вот что кажется несомненным: дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушать старое общество и построить заново — то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет под проклятиями человечества, прежде, чем будет завершено». Не правда ли, есть над чем задуматься?

«А я стою один меж них...»

В последние свои годы Мария Степановна уставала принимать многочисленных посетителей, желавших узнать о Максе из первых рук, давал себя знать возраст. Частенько она просила кого-нибудь из друзей Дома показать его желающим. Доводилось водить такие экскурсии и мне. Среди прочего я показывал экскурсантам огромное рыжее панно во всю стену летнего кабинета с изображением кокетельских холмов, за которым хозяин прятал в гражданскую войну от преследований то белого офицера, то красного комиссара. Посетители, как правило, спрашивали: а почему Волошин не делал различия между красными и белыми? Неужели ему было безразлично, кто наши, а кто нет? Этот вопрос задавали в свое время и самому Макс: к какому крылу он принадлежит? Он отвечал: я летаю на двух крыльях:

И там и здесь между рядами

Звучит один и тот же глас:

«Кто не за нас — тот против нас.

Нет безразличных: правда с нами».

А я стою один меж них

В ревушем пламени и дыме

И всеми силами моими

Молюсь за тех и за других.

Конечно, и я, воспитанный в классовом духе, не мог не задать Марии Степановне того же вопроса. Понимаешь, объясняла она, Масю нельзя отнести к нашим или не нашим, он свой, вам это трудно понять, но у него была абсолютно своя точка зрения на человеческие отношения, у него никогда не было личных врагов. Даже Масина мать приходила иногда в отчаяние от его «мягкотелости»:

— Ты посмотри, Макс, на своих друзей, они пошли на войну, они настоящие мужчины. А ты?

— Но, мама, как я смогу стрелять в живых людей только потому, что они думают иначе, чем я, очевидно, у них есть достаточно оснований думать по-иному.

— Макс, есть такие моменты в жизни, когда нужно не думать, а действовать.

— Нет, мама, это только звери могут не думать, а действовать, слушаясь своих инстинктов, на то они и звери. А мы ведь люди, мама.

И все же, Маруся, напомнил я, он ведь тоже не безгрешен, стрелял на дуэли в Гумилева.

— Это исключение, — возразила она, — Мася заступился за честь женщины. И потом сам признался, что после выстрела Гумилева, когда тот промахнулся, он страшно боялся попасть в него ненароком, как Пьер Безухов в Долохова. И был рад, когда у него вышла осечка. Макс по натуре был мягок и вместе с тем в этой своей мягкости очень тверд. Об этом хорошо сказала Марина: сшибаясь с Максом, я расшибаюсь о его мягкость.

Марина — это Цветаева. «Человек и его враг, по ее словам, для Макса составляли единое целое: мой враг для него был часть

меня... О расчете говорить нечего... Не становясь на сторону мою или моего обидчика или, что то же, становясь на сторону и его, и мою, он просто оставался на своей... Вражду он ощущал союзом... Так можно видеть только сверху, никогда сбоку, никогда из гущи».

— Значит, он следовал философии Толстого?

— У Макса, — возразила Мария Степановна, — философия была сложнее. Он не отстранялся от зла и не пытался подняться над злом, тут Марина не права, а был как раз в самой гуще и в то же время с обеих сторон. Впрочем, сам Маса сказал об этом лучше:

В смутах усобиц и войн постигать целокупность.

Быть не частью, а всем, не с одной стороны, а с обеих.

Зритель захвачен игрой — ты не актер и не зритель,

Ты соучастник судьбы, раскрывающей замысел драмы...

Что касается Толстого с его теорией непротивления злу, то Волошин считал, что «Толстой не понял смысла зла на земле и не смог разрешить его тайны... Мы здесь на земле вовсе не для того, чтобы отвергнуть зло, а для того, чтобы преобразить, просветить, спасти зло. А спасти и освятить зло мы можем, только принявши его в себя и внутри себя, собою его освятив».

Справедливости ради следует признать, что с нашим воспитанием постичь волошинскую мудрость не просто. И, конечно, рассказывая в те годы экскурсантам о Максе, я вряд ли мог донести до них глубину его мысли, к тому же я и сам далеко не был тогда уверен в его правоте.

Волошин был убежден, что правда не может быть односторонней, единой, напротив, она была для него многогранной. И красивые, и белые, считал он, в чем-то были правы, а в чем-то не правы. Одни хотели принести счастье всему народу, другие полагали, что клятва, данная царю перед Богом, дворянская честь превыше всего, это была их правда, которую тоже нельзя было отбрасывать прочь. И те, и другие желали по-своему блага России:

Одни восстали из подполий,

Из ссылок, фабрик, рудников,

Отравленные темной волей

И горьким дымом городов.

Другие, из рядов военных,

Дворянских разоренных гнезд,

Где проводили на погост

Отцов и братьев убиенных...

Мне довелось довольно серьезно изучать социальную психологию, но я не помню, чтобы в каких-то учебниках можно было найти раздел о психологии чести. О психологии наций, религии, молодежи, военных, толпы — сколько угодно. О чести, увы, ничего. Не потому ли мы верили книжкам и статьям, в которых читали когда-то, что Мартынов на дуэли с Лермонтовым был одет в кольчугу или даже, что Лермонтова пристрелил некто другой, прятавшийся в кустах. Нам была чужда психология

дворян, которых искореняли как класс — «кто не за нас, тот против нас», — и мы не понимали, что дворянин Мартынов дал бы скорее себя четвертовать, чем быть уличенным в бесчестье.

И сейчас, несмотря на все наши клятвы в приверженности общечеловеческим ценностям, мы продолжаем искать врагов и не перестаем спорить: кто виноват — парламент или правительство, демократы или оппозиционеры, армяне или азербайджанцы, грузины или абхазы, кишиневцы или тираспольцы. И этим обвинениям — «нет безразличных, правда с нами» — не видно конца.

Мария Степановна рассказывала мне, что, когда Макс был уже тяжело болен, он решил возобновить запись своих воспоминаний, которые часто начинал в своей жизни, но так же часто бросал. Рука его не слушалась, жена писала последние его воспоминания под диктовку. Вот одно из них.

В 1920 году, когда в Феодосии были белые, Волошину предложили принять участие в литературном вечере на борту транспортного корабля «Мечта». Там, на палубе, он обратил внимание на человека властной внешности, который бросал отрывистые фразы насчет того, что всех, кто сотрудничал с большевиками, надо расстреливать на месте, не церемонясь. Он не знал, что в одном из списков приговоренных к расстрелу за сотрудничество с красными было и его имя. Волошин поинтересовался, кто он, ему ответили: разве вы не знаете, это Владимир Митрофанович Пуришкевич, один из самых яростных монархистов, член Государственной думы.

Когда Макс прочитал в кают-компании свои стихи о революции, Пуришкевич чуть ли не бросился его обнимать: «Вы пишете такие прекрасные стихи! Их надо издать в миллионах экземпляров. А вы торчите в каком-то захолустье. Да вы знаете, голубчик, что вся Россия должна знать ваши стихи, в них истина». Но Волошин знал, что то же самое говорили в Москве и большевики, что в «Правде» Лев Троцкий назвал его самым крупным поэтом и что белые и красные, занимавшие поочередно Одессу, часто начинали свои прокламации и обращения к населению с цитат из его стихов.

Для умирающего поэта подобное единодушие врагов было бальзамом на душу. Этим совпадением мнений, говорил он жене, я горжусь больше всех своих достижений в русской поэзии.

«В Москве на Красной площади...»

Конечно, постичь, говоря словами Волошина, целокупность событий, быть не частью, а всем, не с одной стороны, а с обеих, дело далеко не легкое, для этого нужна недожизненная политическая мудрость. Которой, увы, не хватает нашим нынешним руководителям. Ни в правительстве, ни в парламенте.

Всем памятен эпизод в дни IX съезда народных депутатов, когда наш всенародно избранный президент, стоя на импровизированной трибуне у Васильевского спуска Красной площади, посылал анафему в адрес неугодной оппозиции. А из толпы

неслись призывы: «Борис! Разгони съезд!», «Долой партократов!», «Даешь президентскую республику!». И тут же другая толпа скандировала: «Долой демократов! Ельцина — в отставку! Импичмент... Импичмент!»

Демократы, партократы, импичмент...

В Москве на Красной площади

Толпа черным-черна,

Гудит от тяжелой поступи

Кремлевская стена...

На рву у места Лобного

У церкви Покрова

Возносят неподобные

Нерусские слова...

Это — из стихотворения, которое Волошин написал в марте 1917 года, после того, как стал свидетелем демонстрации на Красной площади: «Черная московская толпа да красные кумачовые пятна, которые казались кровью, проступившей из-под этих вешних камней, обогранных кровью Всея Руси. И тут внезапно и до ужаса отчетливо стало понятно, что это только начало, что русская революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской Земли, нового Смутного Времени».

И вот сегодня мы снова стоим на том же пороге. И в основе все то же: кто не с нами, тот против нас. Можно ли предотвратить грядущие беды? Волошин размышлял над этим вопросом: «Один из обычных оптических обманов людей, безумных политикой, в том, что они думают, что от победы той или иной стороны зависит будущее. На самом деле будущее никогда не зависит от победы принципа, так как партии, сами того не замечая, в пылу борьбы обмениваются лозунгами и программами, как Гамлет во время дуэли обменивается шпагами с Лаэртом. Борьба уподобляет противников друг другу согласно закону тождества противоположностей».

Там, где наши нынешние демократы и оппозиционеры видят одни лишь антиномии, Волошин видел синтез: «Большинство политических альтернатив отнюдь не безвыходно, и самые непримиримые партии прекрасно уживаются при нормальном и крепком государственном строе и даже художественно дополняют друг друга. И, следовательно, нужна самая «малость» — крепкий государственный строй. В котором заинтересованы все, но который пытаются воздвигнуть с помощью взаимных обвинений. Нонсенс!»

И надо, наконец, понять, призывает Волошин, что прочный мир строится на равновесиях: «Две дуги одного свода, падая одна на другую, образуют несокрушимый упор. Две правды, два принципа, две партии, противопоставленные друг другу в устойчивом равновесии, дают точку опоры для всего здания. Полное поражение и гибель одной из партий грозит провалом и разрушением всему зданию». Что и произошло, когда в России восторжествовала монополия одной партии. Мы это уже проходили. И сегодня снова проходим. Хотя и грех жаловаться на отсутствие исторического опыта, он у нас сегодня в избытке, как положи-

тельный, так и отрицательный. И ведь знаем, что поражением какой-либо из партий дело не ограничивается, при этом снова проливается кровь.

Россия в который уже раз вновь стоит перед выбором одежды, которая ей по фигуре. Дело за «портными». У нас их немало, и каждый предлагает свой покрой. Это нормально. Идут споры о том, куда идти: к обновленному социализму, капитализму, монархии... Когда-то Макса Волошина тоже спрашивали: какой же социальный путь ему больше по душе? «Что мне до того, — отвечал он, — будет ли он вести через монархию, социалистический рай или через капитализм — все это различные виды пламени, проходя через которые перегорает и очищается человеческий дух». Макс не употреблял слова «конвергенция», но мысль его была недалеко от теории, которую отражает это понятие. Миротворец, он не исключал возможности сочетания в одном обществе элементов самых различных социальных систем.

И невольно задаешься вопросом: хватит ли у наших «портных» здравого смысла и политической мудрости осознать, что сильную, процветающую Россию можно построить только сообща, отбросив все мелкое, партийное, личное, которое разъединяет, и консолидироваться в том, что объединяет, в общей заботе об отечестве, о всех нас в конечном счете.

Если же они этого не поймут и будут продолжать политические игры в целях повышения своего личного рейтинга, то никто из них не победит и не уцелеет. Победит другой, тот, кто ждет своего часа:

*А офицер, незнаемый никем,
Глядит с презреньем — холоден и нем —
На буйных толп бессмысленную толочь.
И, слушая их иступленный вой,
Досадует, что нету под рукой
Двух батарей «рассеять эту сволочь».*

Слова, взятые Максом в кавычки, принадлежат молодому артиллерийскому офицеру Бонапарту, поэт нашел их в исторических мемуарах. А само стихотворение «Бонапарт», из которого взяты вышеприведенные строки, написано в 1917 году.

Что было потом, нам хорошо известно. Была гражданская война, был термидор и был доморощенный Бонапарт.

КАР

ФОТО
ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

ГОПОЛЬСКИЕ СМОТРИНЫ

КАРТИНКИ С ЯРМАРКИ

ЛЕОНИД ЛЕРНЕР

Сон в руку

Он был подобен замедленным кадрам немого кино. Беззвучная, но явственно осязаемая, уносила в голубое небо мелодия владимирского рожка. Яркими радугами стлались по земле домотканые рязанские дорожки. На вышитых пинежских полотенцах задумчиво ходили красные кони. Солнечной шахматной вязью переливались упругие бока вологодских горлаток.

А прямо передо мной стоял богатырь Полкан с суровым лицом, получеловек-полуконь. Его фантастическая фигура, и стать, и шляпа, и борода клином, и рука, молодцевато подпирющая левый бок, — все выдавало в нем давнего моего знакомого. Он как бы олицетворял окружавший мир добра и красоты и, само собой, возглавлял шествие знаменитой карго-

польской игрушки. Смешные мужички, щеголяя кафтанами, гарцевали на тяни-толкае; наивные барышни, изумленно глядя на мир, поджидали неведомых кавалеров; собралась на бал корова — юбка колоколом; медведи, завалившись в конную повозку, раздували гармони....

Внезапно грянул телефон. Я открыл глаза и увидел раннее июньское утро. Взял трубку и услышал далекий голос мастера Валентина Шевелева:

— Приезжай в Каргополь. В воскресенье у нас ярмарка! Ярмарка...

Слово-то, оказывается, немецкое. Но какой российский размах, какая удаль слышатся в слогах: яр-мар-ка!

Думал ли честный ганзейский купец, во что обратится чинная торговая сходка, оказавшись на русской земле? И как прозвучит

здесь благородное немецкое слово? Яр-мар-ка! Слышите? Звучит, что раскаты грома, как ликующий праздник. А в Сорочинцах (если верить Гоголю), так вовсе творилась всякая чертовщина.

Ярмарки... Как факелы, в которых сгорали серые будни жизни, пылали они когда-то по всей Руси. Но... Грянула Великая Октябрьская. И нам, вероятно, не самым удачливым потомкам, достались лишь отблески прадедовских воспоминаний да коптящие фитили.

Каргополь

Бывали ли вы в северном деревянном городке, где на каждую тысячу жителей приходится чуть не по два каменных собора? Впрочем, действует только один — в нем бьют поклоны и каются тихие старушки да праведники. А вокруг остальных кружит воронье и снуют любопытные туристы.

В июньскую пору по деревянным мосткам-тротуарам ветер гонит нежный пух одуванчиков. Равнодушная корова, ведомая девочкой в коротких джинсах, медленно спускается по Архангельской улице к изумрудному берегу Онеги...

История здешних мест весьма любопытна. Каргополь основали вездесущие новгородцы в XI—XII веках, вытеснив отсюда «заволоцкую чуди». Они и дали столь загадочное имя своей новой крепости на Онеге. С греческого Каргополь — «Лодочная пристань», с финского — «Страна медведей», со старославянского — «Воронье поле». И все три перевода имеют основание: новгородцы приплыли сюда по Онеге на лодках, в местных лесах было полно медведей, и, наконец, в самом Каргополе почти круглый год с оглуши-

тельным карканьем летают стаи ворон — надо думать, что вплоть до XIX века этот (ныне тишайший городок) был одним из самых деятельных купеческих форпостов русского Севера. Из Москвы, Смоленска, Ярославля везли сюда смолу, кожи, пеньку, хлеб, лен... С Беломорья и Соловков доставляли иноземные товары, рыбу, шкуры морского зверя. Здесь же несколько веков подряд находился российский склад соли. О размерах соляной торговли в Каргополе указывает хотя бы такой факт: в 1546 году монахи Кириллова монастыря вывезли отсюда в Москву десять тысяч пудов! В этом маленьком городке крутились огромные деньги и как следствие процветала благотворительность: именно на средства богатых купцов возводились импозантные каменные храмы, которые и сейчас живо напоминают о былом величии Каргополя.

К счастью, слава переживает века.

Два последние века, начиненные железными и шоссейными дорогами, явно обошли своим вниманием Каргополь: оказавшись на отшибе, город утерял стратегическое значение. Но, однажды попав в историю, не сошел со сцены, найдя себе новых действующих лиц и исполнителей.

На смену предпринимателям устремились сюда туристы, романтики старины, искусствоведы, коллекционеры. Ибо в этой уникальной провинции, как ни в каком другом месте России, сохранились традиции народного мастерства. Исполненный ностальгии по прежним славным временам, Каргополь намерен, кажется, сыграть новую заметную роль — стать центром народного прикладного искусства. Таковы по крайней мере амбиции нынешних его владетелей. Не случайно же имен-

но здесь третий год подряд собираются российские ярмарки мастеров..

К Полкану-богатырю

Я еду на каргопольскую ярмарку. Еду, не питая особых иллюзий, что в ней воскреснет стихия великого прошлого. Для меня это своего рода охотничий сезон, на котором я выслеживаю дичь — ищу мастеров. А заодно пополняю свою коллекцию.

У этой коллекции есть одна особенность: все вещи приходят сюда прямо из рук их создателей. Я не храню их под стеклом или в сундуке. Они живут рядом со мной, как бы олицетворяя тех, в чьих руках родились. У каждой своя история, свой мир, свой нрав, свои приметы. Иногда я думаю, что это не столько предметы народного искусства, сколько таинственные существа природы.

А начинались мои поиски именно в архангельских краях, в местах, где революция была не столь кровава. Суровая здешняя земля не привлекала помещиков, не рождала так называемого «кулака». Конечно, и здесь шли «охоты на ведьм», но таких страстей, как в прочих местах освещенной России, все же не наблюдалось.

Родословные, обычаи, традиции, а следовательно, и народные ремесла тут долго еще держались, хотя тоже были основательно потрясены идеологией атеизма, колхозов и всеобщей грамотности. Самым же стойким оказалось Каргополье, тем самым и привлекающее к себе внимание современных «народников». Отсюда увозили живописное домовое ткачество, замысловатую вышивку, прозрачные кружева, кузнечную филигрань... Здесь же время от времени находили гениальных умель-

цев. Так явилась на свет игрушечница Ульяна Бабкина, а вместе с ней как бы заново была открыта легендарная каргопольская игрушка. Сквозь годы забвения пронесла бабка Ульяна традиции этой древнейшей игрушки, ее форму и загадочный орнамент.

Мне не довелось увидеть Бабкину. Однако я сумел собрать в свою коллекцию произведения ее учеников, целой династии каргопольских игрушечников — семьи Шевелевых. Теперь мастерят только Валентин и его жена Аня. В их доме я и узнаю про все тайны древнего промысла.

Вот, к примеру, Полкан. Ни дать ни взять — вышел из греческой мифологии. А Валентин уверяет, что этого богатыря издревле звали Полканом. И в каргопольскую игрушку пришел он не из мифов Древней Греции, а из русской старины, ибо происходит от языческого славянского божества Полехана.

В «Русских преданиях», изданных в прошлом веке, я прочел: «Древнего Полкана знает каждый из наших простолудинов и всякий вам расскажет, что богатырь Полкан не человек и не конь, а некая смесь и того, и другого...» «Человек и лошадь все совершили на земле» — утверждает народная мудрость. Вероятно, отсюда явился символический образ Полкана, отринувший земными делами родство с кентавром — существом, которое согласно мифам всегда было враждебно человеку.

К Полкану-богатырю Валентин Шевелев отправился еще в детстве.

— В деревне Токарево, где я родился, — вспоминал он, — много было Шевелевых и почти все гончары. Мать и отец — однофамильцы, в обеих семьях делали резную посуду. Игрушки лепили только на досуге. Между деревнями шло со-

перничество: игрушечников, в каждой были свои заводы: в Гриневе — Дружинин и Бабкина, в Анаьино — Рябов, в Токарево — дед мой Петр Антипович. Бывало, подбежишь к деду, когда лепит, а он: «Не мешай». И вдруг подзовет: «На, держи утушку, свистит? А теперь лепи такую же»...

Перед ярмаркой

В простом деревенском доме, что на самой окраине Каргополя, есть заветная полка, где хранятся игрушки самых ярких представителей самобытного искусства. Показывая мне эти маленькие шедевры, Валентин Шевелев размышляет:

— С игрушки наших предков глядит деревня минувшая, ее повседневный быт, обряды, одежды, характеры людей, живших в старину, их дружба с животными, с лесным зверьем. Я изучаю стиль, мастерство, сюжеты прежних игрушечников, пытаюсь понять, чем они отличались друг от друга. Вот, скажем, медведь Ульяны Бабиной: махонький, неказистый, одна нога почему-то короче другой, но веселый — лихо играет на балалайке... В бабушке Ульяне жила несокрушимая вера в то, что все ее персонажи живые. Помню, я спросил ее, почему этот медведь хромым. Так она вполне серьезно ответила: «Не видишь разве — инвалид!» А вот медведи моей матери, Клавдии Петровны, совсем другие — семейные, хозяйственные, солидные: медведица с медвежатами, медведица с кренделями, медведь с гармошкой, но играет эдак важно... У Дмитрия Васильевича, отца, больше лошади, Полканы суровые, да и он не без юмора — вот, вылепил зайца с мордой осла... А теперь на эту куклу взгляни: позолоченный ко-

шник, цветы необыкновенные на юбке, пироги на руках. Праздник!» А за ним так и угадывается трудовой календарь — только что сено убрали. Куклу эту дед мой лепил, Александр Петрович...

В комнату заглядывает Аня, ясногоглазая и невозмутимая, как все северные женщины.

— Идемте чай пить.

Я прохожу в кухню, где на большой русской печи сушатся игрушки Шевелевых. Они работают каждый в своей манере. Аня дружнее со зверями, они у нее нередко человеческими делами заняты — вон медведица нянчит мальчишку. Да и куклы не бездельницы: одна с полотенцем, другая хлеб-соль подает. Сегодня я видел, как, слепив олениху, мастерица сунула ей в руки гармошку. Шевелев, заметив, улыбнулся. И принялся за Полкана с балалайкой.

— Никогда не видел веселых Полканов, — заметил я.

— Я тоже, — согласился мастер. — Да ведь надо и богатырю повеселиться.

Есть у народного искусства свои законы, главный из которых — канон. Традиции создаются веками, и, как это ни парадоксально, на этом-то фундаменте и стоит народное творчество. Новое здесь не ищут, оно приходит само — его приносит время, интуиция мастера.

Завтра в Каргополе ярмарка. И Шевелевы вынесут свои изделия в народ, на шумную Соборную площадь.

— Нравится самим торговать? — спрашиваю я.

— Еще не привык, — отвечает Валентин. — Стесняюсь. Раньше ведь нас только на выставках показывали. А свои изделия мы сдавали в Архангельский художественный фонд. Вот тебе и народные мастера: игрушку нашу даже

в Каргополе никто толком не знал. Иное дело — ярмарка. Это же праздник! Выставишь свой игрушечный карнавал — дети визжат от восторга. Взрослые покупают — радуются, как дети.

— Чему же они радуются?

— А ты их спроси, — в тон мне отвечает мастер. — Наверное, истосковались по родному.

Где-то в семидесятых, с того времени, как я стал ездить в командировки по деревням от сельского журнала, внезапно обнаружил, что народ, казалось бы совершенно раздавленный коммунистическим игом, потерявший свою веру, лишенный своей земли, бегущий из родных деревень в чужие города, — народ этот жив. Жив стариками, упрямо хранящими верность Богу; жив пахарями, способными брать урожаи на земле, выжженной коллективизацией; жив, наконец, своим искусным мастерством.

Впрочем, потери оказались огромны.

Помню, как, будучи в пензенской деревне Абашево, я сидел в мастерской у ныне покойного Тимофея Зоткина, легендарного гончара и игрушечника. Глядя в окно на странно горбатую улицу, я поинтересовался у мастера — отчего она такая.

— Тут, под землей, печи гончаров, — ответил Зоткин. — Когда-то в Абашево были десятки мастеров. А теперь я один.

Я успел застать в живых многих талантливых мастеров: и архангельского умельца Александра Петухова, создателя лепных птиц, нареченных в народе «птицами счастья»; и вятскую мастерицу Зою Пенкину, волшебницу «дымки», возродившую в глине сказочный мир русской старины; и мезенского берестящика Мартына Фатьянова, туеса которого поражали своей первозданной красотой.

Этих людей, хранителей вековой народной культуры, как существа жизни самого народа, по всей необъятной России оставались десятки, сотни, ну, тысячи. Но суть была не в числе, а в том, что они выжили, доказав со всей очевидностью: конца света не существует. И, спустя время, мы убедились в этом.

...Тут должен признаться, что размышляю сейчас задним числом. Ибо в том недалеком прошлом кое-что представлял иначе. Тогда мне казалось, что все эти удивительные мастера — последние из могики. А создаваемая ими красота — не возрождение из пепла, но трагически-прекрасный закат.

Теперь мы знаем, что народное искусство не умерло. Да и не могло умереть, ибо смерть его была бы равнозначна гибели самого народа, его духовной сущности, что страшнее смерти физической. Тут сработал инстинкт самосохранения.

Существует, впрочем, мнение (якобы подтверждаемое многими событиями нашей истории), что у русских этот инстинкт весьма слаб — отсюда, мол, и большевистский эксперимент, удавшийся именно в России. Однако заметим, что этот «эксперимент» все-таки не удался. А что продолжался долго, подтверждает лишь то, что инстинкт самосохранения у русского народа проявляет себя медленно — что весьма характерно для могучей нации.

Так, возможно, случилось бы и с русским народным искусством. Оно выжило, но процесс его реанимации шел бы гораздо медленнее, растянувшись, быть может, на зное количество лет. Но... Реванимацию ускорили преждевременные «похороны». Слезы, пролитые во время «отпевания», стали своего рода живой водой. Ибо,

как уже давно известно, нет лучшей рекламы в России, чем печальное известие о кончине того или иного национального достояния — будь то человек или предмет искусства: человека спешат представить к награде, искусство сразу повышают в цене.

Мастера

За последние десять лет престиж народных мастеров так вырос, а цены на их изделия так поднялись, что в орбиту этой деятельности потянулись сотни тысяч людей: умельцы и дилетанты, отроки и пенсионеры, деревенские и горожане.

В эту, пока еще неглубокую реку тут и там вливаются мутные потоки, неизбежные при любом возрождении. Хаос бума, в котором поначалу все смешалось, породил самостоятельные предприятия и кооперативы, наспех строившие и лепившие «народное» по случайным образцам. И на улицах больших городов, где впервые за семьдесят лет вновь засуетились коробейники, появился невиданно массовый кич — столь бездарный и глумливый, что в сравнении с ним «базарная» культура старинных ярмарок, окрещенная тем же словом, кажется просто детской забавой. Ведь к разряду «кича» некогда относили даже ныне знаменитый русский лубок!

Что ж, нашим предкам было виднее. На блистательных ярмарках, куда лучшие мастера привозили свои изделия со всей России, уж, наверное, было с чем сравнивать...

Только в нашем веке, когда, сильно поредев, народное рукоделие стало появляться в музеях, мы, наконец, разглядели его как следует. Разглядели и оценили. И стали устраивать ярмарки мастеров, и покупать их изделия, как

искусство, что нашим предкам и в голову бы не пришло. И это естественно. В те времена, когда чуть не в каждом крестьянском доме ткали, лепили и плели, само слово «умелец» показалось бы вычурным. Умели практически все. Но были и великие искусники, которые становились профессионалами, мастерами. Конечно, их изделия тоже носили в основном утилитарный характер, даже игрушки. Делали, как правило, свистульки — обиходную ребячью забаву. Всякое отклонение в сторону грозило банкротством. Уже упомянутый мной Тимофей Зоткин рассказывал, как его дед привез однажды на сельскую ярмарку замечательно слепленных барыnek, забавных, живописных, в модных шляпках. И... прогорел. Пришлось потом вмазать им под мышки гусей со свистком, после чего их мгновенно раскупили. К подобным хитростям прибегали многие игрушечники, сохраняя традицию, но создавая при этом удивительные образы и сюжеты.

Ну, а что же почтенная городская публика? Как она относилась к искусству народных мастеров? Думаю, без особого почтения. Предпочитали модную в то время, а потому и престижную продукцию фабрик. А ведь изделия мастеров были и прочнее, и искуснее, и (вот уж действительно российский парадокс!) дешевле фабричных. Тем не менее в любом мещанском доме можно было встретить и отлично сработанную утварь, и забавную поделку, и дерзкий лубок... Но считать это искусством? Боже упаси!

И было бы просто нелепо этих людей осуждать. Ведь даже законодатель вкусов тех времен — просвещенное дворянство, даже самые блестящие его представители, не смогли почувствовать, а тем более понять — какая мощь

и сила, свежее дыхание и земная красота таятся в рукотворном народном бытии. Известно, что Герцен, пребывая в вятской ссылке, одной из самых насыщенных талантливыми умельцами русских провинций, остался абсолютным равнодушен и к ажурному плетению, и к чудо-шкатулкам из корня капы, и к веселым свистулькам.

Всему свое время — изрек некто, претендую на истину. Что ж, возможно, и так. Однако эта истина, на мой взгляд, скроена по закону всемирной подлости. Ибо время торжества русского прикладного искусства наступит в годы его угасания. К счастью, оно не умрет. Просто, как метко сказано в одной из поговорок, — «поедет с ярмарки». Но сколько же потрясений, разочарований, метаморфоз испытает, прежде чем, выйдя на новый виток жизни, вернется на ярмарку.

Ярмарка

Здесь многое было, как в совсем недавнем прошлом: подробнейшие согласования с Архангельском и Москвой, запланированный подбор участников, приглашение самодельных ансамблей и предварительная проверка их репертуара... И, конечно же, почетные гости. Дамы и господа из таинственного фонда «Европейский Север», ученые-кандидаты и даже один член-корр. из неведомого мастерам общества «Русский фольклор» почтили своим приездом каргопольскую ярмарку. На торжественном собрании, посвященном открытию, говорили о самобытности, самосознании, само...

Тут я не выдержал и ушел на Соборную площадь. Между торговыми рядами, на которых пестрели названия почти трех десятков провинций, расхаживал местный милицкий капитан Сергей Ка-

нышев. Иногородние по привычке косились на милиционера. Откуда им было знать, что молодой капитан явился на ярмарку не столько по службе, сколько из заветной любви к мастерам, ибо сам на досуге плетет из бересты замечательные глотатки.

Народ, съехавшийся со всех округ, волнами вкатывался на площадь. Ярмарка разгоралась солнечным небом, яркой пестротой товара, нарядностью извлеченных из фамильных сундуков сарафанов, озорной дробью крутых частушек. Народ взрывался от хохота:

*Ягодиночка приедет, я скажу
ему сама:
Милый, режь мою головушку —
гуляла без тебя.*

Другие частушки были еще хлеще. Видно, родились уже в эпоху переживаемого нами раскрепощения.

*Полюбила лейтенанта и заснула
на руке.*

*А проснулася вся голая
и гривенник в руке.*

Ярмарка пускалась на самотек. И надо отдать должное организаторам — никто уже не вмешивался в эту импровизацию. Впрочем, и не было причин: разгульное веселье носило вполне пристойный характер.

Я ходил по рядам и знакомился с мастерами, вовсе не удивляясь, что в большинстве это любители. Профессионалы уже нарасхват в столицах и даже за границей. Некоторые, однако, побывали на первой каргопольской ярмарке, отдали дань полезной затее. Но не прельстились местными масштабными и отбыли в большой свет.

А все же и любители произвели впечатление. Изделия из соснового корня — тончайшего плетения конфетницы, шкатулочки, портсигары, выделанные пенсио-

нером из Вельска, покупали без колебаний, хотя и заламывал Геннадий Петрович ох какие цены. Но, заламывая, приговаривал:

— Редчайший материал! Это вам не лоза. Из соснового корня хоть узелки завязывай — ювелирная работа!

Сразу за Вельском шел торговый ряд Онеги. Сюда покупателей зывали берестяными шумовками — шаркунками. Три девицы в разноцветных платочках неистово трясли шаркунки, внутри которых звонко рассыпался горох. Над их головами висели доски с северными росписями. Любуясь этим экзотическим товаром, я насчитал аж девять видов.

На борецких досках бушевали цветочные вихри, кричали горластые петухи, у горшка со щами яростно спорили супруги, примиряемые мудрым изречением: «Любовь без ссоры — как щи без соли»; на пермогорских среди фантастических растений ворковали райские птицы; на северодвинских статные красавицы подавали на стол кашу, вкус которой определялся надписью: «Хозяйка красна и каша вкуса»; на мезенских в орнаменте солнечных знаков танцевали сивки-бурки; на онежских парни в белоснежных рубахах дарили девицам в красных сарафанах полевые цветы, на что те как бы отвечали: «Мне не дорог твой подарок — дорога твоя любовь».

Знакомясь с мастерицами, я выяснил, что все они — Надежда, Наташа и Люда — работают на Онежской лесоперевалочной базе. А росписям обучались в доме народного творчества у единственной в городе умелицы. Однако мое любопытство показалось им слишком уж праздным.

— Все расспросы да расспросы, — сказала вдруг Наташа. — А покупать не желаете.

— Аль не нравится работа? — напрямик спросила Надежда.

— Может, дорого? Так давай поторгуюсь, — предложила Люда.

Но девушки явно загибали цену, давая фору даже именитым мастерам. И я здорово с ними торговался, прежде чем купил все девять досок.

На этой ярмарке любителей царствовал парадокс цен. Но, кажется, я понимал, в чем тут суть. Настоящий мастер, зная истинную цену своему товару, никогда не возьмет за него больше того, что он стоит. Для него это дело престижа. Он поднимает планку только тогда, когда вкладывает в изделие новое качество. Он не трясется над своим изделием, ибо для него это будничным повседневный труд. Любителю же, который мастерит на досуге да и работает не так споро, кажется, что он вкладывает очень много труда. И если не халтурщик, то цена, которую требует с покупателя, философски закономерна. Но есть и другая сторона этого парадокса: если любитель так и останется дилетантом, ему в конце концов крышка; если же достигнет настоящего мастерства — все встанет на свои места.

Путешествуя по ярмарке, я видел в сотне стоявших за прилавками подмастерьев минимум с добрый десяток будущих мастеров. В каждом бы деле на каждую бы сотню — десяток! Это, если хотите, и есть возрождение.

Преподаватель Архангельской областной школы народных ремесел Галина Югова выставила на ярмарке нехитрые, но привлекающие чистотой и наивной прелестью вышивки.

— Работы моих учениц, девочек 12—15 лет, — объяснила она. — Каждый платочек, каждое полотенце вышивают месяцами.

— Есть у вас надежда, что они станут профессионалами?

— Не знаю, не знаю... Тут все будет зависеть от стимула. Пока это для них увлечение, овеянное романтикой старины. А я вот отработала 15 лет вышивальщицей в «Беломорских узорах» — и всю романтику из головы как ветром выдуло. Глаза проглядела, а ничего не заработала. Скажу вам откровенно: девочкам ручную вышивку даю, а сама теперь вышиваю на машине. Никто ведь не понимает — платят одинаково.

Трудно было с этим не согласиться. В стране рабочих и крестьян труд, не заменимый никакой машиной, до сих пор и в десятую долю не оценен так, как на Западе. Однако теперь-то яснее ясно: чтобы по-настоящему платить за тонкое искусство рук — надо стать богатым. И надо как можно скорее разбогатеть, дабы сохранить оставшееся наследие, которого, к счастью, у нас пока еще больше, чем, быть может, во всем цивилизованном мире.

Возвращение

В последние годы в разных местах России я познакомился с самобытными молодыми мастерами, творчество которых поражает удивительной гармонией: добротная старинная красота сливается в их изделиях с динамикой современного бытия.

Этот стиль, вытекающий из чистых глубинных истоков, без сомнения, одержит верх над сиюминутным кичем.

Дома у меня кружатся под потолком «птицы счастья» — такие же легкие и красивые, как у покойного мастера Петухова, но воздушнее, стремительнее — какими их сегодня выпускает в полет архангельский умелец Валентин Пересунько.

Дремлют на кухонных полках золотые туеса, хранящие свежесть северных берез, исполненные такой же чистоты, какими их некогда возделывал Фатьянов, но элегантнее, разнообразнее по форме — их мастерит наш карельский современник Сергей Волков.

Собрались на ярмарку вятские барыньки — кто с петухом, кто с кавалером, кто под зонтиком, такие же нарядные и веселые, какими их лепила и расписывала волшебница Пенкина, но скульптурнее, моднее, раскованнее — их собирает на ярмарку наследница «дымки» Людмила Верещагина.

А вот и вятская ярмарка — такой ее видели в начале века. Крутится-несется карусель. Шагают гармонисты на ходулях. Пляшут скоморохи. Балаган заывает на представление. Месят тесто пирожники, несут на подносах жареных поросят, усатый франт в лихо заломленной фуражке потчует румяных барынек квасом. А в тесных рядах бойко торгуют глиняной посудой, лаптями, сапогами, кружевами. И, само собой, тут же чудо-мастера прямо на наших глазах куют, тачают, лепят, плетут...

Ярмарку эту сочинил кировский (то бишь вятский) игрушечник Валерий Жигальцев. Мастерил ее по устным рассказам и старинным гравюрам. Вглядываясь в жизнь последних старых мастеров, в их изделия, вкусы, приемы, традиции. И полагаясь на собственную интуицию, ибо сам родился в крестьянской семье, жизнь которой еще три-четыре колена назад озирали русские ярмарки.

Возрождение идет из глубины России. Как некогда народные дружины Минина спасали столицу от лжи и позора самозванцев, так подлинное мастерство, собравшись с силами, сегодня-завтра явится в Москву, где пока еще правит бал грубая подделка.

Онежская роспись.

Работы мастеров села «Бережок»
из Ивановской области.

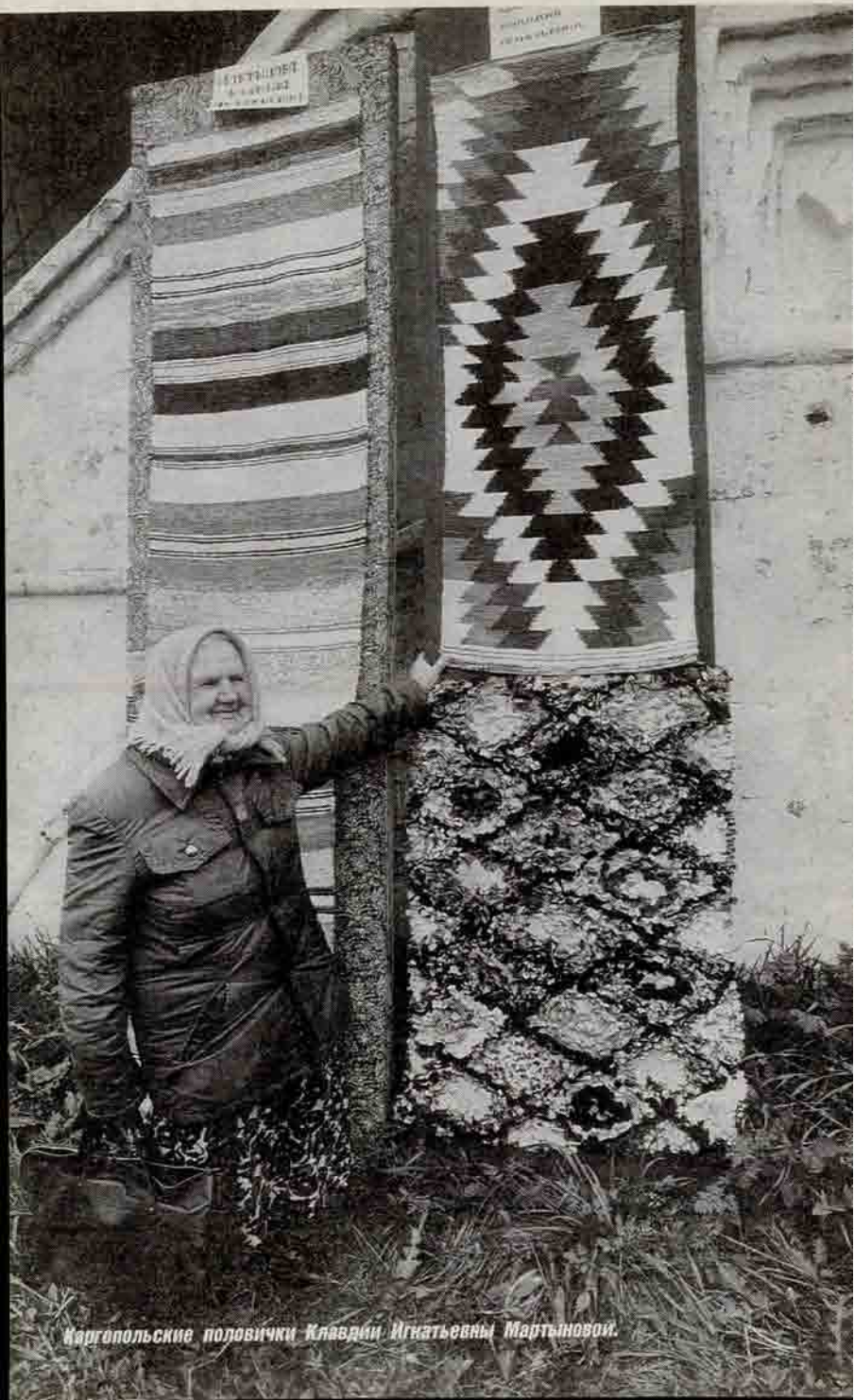

С ярмарки, да без покупок — такого не бывает!

Каргопольские половички Клавдии Игнатьевны Мартыновой.

Милиционер Каньшев —
берестяной чудодей...

...
...
...
...

...
...
...
...

На Старом Арбате предлагают хохлому, сработанную где-нибудь в Чертанове, гжельские сервизы — из муфельных печей Подольска, загорскую матрешку — из столярных мастерских Лобни, вятскую «дымку» — из Москвы, Рязани, Липецка, Челябинска, Омска! Те же метаморфозы и с Палехом, и с вологодским кружевом, и с пасхальными яйцами. Подделывают, конечно, самое популярное — то, на что привычно ложится глаз выгодного покупателя — иностранца. Но тут, кстати, заметим, что процесс этот только внешне стихийен, а по сути своей вполне закономерен.

Государство, последовательно истреблявшее крестьянскую индивидуальность и, разумеется, саму основу традиционного мастерства, в то же время не могло отказаться от народного творчества. Оно было обязано хотя бы сохранить видимость, что в стране рабочих и крестьян это творчество живет и бурно развивается. И ему позволили жить в некоторых местах — там, где еще до революции возникли крупные мастерские, артели, товарищества: в Палехе, Федоскине, Семенове, в Сергиевском и Павловском Посадах...

Преобразованные для пущей коллективности в фабрики, получившие своего рода лицензии на выпуск народных изделий, эти производства во многом сумели сохранить свой стиль. Марка палехских шкатулок, хохломской росписи, гжельской керамики, загорской и семеновской матрешек, павловопосадских платков осталась достаточно высока. Однако в самой России об этих вещах судили в основном по музейным экспонатам. Став государственно-партийной монополией, подобные изделия уходили главным образом за границу, играя там отнюдь не коммерческую (продавались-то за

бесценок!), но именно пропагандистскую роль. Пропаганда «народного», якобы любовно опекаемого (на деле же трижды урезанного) сослужила ему и на Западе плохую службу. Результатом явился твердый стереотип, исходя из которого всякий иностранец без труда определяет «русское меню» — количество блюд в нем не превышает числа пальцев на руках.

И вот монополия рухнула. Но стереотип остался. Причем не только в западных головах, но и в наших собственных. «Русское меню» буквально запрудило московские, а вслед за тем и международные ярмарки. Спрос родил предложение: за дерево, бересту, глину, за холсты и ткани, за кисти и краски взялся всяк кому не лень. Кич цветет...

Но количество, как известно, неминуемо порождает качество. Только за прошедший год число умельцев, предлагающих свои вещи на вернисаже в московском Измайлове, увеличилось чуть не в 50 раз! Халтурщиков и любителей теснят самородки и профессионалы.

И, наконец, главное: на эту, пока еще единственную в России народную ярмарку, уже съезжаются мастера из глубинки со своим исконным товаром. Эти изделия вносят смуту в «русский стереотип», волнуют заграничных гостей, будят их фантазии и желания, но, верные гипнозу рекламы, они пока все же предпочитают уже давно знакомое.

Наследство мастеров Шевелевых

После каргопольской ярмарки я вновь сижу в домике Шевелевых и беседую с мастерами. Валентин вспоминает, как, оторванный ра-

ботой машиниста, а затем учебой в педагогическом институте, вновь вернулся к своим истокам.

В то время каргопольская игрушка понесла уже много утрат: ушла из жизни Ульяна Бабкина, не стало Семена Рябова, умер Александр Шевелев. Смерть матери потрясла Валентина. Она была среди Шевелевых самой преданной, самой увлеченной игрушечницей. Даже в свой последний час, на больничной койке, говорила сыну: «Вот погодите, выйду, всем вам игрушек наделаю...» Тогда-то, бросив все, младший Шевелев принялся снова лепить.

— А как начал, будто снова в детство вернулся. Вспомнилось, как играли в «клетки»: клали поперек жерди, поленья, колья — получался домик. Девочек внутрь — они хозяйки, пироги из глины пекут. А мы в эту «клетку» посуду из дома тащим, игрушку, которая брак.

К Валентину Шевелеву и его жене отошло нелегкое наследство — прошлое и будущее каргопольской игрушки. Их дом стал своего рода лабораторией, где возрождается все то, чем славились старинные мастера. А бывает и такое: традиционные игрушечные образы обретают вдруг новые, неожиданные черты.

Мне показывают необыкновенного Полкана. На левой руке, той самой, которой Полкан подбочивается, богатырь держит ребенка. А рядом с ним стоят... Полканиху! Богатырша в кокошнике и переднике, на могучем плече примостилась дивная птица.

— Мы так думаем, — объясняет Шевелев. — Конечно, дело богатыря — народ в обиду не давать. Но ведь не будь полканят — откуда возьмутся Полканы?!

Аня вздыхает, вспоминая своих детей. У Шевелевых двое: сын Вася, учитель истории, сейчас

в Таллинне; дочь Оля, инженер-связист, работает в Петербурге. Однако все чаще приезжают они в родительский дом, где пахнет глиной и красками, а на печи сушатся игрушки — друзья младенческих лет.

— Дети умеют лепить? — спрашиваю я.

— А как же! — отвечает Аня. — Как придут, с нами сядутся. Да я вам сейчас покажу.

Она достает бережно завернутые в тряпочки работы детей: глиняные молочник, куклу, медведя, красного коня...

Коня лепила Оля. Он замечательно красив: статен, благороден, черная грива стелется по пожару спины, на груди и крупе — таинственные рисунки, такие же, как на всех игрушках Шевелевых. Без этих символов — кружков, ромбиков, крестов, змеек, елочек — каргопольская игрушка утратит свою неповторимость. Происхождение столь странного орнамента — загадка, по поводу которой существует немало гипотез. Но одно несомненно: эти символы не что иное, как солярные знаки. Они рассказывают об особом значении солнца в жизни северян, издревле с нетерпением ожидавших в долгие зимы пору весеннего цветения и короткого лета.

...Мы выходим на двор в солнечный июньский день. Сад Шевелевых цветет поздней черемухой. Головастый резвый щенок крутится под ногами и радостно виляет хвостом.

Наш век перевернул многие понятия, которыми люди жили сотни и сотни лет. Не все отныне возвращается к своим истокам. А вот черемуха цветет каждый год. Я вдыхаю ее волнующий запах. В нем чудится дыхание прошлого, звонкий крик — в будущее.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г «Прощальный свет зари вечерней»

Г Не родись красивой...

О, как на склоне наших лет нежней мы любим и суеверней!..» — тысячу раз прав писатель! Я, библиотекарь, столько книг прочла о любви, столько прекрасных стихов, но никогда не думала, что и меня коснется это чувство. Да еще в таком возрасте, когда и говорить об этом уже как-то... неловко, не то что думать! Мне сорок три, а моему любимому сорок четыре. Сами видите...

Но такой счастливой я не была никогда, даже не подозревала, что существует такое чувство: постоянное ощущение счастья, окрыленности — только теперь я почувствовала себя женщиной: красивой, желанной и... молодой!

Мы росли с ним вместе, я была его первой любовью, но узнала об этом только теперь. Жизнь разбросала нас, развела в разные стороны. Я вышла замуж, очень несчастливо и бесплодно прожила с мужем десять лет, потом он погиб в автострахе. Я осталась одна с дочерью, тогда и повстречала его снова. Мы говорили, говорили и не могли наговориться. Я поняла, что именно об этом мужчине я мечтала всю свою жизнь, но, конечно, было уже поздно, непоправимо поздно. У него — семья, двое детей. Нас очень тянуло друг к другу, но я не могла, не

хотела вмешиваться в его семью, ведь внешне все у него было благополучно.

Я опять сделала глупость, вышла замуж за совершенно безразличного для меня человека, в 38 лет родила ребенка, который тоже остался без отца, — создать семью так и не удалось. Сейчас мне сорок три, у меня двое детей: дочери шестнадцать, а сыну только шесть. Два года назад я узнала, что в семье моего друга все не так хорошо, как мне казалось. Жена на 12 лет моложе его и, видимо, никогда его не любила, потому что изменяет ему чуть ли не с каждым встречным. Я удивляюсь этой женщине! Бросается в объятия всяких подонков и не замечает того, чем владеет!

Тринадцать лет они вместе, и за это время она не смогла разглядеть, что рядом с ней не только муж, отец ее детей, но настоящий мужчина: нежный, добрый, умный, тактичный, преданный, заботливый. Тем хуже для нее. Мы встречаемся, он сейчас как ребенок, который попал на праздник: ведь он привык только отдавать, ничего не получая взамен. Он даже не подзревал, сколько радости, счастья может дать женщина, которая любит всей душой, которая счастлива оттого, что ему с ней хорошо. Мы не очень-то

и скрываем свою связь, люди не осуждают его, зная поведение его жены. А я хочу отомстить ей за него, пусть знает, что, несмотря на возраст, он не хуже ее — он молодой, он любимый, он желанный, он лучше всех на свете и всегда будет таким для меня. Он очень предан детям, бесконечно страдает, что они могут остаться без отца. Они пока вместе. А мы с ним живем от встречи до встречи. Он счастлив со мной, я это знаю, безумно люблю его, но если он останется с детьми, пойму и никогда не упрекну его ни в чем, никогда ни о чем не пожалую, только скажу: «Спасибо за то, что ты был», — а пока говорю ему спасибо за то, что он есть, — я бесконечно счастлива, что судьба подарила мне его. Что бы ни случилось с нами, то, что было, то, что есть, навсегда останется со мной, мне повезло — пусть поздно, но я встретила настоящую любовь и теперь знаю, что это такое.

«Сияет, сияет, прощальный свет зари вечерней, любви последней!..»

ТАМАРА АНДРЮШИНА,
Смоленская область

Пишу, а слезы застилают глаза. Не думаю, что мое письмо будет интересным, но сердечная боль и человеческая жестокость заставили взяться за перо.

Вы видели когда-нибудь, как горят живые голуби? Нам это страшное зрелище увидеть довелось. Мальчишки ради забавы подожгли бедную птицу и отпустили ее. Она была похожа на летящий факел. Горящий обесилевший голубь упал к нам на балкон. Было это перед самым праздником Пасхи. Мы страшно перепугались, выбежали на бал-

кон, попытались потушить огонь, но голубя невозможно было поймать; он в страхе прятался от нас. Все же нам удалось погасить огонь. Обессилевшая птица лежала без движения, вся обгоревшая; пахло паленым. Мы занесли голубя в комнату — он тут же в страхе забился в угол. Был он похож на кусок мяса: все перья на спине выгорели, лапки обгорели, кожа покрылась волдырями. Мы сначала не решались подойти к нему, сомневались, подпустит ли он человека после того, что «человек» с ним сделал. Но ждать было некогда, осторожно поймали его, осмотрели. Несчастный — он был ужасен. Мы смазали ему обожженные места, перевязали бинтом, в уголке устроили лежанку, дали поест. К нашей радости голубь съел все пшено, попил воды из блюдечка, значит, будет жить!

Прошел месяц. Мы очень привыкли к голубю, он стал одним из членов нашей семьи. Мы разговаривали с ним, делали все возможное, чтобы он привязался к нам. И голубь стал поправляться. На спинке появился пушок, раны заживали. Но вот ножку так и не удалось спасти, она сильно обгорела, скрючилась, а потом и вовсе отвалилась. Теперь ему приходилось прыгать на одной ноге. За это мы прозвали его Чапа. Он очень привык к нам, позволял себя гладить, брал корм из рук, но однажды пропал. Мы долго искали его, спрашивали, не видел ли кто обгоревшего голубя. Кто-то видел, как пацаны загоняли его палкой в какую-то клетку, издеваясь. Мы искали его целую неделю, но тщетно...

Меня мучила мысль: как он там, на улице, беззащитный, практически без перьев и на од-

ной ножке? Бедная птица, сколько пришлось ей пережить боли!

Кто-то может укорить меня, мол, о людях не думают, а ты о каком-то голубе плачешь. Что тут скажешь? Людям действительно нужно помогать. И с этой целью создано немало милосердных организаций. Но надо помнить и о животных, если мы действительно хотим укрепить в обществе духовность. Известно ведь, что многие уголовные преступники начинали с издевательств над птицами и животными, над существами беззащитными. А результаты всем известны...

Е. В. ДРОЗДОВА,
Липецк

Читаю письма — какие добрые, душевные, любящие женщины пишут, мне бы так... Не умею, отучили.

44 Познакомилась я с ранее дважды судимым, старше меня на десять лет. Вначале было все прекрасно; бегала с ним в милицию, добивалась, чтобы скорее кончился надзор, выплачивали иск. В милиции мне говорили: «Дура, куда спешишь, это он дома, пока под надзором, потом не удержишь». Кончился надзор, уехали в село, наладилась жизнь — стали в гости ходить, как мечтали, к себе приглашать. Я готовилась стать мамой. Сын родился — радость-то какая! Отгуляли родины, потянулись будни. У него иск, я ничего не получала, помогать некому, но старалась, чтобы ни в чем не чувствовал нужды мой милый, натерпевшийся в жизни. Крутилась как белка в колесе, да еще сына диатез замучил. Тут снова забеременела, решила, что стоит родить, — иск скоро закрою, зато дети будут расти

вместе, потом уж возьмем свое и мы. Оставалось до родов около трех месяцев, выплатили иск, и... началось. Дома муж не ночевал, исчезал на два-три дня, не выходил на работу. У меня и ноги отнимались, и нервы сдавали настолько, что до истерик доходило, а ему хотелось куда-то мчаться, веселиться, гулять, плясать. Кончилось разводом. Родила без него, даже ко мне в роддом его новая «жена» не пустила. Вернулась я в бабушкину развалюху в город. Выжили мы, выдюжили. Теперь дети уже большие — оба в этом году в школу пойдут. А моя-то жизнь так и не ладится. Не кривая я вроде, не косяя, нравлюсь и молодым, и постарше, а сама полюбить не могу. Просто выйти замуж — не выдержу рядом человека, к которому сердце не лежит.

Как-то отправила в газету письмо, его напечатали, и откликнулось много мужчин — все такие хорошие, покладистые, да прямо идеальные. Встретилась с одним, другим, третьим. «Мягкохарактерный» говорил: детей люблю, будем жить душа в душу, а кончилось тем, что так надрался, такой агрессивный стал, что еле отделалась. Не выношу я пьяных и скандальных. Отказала ему. Другой приехал и — тоже вдрызг пьяный. Шахтер, денег куча, но на лице — беспробудное пьянство. Отстирала, отмывала и — до свиданья.

Может, я слишком требовательная? Принца ищу, а принцам-то я, видно, не нужна.

И все-таки я его вычислила в потоке писем. На четыре года, правда, моложе меня, педагогическое образование, любит детей, животных (у меня живет роскошный афган), умница. Ха-

раक्टर ровный, спокойный, его и на работе любили, и во всем поселке не было человека, способного в нем дурно сказать. Как же я радовалась. «Вот! А мне говорили: так не бывает!» Бывает, оказывается. Дети приняли его сразу — стали напой звать. Пес мой обожал гулять с Олегом. Мне понравилось в поселке, стала уже думать о том, что в квартиру купить, что Олежке из вещей, что детям... Но все было слишком хорошо, настолько, что помешало наше счастье другим. Как-то вечером к нам стала ломиться жена одного следователя — сильно пылала она чувствами к Олежке, потом появился брат ее мужа. Я увела Олега в квартиру. На следующий день явился сам «обманутый» муж, увез моего милого на машине, и больше живым я его не видела. Никогда бы не поверила, что такое может случиться. Искали Олега двое суток и хоронили всем поселком. Столько людей за гробом шло, сколько, наверное, ни одного министра не провожало. Столько слов хороших сказали о нем!

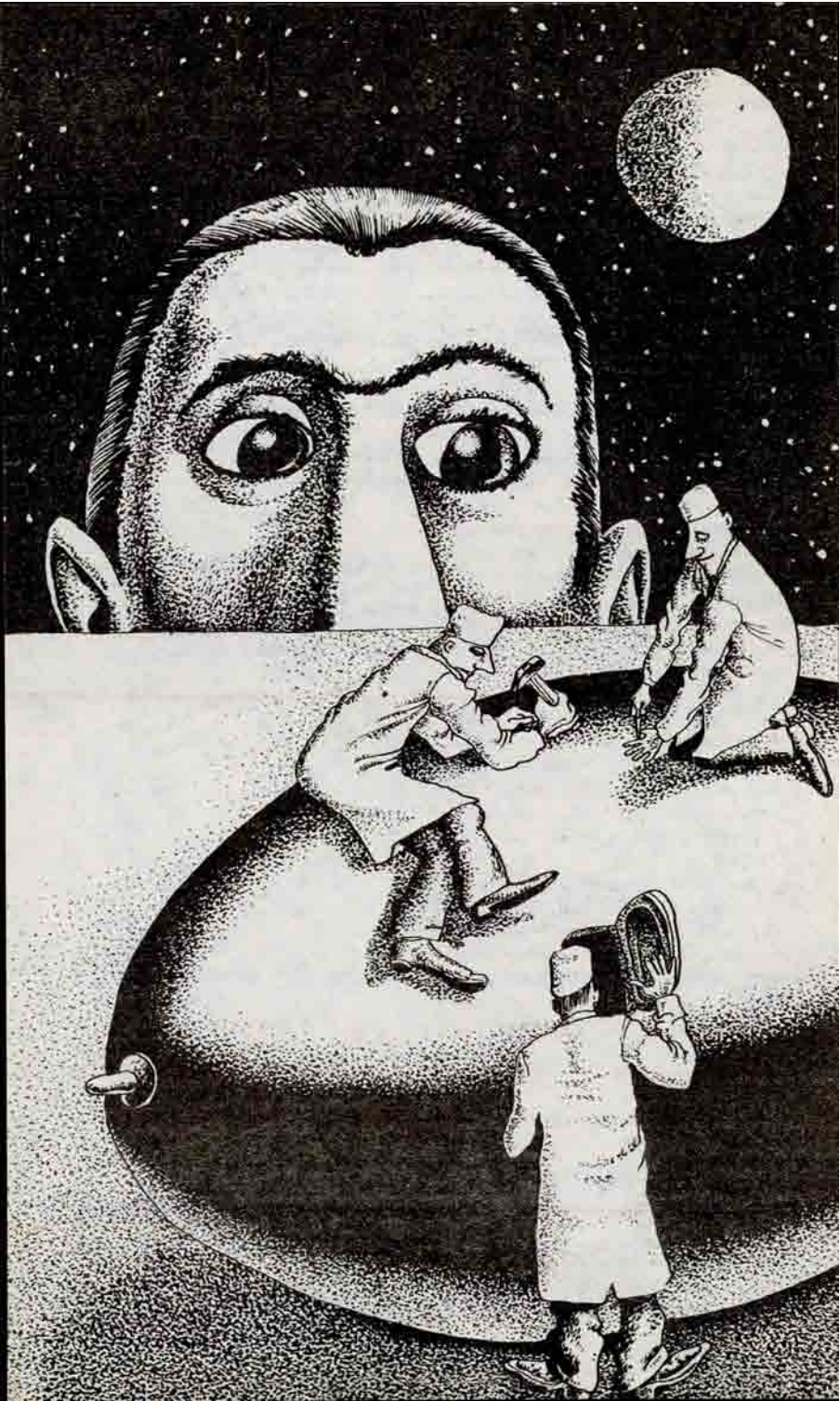
Так мое короткое счастье и кончилось. Помыкалась я на квартире, которую снимала в поселке, и уехала снова в родную развалюшку. Сейчас вот детей к школе готовлю, да от Олега ребеночка жду — не могла загубить его. До сих пор не знаю, за что все-таки убили Олега. Следствие идет...

Не верю, что жизнь моя кончилась, знаю, что встречу еще похожего на Олега, буду счастлива. Но пока впереди никакого света. Ни работы, ни денег, ни сил. Выкручиваюсь, как могу, — не голодаем, не побираемся, живем. Сама, слава Богу, не потеряла привлекательности

в свои двадцать восемь лет. И фигурой не обижена, роста только небольшого; веселая, общительная, как все казачки: и повеселиться в меру, поплясать с друзьями, да и среди «вельмож» лицом в грязь не ударю. Правда, сейчас так устала, что хочется тихой, спокойной пристани, хочется найти опоры — тогда я, маленькая и хрупкая, смогу горы свернуть. Но кто отважится взять троих малышей, кто подставит плечо?

ВАЛЕРИЯ МОТОРИНА,
Приморье

Уважаемые читатели! Благодарим вас за участие в конкурсе «Письмо-93». Итоги мы подведем в одном из первых номеров будущего года. Ждем интересных писем.

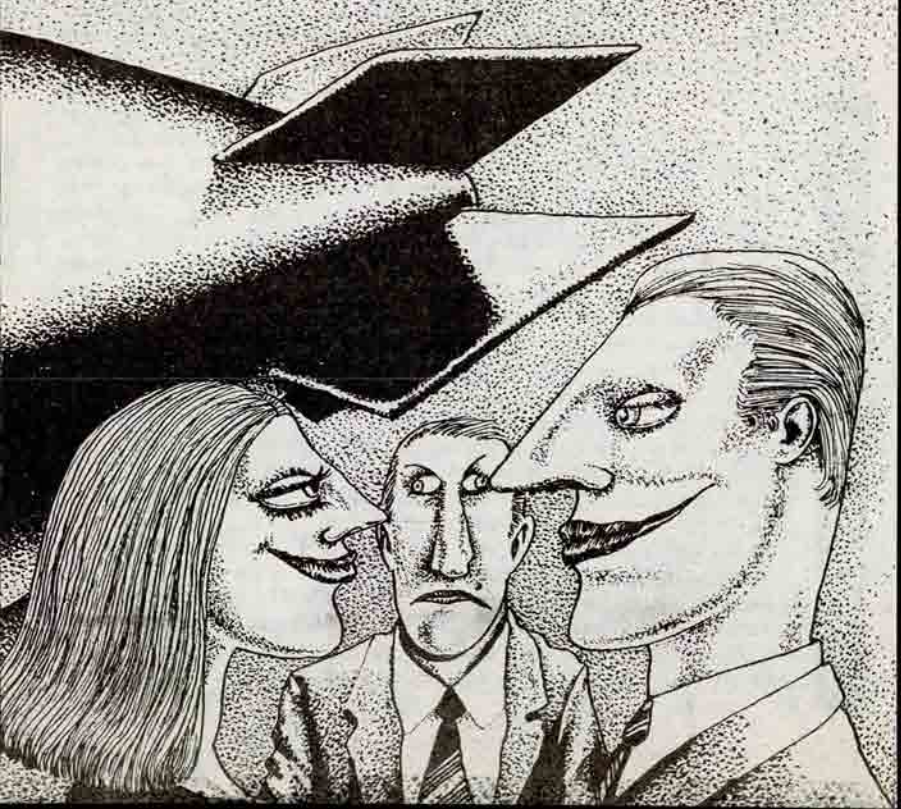

ИГОРЬ КОЗЛОВ

Гнездо Молнии

Рисунки БОРИСА СОПИНА

По традиции они приходят на работу вовремя... Хотя теперь эта пунктуальность не имеет никакого смысла. Отсутствуют перспективные планы их деятельности, все разработки и испытания свернуты. Никто не торопит, никто не звонит из Москвы. Нет угроз, нет обещаний высоких государственных наград — ничего нет...

Раньше этот большой светлый зал называли «мозговым центром». В нем сидели два доктора наук, лауреаты Ленинских премий, теоретики нового поколения ядерного оружия. И хотя по статусу каждый из них имел право занимать отдельный кабинет, они по-прежнему, как когда-то, в студенческие времена, предпочитали творить «под одним колпаком», мгновенно передавая друг другу умственную, эмоциональную энергию, которая тут же воплощалась в оригинальные идеи и проекты.

Так было когда-то... А сейчас в этом зале царят уныние и тоска. Леонид Петрович Шатров сидит перед персональным компьютером и забавляется: бесконечный поток разноцветных кубиков падает на экран, а «выдающийся физик нашего столетия», ловко орудуя клавишами, складывает из них стенку. И как только три кубика одной масти становятся рядом — они бесследно исчезают. Машина хочет завалить экран, увеличивает скорость падения кубиков, гудит, злится — у нее ничего не получается. Шатров спокойно, невозмутимо разваливает все ее нагромождения. Иногда специально подводит конструкцию под самый потолок, а потом одним, неожиданно точным броском уничтожает ее почти до основания и самодовольно, сатанински ухмыляется.

Леониду Петровичу сорок восемь лет. Он высок, светловолос, спортивен. У него широкое скуластое лицо истинного славянина. Голубые, с легкой поволокой глаза. Широкий, чуть курносый нос. Никаких признаков седины и облысения. Ровный ряд белоснежных зубов, в который вбита единственная пломба, и та — результат трещины после драки. В давние годы некий дурак приревновал к нему свою жену. К слову, ревность была обоснованной. А любимый лозунг Шатрова: «За все надо платить!»

Шатров дерзок, напорист, самолюбив — типичный лидер. Хотя он не любит административных должностей. Он хочет, чтобы его власть над собой люди признавали добровольно, покоренные глубиной ума и щедростью обаяния.

Справа от Леонида Петровича стоит заваленный свежими газетами стол Кости Маклакова. Они ровесники с Шатровым, заканчивали один вуз, но никто в Конторе не называет Маклакова по отчеству — все Костя да Костя...

Маклаков невысок, плотен, суетлив. Его движения резки, порывисты. Он быстро возбуждается и так же мгновенно остывает. У него яркое, парадоксальное воображение. Но для этого огонька нужно мощное, постоянное дыхание организующей воли Шатрова. Может быть, поэтому они всегда вместе, и в отчетах о лучших результатах их деятельности, как правило, стоят две подписи.

Маклаков с хрустом разворачивает очередную газету и возмущенно говорит:

— «Зеленые» совсем обалдели. Требуют, чтобы мы закрыли все российские АЭС!

— Правильно делают, — прищутив глаз, точно уложив очередной кубик, зло отвечает Шатров. — Это не станции, а мины замедленного действия. Я еще десять лет тому назад ихнему министру в частной беседе это доказывал. На банкете, в Кремле... Так он как взревел: «Занимайтесь своими бомбами! Не трогайте наш мирный атом!..» Хорошо, что с Чернобылем так обошлось. А то могли бы вообще полстраны разнести.

Маклаков как ужаленный вскакивает:

— О чем ты говоришь, Ленья! Неужели не понимаешь? Это хитрый политический ход! Иностранные фирмы хотят оседлать наш огромный энергетический рынок. Отечественные конструкции плохи — значит, нужно строить западные...

— А что, отечественные конструкции хороши?

Костя застывает в оцепенении и после мгновенной паузы угрюмо бросает:

— Дерьмо!..

— Что и требовалось доказать, — подводит итог Шатров и очередной раз с мазохистским наслаждением разрушает разноцветное построение бездушной машины.

— Когда ты кончишь заниматься этим онанизмом? — раздраженно спрашивает Маклаков.

— Это не онанизм. Это модель нашей российской истории. И, в частности, нашей с тобой жизни и деятельности.

— Глупая шутка, — неуверенно огрызается Костя, падает в свое кресло и берет «Известия». Через несколько минут он тихим, могильным голосом читает: «Вчера в закрытом сибирском городке Красноярск-26 произошло историческое событие. Здесь, на горно-химическом комбинате, глубоко под землей, заглушен реактор АД, с 1958 года вырабатывавший оружейный плутоний — материал для начинки ядерных боезарядов...»

Шатров ошеломленно отворачивается от экрана. ЭВМ радостно пищит: она наконец победила!

— И об этом мы узнаём из газет... — Леонид Петрович долго и грязно матерится.

2

Шатров после «напряженного рабочего дня» сначала зашел к Маклакову, где они с расстройства раздавили бутылочку, и теперь, слегка покачиваясь, возвращался домой. На душе было тоскливо и гадко. С женой он развелся давно. Так давно, что уже стал забывать ее лицо, ее голос, нежный аромат ее кожи... Там, «на материке», у Леонида Петровича рос сын, которого он тоже не видел целую вечность. Теперь это, наверно, юноша со своими взглядами на жизнь, со своими пристрастиями. Интересно, какую дорогу он выбрал?.. Шатров помнит его маленьким, болезненным существом, вечно ноющим и капризным. Из-за него, если вдуматься, они и расстались.

Шатров встретил Надю в академическом санатории — «курортный роман». Ее отец был известным математиком, а сама Надя перешла на последний курс консерватории. Красавец и нахал Леха Шатров — так его тогда звали все, — признанный гений, «засекреченный физик», шумный, веселый и озорной, — сразу покорила ее. Их объединила страсть: нагретые южным солнцем тела бурлили молодыми соками. В Москву Надя вернулась уже беременной, но Шатров шел под венец с чистым сердцем — он любил и был любим, и это стало последним штрихом в той гармонической системе, в которой он существовал: у него была интересная, нужная народу и государству работа, его окружал ореол успеха и признания, он обладал великолепной, обожающей его женщиной..

Гармония дала первую трещину именно «на женщине». У Нади были трудные роды, мальчик родился полумертвым. Опытные врачи «откачали» его, но за жизнь он цеплялся нехотя, лениво, все время как бы заглядывая на «тот свет», словно там ему понравилось больше. А Надя?.. всю свою страсть она перенесла на ребенка. Сильное, здоровое тело Шатрова сначала тяготило ее, потом стало раздражать.

Когда Леонид Петрович снова стал холостяком, он определил для себя раз и навсегда: бабы — это один из элементов среды существования, их нужно принимать, как витамины, два раза в неделю — не более того...

Сегодня как раз был «сексуальный день»: к нему должна была прийти Катерина — маленькая похотливая самочка, жена офицера охраны; ее муж согласно графику заступал в ночной караул. Эта четко отработанная система действовала уже несколько лет. И хотя предстоящая встреча сулила немало удовольствия, на душе все равно... было тоскливо и гадко.

Леонид Петрович подошел к своему коттеджу. Достал ключ и открыл дверь. Войдя в полутемную прихожую, он сразу почувствовал что-то неладное — в воздухе витал необычный, пряный аромат. Шатров прошел в столовую и на фоне сумрачного окна увидел резкий восточный профиль: хищный, с легкой горбинкой нос и маленькая, острая ассирийская борода.

— Кто вы? — чуть дрогнувшим голосом спросил Шатров и протянул руку к выключателю.

— Не надо, Леонид Петрович, — раздался спокойный, с мягким акцентом голос, — поговорим пока в темноте.

— Что это значит? — Шатров не стал суетиться, он как-то сразу осознал серьезность ситуации. — Сейчас сюда придет другой человек...

— «Другой человек» сегодня не придет, — усмехнувшись, ответил незнакомец. — Ее муж неожиданно заболел, в наряд назначен другой офицер.

— Откуда такая информация?

— Леонид Петрович, вы же умный человек и сразу поняли, что перед вами необычное явление. Как мы и ожидали, вы быстро адаптируетесь. Прекрасная реакция!.. Вы уже в коридоре почувствовали меня. Интересно, как?

— Запах... Странный, мускусный запах.

— Надо же! — искренне изумился незванный гость. — Я, конечно, знал, что у вас обостренное обоняние. Но чтобы до такой степени!.. Кстати, вы подсказали мне оригинальную идею: наверно, представители разных национальностей обладают своим неповторимым запахом. Значит, по этому признаку можно выявлять разведчика-нелегала.

— Ах, вот вы кто... — облегченно вздохнул Шатров. — А я, признаюсь, подумал, что сам Дьявол, Князь Тьмы, посетил мое скромное жилище.

— Не огорчайтесь. Сюжет Фауста вечен. В той или иной форме его переживает любой великий человек. А я, в некотором роде, тоже хочу подарить вам вторую молодость.

— Занятно... — Леонид Петрович подошел к бару и достал бутылку коньяка. — Вам налить?

— Если позволите, сегодня угощать буду я.

— А не отравите?

— Ну что вы! Вы нам нужны живым и здоровым.

Незнакомец подошел к столу, положил на него какую-то коробочку, нажал на кнопку. И тут же пространство заполнилось мягким сиянием. Шатров увидел, что стол накрыт, как в сказках Шехерезады: на хрустальном блюде лежала огромная гроздь янтарного винограда, ласкали взор розовые шары персиков, кроваво сверкали гранулы граната... Все это великолепие завершал высокий, стройный кувшин, украшенный резьбой и разноцветными камнями.

— Однако!.. — изумился Леонид Петрович. — То, что вы проникли сюда, я с трудом, но допускаю. Сейчас бардак всюду, в том числе и в охране. Но тащить с собой эту роскошь...

— Как это у вас говорится: фирма веников не вяжет! Эту операцию планировали специалисты экстра-класса. И вы, профессионал высочайшего уровня, должны ее оценить.

— Наливайте, — хмыкнул Шатров, — сейчас оценим.

Незнакомец наполнил бокалы.

— Я предлагаю тост за вас, Леонид Петрович. За ваше возрождение! За выход вашего гения из тупика, в который загнала вас история.

— Мусульмане же не пьют, — ехидно бросил Шатров.

— Я на работе, — беззлобно ответил гость.

Вино было изумительным: сладким и терпким одновременно, тягучим, словно мед, и хмельным, — Леонид Петрович мгновенно почувствовал, как приятная истома разлилась по телу. Он взял самый большой персик, с удовольствием вонзил в него зубы.

— Итак, слушаю. Что вы от меня хотите?

— Я представляю ряд восточных группировок, объединенных тайным союзом. Наша цель — остановить очередной крестовый поход, предпринятый западной цивилизацией против мусульманского мира. Обидно, что ваша страна, порвав священные договоры, прибилась к цестрому стану новоявленных рыцарей. Да, пока победа на их стороне. Но это ничего не значит. Появится новый Саладин*, который превратит эти войска в груды

* Саладин — арабский султан, разгромивший войска крестоносцев.

жалких железок, но для этого нам нужно ядерное оружие...

— И вы хотите, чтобы я выковал вам этот «меч»?

— Да... Имейте в виду, наша служба могла бы просто выкрасть вас. Но мы хотим, чтобы вы добровольно и сознательно приняли это решение. Потому что понимаем: гений в клетке работать не сможет.

— А почему вы выбрали именно меня?

— Мы изучали многих... И остановились на вашей кандидатуре. Вы молоды, полны сил. Вас жгут обида и тщеславие: вы стали лишним человеком в своей стране, а привыкли к почету и вниманию. Вас почти ничто не связывает с этой землей: ваши родители давно умерли, у вас нет семьи... А мы создадим вам все условия для работы. У вас не будет ограничений в средствах и ресурсах, вас ждет вышколенный, дисциплинированный персонал. Вы будете жить в роскоши, у вас будет гарем ослепительных красавиц...

— Да, это очень важно, — усмехнулся Шатров.

— Вы зря иронизируете. Христиане привыкли ханжески скрывать свои чувства. А в душе каждый из них лелеет мечту иметь десяток покорных наложниц, ловящих блеск желаний в его очах, благодарных его улыбке, его мимолетной ласке... Вам нужно ублажать своих самок, дарить им подарки, настраивать на соитие. А наши женщины с детства воспитаны удовлетворять похоть мужчины, они видят в этом смысл своего существования.

— А если я откажусь?

— Вам придется умереть. Видите, я играю в открытую.

— А если я соглашусь? Как вы перенесете меня в свою сказку? Вы же не джинн...

— Это не должно вас волновать. Это дело техники... Итак?

— А где гарантии, что вы не обманете? Я сделаю то, что вы хотите, а вы потом уничтожите меня. Так поступала любая тирания.

— Вы плохо знаете историю. Восточные деспоты всегда ценили своих мастеров. И потом вас приглашают сделать не разовое изделие. Вам предлагают возглавить индустрию, новое направление. Такое бывает раз в жизни. Соглашайтесь!..

— Надо подумать.

— Думайте.— Гость снова наполнил бокалы душистым вином.— У нас с вами целая ночь впереди...

3

Сотрудника Министерства безопасности подполковника Савельева вызвал начальник отдела и взволнованно сказал:

— Иван Сергеевич, только что получена шифротелеграмма. В Зарайске-16 исчез Шатров.

— Прямо с объекта? — изумился Савельев.

— Да. Вечером ушел с работы. Соседи видели, как он входил в свой коттедж. И все — канул.

— Не может быть! Хотя... — Подполковник усмехнулся. — «Коллеги» из ЦРУ предупреждали, что за нашими беспризорными ядерщиками охотятся некоторые новые агрессоры.

— Этого еще не хватало! — Лицо начальника отдела даже побелело. — В общем, давай собирайся в командировку. На месте во всем разберешься. И информируй меня каждый день. Это ЧП — на контроле у министра.

...Вертолет подлетал к маленькому уютному городку, утопавшему в тени огромных деревьев. Этот оазис среди высохших степей выглядел словно квадратная зеленая заплатка на сером полотнище мешковины.

— Здесь у них несколько артезианских скважин, — пояснил сопровождавший Савельева товарищ из областного управления, — так что с водой проблем нет. Даже бассейн имеется...

Иван Сергеевич прильнул к блистеру, внимательно рассматривал двойную нитку высокого заградительного забора из колючей проволоки.

— Сигнальная система, — тут же уточнил «сопровождающий». — Через каждые сто метров телевизионная камера. Потом еще сейсмограф, который реагирует на любые колебания грунта: шаги, подкоп, — все сразу выявляется. Там у них не штаб караула, а пульт управления космическим кораблем. Постарались в свое время, засекретились...

На взлетной площадке их тоже ждали. Сначала подошел начальник объекта генерал-майор Кравцов, потом местный «опер» — Вася Малинин. Савельев его хорошо знал: будучи слушателем Высшей школы, на последнем курсе Вася проходил практику в их отделе.

Происшествие происшествием, времена вроде другие, а традиции народные живы, несмотря ни на что: сначала банька «с дороги», потом сытный обед... Отдав должное представителю Центра, генерал-майор тактично оставил контрразведчиков одних:

— Ну, не буду мешать. Если нужна какая помощь — сразу обращайтесь.

Малинин отвел Савельева в свой кабинет.

— Давай, Вася, докладывай.

— А что докладывать, Иван Сергеевич? Я все в шифровках изложил.

— Я твоих бумажек не читал. Меня начальство сразу после первого сигнала к вам вышерло. А добирался я почти двое суток.

— Ну, тогда коротко изложу. Значит, жилплощадь Шатрова была тщательно осмотрена. Ничего особенного, кроме... — Малинин достал из папки большую цветную фотографию. — Вот такой стол был накрыт в столовой. На одном бокале — отпечатки пальцев Шатрова. Второй бокал чистый. В кувшине вино. Я отсылал на экспертизу. Пришел ответ — какой-то редкий импортный мускат. Скорее всего, производство арабских стран.

Савельев от удивления присвиснул, покачал головой и сказал:

— Я там, в Москве, в плане юмора брякнул про мусульманских фанатиков.

— А похоже, так оно и есть. — Малинин был предельно серьезен.

— Ты что, Вася, думай, о чем говоришь. У тебя под носом на объект, куда раньше и комар без спроса не залетал, проникают иностранные разведчики, распивают с нашим ведущим специалистом бутылку своего «Солнцедара» и уговаривают его бежать в ихний халифат. Так, по-твоему?

— Может, они его выкрали, — шмыгнув носом, угрюмо ответил Калинин. — Я, между прочим, готов понести самое суровое наказание.

— Ты мученика из себя не строй, — улыбнулся Савельев и шутливо хлопнул младшего товарища по лбу. — Ты давай начинай сообщать... Соседей опросили?

— Никто ничего не видел и не слышал.

— Окрестности прочесали?

— Весь батальон на ноги подняли, пастухов местных подключили — никаких следов...

— Ладно, давай рассуждать логически. Вот нам с тобой поручили завербовать американского ядерщика, кандидата физико-математических наук Джона Брауна. Мы что с тобой — на полигон Невада полезем? Нет... Мы дождемся, когда он будет отдыхать на Гавайских островах. Так?.. И где-нибудь в баре, расслабив клиента, подставив ему хорошенькую девочку, потихоньку, исподволь начнем изучать, обрабатывать... А тут что получается? Кстати, Шатров был в отпуске?

— Нет. Он в сентябре собирался, в бархатный сезон.

— Куда?

— В Сочи. Он всегда там отдыхал. И всегда в сентябре.

— Вот видишь? Зачем же лезть на рожон? И потом, к чему устраивать этот спектакль с сервировкой? Все это похоже на умышленную демонстрацию.

— Восток — дело тонкое. Мы проходили структуры их разведок. Там такие подразделения есть — уму непостижимо!

— Ну да... Надели шапки-невидимки, сели на ковры-самолеты — и тю-тю!.. Нет, Вася, это теория. Мы в свое время восточные разведки не изучали. Мы с арабскими странами дружили. Даже с Афганистаном... Только, сдается мне, это наш «славянский гений» начудил.

— Вы хотите сказать, что Шатров сам все это разыграл?

— Может, и так... С умными людьми тоже всякое случается. Тем более, я слышал, у него в последнее время депрессия была.

— Да. Это наблюдалось.

— Вот и давай потолкуем с его товарищами. Кто у него самый близкий друг?..

4

Незнакомец поднес руку к бокалу, и Шатров заметил, что на нее надета тонкая нейлоновая перчатка. Такие у нас носят невесты.

— Бойтесь наследить, — усмехнулся Леонид Петрович.

— Я уже подчеркивал: вы имеете дело с профессионалами, — слегка обиделся гость.

— Скажите, — неожиданно заинтересовался Шатров, — вот вы

в своей... хм... организация, наверно, просчитывали вероятность успеха этой акции. Сколько же у вас получилось?

— Семьдесят восемь процентов, — после некоторой паузы ответил собеседник.

— Много... — вздохнул Шатров. — И какой же фактор был самым существенным?

— Вы не поверите, но, увы, женский. Наши психологи считают, что вы болезненно не удовлетворены эротической стороной своей жизни. И только у нас, на Востоке, получив в свое распоряжение прайд преданных самок, который по вашему усмотрению будет постоянно обновляться, вы наконец обретете покой.

— Вы это серьезно? — Леонид Петрович горько усмехнулся.

— А вы загляните в глубину своей души. Там, на дне ее, на огненных скрижалях горит ответ. И не стесняйтесь, это естественно. Вспомните, чего добивался от Мефистофеля Фауст: «Я слишком стар, чтоб жить одним желаньем, и слишком юн, чтоб вовсе не хотеть...»

— И вы думаете, ради этого я отдам вам мир на заклятие?

— Что такое «мир» для эгоцентрика вашего ранга? И потом, пардон, а раньше вы чем занимались?

— Мы были уверены, что наше оружие никогда не будет применено! Это сдерживающий фактор!..

— Американские ученые тоже так думали. А политики решили, что для пользы дела необходимо пару каких-то там японских городишек снести с лица земли. И сделали... Это культурная, самая цивилизованная нация. Надо будет — они и нас испепелят. Ни с кем не посоветуются... Теперь все у них в холуях ходят. Одни мы выбиваемся. Вот и хотят нас приструнить. Поэтому ваше «изделие» нам нужно как защита своей независимой позиции, своего исторического пути...

Шатров задумался. Он вспомнил, как еще в институте на их специальный факультет приезжал полковник из Генерального штаба и показывал добытый агентурными методами американский план «Дроп шот» (мгновенный удар). На карту Советского Союза были нанесены цели атомных бомбардировок и схема последующей оккупации нашей страны. Предполагалось, что СССР будет разделен на четыре зоны, которые займут 23 дивизии, а в Балтийское и Черное моря войдут авианосные соединения. Начало войны назначалось на 1 января 1957 года.

— Вот, мужики, на вас вся надежда, — говорил полковник, демонстрируя документ. — Если бы не ваши светлые головы, если бы не ядерный кулак возмездия, давно бы здесь одни руины светились. Вы самые главные защитники Отечества и есть...

Шатров залпом осушил бокал и тоскливо подумал:

«А потом выяснилось, что наше Отечество — империя зла. А мы, стало быть, опричники, цепные псы коммунизма...»

5

— Маклаков, Константин Андреевич, — представился невысокий, толстенький мужичок и изучающе, исподлобья глянул на Савельева. — Чем могу служить?

— Мы расследуем факт исчезновения Леонида Петровича Шатрова.

Маклаков нервно дернул подбородком и засеменил по залу: туда-сюда, туда-сюда... Потом внезапно остановился и, брызгая мелкой слюной, завопил:

— Чушь! Абракадабра! Уму не постижимо!

— Вы не волнуйтесь,— сказал Савельев,— разберемся. Может быть, еще найдем вашего товарища.

— Что значит «найдем»? — взревел Маклаков. — Это что, иголка в стоге сена? Среди бела дня исчезает выдающийся человек, гордость нации, а вы говорите: поищем, найдем... Словно за грибами собрались!

— Во-первых, не среди бела дня, а ночью,— спокойно уточнил Савельев.— А во-вторых, скромнее надо быть. «Выдающийся человек», «гордость нации»... Забывать пора эти клише. Не те времена... Шатров был прекрасным специалистом в своей узкой области. И только... Он изобретал заряды мощной разрушительной силы и ничем больше человечество не облагодетельствовал. Да, на определенном историческом этапе это было нужно. А теперь не очень. «Холодная война» завершена. И слава Богу... Что ж теперь, в петлю лезть? Нет... Надо перестраиваться, искать новые области применения своих талантов, своих знаний...

Маклаков надулся, сложил губы трубочкой и медленно процедил сквозь них воздух. И сразу как-то сник, съезжился, стал похож на лопнувший пузырь.

— Легко вам говорить,— тихо сказал он.— А это все живые люди, судьбы... Ладно, задавайте вопросы.— И плюхнулся в кресло.

Савельев подошел ко второму столу.

— Это место Леонида Петровича?

— Да... — раздраженно ответил Маклаков.— Ваш коллега все здесь уже перерыл. И ничего интересного для себя не нашел.

Малинин подтверждающе кивнул и солидно добавил:

— Там вообще ничего не было. Пустые ящики.

— Это что, у Шатрова всегда так? — полюбопытствовал Савельев.

— Всегда... Леня лишнего барахла не любил. А бумаги — в сейфе.

Иван Сергеевич глянул на Малинина, тот четко доложил:

— Все цело...

Полковник сел в кресло Шатрова. Оно было на шарнире — крутилось в разные стороны. Савельев обвел глазами кабинет, заметил на стене незнакомый портрет.

— Это кто такой? — спросил он.

— Нильс Бор. Знаменитый физик,— равнодушно ответил Маклаков.— Леня его очень ценил...

— Это который в футбол хорошо играл? Даже, говорят, в сборную Дании входил.

— Не знаю... Мне больше известны его научные достижения. Савельев откинулся на спинку, задумался, потом спросил:

— Скажите, Константин Андреевич, какое настроение было у Шатрова в последнее время?

— Хреновое! — охотно сообщил Маклаков. — Чему радоваться? Рушилось дело всей его жизни... Государство перестало финансировать наши работы. Доктор наук получает зарплату меньше, чем проводник вагона... Да не это главное!.. — Константин Андреевич обреченно махнул рукой. — Почитайте газеты. Как нас только не называют: и «ястребы», и «акулы», и «паразиты на теле общества»... Это свои-то... Американцы, и те более уважительно относятся к нашим атомщикам.

— Обсуждали свое будущее?

— Прогнозировали... Радужных перспектив нет.

— А среди вариантов рассматривалась возможность выезда за границу?

Маклаков встрепенулся, зло зыркнул на Савельева.

— Вот вы куда... — И вдруг резко подался вперед и, словно козырного туза, бросил: — Да, обсуждался такой вариант. Раз мы стали изгоями в своей стране, почему не предложить свои услуги иным хозяевам? Чем мы хуже других физиков, которые выезжают за рубеж и зарабатывают доллары? Мы не собираемся торговать ядерными секретами, но мы способны выполнять квалифицированные исследования по проблемам атомной энергетики, которые в нашем Отечестве сейчас никого не интересуют...

— Что ж вы, как крысы с тонущего корабля, бежите? — не утерпел и презрительно пробурчал Вася Калинин. — Вас народ на свои деньги выучил, всем вы были обеспечены. А как чуть-чуть трудно стало...

— Молодой человек! — вскипел Маклаков. — Выбирайте выражения. Во-первых, никто никуда пока не убежал. А во-вторых, мы эти гроши сполна отработали. Слава Богу, в свое время лучшим в мире атомным оружием обладали. Нынче, конечно, этого утверждать не берусь. Мы свои программы свернули, а другие страны — нет.

— Значит, вы считаете, что исчезновение Шатрова не связано с его... гм-гм... — Савельев поперхнулся, подбирая нужное слово. — Скажем так, перемещением за рубеж?

— Абсолютно исключаю, — возмущенно выпалил Маклаков. — И потом... С объекта просто так не исчезнешь. — Константин Андреевич дерзко глянул на Калинин и задиристо спросил: — Не так ли, юноша? Вам, между прочим, тоже из народного кармана средства отпускают, чтобы вы нас надежно охраняли. А вы не обеспечили... Ай-я-яй...

Лицо Василия покрылось алым румянцем. Савельев посмотрел на него, улыбнулся и вдруг неожиданно вспомнил «Шведскую спичку» — знаменитый чеховский рассказ.

— Послушайте, Константин Андреевич, а может, он где-нибудь у женщины залег? Сами знаете, с мужиками такое бывает... Шатров, насколько я знаю, здоровый, темпераментный мужчина. Кто-то у него должен здесь быть...

Маклаков смутился, увел глаза в сторону.

— Я в чужую личную жизнь не лезу. Это не этично.

— И все же, Константин Андреевич, — настойчиво произнес Савельев. — Для пользы дела поройтесь в памяти.

— Не знаю... — Маклаков брезгливо скривил губы. — Поговорите с моей женой. Она как-то на что-то намекала, да я пропустил мимо ушей...

6

Шатров все пытался разглядеть лицо «пришельца», но оно скрывалось в тени, и только кисти рук, обтянутые тонкой белой материей, угрожающе светились в темноте.

— А если я все ж откажусь, почему вы решили меня убирать? — спросил Леонид Петрович.

— Мы будем искать другого специалиста. Но о наших намерениях до поры никто не должен знать.

— Как же вы меня убьете? — иронично осведомился Шатров.

— Есть разные способы, — усмехнулся незнакомец. — Как раз в этом деле специалистов хватает.

— Вы здесь один? — осторожно спросил Шатров.

— Это лишний вопрос, — зло ответил незваный гость. — Предупреждаю. Любое физическое сопротивление бесполезно.

В воздухе повисла зловещая пауза, потом незнакомец сказал:

— Я, собственно, не понимаю, почему вы упорствуете? Как вы представляете свое дальнейшее существование в этой стране?

— Не знаю, — со вздохом ответил Шатров. — В последнее время меня одолевала дикая скука. Восхищаюсь Сахаровым... Он мог работать даже в изгнании, отвергнутый своим народом, обложенный со всех сторон красными флажками. Но это, конечно, физик совсем другого ранга.

— Вы считали его предателем?

Леонид Петрович пожал плечами.

— Трудно сказать... Конечно, он многих раздражал. Было в его позиции нечто ханжеское. Сначала вооружил до зубов «коммунистического монстра» против «демократического рая». А потом к этому же «раю» стал апеллировать, искать в нем поддержку, стал в его глазах героем-мучеником... Некоторые считали, что это хитрый ход, желание получить мировую славу. «Секретные» почести уже не радовали... Честолюбие — страшная сила. Иногда она толкает человека на тернистый путь. Он и сам порой не осознает истинные мотивы своих действий, находит тысячи красивых, благородных причин. Это я хорошо понимаю...

— Вот видите? А мы тоже предлагаем вам мировую славу.

— Какая же это слава? Поменять железную клетку на золотую?

— Со временем, когда весь мир пойдет по нашему пути, вы будете названы одним из пророков — основателей новой системы. Вас причислят к лику святых.

Леонид Петрович горько усмехнулся.

— Спасибо... Это мы уже проходили.

Часы, висевшие на стене, заскрипели и хриплым басом сообщили: «Ку-ку!»

— Кукушка, кукушка, сколько мне осталось жить? — печально спросил Шатров.

Жена Маклакова, шумная, общительная хохлушка, сразу же сообщила имя «шатровской пассии»:

— Господи, да об этой связи весь объект знает, — возмущенно сказала она. — Один только муж ее находится в неведении. Он, словно петух, ходит, очарован сам собой. Наверно, считает, что от таких красавцев не гуляют.

— Что, симпатичный парень?

— Смазливый... И фигура, как у культуриста. Говорят, он в юности даже в театральное училище поступал. Но туда разве без блата попадешь?.. Вообще мальчик неглупый, начитанный. Только вот с бабой ему не повезло...

— А она тоже хороша собой?

— Ой, выдра!.. — всплеснула руками жена Маклакова. — Маленькая, обципанная... Морду намажет, юбку коротенькую напялит, чтобы только... это самое прикрывала, идет — задницей вихляет. Вот мужики шеи и сворачивают. А Леня, что ж... Он кобель известный. Его от этого дела одна могила исправит... — И вдруг осеклась, помрачнела. — Ой, типун мне на язык!..

Узнав, что старший лейтенант Легасов находится на службе, Иван Сергеевич позвонил к нему домой.

— Але... — раздался в трубке тихий женский голос.

— Екатерина Николаевна?

— Я...

— Вас беспокоит подполковник Савельев. Вы, наверно, знаете, с какой миссией я прибыл?

— Да... — чуть слышно прошелестела мембрана.

— Мне нужно с вами обязательно поговорить.

— Говорите, — совсем обомлела собеседница.

— Нет. С глазу на глаз.

Взволнованное, прерывистое дыхание, потом ответ:

— Ладно. Давайте сейчас. Только со стороны роци заходите, чтобы никто не видел.

Все население объекта проживало в одинаковых коттеджах, окруженных небольшими приусадебными участками, на которых каждый выращивал, что хотел. Коттедж Легасовых стоял на крайней улице и примыкал к посадке пирамидальных тополей. Вдоль тыльной стороны всех участков шла тропинка, в заборах были проделаны калитки. Таким образом хозяйева могли сразу выходить в «зеленую зону».

— Вот так она к Шатрову и бегала, — не без ехидства пояснил Малинин. — Вон его коттедж, в этом же ряду, третий с краю.

— Вы там все опечатали?

— Как положено. И охрана круглосуточно стоит.

— А эту дорожку исследовал?

— На четвереньках прополз. Ничего интересного не нашел. Она, конечно, сами видите, затоптана до твердости асфальта. Был бы накануне дождь — другое дело...

Калитка на участке Легасовых была предусмотрительно открыта. И когда контрразведчики подошли к задней двери, она

сразу распахнулась. Видимо, их нетерпеливо ждали, глядя сквозь щель в оконных занавесках.

— Здравствуйте,— сказала женщина с легким придыханием.— Проходите...

Гости проследовали по темному коридору и оказались в просторной комнате, обставленной изящной импортной мебелью — софа, кресла, журнальный столик, стенка, заполненная множеством книг.

— Садитесь, пожалуйста,— сказала хозяйка.

Теперь, на свету, Савельев наконец рассмотрел «шатровскую пассию» и понял, что жена Маклакова, как, собственно, он и предполагал, глубоко заблуждалась в своих оценках. Екатерина Николаевна была на редкость хороша. Среднего роста, стройная, с высокой, красивой грудью... Ее кукольное личико, бледное от естественного волнения, чем-то напоминало классический образ Мальвины: белокурые волосы, огромные голубые глаза, длинные пушистые ресницы, пухлые алые губки. Одета в соответствии с ситуацией — скромно, но нарядно: белая шелковая блузка с пышным рукавом, черная широкая юбка с серебристым пояском, лаковые туфельки на высоком каблуке.

— Екатерина Николаевна,— официальным тоном начал Савельев,— вы, наверно, знаете об исчезновении Леонида Петровича Шатрова?

Легасова торопливо кивнула и тихо добавила:

— Весь объект только об этом и говорит...

— Вы, конечно, понимаете, по роду своей деятельности нам пришлось выяснить, что вы находились с Шатровым, скажем так, в особых дружеских отношениях.

На щеке Екатерины Николаевны вспыхнуло маленькое розовое пятнышко.

— Вы не бойтесь. Мы эту тайну разглашать не собираемся. Но у меня к вам вопрос: что вы думаете по этому поводу? Куда пропал Леонид Петрович?

Легасова со вздохом вздохнула и печально произнесла:

— Я ничего толком не поняла... Одно только знаю: он жив и здоров.

— Откуда у вас такая уверенность? — заинтересовался Иван Сергеевич.

— Я от него письмо получила.

— Как?! — Савельев и Малинин одновременно вскочили с кресел.

— По почте. Сегодня пришло.

Легасова расстегнула пуговичку на блузке и вынула из-за пазухи конверт. Подполковник хищным, нетерпеливым движением схватил его.

Письмо было написано от руки:

«Дорогая Катя, так складываются обстоятельства, что мне придется уехать — далеко и надолго. К сожалению, взять тебя с собой не могу, поэтому ту проблему, о которой ты мне говорила, можешь решать, как тебе самой хочется. Не обижайся, мне было хорошо с тобой... Целую, Леня».

— Несомненно, это почерк Шатрова! — возбужденно восклик-

нул Калинин.— Я много его бумаг просмотрел. И потом, этот листок вырван из его фирменного блокнота. Он у него дома на столе лежит, в солидном таком переплете.

— Да,— подтвердила Легасова.— Это я ему на день рождения подарила.

— А о какой это «проблеме» он упоминает? — поинтересовался Савельев и пристально посмотрел на молодую женщину.

Екатерина Николаевна смущенно потупилась и чуть слышно сказала:

— Я беременна... от Шатрова... У нас с Витей ребеночек почему-то не получался...

— Ну, дела! — ахнул Калинин, но под строгим взглядом подполковника осекся и замолчал.

— Катя, а ваш муж знает об этом? — доверительно спросил Иван Сергеевич.

— Я ему сказала, что... у нас наконец будет ребенок,— ответила Легасова и тут все-таки не выдержала: рот ее болезненно скривился, размазывая тушь, мелким бисером покатались из глаз слезки.— Извините...

Женщина выбежала из комнаты и, видимо, скрылась в ванной. Пока она приводила себя в порядок, контрразведчики с пристрастием изучали конверт. Адрес на нем был напечатан на машинке с каким-то редким, оригинальным шрифтом. Почтовый штемпель указывал, что письмо отправили сутки тому назад из ближайшего областного города.

— Ну, дела! — все-таки не утерпел Калинин.— Выходит, моя версия действует. Еще вчера Шатров сам или тот, кто его сопровождает, находились почти рядом. Нужно срочно доложить в Центр, пусть объявляют розыск по всем органам. И в первую очередь сообщат пограничникам. Через какую границу они его потащат? Иран, Афганистан, Турция... А может, морем?

— Не суетись,— раздраженно сказал Савельев.— Но шифровку действительно необходимо подготовить. Ступай... А я пока останусь. Хочу еще у хозяйки кое-что выяснить...

8

От выпитого вина у Шатрова уже заплетался язык и все происходящее казалось каким-то наваждением, дурным сном. А может, так оно и есть?... Леонид Петрович тяжело тряхнул головой.

— Слушай, а как тебя зовут? — медленно выговаривая слова, спросил он.— А то как-то неудобно общаться.

— Называйте меня Мустафа,— сказал незнакомец.

— Мустафа дорогу строил, а Жиган его убил... — хрипло пропел Шатров и снова потянул руку к кувшину. Сизое мерцание осветило на тыльной стороне его ладони наколку — изломанный зигзаг молнии.

— Откуда у вас такой странный знак? — настороженно поинтересовался Мустафа.

— А говоришь, все про меня знаете,— насмешливо укорил Шатров.— А про это не пронюхали?..

— Выходит, так, — согласился Мустафа.

— Это мне в детстве пацаны нацарапали, — беззлобно пояснил Леонид Петрович. — Я ведь родом из деревни. У нас там была такая лощина за околицей, в поле... Как гроза — так туда обязательно молнии били. Не в дерево, не в холм, а именно туда. Народ боялся это место, стороной обходил... Называли его «Гнездо молний». А я любопытный был мальчонка. И после очередной грозы как раз так полыхало, так полыхало... Короче, пошел на то место. Там от огня даже песок спекся. Я взял лопату, стал копать. И выкопал, знаешь что?

— Нет.

— Клад выкопал. Понял?.. Золотое блюдо. Кувшин, вот вроде твоего... Монеты в кубышке... Теперь-то я как физик понимаю: скопление металла, вот искра туда и шла... — Шатров залпом осушил очередной бокал. — Отнес я все это домой. Мать испугалась — в сельсовет потащила. А потом дали нам за это много денег. Понял? Закон у нас такой... Земля государственная. Значит, все, что в ней находится, — тоже государству принадлежит. Но кто нашел — тому доля полагается. Мы тогда корову купили, мне костюм справили, первый в жизни... Потом корреспонденты приезжали, в газетах об этом писали. И стал я сразу знаменитым на всю страну.

Мустафа хрипло, недобро засмеялся.

— Нет, точно!.. — обиделся Шатров. — Фотография даже в «Правде» была... И с тех пор, веришь, удача так и перла, так и перла. Словно кто-то оттуда, с неба, путь освещал...

— Все правильно, — усмехнулся гость. — Вот и меня Аллах послал, чтобы я тебя в трудную минуту вывел на истинный путь.

— А что, может, так оно и есть? — вдруг встрепенулся Шатров. — Если здесь всем на нас наплевать, все заслуги забыты... Ну и черт с ними! Я согласен... Забирай меня, джинн... Куда идти?

— Пойдем в рощу через черный ход.

— Там у тебя маленький вертолет стоит?

— Вроде того... — снова усмехнулся Мустафа и проникновенно спросил: — Леонид Петрович, а вы больше никого не хотите отсюда забрать? Если есть желание, это можно...

— Кого? Ты что имеешь в виду? Катьку, что ли? Зачем она мне нужна? Там же, ты сказал, гарем ждет...

— Это, конечно, так. Но у нее же от вас ребенок будет.

Шатров вскинул голову, даже протрезвел немного.

— Ну, вашу фирму действительно можно уважать. Такое владение ин-фор-мацией... — Последнее слово далось ему с трудом. — Это ее дело... Она сама хотела. Думала, я на ней женюсь... Дудки! Меня этим не купишь. Я эти штучки уже изучил...

— Но вы ей хоть записку напишите, — великодушно предложил Мустафа. — Чтобы женщина не надеялась, не проклинала вас.

— Записку? — Шатров встал, качнулся. — Ну, давай... Это, пожалуй, можно... — Он, пошатываясь, направился к столу.

После разговора с Легасовой Иван Сергеевич пошел в штаб батальона охраны и теперь оживленно беседовал с его командиром — майором Михаилом Владимировичем Фишкиным. Несмотря на то, что ЧП непосредственно касалось его службы, командир держался спокойно, с достоинством, отвечал на все вопросы обстоятельно и подробно.

— Да, в ту ночь должен был дежурить на пульте старший лейтенант Легасов. Но он себя плохо чувствовал, накануне ездил за молодым пополнением и, видимо, отравился чем-то в дороге. Я заменил его капитаном Тарасенко.

— Легасов сам сообщил вам о своем недуге?

— Нет. Он очень гордый, самолюбивый человек. Тщательно следит за своим физическим состоянием. И ему, наверно, было неловко признаться. Но я обратил внимание на его необычную бледность, обильное потовыделение. Задал прямой вопрос, и он, как дисциплинированный офицер, вынужден был мне честно ответить.

— И вы отправили его домой?

— Да. Он при мне позвонил жене, сообщил ей, что его дежурство отменяется, но сначала он зайдет в медчасть.

Савельев задумался, побарабанил пальцами по крышке стола.

— Скажите, Михаил Владимирович, — наконец произнес он, — а если офицер, дежурящий у пульта, решил помочь кому-нибудь незаметно проникнуть на территорию объекта, он смог бы это сделать?

Фишкин насутился, недовольно покряхтел и сказал:

— Чисто теоретически он мог бы на время отключить любой участок сигнальной системы. Но я полностью отвергаю этот вариант. Я абсолютно уверен в своих подчиненных.

Иван Сергеевич улыбнулся и безобидно спросил:

— А как тогда вы объясните факт исчезновения Шатрова? Он что, по воздуху улетел?

— Да, — сразу согласился Фишкин. — Охрана организована так, что это единственный путь. А средств ПВО у меня нет.

— Занятно... Значит, прилетел к нам волшебник в голубом вертолете и... — Савельев щелкнул пальцами.

— Почему именно в вертолете? — сухо возразил майор. — Иностранцы разведки для специальных целей используют разные летательные устройства.

— Какие мы все стали образованные, — не вытерпел и раздраженно пробурчал Иван Сергеевич. — Все-то мы знаем, кто и чем оснащен. Только у себя под носом ничего не видим. Ладно!.. Охарактеризуйте мне старшего лейтенанта Легасова.

— Есть, — сдержанно ответил Фишкин и четко, как по-писаному, стал излагать: — Старший лейтенант Легасов — грамотный, исполнительный офицер. Окончил Киевское общевойсковое училище, по специальности — армейский разведчик. Первая должность — командир разведзвода в Среднеазиатском округе. Рекомендовал себя с самой лучшей стороны, имеет прекрасные физические данные, великолепно владеет оружием и приемами

рукопашного боя. К нам согласился перейти только потому, что здесь несколько меньше нагрузка, а он готовится для поступления в академию, тщательно изучает иностранный язык, мечтает стать офицером внешней разведки. По характеру несколько замкнут, в общении с товарищами сдержан. Отношения в семье — нормальные.

— Прекрасно, — усмехнулся Савельев. — Это, насколько я понимаю, цитата из последней аттестации?

— Так точно, — не стал отрицать Фишкин.

Вернувшись в кабинет Малинина, Иван Сергеевич попросил у Васи чистый лист бумаги, взял ручку и написал: «План оперативно-розыскных мероприятий». Потом поставил цифру «1» и надолго задумался...

10

И снова ночь... И снова старший лейтенант Легасов дежурит у пульта. Перед ним — экран телевизора. Он может нажатием кнопки просмотреть любой участок сигнальной системы. Перед ним — ряд пронумерованных лампочек. Вспыхнет одна из них — значит, тревога! И мчится точно к месту происшествия вооруженный караул...

Сменщик Легасова пока отдыхает в специальной комнате. И командир батальона майор Фишкин почему-то остался в штабе. Видимо, его настораживает присутствие на объекте представителя из Центра. Бойтся внезапной проверки. Ведь ему скоро получать очередное воинское звание, а тут это ЧП...

Неожиданно открылась дверь — в дежурку вошел майор. Легок на помине! Какая нечистая его принесла?

— Слушай, Виктор Семенович, — взволнованно сказал Фишкин. — Позвонила твоя жена. Воет... С ней, похоже, истерика. Просит, чтобы ты домой пришел. Там что-то необычное произошло.

— А как же?.. — Старший лейтенант растерянно кивнул на пульт.

— Иди. Я за тебя посижу.

Легасов не стал перечить командиру, вышел из штаба и быстро побежал к своему коттеджу. Войдя в прихожую, он остановился как вкопанный — на вешалке висел... известный всему объекту пижонский кожаный пиджак Шатрова.

И тут же во всем доме внезапно погас свет. Только где-то там, в гостиной, теплился тусклый огонек. У Легасова мороз прошел по коже, но он пересилил себя и сделал несколько решительных шагов. В слабом мерцании, исходившем от огарка свечи, он увидел стол. На нем стояли откупоренная поллитровка, тарелка квашеной капусты, соленые огурцы...

— Заходи, Витя, чего стыдуешь? — раздался насмешливый голос.

«Стыдуешь» — это было словцо Шатрова!

— Кто вы? — сдавленно спросил Легасов.

— Вот... заглянул к тебе в гости... надо же меня помянуть по христианскому обычаю... — Из темноты вышлыла рука, и стар-

ший лейтенант увидел на ней до боли знакомый изломанный зигзаг молнии.

— А-а-а!.. — воскликнул Легасов и рухнул на пол.

Когда он очнулся, то понял, что сидит в кресле за столом, перед ним — граненые стаканы.

— Не думал, что ты такой слабак, — усмехнувшись, сказал все тот же голос. — Когда меня убивал, не дрожал, действовал хладнокровно... — Из мрака снова появилась ненавистная рука «с молнией», она взяла бутылку, наполнила стаканы. — Давай по русскому обычаю помянем раба божьего Ленечку Шатрова.

— Зачем вы пришли? — закричал Легасов. — Где Катя?

— С ней все в порядке. Она спит... А сегодня девятый день моей кончины. Забыл?.. Я имею право последний раз явиться в мир людей. Ну, пей! До дна! Чокаться не будем.

Легасов, давясь, хлебал пресную, омерзительную жидкость.

— Закуси... — Рука призрака протянула ему огурец.

— Н-нет... Не буду...

— Как хочешь. А я поем, больше-то не придется. — И аппетитно захрустел в темноте. — Ты не бойся, Витек, я на тебя зла не держу. Сам виноват... За все надо платить! Только зачем же сразу жизни лишать? Могли бы сесть вот так, спокойно все обсудить.

— Я вас ненавижу! И сейчас ненавижу... — прохрипел Легасов. — У меня все внутри перегорело от этой ненависти. Я вашу рожу наглуго видеть уже не мог... Считали себя сверхчеловеком! Считали, что вам все позволено! А я вас, как щенка слепого, вокруг пальца обвел! И все поверили!.. Вас теперь на границе с Ираном ловят!.. — Он засмеялся нервно, натужно, со всхлипом.

— Куда же ты меня дел? — спокойно спросил призрак. — Я после смерти ничего не помню.

— Не волнуйтесь! С почетом похоронил! В клумбе, в центре поселка.

— А-а-а... — печально протянул Шатров. — Туда как раз свежий грунт завезли. Мудро, ничего не скажешь. И на том спасибо... Эх, Витя, Витя, глупенький ты мальчик. Загубил ты и свою жизнь, и чужую. А за что? Ну, да теперь не исправишь. Придется отвечать... Все! Стоп!

Ярко вспыхнул свет. Легасов от неожиданности зажмурился. Через мгновение открыл глаза — перед ним сидел Савельев и печально качал головой.

— О-хо-хо... — горько сказал он и, глянув куда-то в сторону, спросил: — Записали?

— Так точно, товарищ подполковник. — Из соседней комнаты вышел оживленный Калинин. — Ну, класс! Как вы его раскололи!

— Заткнись! — яростно выкрикнул Иван Сергеевич, потом потер ладонью в области сердца, тихо сказал: — Извини... Граждане понятия, прошу выйти и зафиксировать, что в бутылке находилась обычная вода. Все сведения подозреваемый сообщил без какого-либо химического воздействия...

Уставшие, измотанные до предела Савельев и Малинин сидели в кабинете особого отдела. Легасова только что взяли под стражу. Еще звучал в ушах отчаянный, злой крик несчастного старшего лейтенанта: «Все равно! Все равно! Я его и на том свете, если встречу, задушу! Задушу!..»

— Вася, у тебя настоящая водка есть? — опустошенно спросил Иван Сергеевич.

— Есть, — смущенно ответил Малинин. — Налить?

— Плесни чуток. И себе, если хочешь.

Вася открыл сейф, вынул из него непочатую бутылку «Столичной».

— Эх, жалко закуска там осталась.

— Ладно, давай так...

Контрразведчики выпили, пожевали завалявшуюся в столе корочку хлеба.

— Да, здорово! — оживленно сказал сразу схвативший кайф Вася. — Как же вы догадались, Иван Сергеевич? Мне даже в голову эта версия не приходила.

Савельев отрешенно усмехнулся:

— Ну, во-первых, я сразу почувствовал в этом материале какую-то самодеятельность... Хотя и не лишённую таланта. Потом, когда я остался один у Легасовых, я внимательно изучил их библиотеку. Там много книг по театру и серьезных научных монографий, причем преобладают издания, связанные с проблемами Ближнего Востока, мусульманской религией. Тут вроде бы ничего нет странного, ведь Легасов работал в армейской разведке на этом направлении, но все как-то выстраивалось в одну линию... А мотив для убийства у него, конечно, был. Потом, наревевшись вдоволь, вернулась его жена. Я «поприжал» ее немного, и она рассказала, что в тот вечер, как обычно, собиралась к Шатрову. Но когда узнала, что дежурство мужа отменяется, то даже обрадовалась. «Я себя очень плохо чувствовала, — сказала она, — меня так в сон клонило, наверно, давление падало». Она пошла в спальню и сразу уснула. Как пришел муж, не слышала, но утром он лежал рядом с ней. Смекаешь?.. Так что четкого алиби у Легасова не было, но и следов он нам, видимо, никаких не оставил, все-таки профессионал... Как его брат? Я уже совсем было собирался уходить и вдруг на журнальном столике заметил эту модную книжонку — «Жизнь после смерти». Знаешь такую?

— Читал с интересом, — честно признался Малинин.

— Вот... — хмыкнул Савельев. — Я и спрашиваю Легасову: «Это вы такую серьезную литературу прорабатываете?» Она лапками всплеснула. «Что вы, — говорит, — я только телевизор смотрю. А это муж... Он очень увлекается всякой мистикой». Тут меня и осенило устроить весь этот спектакль...

— Да, вы прямо как Смоктуновский в «Гамлете», — пьяненько щурясь, мечтательно произнес Малинин. — Помните, он дядюшке-кровопийце оперативный эксперимент устраивал?

На объект прилетел следователь военной прокуратуры со своей бригадой, и они сразу приступили к исполнению своих обязанностей. В указанном месте был обнаружен труп Шатрова. Судмедэксперт определил причину смерти — «механическая асфиксия путем сдавливания шеи руками».

На первом же допросе Легасов признал свою вину и последовательно рассказал о всех стадиях подготовки и осуществления преступления.

— Я действительно очень долго не догадывался, что жена мне изменяет, — тусклым, монотонным голосом говорил он. — Я ее очень сильно любил. И сейчас люблю... Но однажды мы повздорили с товарищем. Прямо на дежурстве... Из-за пустяка, по какому-то политическому вопросу. Я сказал, что он абсолютный профан и судит с позиции бабки на завалинке. Тот обиделся и бросил мне сторяча: «Индюк напыщенный! Строишь из себя всезнайку, а у самого рога, как у оленя, выросли! А ты даже не замечаешь!..» Я прямо так и сел. «С кем?» — спрашиваю. А он мне отвечает: «С Шатровым! Весь объект об этом знает!..»

Легасов помолчал, покусал губы. Было видно, что ему страшно тяжело вспоминать этот момент.

— Я взял прибор ночного видения... У нас есть такой, вроде очков... И прямо с дежурства пошел к дому Шатрова. Подкрался к окну. Там между занавесок была щель. И все своими глазами увидел... Катя отдавалась любви с такой страстью, так откровенно... Со мной она так никогда себя не вела... Это было ужасно! До сих пор, как вспомню эту картину, у меня все внутри трясется...

И действительно было странно наблюдать, как тело этого сильного, молодого человека начала сотрясать крупная дрожь.

— Может, вам дать лекарство? — заботливо предложил следователь.

— Нет. Спасибо... Сейчас пройдет. — Виктор несколько раз глубоко вдохнул, успокоился и продолжил своей рассказ: — В ту ночь я чуть не застрелился. Потом хотел убить их обоих. Вот так, думаю, приду в следующий раз с пистолетом и прямо в спальне их уложу... Но потом я крепко подумал и решил, что это он ее совратил и развратил. Надо было видеть его наглуую, самодовольную морду! Любимец народа, баловень судьбы!.. А тут еще Катя мне сообщила, что у нее будет ребенок. Я, конечно, сразу понял, от кого... У нас почему-то не получалось. Мы и к врачам ходили. Они говорили, что оба здоровы. Несовместимость какая-то... Вот, когда она мне об этом сказала, я тут же принял окончательное решение. Все, думаю, конец ему! Значит, он на ней жениться и не собирался... Надо его так убрать, чтобы никто не догадался, где он. Чтобы он навсегда исчез, испарился, словно его и не было на этом свете. И тогда Катя со мной останется, и будет у нас нормальная семья, с ребеночком... Я сразу остыл, успокоился и стал обдумывать это дело профессионально. Вспомнил, как-то промелькнуло сообщение в газете о том, что исламские экстремисты хотели бы заполучить в свое распоряжение наших безработных атомщиков, и решил использовать этот вариант. А дальше дело техники... Я тщательно подготовил сценарий будущей пьесы. У меня все-таки неплохие актерские данные. Как раз кстати

подвернулась командировка за молодым пополнением. В областном городе у кооператоров я заказал атрибутику. Сейчас все купить можно, были бы деньги. А я их на это дело не жалел... Да, забыл сказать, у Кати я нашел ключ от коттеджа Шатрова и быстро в нашей мастерской сделал с него дубликат. Когда вернулся из командировки, тянуть было нельзя... — Легасов усмехнулся. — Персики могли испортиться... Я отлично сыграл роль больного. Майор Фишкин, заботливый командир, сам снял меня с дежурства... Накануне, когда мы ужинали, я незаметно подсыпал Кате снотворного в чай. Она должна была отключиться... Я хорошо изучил распорядок дня Шатрова и знал, что он рано домой никогда не возвращается — ужинает в буфете или у Маклаковых, потом играет на бильярде... Короче, времени для подготовки у меня было достаточно...

Далее Легасов подробно рассказал о том, что происходило в коттедже Шатрова в ту роковую ночь.

— Мне нужно было обязательно убедить его написать Кате записку. Я считал ее очень важной деталью в осуществлении своего замысла. И мне удалось это сделать... Он поверил в предполагаемые обстоятельства на все сто процентов! — Тут Легасов улыбнулся, было видно, что он до сих пор доволен своим лицедейством. — Да, это была великолепно сыгранная роль! Жаль, никто этого не видел. Порой я так увлекался, что забывал, для чего пришел. Но развязка неумолимо приближалась...

— А как смогли отправить письмо жене с посланием Шатрова?

— С оказией... — Легасов повернулся в сторону Савельева и снова усмехнулся. — Вот товарищ прилетел на вертолете. Мы летчику передали пачку солдатских писем. И в них я незаметно вложил свой конверт... Кстати, можно задать вопрос товарищу подполковнику?

— Ну, задавайте, — разрешил следователь.

— Скажите, Катя знала о вашей «мышловке»?

— Нет, — честно ответил Иван Сергеевич. — Я попросил ее переночевать у подруги. Сказал, что хочу вызвать вас и поговорить откровенно в домашних условиях. Поскольку я все знал о ее похождениях, она не смогла мне отказать.

— В общем, заставили, — понял Легасов и облегченно вздохнул. — Ну, хорошо хоть так...

Савельев после четырех часов непрерывного допроса вышел на свежий воздух, подставил лицо дувному из степи сухому, порывистому ветру. В ушах все еще звучал голос Легасова. Порой Виктор увлекался, говорил ярко, образно. Он действительно был незаурядным человеком и, пройдя хорошую школу, мог бы стать отличным актером.

Ивана Сергеевича особенно поразил рассказ о «гнезде молний». Дело в том, что у них, в старинном алтайском селе, тоже была такая ложбина, куда постоянно били зарницы. И тоже мужики и бабы страшились к ней подходить. А он, мальчонкой, однажды пробрался туда после грозы с лопатой, увидел остеклевший песок и стал копать. А когда углубился на метр, из-под земли внезапно брызнула струя холодной, чистой воды. Этот родник до сих пор жив. И люди его называют Иванов ключ...

Савельев уже собирался улетать «на большую землю», когда к нему в гостиницу неожиданно пришла Легасова. Она по-прежнему выглядела удивительно привлекательно, и только темные круги под глазами говорили о том, что и ей нелегко приходится в этой трагической ситуации.

— Иван Сергеевич, — с придыханием сказала Катя, — меня следователь завтра на допрос вызывает.

— Ничего страшного, — сухо ответил Савельев. — Он обязан это сделать. Вы проходите по делу как свидетель.

— А меня в тюрьму не посадят?

— За что? — удивился подполковник.

— Ну... — Легасова потупила свои голубые очи, нервно потеребила пальцами складки юбки. — Ведь это из-за меня Витя убит. Я во всем виновата.

— За это... — Савельев сделал выразительную паузу, — увы, не судят.

Легасова сразу как-то успокоилась и, поерзав на стуле, уже смелее спросила:

— А вот ребеночек у меня родится, будут мне за него пенсию платить? Все-таки Леонид Петрович был крупным ученым...

Иван Сергеевич хмыкнул и пояснил:

— Вы же с ним не были зарегистрированы в браке. С точки зрения закона отцом этого ребенка считается Легасов.

— А Витю, наверно, расстреляют? — Она притворно вздохнула.

— Суд решит... Я думаю, учитывая, что он находился в определенном аффектозном состоянии, до высшей меры не дойдет. Но лет пятнадцать дадут...

Савельеву был неприятен этот разговор. Он все ждал, когда же Легасова наконец уйдет. Но Екатерина Николаевна не торопилась. В ее маленькой красивой головке утряслась вся эта информация, и она, полыхнув глазами, сказала:

— Иван Сергеевич, ведь я вам помогла раскрыть это дело?

— Ну? — уже откровенно недоброжелательно буркнул подполковник.

— Вы не могли бы похотатайствовать, чтобы мне хотя бы в нашем областном городе выделили квартиру. Ведь вы понимаете, здесь я больше жить не могу...

Савельев пожал плечами и скорее для того, чтобы она наконец отвязалась, пообещал. Но потом, по здравому рассуждению, проник ситуация и настоятельно попросил руководство объекта помочь «бедной женщине».

Примерно через полгода Вася Малинин, находясь в отпуске, был проездом в Москве. Он позвонил Ивану Сергеевичу на работу. Они поболтали о том о сем, и, как бы между прочим, Вася сообщил, что Екатерина Легасова квартиру получила, а ребенка рожать не стала — аборт сделала.

— Вот как... — сдержанно отреагировал Савельев и торопливо закончил разговор: — Ну ладно. Извини. У меня дела. Будь здоров! — И, не дожидаясь ответа, положил трубку.

**ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ
«СМЕНЫ» —
МОСКВИЧИ И ЖИТЕЛИ ПОДМОСКОВЬЯ!**

Если вы хотите и впредь читать наш журнал, но не имеете возможности платить лишние деньги почте за доставку или киоскерам, продающим «Смену» с большой наценкой, приезжайте к нам в редакцию, и мы подпишем вас с любого номера по цене, указанной в Каталоге. При этом у вас будет стопроцентная гарантия, что вы получите журнал в срок.

Более подробную информацию об условиях подписки мы даем по телефонам:

257-30-55, 212-15-07

≡
 Зима. Голубые дома изо льда.
 Так тихо, что слышно, как всходит звезда.
 И снежные люди, как тени, идут и идут,
 и вестью о чуде лежит запечатанный пруд.
 Ждут писем с Венеры —
 а, может, откликнется Марс.
 Но лучше б, кровавый,
 жестокий — забыл он про нас.
 И так, как доспехи, сверкают тяжелые льды,
 и так переполнены тюрьмы, вокзалы, суды.
 Так хочется счастья. Придет ли оно? И когда?
 Так тихо, что слышно,
 как падает с неба звезда.

≡
 А ночи здесь, за далями лесными,
 так холодны, а к осени — вдвойне...
 Звезда горит лучами ледяными
 и тянется настойчиво ко мне.

Мне ничего, мне никого не надо.
 Пускай придет былое, в свой черед.
 Я вижу вновь больничную палату,
 отец воскреснет — и опять умрет.

Неодоуменьем горестным томиться,
 брести в снегу, могилу покупать,
 и на поминках смутно видеть лица,
 и «Я не верю!» — повторять опять...

Нет, это — сон. Конечно, это — небыль!
 Зубцами сердце ранит синий лес...
 ...А грузчики уже выносят мебель,
 и неуклонно близится отъезд.

≡
 Не говорю о том, чтобы жизнь прожить,
 но хоть бы умереть здесь, на земле родимой,
 где камни так мягки, и так вода сладима —
 листом осенним не хочу кружить
 по белу свету, в тягость мне свобода,
 лишь здесь себя я чувствую народом,
 горами, лесом, речкой, тишиной,
 всем тем, что стать мне помогало — мной.
 Иной судьбы не знаю, не ищу...
 На родине — о родине грущу.

*На московском пепелище
в Тамерлановской орде
след корней его отыщем,
может, даже — на звезде.*

*Почему, никто не знает,
чем душа его больна —
иссыкает, высыхает,
остывает, как луна.*

*И пройти бесстрастно мимо
мы, конечно же, вольны,
этой драмой не томимы...
Но — пять метров глубины?!*

≡
*На стене сарая, под навесом
старый серп зазубренный висит.
Полумесяц в небе с интересом
на собрата своего глядит.*

*Я траву косила и устала,
не заметила, как вечер подошел.
Срезанный под корень клевер альый
будет звезды поджидать, как пчел.*

*Колокольчик прозвенел... И снова
мерный звук нарушил тишину —
там бредет из табуна корова,
то ль домой, а то ли — на луну.*

*А в домах, почти под каждой крышей,
ярко загораются огни.
Сумрак все синее, ночь все ближе...
И в саду — все сказочнее пни.*

*Я еще помедлю с полминуты,
тихо в сад калитку притворю...
«До свиданья! — прошепчу кому-то.—
Этот день — за все благодарю».*

≡
*О Господи, спаси и сохрани,
пусть матери моей продлятся дни,
пусть дом стоит, не падает забор,
пускай в малинник не крадется вор,
пусть слизни не едят у нас клубнику,
не манят вдаль болотные огни,
пусть малые заботы полнят дни,
но не мешают замыслам великим.*

Я слишком любила земные приметы. Не верю,
что стану бесплотной,
ступив за родимый порог.
Мне столько всегда говорило молчанье за дверью,
могу ли теперь отделить,
где молчанье, где Бог?

Не стану гадать,
что случится со мною и с вами.
Где счастье? Везде, а, быть может,
таится во мгле.
Так в сумерках синих
не виден стакан с васильками,
а руку протянешь —
да вот же они, на столе!

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ

ЧЕСТЬ МУЖА

Угол зрения

Фото Владимира ЕФИМОВА

ПА

Любопытно, но в словаре Владимира Даля нет идиомы «честь мундира».

«Мундир» в отдельности, разумеется, наличествует: «Форма одежды, однообразная одежда служащих».

«Честь» тем более не обделена вниманием и расшифровывается с исчерпывающей полнотой: «Внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть».

А что же такое честь офицерского мундира? И вообще время ли об этом вести разговор?

Оказалось, самое время...

Роман Добровольский. Сейчас он уже лейтенант. Получил вместе с дипломом назначение и отбыл из Рязани к месту службы. А в июне, когда беседовали в учебном центре Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища, он был курсантом-выпускником...

Познакомились мы в классе управления боем: мне довелось присутствовать на выпускном экзамене, как раз сдавал Добровольский. Не вникая — по причине непосвященности — в суть его ответов на вопросы в билете, я отметил для себя, как спокойно, уверенно и с естественным достоинством держится этот парень перед дотошными полковниками-экзаменаторами. Лично моя оценка была такова: вопросы и ответы складывались в некий диалог профессионалов. В разговор спецов — опытных с молодым.

— Для меня честь мундира — это во многом фамильное понятие. Я ведь потомственный десантник. В третьем колене. Дед, Анатолий Михайлович, генерал-майор, в 70-х годах командовал Тульской дивизией. А парашюти-

стом стал еще до войны. В начале Великой Отечественной прошел специальное обучение на трехмесячных курсах. Подготовку с нынешней теоретической и общеобразовательной, конечно же, не сравнить. Но боевая, физическая... В общем, его четыре ордена Красного Знамени и другие боевые награды — это, образно говоря, его диплом. Его профессиональная аттестация.

Отец пошел по стопам родителя. Закончил это же Рязанское училище. Профессиональный рост пришелся на Витебск и опять-таки Тулу. Командовал полком. Закончил Академию имени Фрунзе. После чего стал в ней преподавать. Защитил диссертацию по военной науке. Сейчас работает в научно-исследовательском отделе Академии. К «династической» линии приплюсуйте еще и мою тетюшку. Она у меня капитан ВДВ. Последние годы, правда, на канцелярской должности в военкомате. Но за ее плечами хорошая десантная подготовка — полсотни парашютных прыжков. И тренировочных. И с боевым снаряжением. В общем, полноценный спец для действий в тылу противника.

А то для чего же еще мы, десантники, предназначены! Для битвы за урожай на картофельном фронте? Как показала практика, такие трудовые акции чреватые всякими слухами и пересудами в политически смутные времена. Увидит передвижение десантной автоколонны кто-то из слабонервных и напуганных, и пошло-поехало...

Не подумайте, что я пытаюсь отрицать то, что в 1990—1991 годах высшее руководство бывшего Союза манипулировало десанниками в политической игре. Но хочу — со своей точки зрения — прояснить один момент. Все дело в том, что в ВДВ уже прочна прослойка офицеров, сформировав-

шихся в условиях политического раскрепощения, сознание которых не было зашорено идеологическим догматом. Так что иди знай, что вышло бы, если бы, скажем, в августе 1991-го был отдан в наши войска преступный приказ. Впрочем, те августовские события многое расставили по местам...

И все же маленькое пояснение. То, что в наших войсках много всяческих перемещений с оружием (и отнюдь не только на десантных самолетах), пусть никого не вводит в заблуждение. Это всего лишь рядовая деталь учебного процесса десантной подготовки.

Нас называют суперменами. И в этом есть правда. И заключается она в том, что мы уже внутренне, на каком-то подсознательном уровне готовы к выполнению боевого задания, даже если оно учебное. Готовы независимо от степени готовности, предписанной штабным приказом. Даже в то время, когда батальон или рота находится «на картошке», может поступить команда. И при полной боевой выкладке нужно будет пробежать километров 15, да хоть и 50, по любой местности. Да еще, вероятнее всего, вступая в бой с «противником». Затем «выбить» его с объекта, указанного командованием. А то и вовсе погрузиться в самолет и десантироваться где-то за тридевять земель... Если уж я затронул учебный процесс, то как не сказать о том, что получается в итоге. Получается профессиональный воин экстра-класса, умеющий все делать в совершенстве. Стрелять из всех видов стрелкового оружия, существующих в мире. И вообще из всего, что стреляет — будь то орудие, миномет, пулемет или «стингер». Владующий вождением всего того, что ездит по земле. Прошедший школу выживаемости в критических условиях. О закалке, вынос-

ливости, рукопашном бое, прыжках с парашютом даже и не говорю. Это общеизвестно. И плюс ко всему институтский общеобразовательный уровень.

...Моя жизнь с детства складывалась среди военных. Поневоле сравниваю офицеров-десантников прежних лет с нынешними моими одногодками, товарищами по училищу. Вывод однозначен, как сейчас любят говорить: и те, и теперешние — люди одной человеческой пробы. Качества, привитые учебой в училище, службой, формируют и натуру, характер. Есть, конечно, покладистые, есть вспыльчивые. Одним словом, все разные — такие, как досталось от природы. Но не встречал и не слышал об офицерах, нечистых на руку, подлецах, подонках. Потому, наверное, в ВДВ крепки традиции, сильно воинское братство.

В этом братстве фамилии авторитетных, самых ярких офицеров служат своего рода паролем, сближающим людей. Вот приеду я служить в часть, скажу, что учился у таких блестящих офицеров, как полковник Леонид Густавович Бланк, или подполковник Кирилл Константинович Костин, или капитан Александр Владимирович Козленко (да и многие другие), и обязательно сыщутся те, кто относится к ним с таким же почитанием. А в этих случаях всегда ведь между людьми возникает более тесный психологический контакт. То же будет и с моими друзьями по курсу Димой Заподобниковым, Сашей Ивановым, Юрой Мельниковым, Денисом Цымбалом. Разлетимся по разным местам. Но невидимые нити, вплетаясь в воинское братство, прочнее, будут связывать нас...

Альберт Евдокимович Слюсарь, генерал-лейтенант. Начальник Рязанского высшего воздушно-де-

сантного командного дважды Краснознаменного училища имени Ленинского комсомола. Герой Советского Союза.

Звание Героя, которое не может отменить никакая реформация, он получил в Афганистане — первым из генералов. О том периоде его службы я услышал: «Никогда не отсиживался за спинами солдат». О том, какой любовью и уважением он пользовался среди личного состава дивизии, говорит такая деталь: когда его назначили начальником училища, многие воины-десантники, воевавшие под его началом, со срочной службы пошли в курсанты.

И это при том, что с приходом Слюсаря был усложнен учебный процесс — прежде всего физическая и боевая подготовка. Например, новичков стали подвергать такому испытанию: группу из нескольких человек завозили в окрестности Рязани, снабжали картой, «ценными указаниями» и заданием — через такой-то промежуток времени добраться до объекта X учебного центра. Учебный центр училища расположен километрах в шестидесяти от Рязани, если ехать по шоссе до села Кузьминское (соседствующего со знаменитым есенинским Константиново), там перебраться паромом через Оку и далее — большаком до Дягилева. Молодым курсантом задание давало право выбора пути. Хоть через Берлин. Но только к сроку, целыми и здоровыми.

С именем Слюсаря также связывают укрепление материально-технической базы учебного центра. Центр действительно великолепен. Его посещали англичане, французы, немцы, американцы. Осматривали полигоны, тактические поля, модули, всякие инженерные и специальные строения, танкодром и вододром (где отрабатываются действия на воде бое-

вых машин десанта) с нескрываемой завистью. Ничего подобного в мире больше нет.

— Вы, наверное, обратили внимание на месторасположение в Рязани нашего училища. Неподалеку от КПП городка — Собор Бориса и Глеба. Клуб — в здании бывшей духовной семинарии, построенном в 1816 году. Адрес училища — улица Каляева. Три разных пласта российской истории скрещено в одной точке. Поневоле подумаешь об этом в наше время, когда идет становление новой российской государственности, сообразно с чем реформируется и доставшаяся ей часть Вооруженных Сил бывшего Союза.

Сегодня применительно к армии нередко употребляют слово «создание». Оно, считаю, крайне неточно определяет суть вещей. Что, выходит, прежняя армия распалась? Но это могут утверждать только глупцы и политиканы. Да, плохого в армейской среде, в том числе и в генеральском эшелоне, выявилось немало. Да, надо решить много проблем, связанных с разделением Союза, выработкой современной военной доктрины. Но, уверяю вас, то, чем обладает Россия в настоящее время, способно защитить страну от любой агрессии. Если говорить в общем плане, то следует заметить, что идет укрепление боеспособности военных округов — за счет частей и подразделений, выводимых из дальнего и ближнего зарубежья.

Как на этом фоне выглядит наше училище? Отмечу самый важный, на мой взгляд, факт: ни один офицер из многочисленного состава преподавателей и командиров училища не подал рапорт на увольнение в запас — и это при том, что их нарасхват разобрали бы новые экономические структуры. Где вы еще найдете техника или инженера, другого какого спе-

ца, который в одиночку может справиться с шайкой racketиров или бандитов? Повторяю — ни один...

А между тем у нас более ста семидесяти семей офицеров без жилья — тяжкая, изнуряющая, просто какая-то постыдная проблема. Сколько служу, столько слышу по этому поводу на самых верхах самые благостные декларации, а все заканчивается полумерами. Сейчас вот строится для нас дом в Рязани. С помощью кооператива «Россия» возводим еще коттеджи для офицерских семей в Дягилеве. Но всех-то все равно не удастся обустроить. Как долго это будет продолжаться? Президентом России изданы правильные указы, распоряжения. Но они не исполняются местной властью. Что говорить, если даже на мои, депутата облсовета, обращения, запросы, связанные с жильем, считают возможным вообще не реагировать! Пойдет дело в таком же духе и дальше — не знаю, что станет с офицерством? Сохранится ли приток юношей в училище?

...Пока он не ослабел, несмотря на то, что отселялись территории бывших союзных республик. По-прежнему поступает немало рязанских ребят, воспитанников суворовских училищ. Это — костяк всех наших учебных батальонов.

Но каждый набор несет на себе отпечатки событий и явлений, происходящих в стране. Любопытно, что в этом плане самым трудным за все годы существования училища оказался набор 1991 года. Из него отчислено около ста человек — случай небывалый. И если бы только нарушители дисциплины, разгильдяи. А то ведь подворачивали. Здесь же, в городке, у своих товарищей, коллег по профессии. С таким вот «гражданским грузом» пришли. Хотя по анкетам

и характеристикам — все «чистенькие». А вот набор 1992 года — совсем другое дело. На этих ребят можно положиться. За них не придется краснеть. Не запятнают честь и достоинство...

Владимир Владимирович Киттель, профессор кафедры тактики Санкт-Петербургского Высшего военно-морского ордена Ленина Краснознаменного ордена Ушакова училища имени Фрунзе.

Морская карьера началась почти полвека назад, когда в 1944 году в Ленинграде было создано Нахимовское училище. Он был в самом первом наборе. Позже учился там, где сейчас преподает. На штурманском факультете. Потом служил на боевых кораблях. Был командиром тральщика, миноносца. С дальними походами ходил во многие моря и океаны. Воспитал и обучил не одну тысячу офицеров...

— Скоро будем праздновать 300-летний юбилей Российского флота. А училище наше — почти его ровесник, создано в 1701 году. Названное тогда Петром «Навигацкая школа». Со старейшим учебным заведением страны связана вся история флота. Какую знаменитую морскую фамилию ни возьми — начиналась тут, в этих старых стенах. И как не радоваться тому, что сейчас уже кое-что начато в деле восстановления морских традиций, страниц истории училища, которые на долгие годы были вымараны по идеологическим соображениям.

Мне в мою учебную пору посчастливилось застать преподавателей и офицеров-наставников, начавших свою карьеру еще в царское время, и тех, кто учился у них в первые советские годы. Назову, например, Льва Андреевича Поленова, брата известного художника, бывшего вахтенным офицером ча

«Авроре» во время того исторического выстрела. В училище он был начальником цикла морской подготовки. Их, «стариков», отличали всестороннейшая образованность, которая немислима без знания иностранных языков, особый морской лоск, щепетильность в соблюдении писаных и неписаных офицерских правил поведения. Скажем, положен был лишь сантиметр, на который манжеты рубашки должны были быть длинней рукавов кителя. И это соблюдалось неукоснительно. Пренебрежение подобными «мелочами» психологически предопределило цепочку потерь более ощутимых, более принципиальных.

В этом логическом ряду назову хотя бы то, что на каждом флоте сыщутся корабли, принятые от судостроительных заводов с мелкими недоделками, «брачком». Эти изъяны давали о себе знать потом, в учебно-боевых походах. Оттого-то за последние годы на флоте случалось такое количество аварий. Доходило и до трагедий, хорошо всем известных.

Или возьмем другую «мелочь» — морскую сигнализацию. Может, я старомоден, но никак не могу взять в толк, почему сейчас не учат будущих офицеров флота читать и передавать флажками и светодором. До недавних лет этой «азбукой» на флоте владели все — от лейтенанта до адмирала. Да, конечно, на каждом корабле, в каждом морском подразделении есть специально подготовленные сигнальщики. Более того, есть САСы — сигнальные аппараты связи. Но мало ли что может случиться не в учебном, а настоящем бою! Да и вообще морское дело, наверное, не сохранит свой ореол исключительности, если из него изъять некоторые хрестоматийные вещи, в прагматическом плане,

возможно, уже и потерявшие свой смысл. Но они ведь несут в себе некую эмблематичность, являются как бы генными точками традиций, передающихся от поколения к поколению, из века в век. Недаром ведь даже большевизм не решился (и не смог бы) полностью разрушить, вытравить их. Хотя в отношении иных видов Вооруженных Сил это было сделано успешно.

Но вот уровень интеллигентности, образованности морского офицерского корпуса за все советские годы помаленьку, но снижался. А ведь когда-то именно наши соотечественники, морские офицеры, поражали мир своей образованностью, эрудицией, отменным владением английского, французского, итальянского языков... Недаром именно из их среды выходили географы, писатели, публицисты, создавшие множество книг с описанием самых далеких стран и народов.

А сейчас что? Да иные курсанты к выпуску не то что иностранным, русским плохо владеют. Так дальше пойдет, придется устав корабельной службы под мат приспособлять. Что ж удивляться, что в «компасном зале» училища, сохранившемся с точностью в том виде, в каком возникло при Петре I (это небольшое круглое помещение на перекрестке коридоров, где рисунок паркета выложен в форме компаса, а в простенках стоят бюсты Коперника, Галилея, Магеллана и Колумба. — В.М.), дежурным зачастую приходится сметать шелуху от семечек...

Российские морские офицеры всегда отличались героизмом и мужеством. Это известно всему миру. Но так хочется, чтобы они были лучшими во всем!

Андрей Голиков, курсант четвертого курса Санкт-Петербургского

Высшего военно-морского училища имени Фрунзе (штурманский факультет). Старшина второй статьи.

Он родом из небольшого городка Башмаково, что в Пензенской области. Мать — учительница. Отец — рабочий. Сугубо сухопутная семья.

О морской службе мечтал еще в школьные годы. Начитан. Интересный собеседник. В курсантской среде по праву занимает место неформального, как принято выражаться, лидера. Организатор веселых капустников, вечеров отдыха... В музее училища подвел меня к стенду, за стеклом которого хранится любопытнейший документ — меню танцевального вечера морских кадетов и их подруг, который имел быть 6 ноября 1909 года здесь, в тогдашнем Морском корпусе. Для любопытных привожу его полностью: «Бульон с кулебякой. Пожарская котлета с гарниром. Гуси с яблоками. Мороженое. Кофе. Конфеты» (тогда конфеты были «тяжелее» на одну лишнюю «к»).

Само собой разумеется, на вечере играл духовой оркестр. Жюри определяло лучшую танцевальную пару, которой вручались награды — голубой и белый бантики из атласа, формой напоминающие Георгиевские кресты. Такие вечера проходили регулярно. Иногда, говорят, на них заезжал Государь император. А уж на выпускных балах бывал обязательно...

— Трудное и интересное время мы переживаем. Я лично считаю, что мне здорово повезло, что оно пришлось на мои молодые годы, на самое начало жизненного пути. Как говорится, даст Господь, так доведется не только быть участником перемен, но и посмотреть, что же вышло в итоге. А, возможно, и послужить еще в качественно новых условиях,

когда не будет той массы проблем, что захлестнули всех нас сегодня...

Я не сомневаюсь: все получится, как надо. Жаль только, если какое-то время будет потрачено на преодоление сопротивления переменам. Оно ощущается и в нашем училище, хотя не так грубо, как там, наверху, где идет откровенный дележ сфер влияния и материальных благ. У нас — соперничество взглядов, двух типов поведенческого сознания. Первый — что укоренился в условиях идеологического диктата, второй — которому уже не довелось этот диктат испытать на себе. Это соперничество не бросается в глаза. Потому что как бы ни различились взгляды офицеров, чью бы сторону они ни занимали, они умеют не терять достоинства и не опускаться до того, чтобы превращать соперничество в поле мести, или в ту откровенную драчку, что порой наблюдаем в нашем парламенте. Главным для нас остается не политика, не говорильня, а дело, которому посвящена жизнь.

Но закономерен вопрос: а что из всего этого вынесут курсанты? В нравственном, психологическом плане. Ведь хочешь не хочешь, а политический раздрай так или иначе оставляет осадок в сознании, в душах. Заставляет подспудно, как бы ни отгораживался от надоевшей всем политики, делать выбор, определять свою позицию.

Многие мои товарищи считают, что из вестибюля училища надо убрать бюст Ленина. Исключить из названия и его имя, и Фрунзе. Я не сторонник таких радикально-нигилистических мер. Они не вызовут митингов, наподобие тех, что проходили в защиту статуи развенчанного вождя на Московском вокзале Санкт-Петербурга. Но ведь кого-то оскорбят, заденут за живое. А ведь эти «кто-то» из нашей

же, флотской, семьи. Разве честно это будет по отношению к ним?

Вот в одном из холлов училища, рядом с оригиналами Айвазовского и других известных маринистов, висит мемориальная доска, где золотом выписано, что наше училище окончили художники Боголюбов и Верещагин, писатель Станкевич, композитор Римский-Корсаков. При том, что коридоры и холлы училища полны самых разных мемориальных досок, установленных в честь флотоводцев, Героев Советского Союза, вышедших из этой «альма-матер», его «золотых» выпускников, тех, кто начальствовал (начиная с Петровских времен) учебным заведением, — эта доска логично вписывается в интерьер, не вызывает недоумения. А между тем оказалась она здесь потому, что в свое время ее должны были вмонтировать в стекло у парадного подъезда, где и положено ей быть. Но то ли райком, то ли горком партии запретили это делать. Мол, не внесли писатель, художник, композитор никакого вклада в славу отечественного флота. Абсурд, глупость, да и только! Конечно, получилось так, как решили партийные чины. Но был найден и выход, сохранивший «опальную» доску от уничтожения, а заодно и честь офицеров...

На мой взгляд, мемориальную доску надо оставить там, где она сейчас находится. Само ее расположение — факт нашей истории. А вот как быть с названиями, символикой — и не только нашего училища — это следует хорошо обдумать. Но менять надо. Это безусловно. У старых офицеров на этот счет, конечно, другое мнение. Но давайте вспомним: почти за трехсотлетнюю историю своего существования училище меняло свое официальное наименование более пятнадцати раз. Львиная

доля этих перемен приходится на период до 1917 года. Во-вторых, кто-нибудь в простом общении употребляет это название в его длинном неуклюжем для речи виде? Нет, конечно. С другой стороны, уберем из названия ордена и имена — училище обезличится. (Оно ведь не единственное в Санкт-Петербурге военно-морское...) Поговаривают, что каждое училище в России будет иметь свои эмблемы, носимые на униформе, — это бы повысило престижность каждого из них. И имело бы немалую моральную отдачу — повысилась бы ответственность курсантов за честь родного училища, а значит, и за свою собственную честь...

В старой России так ведь и было — отличительные признаки в униформе, эмблемах имели не только кадетские корпуса, но и воинские части.

В этом году, кстати, всем выпускникам училища вручили заколки для галстуков, на которых историческая эмблема Навигацкой школы. (Не то, что курсанты, — офицеры из Главного штаба за этими заколками охотятся.)

У Российского военно-морского флота много проблем. Знаю их не только по прессе и из разговоров. Побывал во время курсантской практики на многих кораблях, был и в учебных походах. Большинство кораблей по своим ходовым качествам и вооруженности не уступают западным, а то и превосходят их. Но ощущается отставание в электронных, автоматических системах управления. Все более дает о себе знать кадровая проблема. Прослеживается она и на уровне училища. Когда я поступал, конкурс на штурманский факультет был пять человек на место. Сейчас ощутимо снизился. Как дальше дело будет идти? Сюда-то не призовешь, как на

срочную службу. Выход один — как можно скорее переходить на контрактную систему. Создавать в больших городах пункты по набору. Специалисты подсчитали, что в итоге профессиональный военно-морской флот обойдется государству дешевле, чем нынешний.

Хочется, чтобы сейчас и вовеки на всех морских широтах в утренний час, когда играет зоря, рванялись моряки на взметающийся российский флаг...

Вот такие встречи были у меня в двух, пожалуй, самых престижных, «элитных» военных училищах России.

Возможно, кому-то из читателей встречи эти, монологи покажутся нарочитыми, с привкусом, что ли, «цеховщины». Но чего-чего, а сора из «армейской избы» вынесено уже предостаточно. И все-таки при всех трудностях, переживаемых страной, при всех неблагоприятных обстоятельствах идет процесс организованного строительства Российских Вооруженных Сил. Оно словно бы всколыхнуло устоявшиеся, даже подвергшиеся девальвации, понятия.

В том числе и такое, как «честь мундира»...

Мне думается, понятие это — в некотором роде кастовое для российского офицерства — пора очищать от шелухи повседневности и кухонных дрызг. В конце концов за словами «форма одежды» и «нравственное достоинство, честность, благородство души» и кроется то самое единство формы и содержания, которое мы так жаждем видеть в нашем офицерстве.

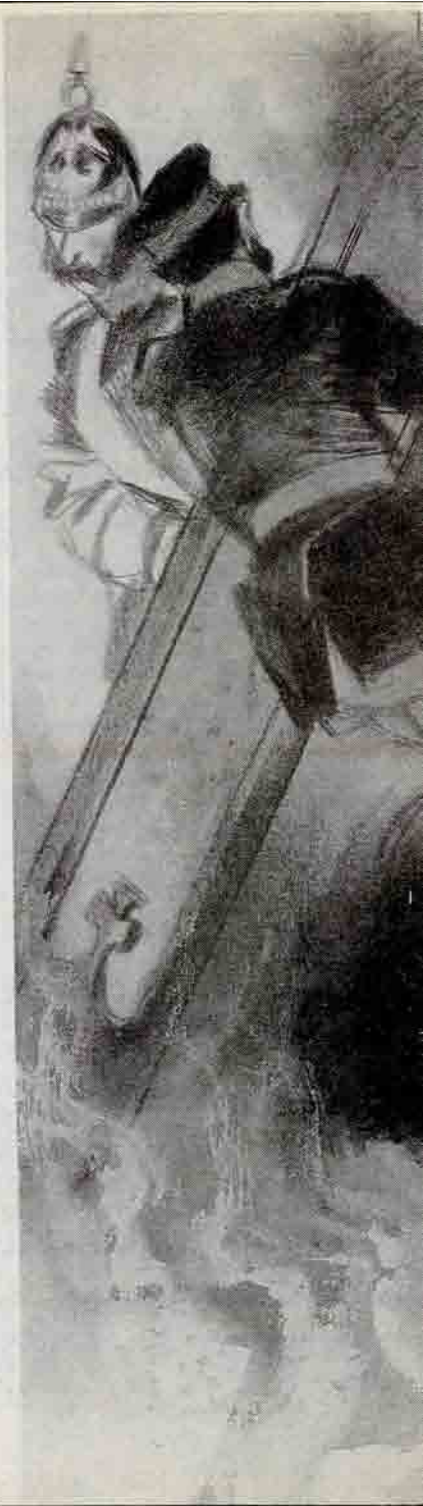
И не только в нем...

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

ПОЖАР В ЗИМНЕМ

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

имный дворец многие воспринимают как обиталище земных богов, чья жизнь была сплошным развлечением и наслаждением. Великолепная обстановка, драгоценные коллекции, блестящие мундиры, тьма придворных и слуг...

Но между тем мало кто знает, что раз в год Зимний дворец открывал свои двери для всех!

Обратимся к XIX веку, ко времени царствования Николая I.

Ежегодно 1 января устраивался так называемый «бал с народом».

Полиция регулировала вход, впуская не более сорока тысяч человек, но все, сильно желавшие увидеть государя, имели такую возможность. Под руку с императрицей он обходил залы, раскланиваясь на обе стороны и беспрестанно повторяя: «Позвольте пройти», — и толпа расступалась.

В Гербовый зал, где вдовствующая императрица играла в карты с министрами, мужиков пускали по десятку человек, и они бочком проходили, шарахаясь от многочисленных зеркал и высокомерных лакеев. Правда, с удовольствием получали от лакеев чашки с чаем, в которые сами лакеи накладывали сахар и размешивали его. Ложечки народу на всякий случай не давали. Кстати, фрейлины и статс-дамы надевали на этот вечер фальшивые драгоценности, почему в их кругу бал имел название «бал фальшивых камней».

Случалось в Зимнем всякое...

17 декабря 1837 года Зимний был объят пламенем.

Огонь показался в шесть вечера в аптеке, но его притушили. От государя это скрыли, и он с женой, братом, с детьми Сашей и Марией поехал смотреть новую постановку балета «Баядерка» с несравненной Гальони.

Великие княжны Ольга и Александра играли в карты в маленькой гостиной. Часу в девятом вечера двенадцатилетняя Александра случайно глянула в окно и увидела, что на двор вырываются языки пламени.

— Мы горим! — закричала девочка.

— Это ничего, ваше высочество, — успокоительно сказал призванный камердинер. — Это, извольте знать, из трубы выкинуло. Не тревожьтесь.

И великие княжны спокойно легли спать.

Под их покоем в кардегардии застывший в караул поручик Мирбах вечером также забеспокоился.

— Что за дым? — спросил он.

— Даст Бог, ничего, — отвечал старик лакей. — Два дня, как лопнула труба у печки. Мы, стало быть, заткнули мочалкою и замазали глиной. Раз уж загорелось, да мы потушили. Ничего...

Всерьез забеспокоились во дворце, когда дым повалил неизвестно откуда густыми серыми клубами. Дежурный ординарец был послан с донесением о дыме и заверением, что ничего страшного нет.

Но какой уж тут балет! Николай Павлович с Александром

направился домой, попросив брата Михаила встретить императрицу и проводить ее в Аничков.

Взбежав по парадной лестнице, император обнаружил растерянных донельзя придворных, испуганных фрейлин и решительных гвардейцев, не знавших, что делать.

Совещались в Фельдмаршальском зале. Граф Бенкендорф указывал, что дым идет с чердака. Туда отправился верный Адлерберг с солдатами, но вскоре принужден был вернуться — уже на лестнице дым был столь густ и тяжел, что невозможно было дышать.

— Окна! — звонким тенорком скомандовал государь. — Разбить окна!

Расчет был на то, что порыв воздуха продует залы. Вышло же иное. Источник пожара, получив такое усиление, разошелся вовсю. И вскоре страшные, высокие языки пламени поползли по стенам. Дым, однако же, уменьшился.

Государь, в преображенском мундире с забытым биноклем в руке, прошел через горящие Фельдмаршальский, Петровский, Белый залы. Достигнув покоев, не затронутых пожаром, он велел вызванным преображенцам и павловцам выносить мебель и вещи и складывать во дворе. Адъютантов послал проверить, разбудили ли всех на половине императрицы. Вдруг появилась она сама. На уговоры Михаила Павловича, встретившего ее на Большой Морской, Александра Федоровна ответила вопросом:

— Где дети?

— Сейчас их привезут в Аничков.

— Мое место там, где они!

Меж тем серый тяжелый дым тянулся уже по всем залам, кабинетам и коридорам.

— Ваше величество, — доложил ординарец, — еще пожар!

— Где?

— На Васильевском, ваше величество.

Заведено было, что государь ездил на большие пожары. Николай оглянулся на наследника, и тот сразу откликнулся:

— Позвольте, батюшка, я съезжу туда!

— Давай! Мы тут сами справимся.

Солдаты, грохоча сапогами по драгоценному наборному паркету, выносили диваны, столики, комоды, кресла, тащили в охапку шторы и гардины, длинные рулоны драгоценных шпалер, шкатулки, вазы, часы, в узлах звякали драгоценные столовые приборы, в корзинах тонко позванивал хрусталь.

— Всех ли разбудили? — беспокоилась Александра Федоровна. — А Кутузову не забыли? Она, бедная, болеет, могла и не услышать.

Девица Кутузова, конечно, мирно спала, стука в дверь и топота по фрейлинскому коридору не услышала, приняв сильное успокоительное. Разбудили и вывели. Отправив детей, императрица оставалась во дворце, пока Николай Павлович попросту ее не выгнал. И уж тогда, обойдя комнаты и залы, попрощавшись с бывлым, она покинула Зимний и перешла в здание министерства иностранных дел напротив.

Алексей Федорович Орлов позднее вспоминал, что император

обратил особое внимание на Эрмитаж, где были собраны коллекции живописи. «Его потеря была бы для нас истинным народным трауром. Распоряжениями Государя мы обязаны спасению Эрмитажа», — считал Орлов.

Вскоре стало ясно, что огня не потушить, слишком много источников. Горело все. Главной задачей было спасение людей и вещей — насколько возможно.

Из Фельдмаршальского зала преображенцы вынесли все знамена, портреты и побежали в галерею героев 1812 года. Солдатам было приказано выносить вещи на площадь, так и делали, складывая их в кучи у Адмиралтейства и у здания министерств. А портреты героев Отечественной войны составили у Александровского столпа и прикрыли солдатскими обгорелыми шинелями. Портреты императорской семьи из Романовской галереи отнесли в здание министерств.

К одиннадцати вечера опасность возросла. Фельдмаршальская зала сгорела дотла, обрушились Белый и Георгиевский залы.

— Государь, — спросил Орлов, — не нужно ли вынести бумаги из кабинета? Позже мы туда не сможем подняться.

— У меня там нет бумаг! — отвечал Николай Павлович. — Я оканчиваю свою работу изо дня в день и повеления тут же передаю министрам. Остаются только три портфеля с дорогими моему сердцу воспоминаниями... Принеси их, а я пойду посмотрю, как там у императрицы.

Эта часть дворца была уже пуста. Николай прошел в спальню, намереваясь взять бриллианты жены. Он нашел ящик комода открытым и пустым. Удивился, но промолчал.

Сначала огонь взялся за сторону дворца, обращенную к набережной, а, разгулявшись там, пламя, усиливаемое ветром от проломленной крыши и выбитых окон, набросилось на другую сторону. В мгновение здесь и там осветились темные окна, выходящие на Дворцовую площадь, и вскоре вся громада дворца превратилась в огромный костер.

Надо было спасать Эрмитаж, надо было преградить огню доступ. Разрушили крышу галереи, соединявшей его с главным зданием, но это только усугубило положение. Михаил предложил заложить все окна и арки кирпичами.

— Делай!

В одной зале государь увидел толпу гвардейских егерей, сидевших оторвать вделанное в стену громадное зеркало. Вокруг все пылало.

— Ребята! — скомандовал царь. — Бросайте вы это!

— Ничё-ё... — раздалось в ответ. — Тяни, тяни!.. Потихоньку...

— Бросай, кому говорю! — рявкнул Николай, но его будто не слышали.

— Как можно бросать, государь? — попросту обратился к нему седоусый унтер, утирая черный пот со лба. — Все, что можно, выгтачим!

Тогда Николай, вспомнив о бинокле, бросил его в зеркало.

Огромная зеркальная стена тонко тенькнула и рассыпалась на кусочки.

— Ребята! — давась дымом, сказал Николай Павлович, не

зная, от дыма или от чего другого текут по его щекам слезы. — Ваша жизнь для меня дороже зеркала! Расходитесь!

Примеры такого рода были не единичными. Из большой дворцовой церкви, в дыму и пламени, солдаты вопреки приказу выносили иконы. С самой вершины иконостаса сняли горящий образ Спасителя.

Около трех утра государь оставил дворец и перешел в Эрмитаж. Пламя полностью овладело Зимним. Дворец превратился в сплошное огненное море. Клубы черного дыма лениво тянулись вокруг стен, снопы искр падали на ближние здания.

За цепью полков, окружавших Зимний, в безмолвии стоял народ, замороженный небывалым зрелищем.

По повелению государя провели проверку среди солдат. Немало обнаружилось обгоревших и угоревших в дыму, но все оказались живы. Стоит вспомнить, что за два года до того на масленицу на Адмиралтейской площади случился пожар в балагане. Из-за паники и растерянности погибли две сотни людей.

К утру усилился мороз. Рассвет наступал великолепный. Солнце ярко блистало, но стоило повернуться к Зимнему, и дневное светило меркло рядом с пучиной огня, бушевавшей в царских покоях. Пылали все четыре этажа. Снопы пламени и клубы дыма вырывались из крыши. На подъезде вдовствующей императрицы обрушились мраморные украшения. Пламя утихло к вечеру 18 декабря.

По Невскому валом валил народ — поглазеть. Толпились ближе к площади, смотрели во все глаза, с жадностью слушали слова знающих людей, что вот теперь горит половина государя, его кабинет...

Толпа расступилась перед саями государя. Он приветливо кланялся, был бледен, но спокоен.

— Ничего, — слышал Николай Павлович из толпы успокоительные возгласы. — Бог дал, Бог взял...

Примечательно, что мебель, вещи, столовое серебро и золото были сложены и просто свалены в кучу на площади, и за полные сутки ничего оттуда не пропало. Правда, один гвардейский солдат утащил массивный серебряный кофейник, но на следующий день был схвачен: ни один торговец в городе не захотел взять вещь с императорским гербом. Золотой браслет, оброненный императрицей ночью на площади, поутру был найден в луже растаявшего снега. Да и бриллианты ее, как оказалось, были сохранены камер-фрау госпожой Рорбек.

В рассветные часы приехал наследник и доложил государю, что пожар на Васильевском удалось потушить. Сгорел лишь один мещанский домик, но хозяевам было дано 100 рублей на первоначальное обзаведение.

— Молодец! — потрепал он Сашу по плечу. — Кто бы нам, погорельцам, помог...

Саша пораился. Он чувствовал себя немного героем: летел на пожар, сменил коня, двух извозчиков. Полицейстера там не было, он сам командовал пожарными и добился, что Галерная гавань осталась нетронутой. Но тут... он не верил глазам — вместо дворца стояли обгорелые стены. На батюшку страшно

было смотреть: глаза совершенно красны, мундир выгорел в нескольких местах.

Вечером в Аничковом обсуждали события ночи, выясняли подробности, но главного — откуда пошел пожар — так и не выяснили.

— Слава Богу, все живы! — довольно произнес великий князь Михаил Павлович.

— Увы, ваше высочество, не все, — с легким поклоном поправила фрейлина императрицы Россет, известная острым язычком. — На нашей половине великая скорбь и траур: Наталья Бороздина оплакивает свою собачку, а мадемуазель Сеслави-на — канарейку.

Россет ждала взрыва смеха, но молчание было ей ответом. Она быстро сменила ироническое выражение лица на сочувственно-скорбное.

...Дворец восстановили в год с небольшим, так пожелал царь. По проектам архитекторов Штауберта, Стасова и Монферрана все было воссоздано в прежнем виде, но с большей роскошью. Прибавилось позолоты и зеркал.

При первом посещении нового Зимнего дворца 27 февраля 1839 года мальчишеское нетерпение овладело Александром. Он любил дворец. Очень хотелось вприпрыжку, как некогда, пробежаться по прекрасной Иорданской лестнице, через просторные любимые залы — Фельдмаршальский, Петровский, Гербовый и тронный Георгиевский. Но это было невозможно.

Весь двор собирался в Эрмитаже, оттуда и началось шествие к малой церкви. Впереди шли камер-фурьеры, затем царская семья, за которой следовали статс-дамы, фрейлины и другие дворцовые чины. У церкви присоединилось духовенство. Отслужили заутреню и обедню. Служба тянулась, казалось, бесконечно. Чуть оглянувшись, Александр заметил, что многие дамы от сильной духоты и усталости лишились чувств. Корсеты, увы, сильно стесняли дыхание.

После службы отец Баженов святою водою окропил стены покоев в новых апартаментах, при внешней простоте ставших еще более роскошными. Александр хотел сам пройти в свои комнаты, но строгий взгляд отца остановил его.

Александр давно уже понял, что царское дело трудно — среди прочего необходимо делать то, чего не хочется, и не делать желаемого. Так в детстве он страстно хотел кататься с горок на Неве перед Адмиралтейством, но это не позволялось. Позднее он видел, каких усилий стоит его матери следование ежедневному ритуалу: смотры, парады, поездки верхом, приемы и балы. Последние годы нервные конвульсии — память декабрьского мятежа — становились реже, но при малейшем волнении черты ее лица искажались, голова тряслась. Необыкновенно усилившаяся худоба Александры Федоровны породила слух о чахотке, отвергаемой врачами, но не исчезнувшей... Надо — и, подчиняясь воле мужа, императрица с открытой шеей и плечами танцевала под холодным и влажным ветром в Петергофе. Надо — и любимая дочь императора Мария в семнадцать лет должна была выйти замуж за простоватого и развратного малого, кутилу

и игрока герцога Лейхтенбергского, сына Евгения Богарнэ — пасынка Наполеона.

Когда все собрались в по-прежнему уютной матушкиной гостиной, он спросил о том, что прежде не пришло бы в голову:

— Чего стоило восстановить дворец?

Отец удивленно покосился, граф Адлерберг бодро назвал какую-то сумму, Клейнмихель скорбно закивал.

— Включая новую канарейку мадемуазель Сеславиной, — добавила Россет.

Никто не сказал о том, что восстановление Зимнего стоило жизни десяткам рабочих, принужденных работать без сна и отдыха в сильные морозы, обреченных в зимние дни постоянно выходить из жарко топившегося дворца (это делалось для скорейшей просушки стен) на мороз, и снова в жару, и снова в мороз...

В ранних сумерках мягким светом свечей освещались залы дворца. Вышедшая из-за темных туч бледная луна открыла четкий ритм фасадов и угрюмое молчание статуй, вновь водруженных на крышу. И в порыве бессильного предостережения замер с крестом в руке ангел на вершине Александрийского столпа...

ВИКТОР ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат экономических наук

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

94

**Распад единой
прежде страны,
образование
пятнадцати новых
независимых
государств
привели,
среди прочего,
и к тому,
что множество
людей стали
«иностранцами»
в своем доме**

«Большая Родина»

Для многих Родиной была не столько республика нынешнего проживания, сколько Советский Союз в целом. Население унитарного государства, каким фактически и был СССР, весьма «подвижно». Судя по последним переписям населения, около половины жителей страны проживало не там, где родилось — не в тех городах или сельских административных районах. Многие миллионы людей родились в одних бывших республиках (ныне — новых независимых государствах), а живут в других. Новые межгосударственные границы разделили родственников, а то и членов одних семей.

По южным окраинам бывшей империи, от Молдавии до Таджикистана, возникли и годами делятся острые межнациональные кон-

дикты, идут ожесточенные войны. Правящие элиты независимых государств стремятся, как правило, создать национальные (однонациональные, этнические) страны, в то время как население их многонационально, а титульная национальность (то есть дающая название государству) в ряде случаев едва превышает половину населения, а в одном — не составляет и половины. Многочисленное нетитульное население чувствует себя, как правило, дискриминированным.

Как все это сказывается на миграциях населения между бывшими союзными республиками? Какие тут возникают проблемы? И как они решаются? И как могут быть решены? Что ожидает миллионы людей, потерявших свою «большую Родину»?

Тема эта чрезвычайно обширна. В последние годы люди всех национальностей возвращаются в «свои» республики, идет массовая репатриация, то есть возвращение на свою или своих предков (историческую) родину. Я ограничусь здесь репатриацией русских в Россию. По той главным образом причине, что русские в ближнем зарубежье — наиболее многочисленная часть возможных переселенцев между бывшими союзными республиками.

Сколько их?

В нашем обществе возникли и укрепились совершенно фантастические представления о каком-то неизбежном «великом переселении народов». Читаешь, например, что русские в бывших союзных республиках — это «25 миллионов потенциальных беженцев в Россию».

К большому сожалению, подобные сенсационные заявления иной раз делают и люди, пользующиеся

в нашем обществе очень высоким авторитетом. Вот один из последних случаев.

«Заглянем в недалекое будущее: в распахнутые свои широкие границы России предстоит принять от двадцати пяти до тридцати миллионов тех, чьи права сегодня урезаются в ближнем зарубежье. России придется накормить этих людей, расселить, дать им работу и обеспечить высокое не только материальное, но и духовное существование».

Это из статьи академика Лихачева «Земля Божья, но продавать можно». К сожалению, Дмитрий Сергеевич ни словом не поясняет, на чем конкретно его мнение основано. Думаю, он ошибается.

Да, за пределами России в границах бывшего Советского Союза по переписи населения 1989 года проживало 25,3 миллиона русских и около четырех миллионов людей тех национальностей, этнические территории которых находятся в пределах Российской Федерации. Но отчего все они пожелают в Россию вернуться?

Половина этих русских живет на Украине и в Белоруссии. И половину эту из возможных потенциальных переселенцев в Россию можно смело исключить. Не в том, конечно, смысле, что переселений не будет, а в том, что они будут по крайней мере уравновешены встречным движением — на Украину и в Белоруссию. В последние годы туда из России переезжает больше людей, чем из них в Россию. И состоит этот отток не только из украинцев и белорусов, но и из русских (и, конечно, людей иных национальностей).

Безусловно, никто полностью не исключает и того, что значительная часть русского населения Украины может оказаться в России. Но в таком случае оно окажется здесь «вместе с territori-

ей». Неужели, будучи в здравом уме и твердой памяти, можно предположить, что в Россию выедет, например, русское население Крыма, где оно составляет подавляющее большинство всех жителей (по переписи 1989 года — 1 миллион 630 тысяч из общего числа 2 миллиона 430 тысяч (67 процентов)).

Итак, остается вторая половина русских ближнего зарубежья. Четверть всех русских, то есть половина от этой половины, проживает в Казахстане, русско-казахской, по составу населения, республике. Русских тут большинство на севере и востоке, казахов — на юге и западе. Межнациональные трения в Казахстане есть. Однако они сравнительно незначительны. В первом году после распада Союза (1992) интенсивность движения русских из Казахстана в Россию была много ниже, чем из любой другой неславянской республики. Руководство Казахстана, насколько я могу судить, делает все возможное для обеспечения в республике межнационального мира. Судя по всему, обострение здесь межэтнических отношений до такой степени, когда значительная часть русских вынуждена будет уехать, маловероятно.

Главная проблема репатриации в Россию связана со Средней Азией. Здесь в 1989 году проживало 3,3 миллиона русских. Это больше, чем в Прибалтике, Молдавии и Закавказье, вместе взятых.

В трех республиках Средней Азии были в последние годы столкновения с многочисленными жертвами: в Ферганской области Узбекистана в 1989 году (погром турок-месхетинцев, которых пришлось срочно вывозить военно-транспортной авиацией), в Ошской области Киргизии (между киргизами и узбеками) и столице Таджикистана Душанбе — в 1990 году;

с середины 1992 года в Таджикистане началась гражданская война, «угли» которой тлеют и не...

Ни один из этих конфликтов не был направлен непосредственно против русских. Конечно, на них переносилось, в некоторой мере, недовольство Москвой, «центром», государственной политикой, очень низким здесь уровнем жизни. Однако сколько-нибудь выраженной массовой русофобии в Средней Азии не было и нет.

Впрочем, кровавые вооруженные конфликты, хотя и не направленные против русских, сильно напугали и их, и других «европейцев» — вообще все некоренное население. В 1989-м и особенно 1990 годах произошел сильный «всплеск» чистого оттока жителей из Средней Азии. (Но значительный отток из Средней Азии начался еще с середины семидесятых годов: за 1979—1988 годы он составил 850 тысяч человек, по 85 тысяч за год в среднем — люди уезжали из-за большой и быстро растущей безработицы и значительно более низкого, чем в других местах бывшего Союза, уровня жизни...)

В относительно мирном 1991 году отток населения из Средней Азии сильно сократился; часть ранее выехавших возвратилась обратно. А 1992 год дал новый всплеск выезда из Средней Азии — изо всех ее республик, а не только из Таджикистана с его гражданской войной.

Убежден, что подавляющее большинство некоренного населения Средней Азии неизбежно выедет оттуда. Здесь резко обостряются проблемы занятости. Чтобы устроить нынешних безработных (и будущих), необходимо быстро ввести миллион новых рабочих мест, то есть требуются очень большие капитальные вложения.

У самих республик Средней Азии средств на это нет и не предвидится. В прошлом значительная часть инвестиций в народное хозяйство шла из союзного бюджета: республики получали большие дотации за счет более развитых регионов СССР. Теперь союзного бюджета нет, российская помощь (через низкие цены на энергоносители, технические кредиты и т.д.) снижается. Новые независимые государства Средней Азии ищут зарубежные кредиты. Но маловероятно, что они будут достаточны для обеспечения нормальной занятости трудоспособного населения. Конкуренция за рабочие места усилится. Уровень жизни здесь неизбежно снизится по сравнению с Россией и республиками европейской части бывшего Союза.

Выезд: пути и перепутья

Итак, большинство «европейского» населения Средней Азии оттуда выедет. При нормальном, относительно бесконфликтном развитии это произойдет плавно, постепенно, как в первой половине 80-х годов. При развитии же по «таджикской модели» (думаю, что такое маловероятно, но — не исключено) могут быть и концентрированный массовый выезд, вынужденная срочная миграция, в том числе и бегство. Однако общий итог при любом варианте, если брать достаточно продолжительное время, один и тот же: выезд большинства некоренного населения.

Думаю, важнейшая задача государственных органов России, особенно Федеральной миграционной службы, тщательно следить за развитием событий в Средней Азии, прогнозировать возможность миграции и принимать упреждающие меры, способные пере-

вести «переселенческие процессы» в относительно безболезненные формы.

Пока с этим, к сожалению, не справляются. Так, жители Душанбе после кровавых событий февраля 1990 года стали искать пути выезда, создав для этого мощную общественную организацию «Миграция» (на базе отрядов самообороны, не пустивших погромщиков в жилые кварталы). Российское же государство никаких мер не приняло. Вероятно, следовало вывозить оттуда россиян, не дожидаясь гражданской войны...

Второй проблемный регион — Прибалтика. Здесь в 1989 году проживало 1,7 миллиона русских. В отличие от Средней Азии чистый миграционный приток сюда продолжался практически вплоть до распада Советского Союза. Уровень жизни здесь был много выше среднего по СССР, прирост населения сравнительно низок — требовалась дополнительная рабочая сила.

Теперь Латвия и Эстония стремятся «выдавить» значительную часть русскоязычного населения, однако без заметного успеха. Думаю, что большинство русских и иных русскоязычных Прибалтики там останутся.

В Закавказье русских было относительно мало еще в 1989 году (заметный чистый отток оттуда идет давно), а в последующем большая их часть выехала, особенно после армянского погрома в Баку в январе 1990 года. На общую картину притока русского населения в Россию Закавказье существенно повлиять не может.

Относительно мало русских и в Молдавии. Кроме того, многие «молдавские русские» — выходцы не из России, а из южной Украины, особенно из соседней Одесской области. Туда они и направляются в случае выезда.

Взвесив все обстоятельства, прихожу к выводу, что наиболее вероятный чистый приток населения в Россию из всех бывших союзных республик в последнее десятилетие века составит два-три миллиона человек. «Двадцать пять миллионов потенциальных беженцев в Россию» — чистой воды фантастика.

Еще в 1991 году для Министерства труда Российской Федерации была разработана специальная программа «Миграция», где речь шла о возможном притоке населения в Россию из союзных республик и обустройстве прибывающих мигрантов. По среднему, то есть наиболее вероятному, варианту прогноза чистый приток в одном только 1992 году должен был составить более 3 миллионов человек. Год прошел. И что же? По официальным данным Госкомстата России — всего 278 тысяч человек. При обсуждении Программы в министерстве все пять независимых экспертов признали прогноз крайне неудачным, в принципе неверным. Каким прогнозом руководствуется Федеральная миграционная служба теперь — неизвестно. Никакой официальной программы до сих пор не опубликовано.

Кто они — возможные репатрианты?

Подавляющее большинство русского населения бывших союзных республик — горожане. Более того — жители крупных городов, а в некоторых случаях — столичные жители. (В 1989 году 76 процентов русских Азербайджана проживало в Баку, 50 процентов русских Таджикистана — в Душанбе...)

В трех республиках Средней Азии доля русских в сельском на-

селении в 1989 году не достигала и одного процента и только в Киргизии составляла 10 процентов.

Доля русских в населении Средней Азии быстро уменьшалась из-за очень высокого естественного прироста коренного населения. К 1989 году она снизилась до 10 процентов. Половина русских Средней Азии проживает в Узбекистане. Во всем населении республики их было 8 процентов, в городском — 20, в населении столицы — Ташкенте — 34 процента. В Киргизии, соответственно, 22, 40 и 56 процентов.

Подавляющее большинство русских Средней Азии — переселенцы советского времени и их потомки. Народное хозяйство нуждалось в квалифицированной рабочей силе, которую легче было пригласить из других частей бывшего СССР, чем готовить на месте. Большие потоки мигрантов связаны и с социальными катаклизмами: многие оказались в Средней Азии из-за катастрофического голода в Поволжье в начале 20-х годов (помните, «Ташкент — город хлебный»?); из-за голода начала 30-х годов во многих частях Советского Союза, который был связан с коллективизацией. В начале Отечественной войны в Среднюю Азию много населения было эвакуировано из западных районов страны вместе с заводами, фабриками, учреждениями... Часть эвакуированных осталась в Средней Азии навсегда.

В 60-е годы Средняя Азия стала районом, что стягивал население из всех других частей СССР: она была привлекательна возможностью получить работу с жильем, дешевой жизни; для женщин — возможностью легче, чем в России, устроить личную жизнь (по переписи 1959 года в Средней Азии проживало много больше

русских замужних женщин, чем русских женатых мужчин).

Нередко русские ценились не только из-за более высокой профессиональной квалификации, но и потому, что они согласны были работать на условиях, не удовлетворяющих людей коренных национальностей.

Характерный и широко известный пример: работа текстильщиков в ночную смену. Уважающий себя мусульманин не может допустить, чтобы его жена, сестра, дочь работали по ночам (разве для этого Аллах создал ночь?). А русские были к этому привычны. И в Ташкенте или Душанбе, на их гигантских текстильных комбинатах, они работали по тем же графикам, что и в Иванове или Калининe. Поэтому руководство текстильных предприятий очень старалось заполучить кадровых ткачих, прядильщиц, ровничниц из текстильных краев, выпускниц текстильных ПТУ, посылали специальных вербовщиков, официальные приглашения...

Проведя в 1964 году обследование кадров на Душанбинском текстильном комбинате, я установил, что русских там 56 процентов — причем особенно много уроженцев Поволжья и Центра.

Многие среднеазиатские русские, в известном смысле, — «коренные»: здесь родились, выросли, здесь воспитаны, хорошо адаптированы к местным особенностям — климатическим, культурным, бытовым. Даже у тех, кто прибыл в Среднюю Азию в юном возрасте в 1941 году, уже народились внуки. Коренным русским Средней Азии, нередко потерявшим родственные связи со своей исторической родиной, решиться на переезд нелегко.

Итак, среднеазиатские русские — в основном жители больших городов. А какое место занимают они в социально-профессио-

нальной структуре? У них очень высока доля интеллигенции и рабочих высокой квалификации. А внутри интеллигенции особенно велика их доля среди инженеров. Так, на каждые 10 тысяч занятых в народном хозяйстве горожан в 1989 году (по данным переписи) у узбеков Узбекистана приходилось 642 инженерно-технических работника, а у русских — 1462; в Таджикистане — 519 и — 1423... Выезд из Средней Азии русских — это потеря наиболее квалифицированных кадров промышленности, научных работников, учителей, врачей.

Руководители новых независимых государств Средней Азии хорошо осознали, какой ущерб их странам может нанести массовый выезд русских. Приведу по этому поводу мнение Президента Кыргызстана А. Акаева: «Я прилагаю максимум усилий, чтобы удержать их (русских. — В. П.). Прагматически рассуждая, я вижу три пользы от присутствия в стране русского народа. Первая: русский народ — это огромный стабилизирующий фактор. У нас проживает 80 национальностей, и славяне поддерживают равновесие между мусульманскими диаспорами. ...В тех мусульманских странах, из которых славяне выезжали, началась кровавая вражда. Обратите внимание на Армению и Азербайджан, на Таджикистан. После массового выезда оттуда славян (я имею в виду гражданское население) идет незатихающая бойня между своими, между соседями!

Второе преимущество: это образованные люди, а толкового специалиста надо готовить десятилетиями. Выезд... славян может парализовать нашу экономику.

И третья польза: у славян была своя ниша. А вакуум — это всегда дестабилизирующая ситуация. Поэтому я буду делать все, чтобы

остановить миграцию славянского населения».

Остановить ее, однако, не удастся. В Киргизии, по данным официальной статистики, чистый отток за первый квартал 1993 года — 15 тысяч человек. Для относительно малолюдной республики — очень много.

В нынешних условиях, когда государственная власть везде сильно ослаблена, а «на кону» нередко стоит жизнь людей, возможности воздействовать на миграцию у руководства новых независимых государств невелики. Во всяком случае, сильнее оказываются иные факторы: отношения в быту, в школе, на работе, борьба по вопросам гражданства и государственного языка между разными политическими силами, фактическая или ожидаемая в будущем дискриминация по национальному признаку, нежелание остаться по разные стороны новых межгосударственных границ с близкими родственниками и опасение того, что границы эти могут стать труднопреодолимыми, потеря былого социального положения, резкое снижение жизненного уровня...

Быстрый отток русского и иного «европейского» населения из Средней Азии может привести к тому, что ее государства будут вынуждены приглашать работников необходимых профессий и квалификаций по контрактам, оплачивая их труд, естественно, гораздо выше, чем труд своих специалистов.

А что думают сами «зарубежные» русские?

Общественными процессами управляет в конечном счете общественное мнение. Другое дело, что само оно определяется объективными обстоятельствами.

Каковы миграционные намерения русских ближнего зарубежья? Какая их часть желает уехать и куда? Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в августе — сентябре 1991 года провел большое исследование «Русские в республиках». На вопрос — «Собираетесь ли Вы, при удобном случае, выехать из республики или собираетесь остаться в ней жить навсегда?» — опрошенные жители неславянских республик ответили так*:

	решили уехать	решили остаться	не знают
	(в процентах к опрошенным)		
Эстония	6	62	32
Латвия	6	61	33
Литва	7	60	33
Молдавия	23	36	41
Азербайджан	25	34	41
Казахстан	11	50	39
Узбекистан	25	35	40
Таджикистан	36	23	41
Киргизия	24	33	43
Туркмения	28	32	40

Как видим, менее всего настроены на отъезд русские Прибалтики и Казахстана. Реальное миграционное поведение в 1992 году хорошо соответствует этим опросным данным. Хотя из Латвии и Эстонии националистически настроенное руководство новых независимых государств стремилось «выдавить» русских, а руководство государств Средней Азии — удержать их в своих странах, результаты были прямо противоположны таким намерениям руководства.

При опросе выяснилось: почти

* Ю. Левада. Общественное мнение об условиях и факторах миграции русского населения. В кн. «Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция». Вып. I. М., 1992, с. 25—26.

все потенциальные мигранты предполагают уехать в Россию. По данным Госкомстата РФ, на каждую тысячу русских, проживавших в бывших союзных республиках к началу 1992 года, за весь прошлый год чистый отток составил: в Латвии — 22 человека, а в Узбекистане — 41. При этом выезд из Латвии был в значительной мере связан с выводом оттуда российских войск. Самый большой отток — из охваченного гражданской войной Таджикистана, а самый малый (среди неславянских республик) из Казахстана: всего 13 человек на каждую тысячу казахстанских русских. (А на Украину и в Белоруссию русских вообще выехало больше, чем прибыло оттуда...) Надо иметь в виду, что это был первый год после официального распада бывшего Советского Союза. В населении всегда есть слой подвижных, мало связанных с местной жизнью людей, которые легко перемещаются при перемене определенных условий жизни. Можно думать, что в миграциях 1992 года доля таких людей была повышена. А чем дальше, тем труднее будет «сдвинуть» остающихся.

Обычная в советское время миграция была преимущественно молодежной, связанной с учебой, началом работы, созданием семьи. Теперь в миграциях между бывшими союзными республиками увеличилась доля семейных переселений. А это и всегда-то было делом нелегким — не зря народ сравнивает переселение с опустошительным пожаром. Возможно поэтому общее число переселений в последние годы резко падает вопреки еще одному мифу — о якобы увеличивающейся миграции. По данным того же обследования ВЦИОМ, «примерно две трети русских, живущих в национальных республиках, отмечают, что

они тесно связаны с жизнью этих республик, но только четверть говорит о тесной связи с Россией».

Общий же вывод из проведенного обследования таков: «...миграционный потенциал русского населения бывших союзных республик теоретически сравнительно велик — возможно, до трех миллионов человек выразят желание переселиться в Россию. Наиболее острые формы миграционные процессы, захватывающие этнических русских и культурно близкие к ним группы так называемых русскоязычных, принимают в районах национальной напряженности и конфликтов — в республиках Средней Азии...»

Как видим, и это конкретное социологическое обследование однозначно показывает: никакая многомиллионная обвальная миграция из бывших союзных республик России не угрожает.

«Человек-гвоздик»

В апреле 1993 года в Москве прошла международная конференция по миграции населения в Россию из бывших союзных республик. От прочих она отличалась тем, что самое активное участие в этой конференции приняли сами переселенцы: выступали с сообщениями, отвечали на вопросы, давали разъяснения...

Второй день форума начался с того, что организаторы, пока не пришли иностранцы, попросили отечественных участников выступать менее эмоционально, чем вчера (некоторые мигранты на трибуне плакали), не очень акцентировать бедственное положение переселенцев, выступать более «позитивно». Аргументировалось это тем, что «наши иностранные друзья не выдерживают потока болей, бед и обид».

Возможно, именно эта сцена лучше всего свидетельствует о том, в какую ситуацию часто попадают *вынужденные мигранты* в Россию из бывших союзных республик. У тех, кто выезжает добровольно, без давления, имея в местах нового поселения подготовленную «почву» (родственников, жилье, работу...), положение, конечно, много лучше.

Россия, как и вся бывшая «большая» страна в целом, оказалась совершенно не подготовленной к миграциям, связанным с политическим и социально-экономическим кризисом и распадом СССР. Чего стоит одно то, что Законы «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах» были приняты только в феврале 1993 года! До того ни права, ни обязанности мигрантов не были законодательно регламентированы, то есть по отношению к ним был возможен почти любой произвол чиновников. (Исключение — республики Прибалтики, принявшие Закон об иммиграции еще тогда, когда находились в составе Советского Союза.)

Но дело не только в законодательстве. Главное — в традиционном для нашей страны отношении к человеку вообще. Все это ярко проявилось как в упоминавшейся уже программе «Миграция», так и в практике обращения с вынужденными мигрантами.

В «Программе» ожидавшийся многомиллионный приток населения в Россию предлагалось направить главным образом в сельскую глубинку Центральной России, растерявшей свое население: в области — Псковскую, Новгородскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую... Теперь вспомним, уважаемый читатель, что за люди едут в Россию. Преимущественно жители больших городов, главным образом интеллигенция

и квалифицированные рабочие городских отраслей народного хозяйства. Что означает для них поселение в сельской глубинке и работа в поле или на ферме? А вот что: потерю профессии и квалификации, коренную перемену всех условий жизни, резкое снижение материального уровня, скачкообразное ухудшение качества жизни...

Многие ли добровольно на все это могут пойти? Ответ, думаю, ясен без пояснений. Я уж не говорю о том, что из зоны жарких пустынь людей почему-то желают «пересадить» в холодную лесную зону, на озерно-болотные территории.

Впрочем, почему — понятно: в сельском хозяйстве этих областей попросту не хватает рабочей силы. Широковещательная программа возрождения Российского Нечерноземья бесславно провалилась, ничего не возродив. Вот и задумали теперь поправить дело с помощью вынужденных мигрантов из южных республик. С одной стороны, нужда в рабочих руках, с другой — репатрианты, которым не до «капризов». Бери, что дают, пока предлагают, а то и этого не получишь.

Я не хуже авторов «Миграции» понимаю, что обезлюдившие местности Нечерноземья надо заселять. Но не так и не теми. (Но — тут иная тема и не будем отвлекаться...)

Одним словом, задумано было заткнуть и без того несчастными людьми наши российские дыры. На первом месте «интересы государства», как их понимает чиновник. Ничего путного из этого получиться, конечно, не может. Был уже широкомасштабный и неудачный опыт. После бакинских событий января 1990 года многочисленных беженцев из Азербайджана — армян, русских, азербайд-

жанцев (из этнически смешанных семей) и других — разбросали по многим российским областям и направили в колхозы и совхозы.

Но не стали инженеры трактористами. Экономисты, бухгалтеры, учителя — доярками. Где теперь эти люди? Многие ли остались там, куда их направили? Я очень хотел бы получить ответы на эти вопросы. По моим отрывочным сведениям, относящимся к немногим областям расселения этих беженцев, в колхозах и совхозах (как бы они теперь ни назывались по новому) практически никто не остался, в сельском хозяйстве не работает, из мест вселения почти все выехали.

Благие, конечно, намерения привели к потрясающему конфузу...

Со сталинских времен бытует выражение «человек-винтик». Реальность, сдается, несравненно грубее и трагичнее. Если «винтик», то неизбежно приходится считаться с его «резьбой» и «нарезкой» того места, куда его собираются «ввинтить». К нашей ситуации больше подходит не «винтик», а «гвоздик». Один удар по шляпке — и сиди «человек-гвоздик» на месте до скончания века.

Рай в шалаше для мигрантов...

В упоминавшемся уже Законе Российской Федерации «О вынужденных переселенцах» предусмотрено, что «вынужденному переселенцу предоставляется право выбора постоянного места жительства на территории Российской Федерации по собственному желанию...».

Это, конечно, прекрасно. Об этом давно мечтали. Только вот не могу понять: как можно выпол-

нить это, если таким же правом не пользуются другие граждане России: когда нет общего порядка, всегда найдется, думаю, немало возможностей «обойти» какой-то там пункт Закона. Взять хотя бы сам Закон, где в статье 6 говорится: «Соответствующие органы... обязаны предоставить вынужденному переселенцу перечень населенных пунктов, рекомендуемых Федеральной миграционной службой России и ее органами для постоянного проживания...».

Что это означает? Право выбора из рекомендованного? А если человек желает жить там, где миграционная служба не рекомендует? Каковы тогда права мигранта? — об этом в Законе ничего не сказано.

А кроме того, у нас «закон, что дышло». «Поворачивать» его будет все тот же чиновник, который обычно убежден, что права правами, а «интересы государства», как он их понимает, прежде всего.

Ну, законы законами, проживем — увидим. А вот, что называется, новая жизнь...

После кровавых событий февраля 1990 года в Душанбе на базе отрядов самообороны организовалась мощная общественная организация «Миграция», ставившая целью переселение своих членов в Россию. (Отдадим этим людям должное: они лучше других предвидели развитие событий. Если бы государственные органы прогнозировали так же точно, беженцев в Россию могло бы и не быть: людей можно было вывезти раньше, чем они превратились в беженцев.)

Стала «Миграция» искать себе в России места, где ей дали бы землю, на которой она могла бы за свой счет и своими силами возвести жилье. В частности, попросили небольшой участок в Калуге — для обычных городских до-

мов. Отказали. Попросили землю в пригороде Калуги. Отказали опять. Почему? «У нас мало земли. Мы сами хотим иметь вблизи Калуги свои дачи и садовые участки». Таков смысл того, что услышал я в Калуге...

Землю все же дали. За полсотни километров от областного центра. Взяв, кстати, за участок огромные для мигрантов деньги. Там давно уже и с большими трудностями строится поселок на тысячу семей. В начале строительства инфляции еще не было, и настроены душанбинцы были весьма оптимистично. Теперь — куда труднее.

Но жилье все же будет. А как с работой? Тут до сих пор ясности нет. До Калуги слишком далеко. Это не Подмосковье с его электричками. Есть надежда, что кто-то станет ездить на работу в соседнюю Тульскую область, в город Алексин. А кто-то — два-три раза в неделю в Калугу, преподавать в ее вузах и техникумах.

Та же история повторилась в других местах: и в Воронеже отфутболили «Миграцию» в сельскую глубинку. Жители больших городов стремятся обосноваться в таких же городах или в пригородах. А их туда, несмотря на разного рода разговоры и бумажные заверения, не пускают. *Не прописывают*. Особенно если мигранты хотят поселиться вместе. То есть заведомо дискриминируют несчастных людей, вынужденных покинуть бывшие союзные республики.

Думаю, что эта проблема не будет снята до тех пор, пока не решена задача более общая: обеспечение свободы выбора проживания и свободы перемещения по территории России для всех ее граждан.

Хорошо помню глубочайшее изумление участников большой международной конференции

в Италии весной 1991 года, когда они услышали от докладчика о методах регулирования миграций в Советском Союзе, о прописке, «паспортном режиме» и прочих «прелестях» того регулирования.

А ведь в зале были главным образом специалисты по Советскому Союзу, проблемам которого и была посвящена вся конференция. Западному человеку наши порядки просто невозможно себе представить. Весь цивилизованный мир давно живет в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека, принятой ООН в 1948 году, статья 13 которой гласит: «1. Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства. 2. Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну».

У нас же до сих пор человек выбирает себе место проживания только там, где ему разрешат, где его пропишут. Сбылось пророчество Н. А. Некрасова: «Знаю: на место цепей крепостных / Люди придумают много иных».

Наше изумительное регулирование миграции с помощью паспортного режима искалечило жизнь многим миллионам советских людей. Изумительнее же всего, что за восемь лет после начала перестройки именно в этой области жизни скольконибудь серьезных изменений не произошло.

Правда, еще в 1990 году Комитет конституционного надзора бывшего СССР принял постановление о неконституционности института прописки. Однако практических последствий это не имело: более того, в условиях нашего глубокого системного кризиса и распада Советского Союза там и сям стали появляться разного

рода незаконные и прямо противозаконные местные «правила», вроде «платной» (за огромные суммы) прописки.

Обо всем этом я говорю вот почему: пока у нас нет свободы выбора мест проживания — нельзя успешно решить и проблемы репатриации в Россию из бывших союзных республик. Остается надеяться, что в новой Конституции России проблема свободы перемещения граждан в пределах своей страны, выбора мест проживания будет решена на современном цивилизованном уровне.

Но мы-то знаем, что у «свободы передвижения» есть могучие противники. В частности, в правоохранительных органах. И не только. Вот, скажем, в «румянцевском» проекте Конституции, с одной стороны, признается право каждого на «свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на всей территории Российской Федерации» (ст. 16), а с другой — это «право» откладывается по меньшей мере на 12 (двенадцать!) лет. Два года, по мнению Конституционной комиссии, требуется на разработку порядка перехода от нынешнего порядка к будущему, а еще десять — на сам этот переход.

Свобода перемещения — одно из фундаментальнейших прав гражданина, без которого не могут быть реализованы многие другие его права. Это, мне кажется, настолько общеизвестно и банально, что и повторять уже неудобно. А вот поди же: мне, специалисту по миграциям населения, убежденные «крепостники» попадают на каждом шагу. И у всех самые благородные аргументы в пользу такой позиции: борьба с преступностью, недопущение

«чрезмерного» (по их мнению!) роста городов, обезлюдение села... *

Зигзаг гласности

Репатриация в Россию — вещь острая, болезненная. Однако это всего лишь небольшая часть общей, несравненно более крупной проблемы миграции. Сейчас, как никогда, нужна научно-обоснованная государственная миграционная политика. Ее, к сожалению, пока нет. А действовать приходится. Тут и беженцы, и другие вынужденные мигранты, и мигранты «обычные» (миграция учебная, трудовая, брачная...), которых подавляющее большинство. Осложняются и проблемы жилья, и гражданства, и работы, и адаптации, и разного рода межличностных отношений, и новых границ, и... продолжать можно почти бесконечно. Решать все эти проблемы «как Бог на душу положит», отдать их на откуп нашим чиновникам, без общей идеи и достаточно твердых законных рамок и правил — значит и дальше формировать крайне неблагоприятную, взрывоопасную ситуацию.

В прошлом году меня очень обрадовало внимание Президента России к русским в бывших союзных республиках. Своим советникам он поручил составить специ-

* Пока статья готовилась к печати, Верховный Совет Российской Федерации принял закон об отмене прописки. Но сегодня, как нам кажется, это преждевременно. И не только потому, что крайне усложнится работа правоохранительных органов. В нынешнем социально-экономическом хаосе подобный шаг может обернуться непредсказуемыми последствиями. И, разделяя мнение ученого, все же не будем торопиться: в данном случае как раз лучше семь раз отмерить... (Прим. ред.)

альный доклад, освещающий два вопроса: как помочь русским в «ближнем зарубежье» и как помочь тем, кто возвращается в Россию?

Советники провели несколько совещаний, собрали обильный фактический материал. Через несколько месяцев я поинтересовался результатами этой очень «масштабной» акции. Оказалось, что доклад составлен и... засекречен. Такой вот получился «зигзаг гласности».

Как специалист в этих вопросах, глубоко убежден, что практически ничего секретного в проблемах миграции нет. Решать их все равно придется. А такая работа «аппарата» этому, мягко говоря, не способствует.

Скажу в заключение, что репатриация этнических россиян — в интересах России. После распада Союза осталась громадная страна с очень маленьким по ее масштабам населением, чрезвычайно неблагоприятной демографической ситуацией, естественной убылью жителей, трудовых ресурсов (это надолго).

Скажем прямо, приток в Россию населения из бывших союзных республик выгоден во многих отношениях. И если бы не нынешний глубочайший кризис, его следовало бы поощрять.

ЧТОБЫ ЖЕЛУДОК НЕ КРИЧАЛ: «ЕЩЕ!»

Если у вас лишний вес, а вы мечтаете о хорошем виде и самочувствии...
Если вас даже при пятикратном обильном питании замучило ложное чувство голода, а спортом заниматься нет ни сил, ни времени, то

Попробуйте ГЕРБАЛАЙФ (Herbalife)

Этот американский препарат появился на отечественном рынке недавно, но рекомендации у гостя превосходные (уже 15 лет он пользуется огромным успехом в 16 западных странах). Гербалайф — это не заменитель продуктов, не лекарство, а необходимые любым клеткам тела добавки витаминов и микроэлементов к питанию.

Что входит в основной набор продуктов ГЕРБАЛАЙФ?

Сухой белково-витаминный порошок «Дринк Микс» — это питательная смесь из тщательно подобранных протеинов, аминокислот, витаминов, минеральных солей, диетической клетчатки, лекарственных растений. Смесь «Дринк Микс» низкокалорийна, содержит мало жиров и соды. Чтобы получать дневную норму белков, витаминов и микроэлементов, достаточно дважды в день вместо завтрака и ужина (обед обычный) выпить стакан коктейля. Приготовить его нетрудно: две чайные ложки порошка размешайте в нежирном молоке.

Кроме коктейля, вам ежедневно надо регулярно проглатывать еще 5—6 чудо-таблеток и капсул фирмы Гербалайф. Каких? Одни — это комплекс трав, витаминов и минеральных солей для избавления от некрасивых раздувшихся жировых отложений с большим количеством жидкости; другие — природный заменитель кофеина для подъема жизненных сил и умственной активности; третьи — активированная клетчатка, которая при употреблении с обычной пищей задерживает усвоение ее жиров и ускоренно вызывает чувство сытости; четвертые — смесь из двадцати лекарственных трав.

Слово «чудо» по отношению к этим таблеткам не покажется вам преувеличением. Благодаря им вы (не как при других диетах) сможете трехкратно питаться. Чувство ложного голода вас покинет, потому что все клетки организма будут сыты полезными веществами и перестанут кричать: «Давай!» Теряя по 5—15 кг в месяц, вы и не заметите обвисания кожи, хотя объем тела будет уменьшаться. Специальные таблетки стягивают кожу, придают клеткам упругость, а значит, помогают избежать морщин.

Если же вы очень худы, то, пользуясь продуктами «Гербалайф» по другой схеме, сможете увеличить массу ваших мышц, и худое тело приобретет приятную округлость. И все это — не нажив ни капли жира, не применяя стероиды и анаболики!

Базовый месячный набор продуктов Гербалайф стоит, как путевка в санаторий. Но всегда ли санаторий оправдывал ваши надежды? Конечно, лучше приобрести и то, и другое, но если надо выбирать, попробуйте Гербалайф.

Кто из женщин не мечтает о молодом, то есть гладком, здоровом и румянном лице?

Все женщины (независимо от типа кожи) могут стать по-сельски (без грима) румянными, если применяют 5-компонентный косметический набор. Он поможет регулярно глубоко очищать поры, шелушивать омертвевшие клетки, притягивая пары, увлажнять кожу, разглаживать от морщин и полировать ее без грубых абразивных частиц (не травмируя). Мужской косметический 3-компонентный набор (до и после бритья) избавит кожу от грязи и жира, закроет поры, восстановит водный баланс ее клеток и благодаря протоплазмённому экстракту обновит клетки кожи, оздоровит ее. И мужской, и женский косметические составы быстро впитываются, не пачкают, а значит, сэкономят ваше время.

А хотите антистрессовый препарат Гербалайф? А для укрепления хрупких костей и зубов? А против дисбактериоза? Артрита? Ишемии? Гипертонии?.. Да разве перечислить десятки болезней, от которых помогают специализированные средства Гербалайф!

Вы только позвоните — мы к вашим услугам! Проконсультируем при прохождении курса, подберем индивидуальный набор продукта, предоставим систему льготных продаж и дополнительный заработок.

Тел.: (095) 245-59-56. Факс: (095) 245-40-72

ДЕВУШКА С

Так и быть, я расскажу вам, почему при воспоминании о Девушке у меня появляются мурашки. Почему я не в силах смотреть на толпу, которая пускает слони, глядя на рекламные щиты с ее изображением рядом с бутылкой шампанского, пачкой сигарет или чего-либо еще. Почему я ненавижу заглядывать в журналы, точно зная, что увижу ее там в новом бюстгальтере или в пенной ванне. Почему я не люблю думать о миллионах американцев, упивающихся этой ядовитой полуулыбкой. Это, знаете ли, целая история — такая история, которую вы никак не ожидаете услышать.

Сейчас я отвечу на все эти «почему». Потому, что во всем мире рекламы, новостей и бизнеса не найдется ни одного человека, кто бы знал, откуда Девушка появилась, где она живет, что она делает, кто она и даже — как ее по-настоящему зовут.

108 Скажу больше: ни единая живая душа никогда НЕ ВИДИТ ее — кроме одного бедного проклятого фотографа, который делает на ней больше денег, чем когда-либо мечтал в своей жизни, и который несчастлив и ужасно напуган. Нет, я не имею ни малейшего понятия, кто он такой и где находится его мастерская, но я знаю, что такой человек существует.

Да, я бы мог найти ее, если б попытался. Но я не уверен — сейчас у нее, наверное, другая охрана. Кроме того, я не хочу этого делать.

...Представьте меня в 1947 году. У меня была мастерская на четвертом этаже одной крысиной норы, называемой Хаузер Билдинг, на углу Ардлей-Парка.

Раньше я работал в мастерских Марш-Мейсона, пока не насытился по горло и решил начать работать самостоятельно. Хаузер Билдинг был тоже не ахти что — я никогда не забуду, как скрипят проклятые ступени, — но он был дешев и там имелся дневной свет.

Дела шли неважно. Я бегал по агентствам и рекламодателям, и не то чтобы меня очень не любили, но моя чепуха никогда не вызывала особого интереса. Я был просто на грани банкротства. Задолжал за помещение, и у меня даже не было денег, чтобы завести подружку.

Это случилось в один из темных, серых вечеров. В здании было ужасно тихо — даже с уменьшением оплаты не смогли заполнить и половины Хаузера. Я только что закончил работу

ГОЛОДНЫМИ ГЛАЗАМИ

Рисунок
АЛЕКСАНДРА ГРИНА

над несколькими снимками, которые хотел предложить для Лав-либлет Гирдлс, Буфордс Пул и Плейграунд, последний — поддельная пляжная сцена. Моя модель ушла. Мисс Леон. Преподавала гражданское право в одной из высших школ и позировала мне ради приработка. Взглянув на отпечатки, я решил, что мисс Леон, вероятно, была не той моделью, которую искал Лавлиблет — а может, мои фотографии просто никому негодились. Я уже почти примирился с тем, что день потерян.

И тут входная дверь четырьмя этажами ниже хлопнула, на лестнице раздались шаги, и вошла Она.

На ней было дешевое черное платье с блестками. Черные лакированные туфли. И никаких чулок. Худые руки были голыми, их только слегка прикрывала серая матерчатая накидка. Тонкая шея, слегка изможденное, почти чопорное лицо, беспорядочная масса темных волос, из-под которых смотрят самые что ни на есть голодные на свете глаза.

Вы, наверное, догадываетесь, почему изображения Девушки расклеены теперь по всей стране — из-за этих глаз. В них нет ничего вульгарного, но в то же время они смотрят на вас с таким голодом во взгляде, что вы чувствуете — это секс, и даже нечто большее, чем секс. Это именно то, что каждый ищет с Первого Дня Творения.

Итак, я был один на один с Девушкой в комнате, в которой уже начинало темнеть. Что я чувствовал? Испуг.

Понимаете, секс может испугать. Это холодное, сопровождаемое глухими ударами сердца, чувство, когда ты находишься наедине с незнакомой девушкой и собираешься дотронуться до нее. Однако если у меня это ощущение и было сексуальным, оно было вытеснено чем-то другим. По крайней мере я не думал в ту минуту о сексе.

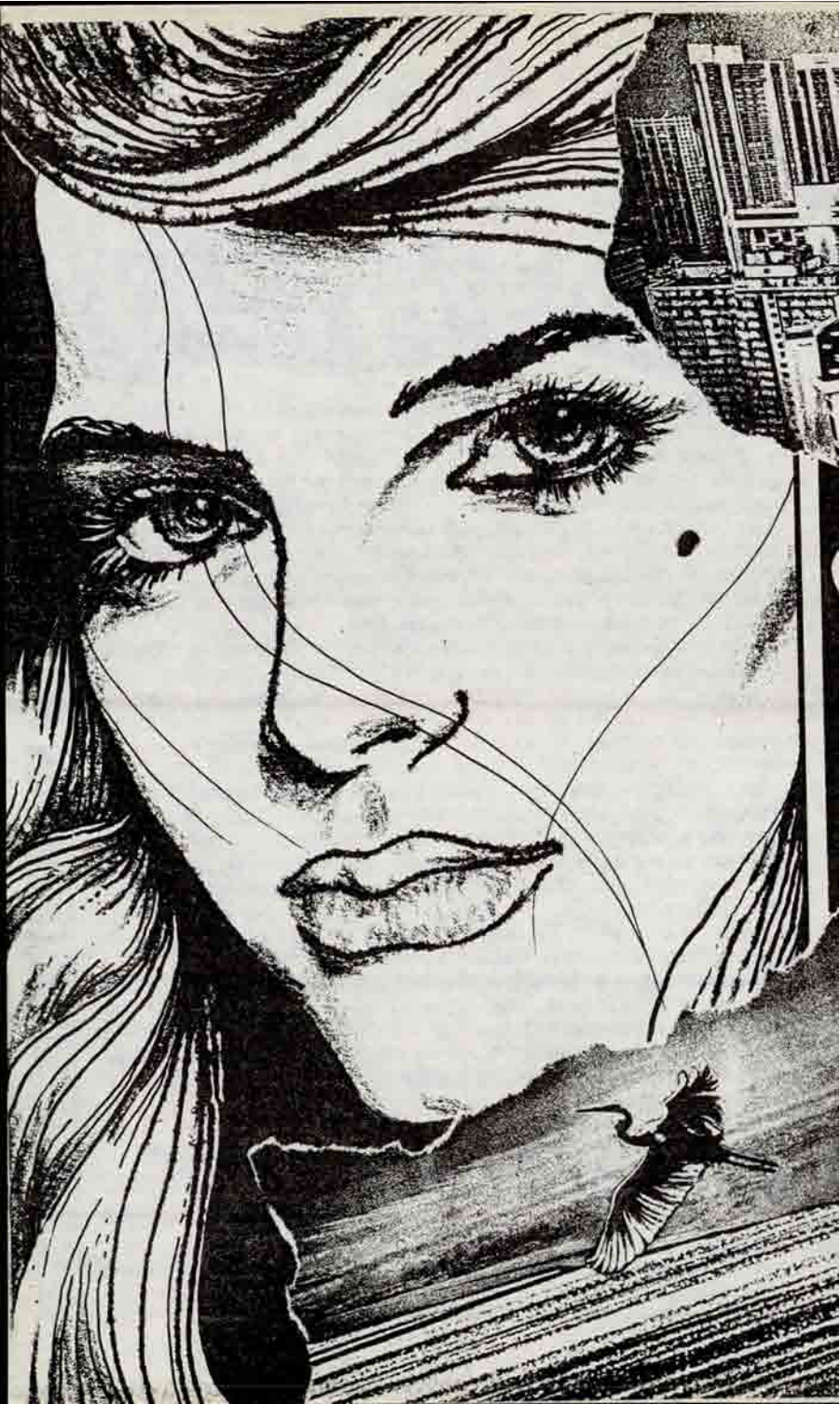
Помню, как я сделал шаг назад и как дрогнула моя рука; фотографии, которые я разглядывал, разлетелись по полу.

Я почувствовал легкое головокружение, как будто что-то отодвинули от меня, совсем легкое.

Потом все кончилось. Когда она открыла рот, все встало на свои места.

— Я вижу, вы фотограф, мистер, — сказала он. — Не нужна ли вам модель?

— Вряд ли, — ответил я, собирая пожитки. Понимаете, она не

произвела на меня особого впечатления. Я еще не догадывался о коммерческих возможностях ее глаз. — Вы занимались этим раньше?

Она начала не очень-то вразумительно рассказывать, а я машинально подметил ее знания насчет рекламных агентств, мастерских, цен, и вскоре сказал ей:

— Я вижу, вы никогда в жизни не позировали фотографу. Вы просто замерзли и зашли сюда. Разве не так?

Она призналась, что это более или менее верно.

Во время нашего разговора мне подумалось, что она нашла меня совершенно интуитивно, как ощущает свой путь человек в незнакомом месте.

— Вы считаете, что позировать может кто угодно? — спросил я с жалостью.

— Конечно, — отозвалась она.

— Понимаете, фотограф может истратить дюжину негативов, пытаясь получить один мало-мальски стоящий женский фото-портрет. Сколько же ему придется потратить, чтобы сделать действительно захватывающее, очаровывающее фото?

— Я думаю, что смогу помочь ему в этом, — спокойно проговорила она.

Конечно, мне следовало бы сразу же выставить ее вон. Но, то ли мне импонировало ее холодное безразличие, то ли я был тронут ее голодным взглядом, скорее всего мне захотелось, чтобы она тоже пережила ужасающее состояние, в котором я находился, — когда твои снимки отвергаются всеми подряд.

— Хорошо, — твердо произнес я. — Попробуем сделать с вас пару снимков. Но поймите, я ничего не обещаю. Если кто-нибудь захочет использовать ваше фото, чему шанс один на два миллиона, я заплачу вам обычную ставку за ваше время. Не раньше.

Она подарила мне улыбку. Первую.

— Это мне подходит.

Я сделал три или четыре снимка ее лица крупным планом, так как был не в восторге от дешевого платья. По крайней мере это соответствовало моему саркастическому настрою. Затем я вспомнил, что у меня оставалось кое-что от Лавлиблета, да и сарказм, должно быть, все еще грыз меня, потому что я протянул ей пояс и сказал, чтобы она зашла за ширму и одела его. Что она и проделала, нисколько не смущаясь, чего я никак не ожидал. Поскольку мы зашли уж так далеко, я решил, что с таким же успехом можно снять и пляжную сцену.

Все это время я не ощущал ничего особенного, за исключением нескольких легких приступов головокружения и какого-то неясного беспокойства.

— Напишите ваше имя, адрес и телефон. — Я пододвинул карандаш и бумагу, а сам скрылся в проявочной.

Немного позже она вышла. Я не попрощался с ней, так как был раздражен тем, что она не суетилась, была безразлична к своим позам и даже не поблагодарила меня, за исключением той улыбки.

Я проявил негативы, сделал несколько отпечатков, посмотрел

на них, решил, что они по крайней мере не намного хуже, чем у мисс Леон, и положил их в общую папку с фотографиями.

На следующее утро я отправился по заказчикам. Первой на моем пути была пивоварня Мюнша. Папа Мюнш тогда был озабочен поисками «Девушки Мюнша». Он испытывал ко мне нечто вроде привязанности, хотя и отвергал мои фотографии. У него на этот счет было свое доброе старое мнение. Пятьдесят лет назад он мог бы вполне стать одним из тех энергичных молодых людей, которые сделали Голливуд. Теперь же он целиком был погружен в свое любимое занятие. Он поставил банку с пивом, причмокнул губами, пробормотал что-то одному из рабочих насчет хмеля, вытер толстые руки о большой передник и сгреб мою небольшую пачку фотографий.

Он просмотрел почти половину, издавая языком непонятные звуки, когда наконец добрался до нее. Я уже упрекал себя за то, что положил это фото вместе с остальными.

— Вот она, — произнес Папа Мюнш. — Фотография не очень, конечно, но я говорю про девчонку.

Решение было принято. Папа Мюнш сразу почувствовал, что в Девушке что-то есть, в отличие от меня. А я снова почувствовал легкое головокружение.

— Кто это? — спросил Папа Мюнш.

— Одна из моих новых моделей.

— Приведи ее сюда завтра утром, — приказал он, — и принеси свою аппаратуру. Мы будем снимать ее здесь. Я хочу показать тебе... Эй, да не хмурься ты. Выпей-ка лучше пива.

Я ушел, твердя себе, что это просто счастливая случайность, что она, вероятно всего, завтра потерпит крах по неопытности...

Когда я почтительно положил следующую пачку фотографий на стол мистера Фитча из Лавлиблета, Девушка была сверху.

Мистер Фитч, кроме всего прочего, был еще и критиком-искусствоведом. Он отклонился назад, искоса посмотрел на фото, взмахнул длинными пальцами и сказал:

— Хм-м. Что вы об этом думаете, мисс Виллоу? Вот так, при этом освещении. Конечно, фотография не дает нам диагональный ракурс. И, возможно, нам стоит использовать Лавлиблетского Чертенка, а не Ангела. Хотя, эта девушка... Подойдите сюда, Биннс. — Еще один взмах пальцами. — Я хочу увидеть реакцию женатого мужчины.

Мистер Фитч попался «на крючок».

То же самое произошло в Буфордс Пуле и в Плейграунде, за исключением того, что Да Коста не нуждался во мнении женатого мужчины.

— Отлично сработано, — сказал он, посасывая губы. — Да, парень, ты фотограф!

Я прибежал домой и схватил листок, который давал Девушке для записи имени и адреса.

Он был пуст.

Следующие пять дней были самыми худшими в моей жизни. Когда она не появилась на следующее утро, мне пришлось прибегнуть к обману.

— Она заболела, — заявил я Папе Мюншу по телефону.

- Что, лежит в больнице? — поинтересовался тот.
- Нет, ничего серьезного.
- Тогда приведи ее. Подумаешь, голова разболелась.
- Извините, не могу.
- Это действительно твоя модель? — подозрительным тоном

спросил Папа Мюнш.

— Конечно, моя.

— Тогда я ничего не понимаю. Я было подумал, что ты подсунул мне одну из нью-йоркских моделей, но узнал твой вшивый снимок.

Я рассмеялся.

— Итак, ты приведешь ее ко мне завтра утром, понял?

— Попытаюсь.

— Не попытаешься, а приведешь.

Я обежал все рекламные агентства, провел хитрое детективное расследование во всех фотографических и художественных салонах, истратил последние деньги, поместив объявление в трех газетах, просмотрел списки учеников высших школ и фотографии местных домовых комитетов. Я заходил в рестораны и аптеки и рассматривал официанток, в дешевых и дорогих магазинах глядел на продавщиц. Разглядывал людей, выходящих из кино, прочесывал улицы.

Вечера я проводил на базарах. Почему-то они казались мне самыми вероятными местами ее появления.

На пятый день я понял, что проиграл. Папа Мюнш назначил мне крайний срок — и он уже назначал его несколько раз, но это был последний — в шесть часов вечера. Мистер Фитч уже давно от всего отказался.

Я стоял у окна мастерской, глядя на Ардлей-Парк.

Тут вошла она.

Я так часто прокручивал в голове этот момент, что не почувствовал никакого возбуждения. Даже легкое головокружение не вывело меня из оцепенения.

— Привет, — проговорил я, не глядя в ее сторону.

— Привет, — отозвалась она.

— Еще не разочаровались?

— Нет. — Ее ответ не прозвучал неловко или вызывающе. Это была просто констатация факта.

Я взглянул на часы, шагнул к ней и быстро сказал:

— Послушайте, я собираюсь дать вам шанс. Один мой клиент ищет девушку вашего типа. Если хорошо поработаете, то сможете на самом деле стать моделью. Мы еще успеем застать его, если поспешим. — Я взял аппарат. — Пойдемте. И в следующий раз, если захотите заработать, не забывайте оставлять номер своего телефона.

— Ах, ах, — произнесла она, не двигаясь с места.

— Что это значит? — спросил я.

— Я не собираюсь ходить ни по каким вашим клиентам.

— Ну и черт с тобой, красотка, — не выдержал я. — Можешь идти отсюда на все четыре стороны.

Она медленно покачала головой:

— Ты не обманешь меня, беби. Не удастся. Они ХОТЯТ

меня. — И она подарила мне вторую улыбку. — А теперь я скажу, как мы будем работать. Ты не будешь знать ни моего имени, ни адреса, ни телефона. Никто не будет знать. Все снимки будем делать прямо здесь. Только ты и я.

Вы можете представить себе рев, который я при этом издал. В нем выразилось все — гнев, сарказм, терпеливые объяснения, бешенство, угрозы, просьбы. Я бы ударил ее по лицу, если бы оно не являлось фотографическим капиталом.

В конце концов мне пришлось позвонить Папе Мюнцу и сообщить ее условия. Я знал, что у меня нет шансов, но другого выхода не было. Папа Мюнц накричал на меня, несколько раз сказал «нет» и повесил трубку. Это несколько не смутило ее.

— Мы начнем съемку завтра в десять утра. — Она ушла, оставив меня с очередным легким головокружением.

Около полуночи позвонил Папа Мюнц:

— Не знаю, из какой психушки ты откопал эту подругу, но я беру ее. Приходи завтра утром, попытаюсь втолковать тебе, какие снимки мне нужны.

После этого наступил шквал. Даже мистер Фитч сдался и принял все условия. Конечно, сейчас вы все очарованы Девушкой, поэтому вам трудно понять, какая это была жертва со стороны мистера Фитча — отказаться от предварительного просмотра модели в костюме Лавлибетского Чертенка или Лисицы, а также в остальных костюмах, которые мы потом использовали.

На следующее утро она появилась в точном соответствии со своим графиком, и мы приступили к работе. Должен сказать, что она никогда не уставала и не проявляла ни малейшего интереса к методам моей работы над снимками.

Когда мы закончили, я обнаружил, что есть и другие правила поведения. Было уже далеко за полдень, когда я начал спускаться вслед за ней по лестнице, чтобы выпить кофе с бутербродом.

— Ах, ах, — снова произнесла она. — Я пойду вниз одна. И смотри, беби, если ты когда-нибудь попытаешься следить за мной, можешь искать другую модель.

Оглядываясь назад, я удивляюсь, как быстро ее чары стали захватывать город. Вспоминая, что случилось потом, я ужасаюсь: что же происходит с целой страной, а может быть, и со всем миром? Вчера я вычитал в «Тайме», что изображения Девушки появились на рекламных щитах в Египте.

Но эти рассуждения могут завести нас далеко от фактов моего рассказа. И некоторые из этих фактов чертовски весомые. Как деньги. Мы с ней и делали деньги.

Вначале я боялся, что Девушка собирается вконец загнать меня. Однако она никогда не просила ничего сверх обычной платы. Позднее я стал навязывать ей деньги сам, все целиком. Но она брала их с таким пренебрежительным видом, будто собиралась выкинуть в первую же канаву на улице.

У меня же, во всяком случае, появились деньги. Впервые за несколько месяцев я имел достаточно денег, что и напиться, купить новую одежду, ездить на такси. Я мог спокойно иметь дело с любой девушкой, стоило только протянуть руку. Что, конечно, я и делал...

Но сначала дайте мне рассказать про Папу Мюнша.

Папа Мюнш не был первым мужчиной, который пытался встретиться с моей моделью, но, я думаю, он первый по-настоящему влюбился в нее. Я замечал перемены на его лице, когда он смотрел на фотографии. Его глаза наполнились сентиментальностью и благоговением. Мама Мюнш умерла два года назад.

Он изобретательно спланировал встречу с ней. Как бы невзначай выпытал у меня некоторую информацию, из которой установил, когда она приходит на работу, и однажды утром ввалился, топая по ступеням, за несколько минут до нее.

— Я должен увидеть ее, Дейв,— виновато произнес он.

Я спорил с ним, убеждал, объяснял, как серьезно она относится к своим идиотским правилам, даже попытался выгнать его вон.

Он реагировал на это в совершенно несвойственной ему манере, твердя только одну фразу:

— Но, Дейв, я должен ее увидеть.

Хлопнула наружная дверь.

— Это она. Вам надо уходить.

Он не двигался, и я затащил его в проявочную.

— Сидите тихо,— шепнул я.— Скажу ей, что не смогу сегодня работать.

Я знал, что он попытается подглядывать и, возможно, даже выйдет из засады, но больше ничего поделать не мог.

Шаги приблизились к четвертому этажу. Однако дверь не раскрылась. Мне сделалось не по себе.

— Выгони отсюда этого бездельника! — вдруг закричала она из-за двери.— Я поднимусь на следующую площадку. И если этот толстый бездельник не выйдет прямо на улицу, он никогда больше не увидит ни одного моего снимка, и ему останется только плевать в свое вонючее пиво.

Папа Мюнш появился из проявочной белый как полотно. Выходя, он даже не взглянул на меня. Никогда больше он не рассматривал ее фотографии в моем присутствии.

Вот так было с Папой Мюншем. Теперь я хочу рассказать о себе. Я намекал ей о моих желаниях, я говорил с ней об этом и в конце концов предпринял первую попытку.

Она сняла мою руку со своего плеча, будто это была мокрая тряпка.

— Нет, беби,— сказала она.— Сейчас рабочее время.

— Но потом...— настаивал я.

— Правила остаются теми же.— И я заработал улыбку — кажется, пятую по счету.

Трудно поверить, но она никогда ни на йоту не отступала от этой своей идиотской линии. Я не должен приставать к ней в мастерской, ибо наша работа очень важна и нравится ей, поэтому никаким развлечениям не должно быть места. И я не должен видеть ее еще где-либо. А если попытаюсь, то никогда больше не сделаю ни одного ее снимка — и это при том, что деньги текли рекой, а у меня хватало глупости верить, что мое искусство имеет к этому какое-то отношение.

Вскоре я изменился. Стал легкомысленным и слегка невменяе-

мым, а временами чувствовал, что моя голова готова взорваться. Я начал разговаривать с Девушкой. Преимущественно о себе.

Это было все равно что находиться в постоянном бреде, который, однако, никогда не пересекался с делом. На постоянные головокружения я уже не обращал никакого внимания — они казались вполне естественными.

Я ходил по мастерской, и на мгновение лампа казалась мне куском раскаленной стали, тени — полчищами мотыльков, а камера — большим паровозом. Но в следующую секунду все становилось на свои места.

Иногда я думал, что болен ею до смерти. Она казалась мне самой ужасной личностью в мире. А иногда я говорил не умолкая. Не важно, чем я занимался — освещал ее, усаживал в определенную позу, возился с треножником или делал снимки, — я постоянно что-то говорил.

Я рассказал ей все, что знал о себе самом: о своей первой женщине, о велосипеде моего брата Боба, о том, как убежал из дома на торговое судно и получил от Па взбучку, когда вернулся, о матери, умирающей от рака, о Милдред и Гвен, о самой большой выпивке, в которой принимал участие. Рассказал, как искал ее и что чувствовал теперь.

Она никогда не обращала ни малейшего внимания на мою болтовню. Даже не знаю, слышала ли меня вообще.

Наконец, когда мы получили свой первый хороший куш от нескольких рекламных агентств, я решил проследить за ней.

Но здесь я хочу напомнить вам кое о чем. Может быть, вы помните из газет про странные убийства. Кажется, их было шесть.

Я сказал «странные», потому что полиция так и не смогла выяснить, убийство это или просто смерть от сердечного приступа. Потому что всегда есть сомнения, когда сердечные приступы случаются с людьми, чьи сердца всегда в порядке, и каждый раз ночью, когда жертвы одни, далеко от дома и занимаются непонятно чем.

Шесть смертей создали одну из легенд о «загадочном отравителе». После этого убийства не прекратились, а продолжались менее вызывающим подозрение способом...

Однажды вечером я заставил ее поработать до темноты. Мне не нужно было просить об этом, так как заказы сами сыпались на нас, словно снежная лавина. Я подождал, пока хлопнет наружная дверь, и сбегал вниз по лестнице. На мне были ботинки с резиновыми подошвами. Я надел темное пальто, в котором она никогда меня не видела, и темную шляпу.

Она шла мимо Ардлей-Парка по направлению к центру города. Я последовал за ней по другой стороне улицы, в надежде выяснить, где она живет, и стараясь не потерять ее из виду.

Она остановилась перед витриной универмага Эверли, держась в стороне от освещенного места, и стала смотреть на нее.

Я вспомнил, что мы как-то сделали большую фотографию для витрины женского белья Эверли. На эту витрину она сейчас и смотрела.

Мне казалось естественным, что она любуется собой — если это было именно то, что она делала.

Когда мимо проходили люди, она слегка отворачивалась или отступала в темноту.

Затем появился мужчина. Я не мог как следует разглядеть его лицо, но он показался мне пожилым. Остановившись, он стал смотреть на витрину.

Тогда она вышла из темноты и встала рядом с ним.

Скажите на милость, что бы вы почувствовали, если бы смотрели на изображение Девушки, а она внезапно появилась бы рядом с вами и взяла вас за руку?

Реакция этого малого была ясной как божий день. Сумасшедшая мечта оказалась реальностью.

Они поговорили с минуту, затем мужчина взмахнул рукой, останавливая такси. Они сели в него и уехали.

В ту ночь я напился. Она как будто бы знала, что я слежу за ней, и постаралась сделать так, чтобы причинить мне боль.

Однако на следующее утро она появилась в обычное время, и я снова бредил, только теперь с добавлением некоторых деталей.

На этот раз, когда я пошел за ней, она выбрала место под уличным фонарем, напротив одного из щитов с «Девушкой Мюнш».

Мне страшно думать, что она теперь вот также стоит где-нибудь в засаде.

Прошло около двадцати минут, пока проезжавший мимо автомобиль с открытым верхом замедлил скорость. На этот раз я стоял ближе и прекрасно рассмотрел лицо парня. Он был примерно моего возраста.

На следующее утро то же самое лицо глянуло на меня с первой полосы газеты. Автомобиль с открытым верхом был найден припаркованным на боковой улочке. Как и в других «странных несчастных случаях», причина смерти была неясна.

В тот день в моей голове кружились разные мысли, но в двух вещах я был абсолютно уверен: я получил первый серьезный заказ от национального рекламного агентства, и я собираюсь взять Девушку за руку и спуститься с ней по ступенькам, когда мы закончим работу.

Казалось, это ее не удивило.

— А ты знаешь, что делаешь? — поинтересовалась она.

— Знаю.

Она улыбнулась:

— А я все гадала, когда ты созреешь.

Мне стало хорошо. Хотя я мысленно прощался с мастерской, но моя рука обнимала ее талию.

Мы вошли в Ардлей-Парк. Вокруг было темно, но небо светилось розовым оттенком от рекламных огней.

Мы долго шли через парк. Она ничего не говорила и не смотрела на меня, но я заметил, как у нее кривятся губы. Через некоторое время она сжала мою руку и мы остановились. Она опустила на траву и потянула меня вслед за собой. Потом положила руки мне на плечи. Я смотрел прямо ей в лицо, слегка

розоватое от сияния реклам. Ее голодные глаза казались двумя темными пятнами.

Я начал возиться с ее блузкой. Она отодвинула мою руку, но не так, как в мастерской, и тихо произнесла:

— Я не хочу этого.

Сначала я расскажу, что сделал после ее слов. Затем скажу, почему я это сделал. А потом воспроизведу, что сказала она.

Что я сделал? Убежал прочь. Я почти ничего не помню, так как у меня кружилась голова, и розоватое небо качалось на фоне темных деревьев. Через некоторое время я добрел, шатаясь, до уличных фонарей, а на следующий день закрыл мастерскую. Никогда я больше не видел Девушку во плоти, если можно так выразиться.

Я сделал так, потому что не хотел умирать. Я не хотел, чтобы из меня вытянули жизнь по капле. Вампиры бывают всякие — и те, что сосут кровь, еще не самые худшие. Если бы не постоянные настораживающие головокружения, Папа Мюнш и лицо в утренней газете, я бы сделал то же, что и все остальные. Но вовремя понял, что со мной будет, — пока еще было время вырваться и убежать. Я понял: откуда бы она ни явилась, что бы ни придало ей такой облик, она есть не что иное, как квинтэссенция ужаса, скрывающаяся за ярким фасадом. Она — это улыбка, которая обманывает вас, заставляет бросать деньги и саму жизнь. Она — это глаза, которые влекут вас все дальше и дальше, пока вы не увидите в них свою смерть. Она — создание, ради которого вы отдаете все и не получаете ничего. Она — существо, которое забирает все, что у вас есть, и не оставляет ничего взамен. Когда вы восхищаетесь Лицом на рекламных щитах, помните об этом. Она — приманка. Наживка.

Вот что такое Девушка.

А теперь-то, что она сказала:

— Я хочу тебя. Я хочу твои снимки. Я хочу все, что делает тебя счастливым, и все, что причиняет тебе боль. Я хочу твою первую женщину. Я хочу тот сверкающий велосипед. Я хочу ту взбучку. Я хочу небо, наполненное звездами. Я хочу смерть твоей матери. Я хочу твою кровь на дорожке за баром. Я хочу губы Милдред и руки Гвен. Я хочу тот джин с тоником, который ты пил. Я хочу твоё желание меня. Я хочу твою жизнь, беби. Напой меня, напой...

Перевод с английского МАКСИМА ДРОНОВА.

АЛЕНА ЮРЬЕВА
Театр

**Младшего
возраста**

ФОТО АНВАРА ГАЛЕЕВА

Он молод — ему 33. И дочь у него есть — шестилетняя Анечка. Но ему нужны еще... чужие дети. Он растит из них «звезд». И просто счастливых людей...

Композитор Валентин Овсянников — создатель, художественный руководитель, директор и педагог Детского театра эстрады. Коротче — папа Карло, как сам себя называет. Почему? Потому что бережно «обтесывает» будущие таланты, ставя и развивая им по собственной уникальной методике голос. Потому что работает с утра и до позднего вечера, ну, прямо как папа Карло. А еще, наверное, потому, что так же бескорыстен и добр, как нищий итальянский шарманщик, но об этом он, конечно, не говорит.

— Я не люблю детей. — Валентин делает ударение на слове «не люблю». — В том смысле, как некоторые восклицают с пафосом «я люблю детей!». Это либо сюсюканье, либо лицемерие. Дети, как и взрослые, тоже бывают разные — есть и очень препротивные. Но я люблю «своих» детей и отвечаю за них.

«Своих» у него восемьдесят... Дай Бог всякому такой «нелюбови»...

Овсянников интересный композитор. И не только потому, что пишет хорошую музыку, но и потому, что добрую половину своей «композиторской» жизни не считал возможным получать за нее деньги. Правда, потом, «зарабатывая на музыке», делая оригинальные аранжировки, получал деньги уже без внутренних сомнений — они были нужны «его» детям, — он записывал их магнитофонные альбомы, заказывал афиши, шил сценические костюмы...

Будь он миллионер, он сумел бы красиво распорядиться своим состоянием. Но Валентин по-прежнему ездит в метро, хотя мог бы

давно купить себе автомобиль.

...Овсянников создал свой театр с нуля: до него в этом помещении пили бомжи, это был весьма криминальный подвальчик. Теперь здесь просторные классы и репетиционные комнаты, своя студия звукозаписи с отличной аппаратурой, сверкающий зеркалами и паркетом концертный зал, в котором несколько раз в году устраиваются такие яркие шоу, что зрители тают от восторга.

Еще бы! На сцене с мастерски поставленным светом выступают не просто милые мальчики и девочки, а настоящие профессионалы. Как они успели стать таковыми в свои годы?! Семи-девятилетние ребята поют так, что у них могли бы поучиться многие выступающие на большой сцене рок-группы. Превосходный репертуар, отличное владение голосом, артистичность, оригинальная пластика, редкое умение держаться на сцене, красивые костюмы...

Всю эту фантастику Валентин Овсянников умудрился создать за неполных четыре года. С ним работают прекрасные учителя — Заряна Разгуляева, главный балетмейстер театра, хормейстеры Эмма Набатова, Татьяна Кедрова и другие.

Один из последних «проектов» Овсянникова в театре — ГРУППА ПАПЫ КАРЛО. Пятеро девочек 8—10 лет и сам Валентин выходят на сцену и творят такое, чему не перестаешь удивляться на протяжении всей программы. Они успешно опровергают бытующее мнение, что дети не могут петь хард-рок. Поют! Да еще как! На хорошем дыхании исполняют сложнейшие вокальные партии и органично, естественно двигаются. Без свойственной «взрослым» группам «припанкованности», без мужеподобия, на которое «сносит» большинство певиц, работаю-

щих в этом стиле. Девятилетняя Света Светикова солирует еще и как незаурядная танцовщица, восхищая зрителей виртуозными па.

Валентину удалось создать универсальную группу, которая нравится и детям, и взрослым. Тексты, музыка, аранжировка рассчитаны и на тех, и на других, просто младшее поколение воспринимает видимую часть айсберга, а взрослые получают удовольствие от ироничного подтекста. Кстати, сначала с Овсянниковым с удовольствием сотрудничали известные поэты Петр Вегин и Андрей Усачев, но потом один уехал в США, а другой — в Израиль, и «папа Карло» стал писать тексты сам. Это, как оказалось, у него тоже получается.

Два других «проекта» Овсянникова совершенно в ином ключе. Группа «Советский Союз», состоящая из четырех девочек, будет исполнять лучшие песни 80-х годов в современной аранжировке, а двенадцатилетняя Алена Платонова готовит оригинальную сольную программу в стиле соул.

— Градации между детским и взрослым искусством нет, — говорит Валентин. — Есть градация между хорошей и плохой музыкой, хорошими или плохими стихами. Чем раньше дети начнут в этом разбираться — тем лучше. Тем больше шансов, что они вырастут культурными, интеллигентными людьми, профессионалами.

Его ученики проходят очень серьезную школу. Здесь нельзя халтурить или работать вполсилы. Объем знаний и умений, которые получают дети в театре, огромен: и сольфеджио, и история искусств, и вокал, и работа в студии звукозаписи, и хореография. Занятия бесплатны, и потому учителя оставляют за собой право выбирать, с кем они будут работать

на будущий учебный год. Пассивных и ленивых здесь не жалуют. Немалое значение имеет и характер ребенка. Ранний выход в лучи софитов, записи на радио, в популярнейших программах телевидения могут пагубно отразиться на некоторых детях. Поэтому ежегодно отбирая способных ребятешек в труппу театра, Валентин Овсянников обращает внимание не только на их музыкальные способности, но и на интеллект, воспитанность, умение общаться.

— Неповторимость личности — самое ценное в искусстве, — говорит Валентин. — Мы в своей работе с детьми отталкиваемся именно от этого — выявить, развить, подчеркнуть яркую индивидуальность ребенка. Мы создаем ему имидж, именно в расчете на него пишутся музыка, стихи, ставится пластика, создается сценический костюм. Так формируется законченный образ «маленькой звезды».

...Уходя из театра, я услышал разговор двух мам, которые привели своих детей на конкурсный отбор.

— А мою не приняли, — с сожалением сказала одна. Говорят: мала еще и «р» не выговаривает... Я-то думала, может, на хореографию возьмут — там «р» вроде ни к чему... Ну да ладно! Придем на следующий год!

Остается добавить: театр Валентина Овсянникова — уникален. В Европе такого нет. У нас — есть. Тут уж нас догонять должны...

БАРАЧНЫЕ МОТИВЫ

1

Жилье здесь — не палаты,
 Душой и телом — сжаты.
 Коль горе у кого —
 Не смеют вокруг смеяться.
 Коль счастье у кого —
 Всех тянет улыбаться,
 А вспыхнет ссора, хоть пустяк,
 Весь разругается барак.

2

Качаю дитя на руках,
 А ветер шатает барак.
 Бел иней в прогнивших углах,
 И холод, и сырость, и мрак.
 Ах, сном Храпуново объято!
 Ужели сейчас — век двадцатый?

Наверно, я в прошлом забыта.
 Давно обносился наряд.
 Вся мебель из ящиков сбита,
 И отданы серьги в ломбард.

3

В соседнем бараке,
 От горя немея,
 Хоронят подростков
 Под тонким дождем.
 Они мотоцикл
 Оседлали, балдея,
 И в майских потемках
 Расшиблись втроем.

Раскинувши руки,
 Девчонка летела
 В последнем
 Нелепом своем вираже.
 Певица о счастье
 В транзисторе пела!
 И пела — потом...
 Для погибших уже.

4

Снилось — по небу плавному
 Черные плыли ангелы.
 Молча они кружились,
 Пеплом на Русь ложились.

Кто вы? В ответ — молчание.
 Лишь черноты качание,

*Лишь немота бессилья,
Мрачно шуршат их крылья...*

*И поняла я в ужасе —
Кто надо мною кружится!
Души всех книг сожженных,
Истин испепеленных...
Тени всех жертв напрасных —
Соколов бело-красных...*

5

*Вновь первый снег
Безумно молод!
В нем чистота и нежный холод.
И даль светла передо мной,
Как лик невесты под фатой.*

*Уродство, грязь дорог —
Все скрыто.
Трепещут белые крыла!
Все черное — навек забыто.
Одна лишь вера —
В свет добра,
Полны ладони серебра!
Я в вихре
Снегового пуха!
Но сквозь окно с седой тоской
Зачем следит за мной старуха
Качая скорбно головой?*

6

*Барак сквозняками сырыми исходит,
Прогнившие стены черны.
И дети раненько заснули и вроде
Веселье снятся им сны.
Дела переделаны, ночь облунёна,
И уголь для печи готов.
И стирка большая мной нынче спихнёна,
Полоскана в проруби вновь.
Пусть в наших карманах
С ума сходит ветер,
И ящик — вместо стола,
Пишу вдохновенно стихи о рассвете,
Хоть шали смолисты крыла.
Добро воспеваю! И солнце на восходе.
И синь васильков и жнивье...
А вор под моими окошками бродит,
Снимая с веревок бельё.*

7

*На растопку — черновик.
Все же — в инье половик,
Все же — кашляют сынки.*

Может, сжечь чистовики?
Печь не тянет — смрад и дым.
Вновь в жару мой младший сын.
Я мечусь, роняя косы,
Я мечусь, теряя слезы.
И швыряю в печку ту —
То поэму, то мечту!
Вновь травой лечу, шепча.
Нет здесь детского врача.

Хоть в бессильи расшибись,
Бухнись ó пол — да молись:
«Дева-Богородица,
Кумачом задушены?
Дева-Богородица,
Дочиста разрушены...»

Вместо Богородицы —
Бесом дым в оконницы,
И до светлого утра —
Визг крысиный у ведра.
С потолка сочится дождь:
«Вождь... вождь...»

Вождь?!

8. ПОСЕЛОК ХРАПУНОВО

Господь ли подает так знаки?
Нет, не рождается привычка:
Когда проходит электричка —
Дрожат вокруг бараки...
И всю-то ночь,
И с каждым разом снова
Стучат колеса явственно и плавно:
Каренина, Смирнова, Верстакова...
Мария, Катерина, Ольга, Анна...

9. ПОУЧИТЕЛЬ

Руками машет над столом:
«Ах, ты все пишешь не о том!
Не думаешь ты об Отчизне...
Не знаешь — жизни, жизни, жизни!»
И я — вся слух, как ученица.
Навосклицавшись, он умчится,
И в будуар свой удалится.
А я — в барак свой продувной,
Где стужа, подполом вода,
Больные дети и беда.

10

Жилой обрушился барак —
Скорее полночью сожгли,
Чтоб даром не разволокли

Его старухи на дрова.
Кричал начальник им слова,
Что воровство —
Причина зла.
Что все жадны на даровое!

Взлетал огонь, по-волчьи вой...
Не устояв, сгорев, ветвями,
Береза ухнула в то пламя.

11

Весна — цветенье?
Это враки.
Полузатоплены бараки.
Волною — детские бронхиты.
Колонки ржавые прикрыты.
Закрыта баня на ремонт,
И в магазинчике — учет.
Все электрички отменены,
И кончились макароны.
Сосед, что Сулову писал,
Жить долго приказал.

12

Приснилось —
Назвали пророчицей
И повели сжигать:
«В Отечестве
Пророкам не бывать!
Пророчицы — все ведьмы,
Их кос дремуча гать!»
И стали гневно
Сучья собирать.
А мне в небесный
Неохота край.
Пока возились,
Вскрикнула: «Невинна!»
Бух о земь,
И стою —
Кровавая калина,
И каждой кистью маюсь:
«Пригуби!»
Но сзади крикнули:
«Руби!»
...Под каблуками
Красно умирала.
И жадно семена
Земля глотала.

13. ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Мы бытом убиты,
Распяты и скрыты.
И вены — мимозой

Вдоль нежной руки:
Пудовые сумки
И рюкзаки...
Мы — грузчицы,
Возчицы,
В робах бетончицы,
Рельсов укладчицы,
Камня податчицы...
На марта восьмого
Истопим мы печки,
И косы завьем
В золотые колечки.
По телеку кажут
Модельные платья.
Мы мысленно шлем
Всем генсекам проклятья...
По телеку кажут —
Чтоб мы удивились!
Чтоб мы димедолом
На кухне травились...

14

Осмелилась на чаре я гадать —
Россия, долго ль тебе спать?
И содрогнулась я душой
Сквозь вихри волхвованья —
Проснешься!
Но —
Для распрей и страданья,
Для всенародного четвертованья...
И не могу я, не могу понять —
Проснуться
Или вечно спать?
И чара выпала из рук
Звездою вечных мук...

И за стеной сквозь сонный бред,
Как сатана, захохотал сосед...

15

Плывут бараки кораблями спозаранок
Под флагами пеленок и портянок.

Лишь, неотравленный средой,
И старой завистью седой —
Безумный юный соловей
Заходится среди ветвей.
Как уцелел?
Никто здесь не поймет...
Он тишь и свет на части рвет!
От песни той в сердцах испуг.
И в обморок
Летит паук.

ИГОРЬ ЯКОВЛЕВ

Фото автора

МАГАДАНСКОЕ ЗОЛОТО

Путь по золотоносным местам Колымы столь же долг и труден, как путь самородка к сверкающим витринам магазинов «Ювелирторга».

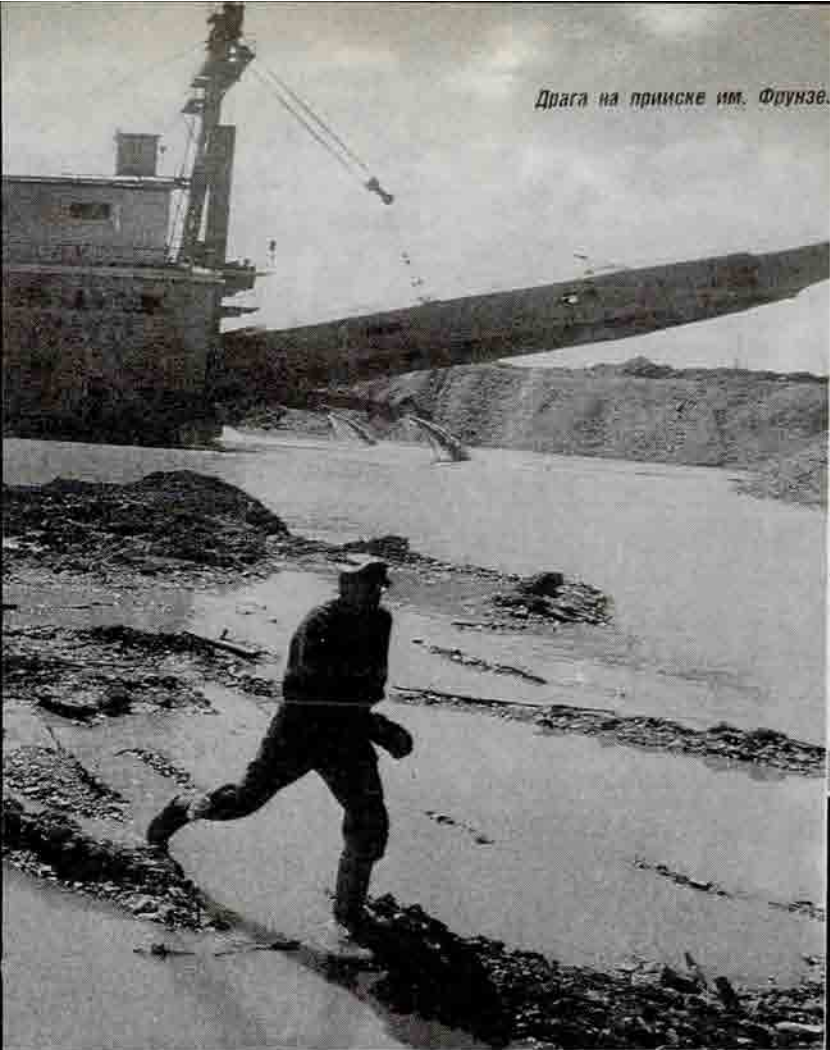
Это мы поняли довольно быстро. Я говорю «мы», имея в виду съемочную группу голландского телевидения — журналиста Герарда Якобса и вашего специального корреспондента.

Что такое отечественная золотодобыча?..

Понятно удивление увиденным голландских журналистов, но, че-

стно говоря, и на меня, изъездившего Россию, что называется, вдоль и поперек, быт и работа наших старателей произвели ошеломляющее впечатление. Мне подумалось: американский Клондайк конца прошлого века, вероятно, мало чем отличался от сегодняшней «золотой Колымы», а если и отличался, то в лучшую сторону.

Палатка — временное пристанище старателей, нехитрый инвентарь для добычи, шурфы, траншеи... Колымская вечная мерзлота тяжело отдает людям свое золото.

Кто же работает на этой земле, временщики? Но у нас в России нет ничего более постоянного, чем «временное». Поэтому для большинства золотодобытчиков, приехавших сюда на два-три сезона, край этот становится родным домом на многие годы.

Зековские лагеря, поселения — и отсюда ведется отсчет золота России. И не только самородки хранит суровая земля Магадана, но и кости погибших здесь — полтора миллиона заключенных прошли через «золотоносные жилы» Колымы.

...Все это мы видели.

И как бы я ни старался словами донести до читателей свои впечатления, думаю, фотографии сделают это куда лучше. Напоследок скажу одно: люди, с которыми мне довелось встретиться на Колыме, вплотную причастные к магаданскому золоту, без сомнения, прошли огонь и воду. Что же касается медных труб, то слава не особо коснулась их. Да они и не жаждут почестей.

Магаданское золото — их работа, боль и жизнь.

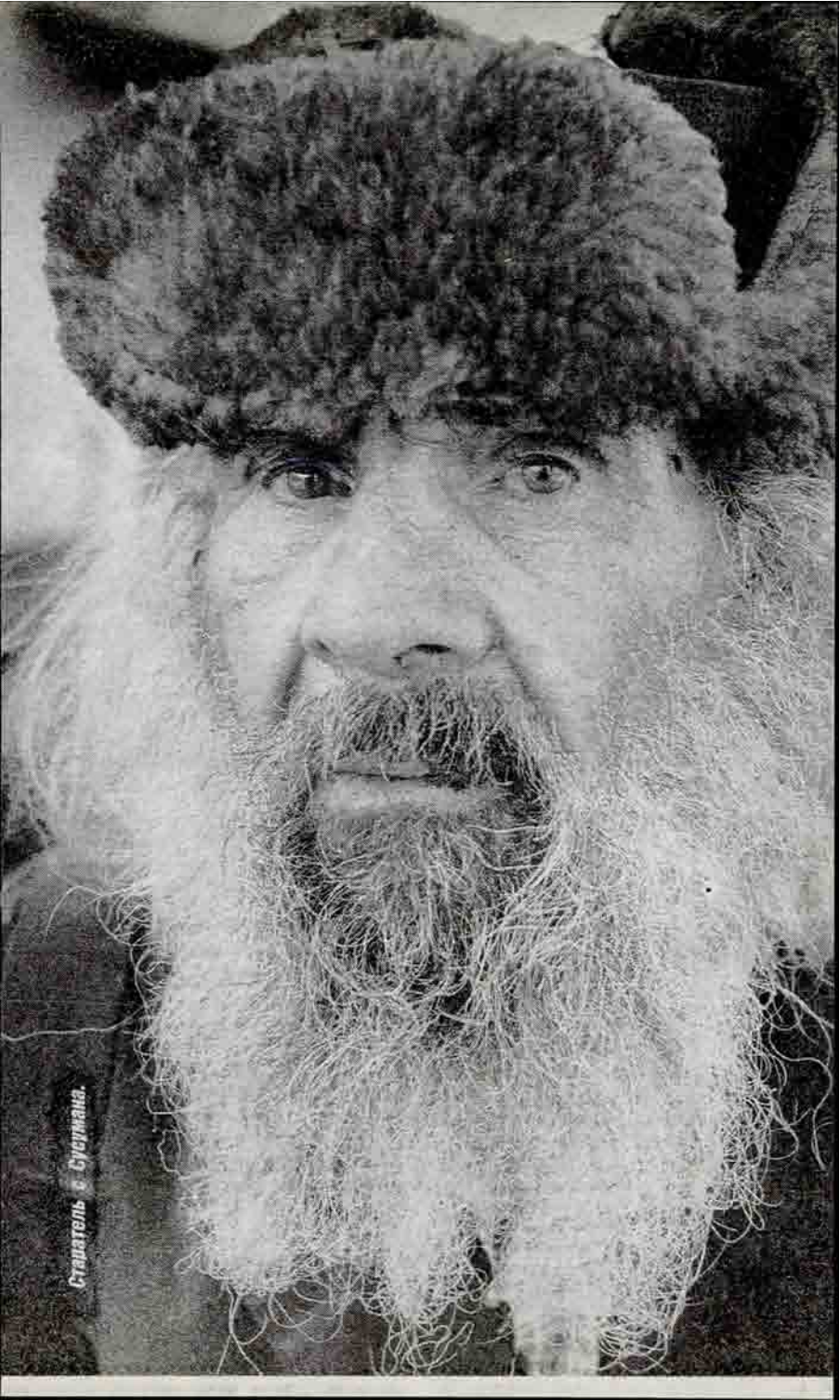

Бригада съемщиц злата.

Вот оно!..

Старатель в Суеумана.

Колыма

Разметка будущего... Маркшейдер Лидия Берестовенко.

Контейнеры с золотом.

Могильные вешки (Сусуманское кладбище).

Сюда — нельзя!

Минус мишка...

Довись, «золотая рыбка»!

КОНКУРС

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

СЕРГЕЙ НЕЩЕРЕТОВ
СВЕТЛАНА КОРНЕВА
НИКОЛАЙ БАЖАН
АЛЛА СУВОРОВА
ВЛАДИМИР РАССОХИН
АЛЕКСАНДР БАЙТ

НИНА ШИШКИНА
ВЛАДИСЛАВ КИТИК
ЕКАТЕРИНА ТРУХИНА
ТАТЬЯНА ИГЛИНОВА
АЛЕКСЕЙ МАЛЬЦЕВ

140 СЕРГЕЙ НЕЩЕРЕТОВ,

21 год, студент,
Москва

Памяти И. К.

В Успенском соборе впервые
услышать пришлось от тебя,
что, циклы произив годовые,
слепое деленье в дробях

не так оттеняет догадку,
как ей положил на роду
Провидец, беспечно и сладко
ее излагая Суду...

Не в том ли твое просветленье,
что, вовсе не чувствуя дней,
ты вновь открываешь горенье
лежащих под нами камней?

СВЕТЛАНА КОРНЕВА,

Ярославль

Я УЕДУ

Это будет закат четверга,
золотая старинная шалость.

*Будет сад твой в росе сверкать
обреченно, как желоб ржаветь.*

*Будет свет Твой сиять, лучист,
В моей бездне пустой свободы
и сквозь пятницы белый лист
просквозит синева субботы.*

*И цыганкой в звезд серебре
будет нищая ночь на среду.
На рассвете в четверг в сентябре
Я уеду.*

НИКОЛАЙ БАЖАН,

31 год, слесарь-настройщик,
Барнаул

*Зачем пришел? Забыл на полпути
и, уходя, намека не оставлю:
какой молитве поклонялся тайно?
Какое солнце согревал в груди?
Случайно появился я на свет,
мои шаги дождь выключит из почвы,
рождение, смерть — их разделяет прочерк
слетающих с небес шальных комет.
По воле чувства жить? Нет, не хочу!
Рассудок не помощник мне, тем паче!
Зачем пришел и что визит мой значил?
Задует время невзначай свечу...*

АЛЛА СУВОРОВА,

16 лет, школьница,
Симферополь

ОЗНОБ
*Осенних чистых рек стекло
Под кружевом ветвей
Не тронь, тяжелое весло,
И разбивать не смей.*

*Прохладна хрупкая вода,
Черна и глубока,
И сквозь ушедшие года
Течет моя река.*

*Здесь геометрия травы,
Звнящей и сухой,
Здесь призрак солнечной листвы
На ветках, как живой...*

*А солнце — тусклое пятно —
Не обжигает глаз;*

*Легко, прозрачно и светло
Оно глядит на нас.*

*Еще зеленый теплый мох
В брусничных маяках,
И в рыжей хвое звук шагов —
Как бабочка в руках.*

*К порогам солнечных дверей
В сиреневом краю
Уйду и я в один из дней
В другую жизнь свою.*

ВЛАДИМИР РАССОХИН,

34 года, учитель,
Рыбница, Молдова

*Мы забыли, что небо ночное
Так красиво, поскольку на нем
Не воюет звезда со звездою;
Все созвездья на месте своем.*

*Мы забыли, что поле прекрасно,
Потому что любые цветы
Не воюют друг с другом напрасно
В утвержденьи своей красоты.*

*Мы забыли, что реки красивы,
Даже если текут по войне,
По Молдове текут и России,
И волна не мешает волне.*

*Красота — это только порядок,
Не диктуемый волей чужой,
Потому расположены рядом
Мы на нашей земле небольшой.*

АЛЕКСАНДР БАЙТ,

30 лет, инженер,
Красноармейск

*Гаснет свет, шоколадки затихли в партере,
А на сцене уютно в прожекторном
Первый акт — мы с тобою на лавочке
Я тебе говорю, что я жить без тебя не могу.*

*На упреки твои я, по тексту,
взволнован, бескровен,*

Разбивая колени о жестких подмостков ковер,
Говорю, что ни в чем, нет,
Но, ты знаешь, я в этом театре
во всем пред тобою виновен,
всего лишь актер.

Нам достались заглавные роли
в придуманной пьесе,
Только, к счастью, никто здесь не знает,
какой в ней финал,
А играем мы здорово, лихо играем мы вместе,
Выйдя как-то на сцену,
не помня про зрительный зал.

Растворяемся мы в глубине декораций
и масок,
Выполняя безумный, чужой
режиссерский приказ,
Мы играем, как в жизни,
совсем не расходуя красок,
Мы ведь знаем, что создан весь этот театр
для нас.

Четко следуя тексту подробно
расписанной роли,
Мы надеемся, скрывшись во мраке
тяжелых кулис,
Что мы спустимся в зал и, взрывая
ладони до боли,
Долго будем стоять, вызывая друг друга
на бис.

Первый акт позади, ты поспи у меня
на колене,
Все статисты ушли штурмовать
театральный буфет,
Посмотри мне в глаза, пока мы только
двое на сцене,
Пока в зрительном зале
пока никого еще нет.

НИНА ШИШКИНА,

45 лет, химик-технолог,
Набережные Челны

==
Не падающий, но плывущий
В безмолвном омуте ночном,
Снег все настойчивей и гуще...
Темным-темно.

*Дыханьем приводя в смятенье
Прозрачность зябкого стекла,
Смотрю не отрываясь: темень —
Белым-бела.*

ВЛАДИСЛАВ КИТИК,

39 лет, моряк,
Одесса

ЯВЛЕНИЕ ТОПОЛЯ

*Не дождь — лишь аромат сочится
На землю мягкостью льняной.
Подобно миражам сновидцев,
Реален тополь слюдяной.
Грачиной пепельной оравой
Покинутая крутизна,*

*Но в шелесте ее картавом
Перемешались времена:
Претенциозность, лоск нарядов
И неухоженность тоски,—
Мозаикою листопада
Несовмещенные куски.*

ЕКАТЕРИНА ТРУХИНА,

17 лет, студентка,
Москва

*Кривая вóлоса дрожит на лбу.
Ее сотрет ладонь, сжав кожу в спешке,
и, защищаясь деланной усмешкой,
мне губы изумленные солгут.*

*Голодные, усталые слова
так истоиво о дряблый воздух трутся!
В отяжелевшей комнате сольются
окно и дверь — и речь уже мертва.*

*Так сладострастно приникает совесть
к событиям, больным от наших слез!
Уже позитки собирает мозг,
в лазейку знания пролезть готовясь.*

ТАТЬЯНА ИГЛИНОВА,

45 лет, библиотекарь,
Мелитополь

СЕСТРЫ ИОЛАНТЫ

*Любви животворящее начало
И острие хирурга таланта
Свершили чудо: солнце увидала
Прозревшая принцесса Иоланта.*

*Но вы, девочки в синей спецодежде,
Чьи дни в работе, а мечты в полете —
Вы все-таки несбыточной надежде
Горбушку реализма предпочтете.*

*Вам здравый смысл — опора и спасенье,
Когда судьба скупится на подарки;
И лишь во сне — и солнце, и прозренья,
И встреча с принцем
в королевском парке...*

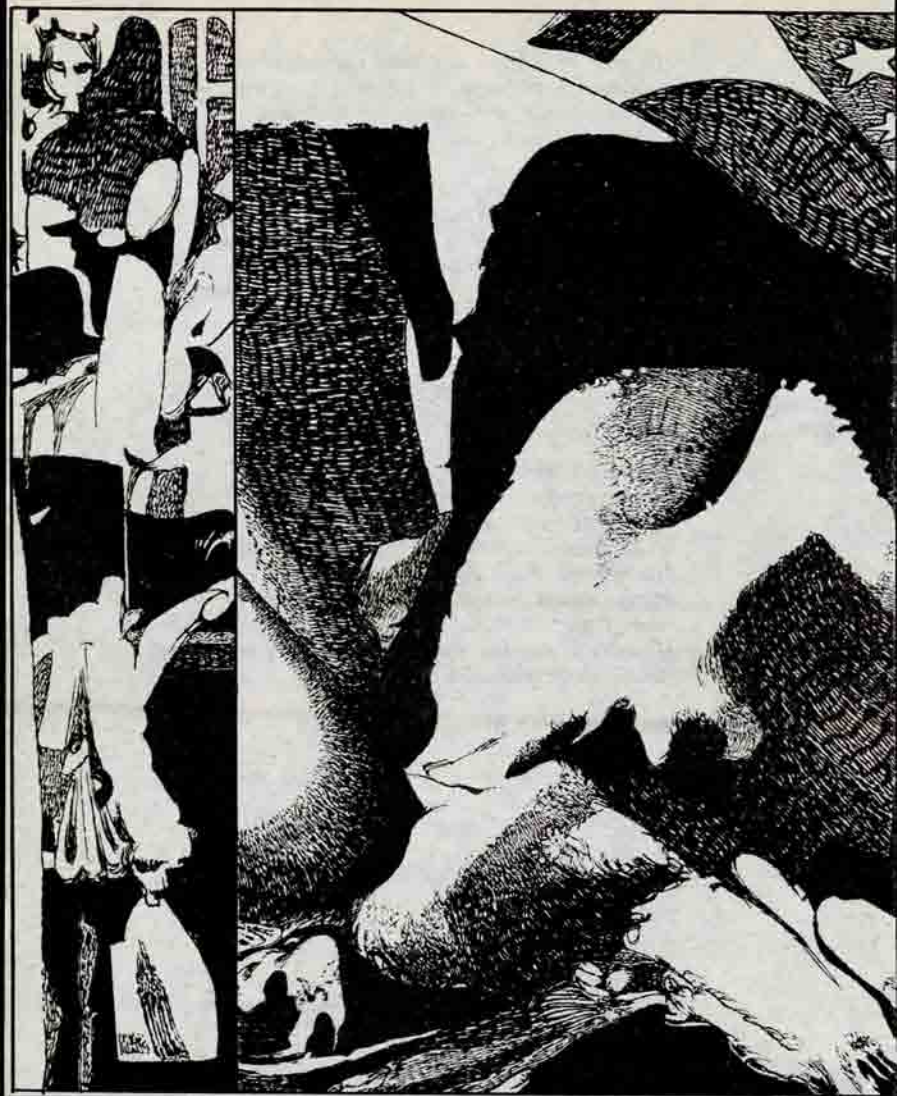
АЛЕКСЕЙ МАЛЬЦЕВ

31 год, врач,
Пермь

*БОЛЕЕТ МАТЬ
Седые прядки на казенном ситце,
Как пепел на снегу.
Свистящий шепоток: «Я из больницы,
Наверное, сбегу...
Когда душа откупится от тела —
Вот благодать!..»
И ждешь обхода так, как ждут расстрела,
Чтоб не страдать.*

*Твоих причуд невинные сюжеты —
В тоннеле свет.
Как трепетно ты, мама, веришь в это,
Как в двадцать лет.
А просто все смешалось воедино:
Любовь и страх,
И годы — каплями валокордина
В твоих руках.*

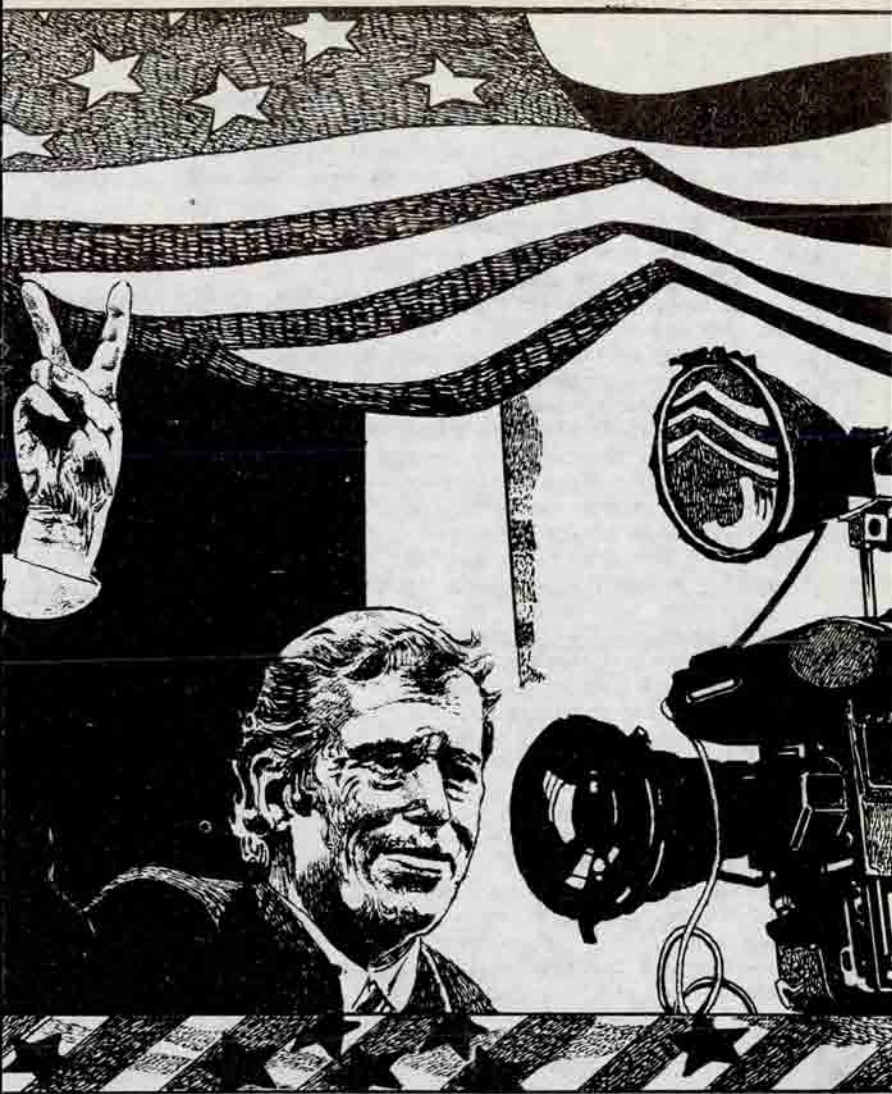
*Ах, мама, мама... Тощие осины,
Больничный парк.
И боль, и нежность называться сыном,
А жить-то как?*

ГРЕГОРИ МАКДОНАЛД

ВЫБОР

Рисунки ЛЬВА РЯБИНИНА

ФЛЕТЧА

— Флетч, старина! Отлично. Ты, наконец-то, здесь!

Без рубашки и босиком, Флетч стоял посреди обычного номера средненького отеля в заурядном городе небольшого американского штата. Едва он пустил душ, как зазвонил телефон.

— Поднимайся в отцовский «люкс», — скомандовал Уолш Уилер. — Немедленно. Номер 748.

— Почему ты не здороваешься, Уолш?

— Привет. — В трубке слышались другие голоса, звяканье бокалов, музыка.

— Почему не спрашиваешь, как я долетел?

— Не ломай комедии. Некогда.

— У нас уже кризис?

— Любая предвыборная кампания — один бесконечный кризис, Флетч. В том числе и президентская, только в последней кризисы разрастаются до размеров катастрофы. И достаточно нескольких минут, чтобы это понять. Подожди. — На другом конце провода кто-то заговорил с Уолшем. Слов говорившего Флетч не разбирал. Зато слышал ответы Уолша: — Кто она такая? — Вновь бу-бу-бу. — Она мертва?

Из ванной уже валил пар.

— Кто мертва? — спросил Флетч.

— Это мы и пытаемся выяснить. Твой самолет опоздал? Мы ожидали тебя раньше.

— Незапланированная посадка в Литтл-Рок. Наверное, пилот завез кому-то выстиранное белье.

— Ты должен был приехать в шесть.

— Твой папаша очень популярен в Литтл-Рок. Я провел опрос населения. Коп в аэропорту заявил мне: «Если Уилер не станет нашим следующим президентом, придется мне самому баллотироваться на этот пост». Какова угроза?

Уолш продолжал с кем-то говорить:

— Кем бы она ни была, к нам она не имеет ни малейшего отношения.

— Хотелось бы мне знать, о чем речь, — внес свою лепту Флетч.

— Я в коктейль-холле, — пояснил Уолш. — Тут как-нибудь разберусь сам, а ты скоренько поднимайся к отцу.

— А что я скажу будущему президенту Соединенных Штатов? «Хотите купить новую швабру?»

— Не поверю, чтобы ты не нашелся, что сказать. К примеру: «Привет, я ваш новый пресс-секретарь». Дело чертовски серьезное, Флетч. Мне сказали, что девушка мертва.

— Смерть — дело серьезное для всех нас. А теперь просвети меня, Уолш, какая девушка? Кто умер?

Уолш откашлялся.

— Не знаю. Какая-то девушка или женщина сиганула с крыши мотеля. Пять минут тому назад. Или десять.

— И она мертва.

— Вроде бы.

— Потрясающе! Но каким боком эта смерть связана с твоим отцом? С тобой? Со мной?

— Никак, — твердо ответил Уолш. — Суть ты уловил.

— Вот и ладушки. Тогда почему я не могу принять душ, надеть пижаму, лечь в постель и встретиться с твоим отцом утром? Между первой и второй чашечками кофе?

— Потому!

— Веская причина, Уолш. Смерть в мотеле, где остановился на ночь кандидат в президенты, не такое уж событие. Люди умирают в отелях чаще, чем заказывают обед в номер. Почему одно должно связываться с другим?

— Согласен с тобой.

— Наоборот, слишком резкая реакция команды кандидата привлечет внимание. К примеру, кто-нибудь да заметит, что я среди ночи помчался к твоему отцу, хотя раньше мы с ним не встречались.

Уолш снова откашлялся. Понизил голос.

— Похоже, она прыгнула, Флетч. С крыши. Аккурат над «люксом» отца. Перелетела через его балкон. Здание уже сфотографировали. А прочертить траекторию полета ничего не стоит.

— Однако!

— Пресса скучает, Флетч. Они ухватятся за что угодно.

— Действительно. Плохо ли написать, что эта юная дама использовала балкон кандидата как трамплин для прыжка в вечность. Некоторые газеты за это ухватятся. Хотя бы «Ньюсбилл».

— Поднимайся к отцу. Отвечай на телефонные звонки, если кто позвонит. Говори, что ты — человек новый и не ведаешь, о чем, собственно, речь.

— Нет проблем. Так приятно говорить правду.

— Я попытаюсь убедить телефонисток на коммутаторе отключить телефон отца. Но не все они неподкупны.

— В этом я убедился на собственном опыте. Какой номер?

— 748. Я тоже приду. Как только пообщаюсь с телефонистками и ублажу прессу. Заверю твоих коллег-репортеров, что мы никак не реагируем на смерть девушки.

— Уолш, ответь мне прямо. Девушка имеет к нам какое-либо отношение? К предвыборной кампании? К кандидату в президенты?

Уолш понизил голос.

— Твоя задача, Флетч, убедительно доказать, что она никак не связана с нами.

ГЛАВА 2

Когда разошлись двери лифта, в кабине она стояла одна. Флетч как раз надевал пиджак. В первое мгновение он решил, что грезит. Да и откуда взяться здесь этой девушке с карими глазами?

— Фредди! — воскликнул он. — Что б мне провалиться на этом самом месте! Единственная и несравненная! Фредди Эрбатнот!

— Флетч, это я.

- Спускаетесь в бар?
- Нет. Поднимаюсь к себе.

Автоматические двери лифта начали закрываться, но он успел проскочить в кабину. Отметил, что горит кнопка с цифрой «8».

- Рад вас видеть.
- Раньше я такого не замечала.

— Послушайте, Фредди, далась вам эта Виргиния. Ну что я могу сказать? Я ошибся. Вы же сами знаете, эти журналистские сборища кишат агентами спецслужб. Вот и я подумал, что вы из их числа.

— Я — честная журналистка, мистер Флетч. — Фредди вскинула голову. — Не то, что некоторые, кого я и знать не хочу.

- Честная, — согласился он.

— И известная.

— Знаменитая! Кто не читал блестящих статей Фредерики Эрбатнот!

- Так почему же в Виргинии вы не знали, кто я такая?

— Тому причина — невежество. Долго жил в чужих краях.

- И никогда не читали «Ньюсуорлд»?

— Мой дантист не выписывает это уважаемое издание.

- Никогда не заглядывали в «Ньюсуорлд синдикейт»?

— Преступность меня не интересует. Приятного мало. Кому охота знать, что отыскал корнер в кишках убитого? Я не хочу знать, что у меня в кишках.

- Я зарабатываю на жизнь статьями о преступности.

— Они самые лучшие. Все так говорят. Статьи Фредерики Эрбатнот — эталон.

— Правда ли, что губернатор Уилер назначил вас своим пресс-секретарем?

- Еще не виделся со старым водителем.

Двери кабины открылись.

— Ему хватит одного взгляда, чтобы отослать вас обратно на детскую площадку, Флетч.

Вместе с ней он вышел на восьмом этаже.

— А что вы делаете в этом городе, Фредди? Приехали на какой-то судебный процесс?

— Решила поучаствовать в предвыборной кампании. — Она зашагала по коридору.

— Как? Вы оставили журналистику? Записались в добровольцы?

— Отнюдь. Я по-прежнему принадлежу к когорте честных журналистов.

— Что-то я вас не понял, Фредди. Вы же криминальный репортер. А тут — политическая кампания.

Она вытащила ключ из кармана юбки.

— Разве политическая кампания не похожа на судебный процесс с присяжными?

Флетч придержал уже готовую закрыться дверь.

— Фредди! Что побуждает криминального репортера освещать предвыборную кампанию?

Она приподнялась на цыпочки и чмокнула его в нос.
— А что толкает газетного курьера в пресс-секретари кандидата в президенты?

ГЛАВА 3

— Кто там? — В голосе за дверью «люкса» 748 слышалось любопытство.

— Флетчер. Уолш просил постучать в вашу дверь.

Дверь открылась.

Не отпуская ручки, губернатор Кэксон Уилер протянул вторую руку, готовую как для рукопожатия, так и для толчка. На губах играла улыбка, но глаза обежали Флетча с головы до ног. Флетч поправил галстук и пожалел, что надел рубашку, в которой ходил весь день.

— Привет, — произнес Флетч. — Я ваш новый пресс-секретарь.

Кандидат в президенты с застывшей на лице улыбкой сверлил Флетча взглядом.

— Хотите купить швабру?

— Что ж, — хмыкнул губернатор. — Хорошая уборка еще никому не вредила.

— Держу пари, вы готовы вычистить все лишнее.

— Вы — один из них?

Флетч огляделся.

— О ком вы?

— О прессе.

— Пресса — это народ, сэр.

— Забавно, — вновь хмыкнул кандидат в президенты. — Я-то думал, что народ — это государство. Заходите.

Губернатор отпустил ручку и в одних носках прошлепал в гостиную.

Флетч закрыл за собой дверь.

— Хотите выпить? — спросил губернатор.

— Нет, благодарю.

— Вы, похоже, только вернулись из летнего лагеря, — продолжил губернатор. — Пресса вас примет? — Флетч тактично промолчал. — Борьба идет жестокая. Есть в этом свои плюсы, но хватает и минусов. На финише кампании, если мы выиграем эти праймеры*, вы будете выжаты, как лимон.

За спиной губернатора меж раздвинутых портьер поблескивала стеклом раздвижная дверь на балкон.

Медленно, как бы между прочим, Флетч подошел к ней.

— Если вы проигрываете праймеры, кампания заканчивается?

— Праймеры дают голоса. И взносы в фонд предвыборной кампании. В проигравших денег не вкладывают. А счета бензозаправок и мотелей должны оплачивать все, даже кандидаты в президенты. Таков уж американский образ жизни.

Флетч зажег свет на балконе.

* Первичные выборы, в ходе которых определяются кандидаты в президенты от демократической и республиканской партий (здесь и далее прим. переводчика).

Снег, свежевыпавший и смерзшийся, был истоптан многочисленными следами.

— Сегодня вечером вы выходили на балкон? — спросил Флетч.

Губернатор обернулся.

— Нет. А что? Кажется, не выходил.

— Кто-то там был.

— Я приглашал сюда журналистов. Выпить, пообщаться с моими помощниками. Многие курили. Может, я и выходил подышать свежим воздухом. Или перекинуться парой слов наедине. На минуту, не более. В мокрой грязи долго не настоишься.

Флетч выключил свет на балконе и задернул шторы.

— В ваше отсутствие здесь могли быть посторонние? Не считая персонала мотеля?

— Конечно. В моем номере постоянная толчея, как в международном аэропорту. Кстати, а куда все подевались? И почему не звонит телефон?

— Уолш отключил его от коммутатора. — Флетч пересек гостиную и вышел в маленький коридорчик у входной двери.

— Зачем ему это понадобилось?

Поворот ручки, и дверь открылась.

— Ваша дверь не заперта.

— Естественно. Ко мне же приходят люди. Вы, собственно, кто, пресс-секретарь или агент службы безопасности?

Флетч закрыл дверь, вернулся в гостиную.

— Мне кажется, такой агент вам необходим.

— Мне вполне достаточно Шустрика. Он никому не мешает. Итак, вы служили вместе с Уолшем? Помнится, он говорил мне об этом.

— Да, сэр. Он был моим лейтенантом.

— Уолш полагает, что вы — идеальный пресс-секретарь. — Губернатор сдвинул брови. — Он настоял, чтобы я незамедлительно вызвал вас, он говорит, что вы умны, изворотливы и согласны работать задешево. В связи с последним поневоле возникает вопрос: а так ли вы умны?

— В ваших силах сделать меня умнее. Платите больше. Если вам того хочется. Мне как-то без разницы.

Губернатор хмыкнул.

— Похоже, на этот раз Уолш подобрал себе подходящего партнера. Напряжение уже сказывается на нем. У него давно нет ни дня, ни часа отдыха. И его ноша куда тяжелее моей. На нем лежит организация всей кампании. Кто куда едет, когда, с кем и что говорит. Да еще я уволил Джеймса. От этого ему только прибавилось забот. Мне, впрочем, тоже. Полагаю, вы слышали, что у нас произошло?

— Уолш мне что-то сказал, когда позвонил вчера вечером. А в аэропорту я прочел заявление для прессы и комментарии журналистов.

Губернатор погрузился.

— Я знаком с Джеймсом двадцать лет. Но, если точнее, двадцать два года. Политический комментатор газеты моего родного города. Газета стояла за меня горой, когда я баллотиро-

вался в Конгресс, на пост губернатора. Джеймс был моим доверенным лицом. Хороший парень, кристально честный. И опыта ему не занимать. Работал в Вашингтоне. Я думал, что возьму его в свою команду, если дело дойдет до борьбы за Белый дом. И тут он подложил мне свинью. Большую свинью.

— Газеты написали, что он подал в отставку из-за расхождений в вопросах политики. Что-то вы не поделили в Южной Африке.

— Пресса меня помиловала. Причина наших разногласий — не Южная Африка. Миссис Уилер. — Губернатор тяжело вздохнул. — Первую его выходку удалось замать. Я сумел обратить все в шутку. Он шепнул нескольким репортерам в баре, что миссис Уилер каждое утро тратит на макияж два с половиной часа.

— Это так?

— Нет. Разумеется, она проводит какое-то время перед зеркалом. Как и всякая женщина. Ей тоже нелегко. Каждый день появляется на людях, встречи затягиваются допоздна. А утром она снова должна быть красивой. Короче, в газетах это напечатали.

— Небось отвели душу.

— По всему выходило, что она пустая, самовлюбленная женщина. Я отшутился, сказав, что потому-то у нас на втором этаже губернаторского особняка две ванны. Чтобы эти два часа потру я мог спокойно искать свою бритву.

— Да, получилось удачно.

— А вот на этой неделе Джеймс подвел нас серьезно. Вчера об этом было в газетах. Он сообщил прессе, что миссис Уилер в последний момент отменила визит в детский ожоговый центр, чтобы поиграть в теннис с тремя богатыми подружками.

— Это правда?

— Послушайте, как вас зовет Уолш — Флетч? Она действительно выкроила время, чтобы поиграть в теннис с сокурсницами по колледжу, которых не видела много лет, женами очень влиятельных людей этого штата. Они бы не простили, если б она не нашла для них нескольких часов. А благодаря этой встрече мы получили столь необходимые для кампании средства.

— Временные накладки, должно быть, обычное дело.

— Естественно. И задача пресс-секретаря — заминать их, а не выпячивать. Я убежден, что Джеймс сознательно нагадил нам.

— Да, но почему?

— Кто знает? Не буду утверждать, что он боготворит мою жену. За эти годы у них случались стычки. Но личное отношение к тому или иному человеку — это одно, а политика — совсем иное. Если жить в окружении только тех, кто тебе нравится, придется переезжать на новое место каждые десять дней. Политика — это абсолютная верность, сынок. Когда ты покупаешь человека целиком, со всеми словами, что слетают с его губ. Когда ты продаешься, полностью сознавая, на что идешь. А потому продаваться надо лишь в полной уверенности, что это в твоих же интересах. Джеймс отдал двадцать два года верности за сомнительное удовольствие публично поиздеваться над моей женой.

Слушая, Флетч кружил по гостиной. Ботинок губернатора он так и не обнаружил.

— Если миссис Уилер отменяет какую-то встречу, значит, она ее отменяет, и нечего вдаваться в подробности. Я до сих пор не могу понять, как нам удастся втиснуть все намеченные мероприятия в двадцать четыре часа. Впрочем, за пару дней вы почувствуете это на себе.— Губернатор понизил голос.— Если останетесь с нами.

— Я понимаю.

— И что вы понимаете?

— Я понимаю, что задача пресс-секретаря — постоянно красить забор вокруг особняка. Красить, и все тут. Что бы ни творилось внутри, снаружи забор должен радовать глаз.

Губернатор заулыбался.

— Вопрос в том, мистер Флетчер, во что вы верите?

— В вас,— незамедлительно ответил Флетч.— И в вашу жену. И в вашу предвыборную кампанию.

— Для начала. Почему вы хотите принять участие в этой кампании?

— Потому что Уолш попросил меня. Сказал, что я вам нужен.

— А вы как раз ушли со старой работы, но еще не поступили на новую.

— Я пишу книгу.

— У вас есть деньги, позволяющие не работать, а писать книгу?

— Есть.

— Где вы их взяли?

— Вы представить себе не можете, сколько можно скопить, отказавшись от курева.

— Что вы думаете о моей внутренней политике?

— Она требует корректив.

— Что вы думаете о моей внешней политике?

— Ей недостает свежих идей.

Губернатор широко улыбнулся.

— Черт побери, да вы идеалист. Пожалуй, вы окажете на меня благотворное влияние.

— Возможно.

Их взгляды встретились.

— У вас есть свежие идеи?

— Пока только одна.

— Какая же?

— Хранить вам верность.— Флетч улыбнулся.— Пока я не получу более выгодного предложения. В этом суть политики, не так ли?

— Учитесь вы быстро.

ГЛАВА 4

— Где доктор Том?

— Уже поднимается к тебе.

— Мне пора спать.

Уолш Уилер вошел в «люкс» отца без стука. Он знал, отметил про себя Флетч, что дверь незаперта.

В гостиной Уолш отделил от пачки бумаг, что держал в руке, верхний листок и протянул отцу.

— Твой распорядок дня на завтра.

Губернатор препроводил листок на стол, не удостоив его и взгляда.

Два листка Уолш отдал Флетчу.

— Вот распорядок завтрашнего дня отца. А это — матери. Ксерокопируй их и подсунь под двери всех репортеров до шести утра. Их поселили на восьмом этаже.

— А живет там кто-нибудь, помимо репортеров?

— Не знаю. Скорее всего да. Какая разница, подсунь копии под каждую дверь. Мы не держим в секрете местопребывание отца. Несколько копий можешь оставить и на регистрационной стойке. И не обдели местных газетчиков. — Уолш наполнил два бокала виски с содовой, один протянул Флетчу. — О да, в нашем автобусе есть ксерокс. Пользоваться им дозволено только тебе. — Уолш улыбнулся отцу. — Джеймс первым делом объявил, что отрубит руку любому, кто прикоснется к его ксероксу. Может, тебе стоит повторить его заявление?

— Незачем Флетчу идти по стопам Джеймса, — возразил губернатор. — Чтобы результат не получился таким же.

— Ксерокс и привычка не лезть за словом в карман. Необходимые атрибуты пресс-секретаря, так? — уточнил Уолш.

— Со словом у него все в порядке, — вставил губернатор.

— Понятно. — Уолш выбрал кресло под торшером, сел, положил ногу на ногу. — Пока, я вижу, вы друг друга устраиваете.

Губернатор и Флетч переглянулись.

— Не знаю, примет ли его пресса. Боюсь, своей внешностью курортника он подействует на них, как красная тряпка — на быка.

Улыбаясь, Уолш посмотрел на Флетча.

— А ты как думаешь, Флетч?

— Я думаю, губернатор Кэксон Уилер сможет двинуть нашу страну вперед.

— Я в это верю! — рассмеялся Уолш.

— Скажу только одно, — в какой уж раз хохотнул губернатор. — С того момента, как он зашел в мой номер, на пол вывалилось столько коровьего дерьма, что мне пришлось снять мои, купленные в обычном магазине, штiblеты.

Флетч перевел взгляд с отца на сына.

— А где ваши штiblеты?

Отец и сын смеялись, довольные друг другом, словно и не слыша вопроса.

Флетч сел.

— Итак, папа, твой распорядок дня на завтра. Давай пройдемся по нему. До праймери в этом штате осталось совсем ничего. У нас есть шанс победить, но мы его еще не реализовали. А потому попытаемся использовать оставшееся время с максимальной отдачей.

Губернатор обреченно взял со стола злосчастный листок. Зевнул.

— В семь сорок пять, — начал Уолш, — ты будешь у главных ворот шинного завода. Этих парней волнуют две проблемы. Во-первых, естественно, ввоз из-за рубежа дешевых шин. А во-вторых, они опасаются, что профсоюзные боссы в апреле заставят их бастовать.

— Как фамилия президента профсоюза?

— Уолмен. Между прочим, его бросила жена, и рядовые члены профсоюза полагают, что из-за этого он стал неуступчив в переговорах с администрацией.

— Понятно, — кивнул губернатор.

— В половине девятого ты пьешь кофе с Уолменом. Звать его Брюс.

Пробежав взглядом список завтрашних мероприятий, Флетч слушал. Уолш показался ему превосходным организатором предвыборной кампании. И мог без промедления ответить на любой вопрос губернатора.

Обсуждение продолжалось, и губернатор старел на глазах, плечи его сгибались под грузом усталости.

Уолш, наоборот, блаженствовал. Ровный голос, менторский тон, целеустремленность, как у набегающего на финиш лидера забега.

— Если все пройдет нормально, в шесть вечера ты прибудешь в Фармингдейл. Мэр дает в твою честь обед. Он — один из сборщиков пожертвований на твою предвыборную кампанию, так что соберутся нужные люди.

— А что я должен делать послезавтра утром?

— Я подумал, что тебе следует почитать газеты. Подольше полежать в постели.

— Наметь на утро посещение больницы. В Фармингдейле должна быть больница. И обязательно палаты, где лежат дети с ожогами.

— Да, сэр. — Уолш что-то чиркнул в блокноте.

Губернатор потер глаза.

— Я должен еще что-то знать или на сегодня все?

Уолш глянул на Флетча.

— Ты должен кое-что не знать.

— Что именно?

— Полтора часа тому назад с крыши мотеля прыгнула женщина.

— Разбилась насмерть?

— Да.

— Сколько лет?

— Больше двадцати. Так мне передали.

— Чертовски жаль.

— Похоже, она прыгнула с крыши как раз над окнами твоего «люкса».

Губернатор повернулся к Флетчу.

— Так вот почему вы заявили ко мне сегодня вечером? Проверили балкон. Дверь. — Он посмотрел на Уолша. — И телефон отключили. Вы, я вижу, работаете на пару.

— На балконе топтались люди, — вставил Флетч. — Дверь в «люкс» вы не запираете.

— Ты об этом ничего не знаешь, — напомнил Уолш.

— Знаю, — возразил губернатор. — Я слышал сирену патрульной машины. Видел отблески маячка «скорой помощи». Как я могу делать вид, что ничего не произошло?

— Наверное, она прыгнула, едва ты вошел в вестибюль.

— Никто не говорил, что она прыгнула, — поправил Уолша Флетч. — Мне вот сказали, что женщина была голая и ее избili до того, как она упала на тротуар.

— Мы ее знаем? — спросил губернатор.

Уолш пожал плечами.

— Как я понял, это политическая маркитантка. Большого выяснить мне не удалось. Нет, мы ее не знаем.

— Политическая маркитантка? — переспросил Флетч.

— Да, — кивнул Уолш. — Есть категория девиц, которая следует за командой кандидата, точно так же, как в старину маркитантки следовали за армией. Ездят из города в город, стараются останавливаться в тех же отелях. Иногда становятся весьма полезными добровольцами.

— Мы ее задействовали? — спросил губернатор.

— Нет. Доктор Том видел тело. По его мнению, она следовала за нами с неделю. Но никаких поручений ей не давали.

— Фамилия?

— Вот фамилию тебе знать ни к чему, папа. Когда репортеры будут спрашивать о ней, я хочу, чтобы ты с чистой совестью отвечал, что никогда раньше не слышал ее фамилии.

— Ладно. Можем мы что-нибудь сделать? Посадить цветы?..

— Ничего не нужно. Ее смерть случайно совпала с твоим нахождением в этом мотеле. И задача Флетча убедить всех, что к предвыборной кампании эта женщина не имеет ни малейшего отношения.

В «люкс» вошел тощий мужчина в длинном спортивного покроя пиджаке, с черным саквояжем в руке. Он, как и Уолш, не постучал.

— Пора спать, доктор Том, — обратился к нему губернатор.

— Сейчас ляжете. Плохо, что вам не удастся спать по восемь часов.

— Завтра посплю, — пообещал ему губернатор. — Если все пройдет по плану.

— Пошли. — Уолш дернул Флетча за рукав. — Нам есть о чем поговорить.

— Вы должны спать по восемь часов каждую ночь, — гнул свое доктор Том. — Каждую. Если Уолш не может этого обеспечить, нам придется приглашать другого человека для организации предвыборной кампании.

— Послушай, Боб, часа в четыре я почувствовал жуткую усталость. Не мог думать. Стал повторяться.

— Понятно, — кивнул доктор Том. — Завтра после ленча я дам вам что-нибудь...

Вслед за Уолшем Флетч вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

— Надо занести мамин распорядок дня в ее номер, — бросил Уолш через плечо, шагая по коридору.

— Этот доктор Том постоянно сопровождает губернатора? — спросил Флетч.

— Помолчи.

Дверь в «люкс» 758 также не закрывалась. Уолш, похоже, знал об этом. Они вошли в гостиную, и Уолш положил листок с расписанием завтрашнего дня на кофейный столик.

— Закрой дверь, — попросил он Флетча. — Давай присядем. Мама прилетает из Кливленда во втором часу ночи. Так что мы можем поговорить...

Быстрым шагом она пересекла гостиную. В длинном сером халате. С рассыпавшимися по плечам белокурыми волосами.

Флетч не ожидал, что Дорис Уилер такая крупная женщина. На экране телевизора она казалась мельче, возможно, потому, что всегда стояла рядом с губернатором, двухметровым гигантом. Дорис отличали не только рост, но и ширина плеч.

Флетч встал.

— Занес тебе программу завтрашнего дня. — Уолш указал на листок бумаги на кофейном столике. — А почему ты так рано прилетела из Кливленда?

— Попросила Салли взять билет на более ранний рейс. Ушла после первого отделения симфонического концерта. — Уолш не поднялся с кресла. Взгляд Дорис скользнул по воротнику рубашки Флетча. — Кто это?

— Флетчер. Наш новый пресс-секретарь. Вожу его в курс дел.

— Почему вы беседуете глубокой ночью?

— Вспоминаем былые дни. Давно не виделись. Не так ли, Флетч?

Дорис наклонилась над сыном. Поцеловала в губы.

— Уолш, ты пил!

— Пришлось провести какое-то время в баре. У нас происшествие. Эта женщина...

Дорис отвесила сыну крепкую затрещину. Ее раскрытая ладонь более всего напоминала лопату.

— Что мне женщина, Уолш? А вот того, что от тебя разит спиртным, я не потерплю. — Уолш не пошевелился, даже не посмотрел на нее. — Нельзя допустить, чтобы из-за такой вот мелочи отца не избрали президентом Соединенных Штатов.

Она пересекла гостиную в обратном направлении.

— А теперь идите спать.

Дверь спальни захлопнулась.

Лицо Уолша заливала краска двух цветов. Темно-красная отметина от оплеухи и пунцовая — за ее пределами.

Он не отрывал глаз от лежащих на коленях бумаг.

ГЛАВА 5

— Доброе утро, пресс-дамы и пресс-господа, — добродушно побасил губернатор Кэкстон Уилер, войдя в автобус, в котором ехали журналисты.

— Пресс-мужчины и пресс-женщины, — поправил его мужской голос с заднего сиденья.

— Женщины и мужчины, — уточнила женщина, сидевшая рядом с Фредди Эрбатнот.

— Может, труженики пера, — предложил губернатор.

Флетч стоял рядом с ним. В половине седьмого утра Кэстон Уилер выглядел подтянутым, загорелым, отлично отдохнувшим.

— Не забудьте фотографов, — вставил Рой Филби, представляющий фототелеграфное агентство. — Мы тоже труженики.

— К тому же пользуетесь всеобщим уважением. — Лицо губернатора расплылось в улыбке.

— Вы охватили всех, за исключением Эрбатнот! — воскликнул Джо Холл.

— А теперь позвольте представить вам вашего коллегу...

— Это вряд ли, — возразила ему Фредерика Эрбатнот.

— ...Ай-эм Флетчер, прошу любить и жаловать. Мы наняли его, чтобы было кому раздавать вам пресс-релизы, отвечать на все ваши вопросы, не беря за это ни цента, чего бы эти вопросы ни касались, и говорить за меня то, что я не могу вымолвить сам, не покраснев.

— Он же преступник, — процедил мужчина со значком «Дейли госпел» * на лацкане пиджака.

— Я понимаю, что кое-кому из вас будет недоставать старины Джеймса. — На лице губернатора отразилась печаль. — Как вы все знаете, старина Джеймс решил подыскать себе такую работу, где не надо спорить.

— Да, — ввернул Лейнсинг Сэйер. — Когда все идут на теннисный корт, Джеймс тоже должен играть в теннис.

— Итак, — шея губернатора покраснела, — я оставляю вам Флетча. Пожалуйста, не съешьте его живьем. На ленч я распоряжусь подать вам что-нибудь повкуснее.

— Эй, губернатор, — прокричал Джо Холл, — что вы можете сказать о вчерашнем заявлении президента по Южной Африке?

Помахав на прощание рукой, Кэстон Уилер вышел из автобуса.

Флетч взял микрофон. Водитель включил систему громкой связи.

— Доброе утро. Как пресс-секретарь губернатора, я торжественно обещаю никогда не лгать вам. Сегодня, на этом автобусе, мы проследуем через Майами, Новый Орлеан, Даллас, Нью-Йорк и Кеокук, что в штате Айова. Как обычно, в полдень мы полетим на ленч в Сан-Франциско. Меню на сегодня: суп из мидий, жареный фазан и клубничный мусс. А все, сказанное губернатором этим утром на злобу дня, дышит мудростью и не затерто, как старый шлепанец.

— К тому же пошел снег, — прервала его Фенелла Бейкер, протерев запотевшее стекло.

Тем временем Дорис Уилер садилась в черный «седан». Автобусы с прессой и командой губернатора ехали на юго-запад, жена губернатора — на север штата. Предвыборная кампания стремительно накатывала на промежуточный финиш.

* «Ежедневная проповедь» (англ.).

— И каково вам в шкуре противника прессы? — улыбаясь, спросила со своего места Фредерика Эрбатнот.

— Некоторые полагают, что это мое естество.

— Бетси Гинзберг, — представила Фредди свою соседку, миловидную, чуточку полноватую молодую женщину с блестящими глазами.

— У вас потрясающие статьи, — улыбнулся ей Флетч. — Я, правда, не прочел ни строчки, но решил говорить журналистам только приятное.

Бетси рассмеялась. Заревел дизельный двигатель. Автобус плавно тронулся с места.

Фредди подтолкнула Бетси локтем.

— Пересядь. Позволь мне первой вонзить зубы в нового пресс-секретаря.

— Это предлог, а на самом деле ты выгоняешь меня, потому что он такой симпатяга.

— Правда? А я и не заметила.

Флетч плюхнулся в освободившееся кресло.

— Едва ли мне удастся стать добропорядочным членом общества. Для меня это внове.

— Бедный Флетч, — вздохнула Фредди. — Победителем вам не выйти.

— Я знаю.

— Тогда все в порядке. — Она похлопала Флетча по руке. — Я уничтожу вас совершенно безболезненно.

— Отлично. Ценю вашу заботу. Но вы уверены, что вам это по силам?

— Что?

— Уничтожить меня.

— Это не составит труда. Благодаря вашим же внутренним конфликтам. Вы никогда не пытались вписаться в общество, Флетч. Давайте смотреть правде в глаза, вы — прирожденный бунтарь.

— Готовясь занять эту должность, я купил галстук.

Фредди повернулась, чтобы взглянуть на его новый красный галстук.

— Приобрел его в аэропорту Литтл-Рок.

— Ограниченный выбор?

— Мне предложили пять или шесть.

— И этот был лучшим?

— Мне так показалось.

— Вы купили только один галстук, так?

— Я же не знал, сколь долго придется мне работать пресс-секретарем.

— Что ж, порадуемся, что ваши инвестиции в новое дело невелики. Так что вы хотите мне сказать насчет вчерашнего вечера?

— А что тут говорить? Я проводил вас до номера, чтобы вы захлопнули дверь перед моим носом.

— Прошлым вечером на тротуаре под окнами кандидата нашли мертвую женщину. Разве вы не читаете газеты?

— Читаю. Сегодня тема номер один — потасовка болельщиков на хоккейном матче между...

— К черту сегодняшнюю тему, — оборвала его Фредди. — Меня интересует, о чем напишут на первой полосе завтра.

— О том, как жестоко обошлась полиция с драчунами.

Фредди отвернулась к окну и заговорила со своим отражением.

— Этот пресс-секретарь полагает, что ему удастся ничего не сказать о молодой женщине, которую выбросили на мостовую из окна спальни губернатора.

— Перестаньте, Фредди. Я действительно ничего не знаю.

— Должны знать.

— Я обратил внимание, что никто из вас не спросил о ней губернатора, когда он заходил в автобус.

— На данной стадии расследования задавать подобные вопросы нелепо.

— Естественно.

— Во всяком случае, ему.

— А мне можно?

— Такова доля пресс-секретаря.

— Фредди, мне известно лишь то, что я слышал в утреннем выпуске новостей по ти-ви. Ее звали Элис Элизабет Филдз...

— Шилдз.

— Около тридцати лет.

— Двадцать восемь.

— Из Чикаго.

— Тут вы не ошиблись.

— На асфальт она упала голой. Ее жестоко избили перед тем, как выбросили из окна.

— Но не изнасиловали, — уточнила Фредди. — Странно, не правда ли?

— Ужасная история. Мурашки бегут по коже.

— Кстати, Флетч, вполне возможно, что упала она с балкона «люкса» губернатора.

— Возможно, — кивнул Флетч. — В «люксе» губернатора собирались журналисты и члены его команды. Выпивали, беседовали. Мне к тому же известно, что входная дверь «люкса» не запирается.

— Понятно. Вижу, вы со мной откровенны.

— Я знаю, что вы не опубликуете рассуждения безответственных лиц.

— И... — Фредди вздохнула, — последнюю неделю эта женщина переезжала из города в город вместе с командой губернатора.

— Не с командой. Просто следовала за ней. Она из породы политических маркитанток. В предвыборной кампании она никакого участия не принимала.

— Вроде бы да. Я узнала ее, когда увидела фотографию в утреннем выпуске «Курьера».

— Вы говорили с ней?

— Два или три дня тому назад. В каком городе, не помню. Мы обе решили поплавать в бассейне мотеля. Я сказала: «Привет».

Она ответила: «Привет». А когда я вылезла из воды, она уже ушла.

— И какое у вас сложилось о ней впечатление?

— Скромница. Думаю, она хотела бы помочь, но не знала, как и к кому подойти, чтобы ее зачислили добровольцем или дали какое-нибудь разовое поручение.

— А не могла она быть обычной проституткой?

— Исключено. Впрочем, об этом лучше спросить мужчин.

— Я спрошу. — Внезапно Флетчу захотелось кофе. — Локальное происшествие. И расследование будет вести местная полиция. Кто-то сказал мне, что она упала на тротуар, едва губернатор вошел в мотель. То ли был еще в вестибюле, то ли поднимался на лифте.

— Можно я это процитирую?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что говорю.

— Точнее и не скажешь.

— Учитывая мою откровенность, признайтесь, в чем истинная причина вашего появления здесь? Почему Фредерика Эрбатнот, криминальный репортер «Ньюсуорлда», специалист по преступлениям, главным образом убийствам, освещает предвыборную кампанию губернатора Кэкстона Уилера?

— А вы уже пытались это выяснить?

— Кроме вас, обращаться мне не к кому.

— Ответ прост: совершено убийство.

— Женщину убили после вашего прибытия, мисс Эрбатнот. Даже вам, пусть и блестящему репортеру, не под силу предугадать за неделю, что в таком-то городе, в такой-то день и час, в таком-то месте убьют человека.

— О, дорогой, — всплеснула руками Фредерика. — Вы же ничего не знаете. — Она наклонилась вперед и начала шарить рукой в спортивной сумке, стоявшей на полу. — Конечно, не знаете. — Рука вынырнула из сумки с распадающейся на листы записной книжкой. Из нее Фредди достала газетную вырезку. Протянула Флетчу. — Почти неделю тому назад. Еще одно убийство. Очень схожее.

Флетч прочитал заметку из «Чикаго сан-таймс».

«Служащие отеля «Харрис» этим утром нашли тело женщины в служебном помещении, примыкающем к банкетному залу. По сведениям полиции, женщину жестоко избили, лицо и верхняя часть тела в кровоподтеках и синяках, а затем задушили.

Предыдущим вечером в банкетном зале давался прием в честь журналистов, освещающих предвыборную кампанию губернатора Кэкстона Уилера.

Женщина, примерно тридцати лет, в зеленом вечернем платье и в туфлях на высоком каблуке, не имела при себе никаких документов. Ее личность еще не установлена».

Желание выпить кофе стало еще более острым. Флетч вернул вырезку.

— Ох уж эта пресса. — Он покачал головой. — Как вы наткнулись на нее?

— Вы просто не представляете себе, какая теперь в «Ньюсуорлде» электроника.

— Последнее слово техники?

— Машины сами выключаются, предварительно пожелав друг другу спокойной ночи.

— Это уже перебор. Фредди, а что еще выяснила полиция Чикаго?

— Утром я говорила со своим приятелем, Сэмом Баком. Личность женщины до сих пор не установлена.

— Отпечатки пальцев на шее?

— Ее задушили шнуром.

— Понятно. Полиция отправила кого-то из детективов вслед команде Уилера?

— Это невозможно. Разные территории. Они обязаны ограничить расследование рамками своего участка. А потому вплотную занялись служащими отеля.

Флетч глянул вдоль кресел. Большинство журналистов читали. Один мужчина выставил ногу в проход.

— Держу пари, среди служащих отеля «Харрис» убийцу им не найти.

— Полностью с вами согласна. Я сообщила Баку подробности вчерашнего убийства.

— Теперь-то они кого-нибудь пришлют.

— Он говорит, что в этих убийствах не чувствуется одного почерка.

— Двух женщин жестоко избивают, а потом лишают жизни. По-моему, сходство налицо.

— Одна одетая, вторая голая. Одну задушили, вторую выкинули из окна. Душители редко прибегают к другому методу.

— Женщину в Чикаго не изнасиловали?

— Нет.

Рой Филби остановился у кресла Флетча.

— Эй, Флетч, пора бы раздать нам материалы по ночному убийству.

— У вас в последнее время превосходные статьи, Рой.

Тот рассмеялся и хлопнул Флетча по плечу.

— Ты закатываешь веселые вечеринки, Флетч. Пригласил бы меня на одну. — Он проследовал в конец автобуса.

Фредди изучающе взгляделась в лицо Флетча.

— Вам нравится новая работа?

— Не слишком. Знаете, Фредди, в этом деле мы не должны быть соперниками. Рассказывайте мне все, что узнаете.

— Согласна, но того же я жду и от вас.

— Хорошо. Я постараюсь.

— Но вы понимаете, Флетч, что придет день, когда я все это опубликую.

— Конечно. Но я знаю и другое. Вы передадите статьи в редакцию, лишь выяснив все до конца. Мне не нравятся люди, избивающие женщин.

Автобус начал притормаживать.

— Так каков итог нашей беседы? — решила подвести черту Фредди.

— Ваша работа — собирать информацию. Моя — оберегать кандидата. Если убийца — журналист, кандидату на это наплевать. Журналистов поставляют печатные издания, он их не выбирает. Если убийца — доброволец... — Флетч запнулся, уставившись на свои колени. — И тут ничего страшного. Кандидат не обязан знать, кого приглашают его помощники. Если убийца входит в его команду, это плохо, очень плохо. Ибо означает, что кандидат не разбирается в людях. Реакцию избирателей предугадать несложно: «Если он поручает такому человеку ведение предвыборной кампании, можно представить себе, кого он назначит министром обороны».

Фредди все еще не отрывала глаз от лица Флетча.

— А если убийца — сам кандидат?

Флетч по-прежнему не поднимал головы.

— Тогда вы станете автором сенсации.

ГЛАВА 7

К тому времени, как Флетч вылез из автобуса, нос губернатора уже покраснел от холода. В сложенном из красного кирпича заводском корпусе горел свет. Губернатор стоял у главных ворот, пожимая руку всем желающим. В куртке из толстой шерсти в красно-черную клетку и черных башмаках на каучуковой подошве.

В десяти метрах от губернатора, достаточно близко, чтобы все видеть и слышать, топтались репортеры. С губернатора они не сводили глаз, дабы не пропустить момента, когда его застрелят, или с ним случится сердечный приступ, или он сподобится на какой-то неприличный поступок.

Стоящий у заводских ворот губернатор казался как никогда одиноким. Никого рядом с ним не было — ни жены, ни Уолша, ни референтов, ни добровольцев.

Команда кандидата расположилась в теплом, хорошо освещенном автобусе.

— Где мы забираем конгрессмена? — спросил Ли Оллен Парк, что-то втолковывающий двум женщинам-добровольцам, тридцати и шестидесяти лет.

— В школе. — Уолш, в рубашке с короткими рукавами, оглядывал автобусный салон.

Ознакомившись с содержимым папок, Флетч уже мог определить, кто есть кто.

За маленьким столиком вели неспешную дискуссию Фил Нолтинг и Пол Добсон, авторы всех речей губернатора. По ходу они вычерчивали только им понятные линии на лежащем на столике единственном листке бумаги, словно два архитектора, проектирующие здание.

Барри Хайнс, руководитель группы связи, сидел на вращающемся стуле с телефонной трубкой у уха.

Три женщины печатали у раскладных столиков, выстроившихся вдоль боковой стены салона.

Утренние газеты валялись на полу.

Доктора Тома в переднем салоне Флетч не узрел.

Не успел Флетч подойти к Уолшу, как тот воскликнул: «Вы все знаете Флетча!»

Никто, однако, не знал. А потому вслед за выкриком все как один повернулись к Флетчу, после чего продолжили прерванные занятия. Теперь они его знали.

— Эй, Уолш! — Барри Хайнс оторвался от телефона. — Вик Роббинс — организатор предвыборной кампании Аптона?

— Да. Что с ним?

— Его автомобиль только что слетел с моста в Пенсильвании. В реку Саскьюхенна.

— Погиб?

— Если только не сидел за рулем в акваланге.

— Запросите, пожалуйста, подтверждение, — подал голос Флетч. — От полиции штата Пенсильвания.

Барри Хайнс склонился над телефоном.

Уолш коснулся плеча машинистки. Та тут же вытащила из каретки лист, на котором печатала, и вставила чистый.

Уолш начал диктовать.

— Узнав о трагической смерти Виктора Роббинса, губернатор Кэстон Уилер сказал: «Никто не понимает сути американской политики лучше Виктора Роббинса. Миссис Уилер и я приносим глубочайшие соболезнования семье Вика и его друзьям, число которых — легион. Я и моя команда сделаем все возможное, чтобы помочь сенатору Аптону и его помощникам пережить столь серьезную потерю».

— Да, он мертв, — подтвердил Хайнс.

Уолш взял у машинистки отпечатанное заявление для прессы и протянул Флетчу.

— Почему я должен работать за тебя? — Он улыбнулся. — Немедленно размножь и раздай, пожалуйста, журналистам.

— Должен Кэстон упомянуть о смерти Роббинса, выступая в Уинслоу? — спросил Пол Добсон.

— Нет. — Уолш потер шею. — Теперь вся свободная пресса Пенсильвании в кармане у Аптона. Ну почему Роббинс не слетел с моста в штате поменьше? К примеру, в Южной Дакоте.

— Эти организаторы предвыборных кампаний готовы на все ради лишнего заголовка в газете, — ввернул Фил Нолтинг.

— Да, да, — покивал Добсон. — Давайте предложим сделать то же самое Уилли в Калифорнии. Тоже большой штат. И мостов там хватает.

— И газетчики очень шустрые, — подхватил Нолтинг. — А погода лучше.

Флетч стоял у ксерокса, копируя пресс-релиз о смерти Виктора Роббинса. Через зановешнее окно он увидел, как губернатор повернулся и прошел в ворота.

— Куда он идет? — спросил Флетч.

Репортеры потянулись к автобусу.

— Выпить кофе с профсоюзным лидером, — ответил Уолш. — Как там его фамилия... Уолмен. Вместе с ним будет пить кофе и администрация.

— Кофе, кофе, — пробурчал широкоплечий мужчина, появившийся из двери в дальнем торце салона. — Кофе ему вреден.

— Ты знаком с Шустриком? — спросил Уолш. — Это Флетчер, Шустрик. — Здоровья крепко пожал руку Флетча. — Личный шофер отца.

— И друг, — добавил Шустрик.

— Без Шустрика он никуда, — подтвердил Уолш.

— Рад с вами познакомиться, — улыбнулся Флетч и осторожно протиснулся к выходу мимо Ли Оллена Парка, продолжавшего наставлять добровольцев.

— Конгрессмен должен чувствовать себя как дома, понимаете? В какое бы время он ни появился в автобусе, держите наготове бокал шотландского с содовой. Если он не захочет выпить, то сам скажет об этом.

Репортеры столпились у лесенки в автобус.

— Где заявление для прессы? — спросила за всех Фенелла Бейкер.

— Какое заявление? — деланно удивился Флетч.

— Заявление губернатора в связи с трагической гибелью Вика Роббинса. — Фенелла уставилась на листки в руке Флетча. — Идиот.

— Как вы узнали о гибели Роббинса? — спросил Флетч. — Не прошло и трех минут, как нам сообщили об этом.

— Давай сюда это чертово заявление! — взревел Билл Дикманн. — Меня ждет телефон!

— Вы же знаете, что губернатор не мог сделать никакого заявления, — тянул резину Флетч. — Он же на фабрике.

— Он что, издевается над нами? — проорал Айра Лейпин.

— Нет, — покачал головой Флетч. — Вот заявление. — Он попытался раздать листки, но их у него вырвали.

Эндрю Эсти просмотрел заявление и повернулся к Флетчу:

— А религиозное утешение? В заявлении об этом ни слова! — Значок «Дейли госпел» он носил и на пальто.

— О Боже! — простонал Флетч.

Преодолевая ветер и снег, репортеры ринулись к телефонным аппаратам в административном корпусе.

Все, за исключением Фредди Эрбатнот. Та, улыбаясь, осталась у автобуса.

— Читателям «Ньюсуорлд» это не интересно? — полюбопытствовал Флетч.

— Я уже все передала. Обычно такие заявления состоят из трех частей. Дань уважения профессиональным достоинствам усопшего. Соболезнования семье и друзьям. И обещание помощи конкурирующей команде. Я ничего не упустила?

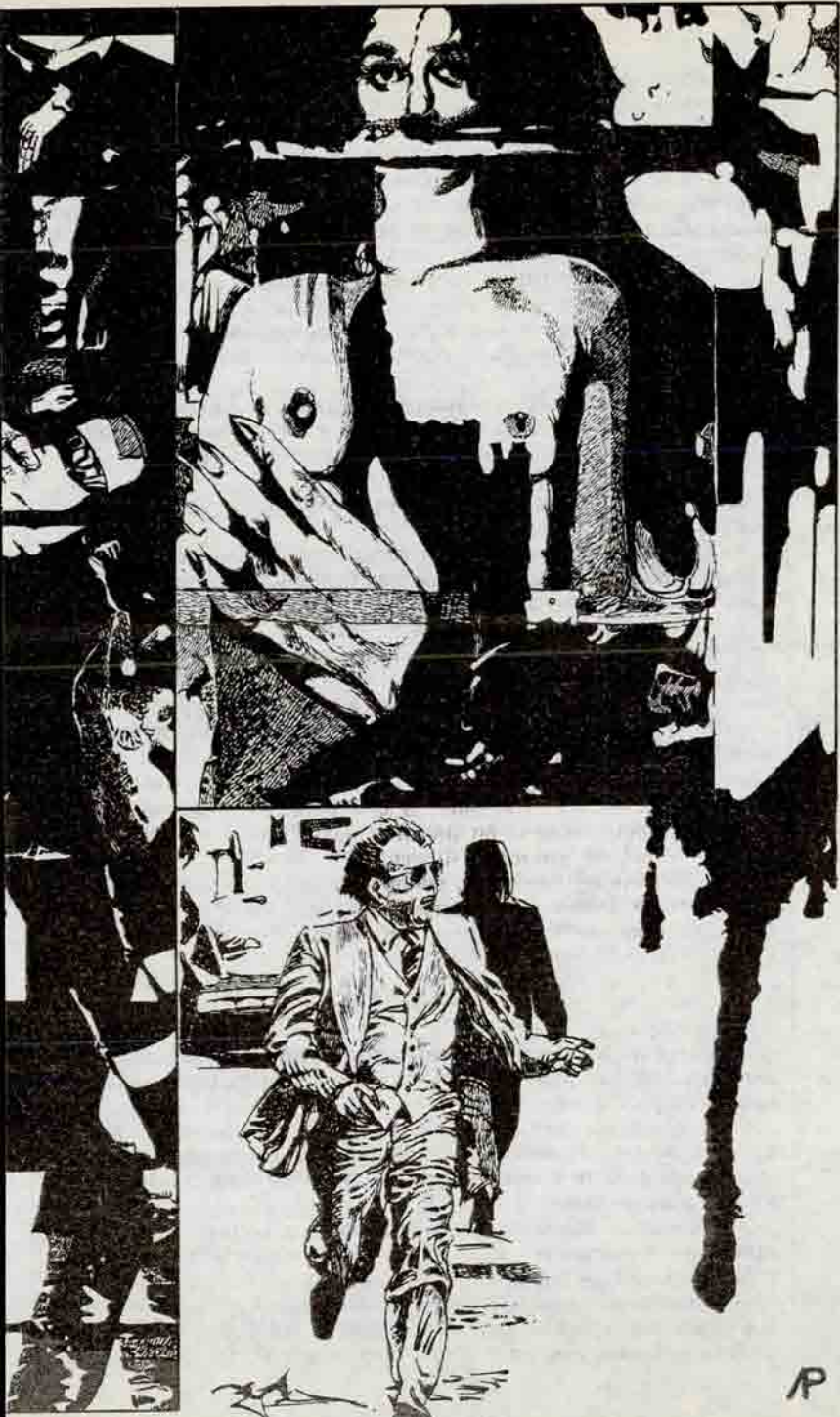
К заводским воротам подкатило грязное дребезжащее такси. Флетч подумал, что поездка из города влетела пассажиру в приличную сумму.

— Прямо-таки банда дикарей. Требовать заявление губернатора в связи со смертью Роббинса, прекрасно зная, что губернатор понятия не имеет о случившемся.

Из кабины вылез мужчина. Вытащил чемодан. Зажав в руке деньги, заспорил с водителем.

— Кто это? — спросил Флетч.

Фредди обернулась.

— Это дурные новости. К нам пожаловал сам мистер Дурные Новости. — Она посмотрела на Флетча. — Мистер Майкл Хэнреган, грязное пятно на чистой совести журналистики, ведущий специалист по лжи и гнусным инсинуациям, автор скандальной газетенки, выходящей под названием «Ньюсбилл».

С чемоданом в одной руке и портативной пишущей машинкой в другой, с развевающимися на ветру полами пальто, мужчина направился к автобусам. Водитель что-то прокричал ему вслед.

— Так это Хэнреган. Я надеялся, что нам не доведется встретиться.

Хэнреган обернулся и плюнул в сторону водителя.

— Я думал, Мэри Райс освещает предвыборную кампанию для «Ньюсбилл».

— Мэри — мышка, — пояснила Фредди. — Хэнреган — крыса.

— Привет, Эрбатнот. — Хэнреган даже не кивнул Фредди, лишь искоса глянул на нее. — А где этот болван Флетчер?

— Я — болван, — ответил Флетч.

Хэнреган закрыл рот, безуспешно попытался вдохнуть через нос, затем вновь его рот открылся.

— О, какое несчастье! — Он уставился на Флетча налитыми кровью глазами, каждый из которых буквально сочился злобой. — Юноша, вы попали в передрагу.

— Почему? — поинтересовался Флетч.

— Потому что теперь вам придется иметь дело с Хэнреганом.

— Что вам нужно?

— Интервью с вашим кандидатом. И немедленно.

— Сомневаюсь, что кандидат сможет выделить для вас хоть минуту, Хэнреган.

— Это еще почему? — Хэнреган шагнул к автобусу. — Вы организуете мне это интервью, а не то завтра «Ньюсбилл» сообщит своим читателям, что губернатор Кэстон Уилер отказывается отвечать на вопросы о двух убийствах, напрямую связанных с его избирательной кампанией.

— Именно так и напишите, Хэнреган. — Флетч поднялся на две ступеньки, намереваясь зайти в автобус. — Пусть читатели впервые услышат от вас правду.

ГЛАВА 8

Доктор Том разлегся на кровати в комнате отдыха кандидата, занимающей хвостовую часть автобуса. Говорил он медленно, нарочито растягивая слова.

— Тот, кто пытается держать прессу в узде, может получить от меня все, что пожелает: отравляющий газ, огнеметы, автоматы, гранаты. Если у меня не найдется требуемого, я достану сей предмет незамедлительно.

— Сейчас я заказал бы что-нибудь из вашего арсенала, — признался вошедший к нему Флетч. — Только что познакомился с Майклом Хэнреганом из «Ньюсбилл».

— Репортеры — вымирающие особи, — покивал доктор Том. — Их эволюция остановилась на низкой стадии. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, как они ходят, приплюхиваясь

к земле. Я, пожалуй, посоветую кандидату, чтобы в дальнейшем прессой ведал департамент внутренних дел. Тем самым вымирание будет гарантировано.

— Нам необходима свободная пресса, — возразил Флетч.

— Вы действительно так думаете? Ни любимый вид спорта американцев — политика, ни любимая их еда — булочки с сосиской, не выдержат объективного анализа. Если выставить напоказ закулисную кухню политики или рассказать читателям, из чего делаются эти булочки с сосисками, американцев вывернет наизнанку, а избирательные участки они будут обходить за милю.

— Как я понимаю, вы одним из первых оказались у тела Элис Элизабет Шилдз?

— Да.

— Что вы можете сказать?

— А с чего столь нездоровое любопытство?

— Фредерика Эрбатнот и Майкл Хэнреган сидят в автобусе прессы не для того, чтобы подсчитывать голоса избирателей. Они — криминальные репортеры.

— Однако. И преступник, возможно, один из нас?

— Вполне вероятно.

— Вы хотите получить необходимую информацию раньше, чем они, чтобы затем подать ее в нужном ракурсе?

— Да еще так, чтобы они этого не заметили. Расскажите мне о том, что произошло прошлой ночью.

— Я сидел в баре. Вошел коридорный... а может, швейцар. Поначалу я даже не понял, то ли он ищет ответственное лицо, скажем, управляющего мотелем, то ли просто хочет выпить. И произнес сдавленным голосом: «Кто-то прыгнул с крыши. Она голая».

— Так и сказал?

— Я, конечно, не помню всего того, что вчера вечером говорилось в баре о сенаторе Аптоне, сенаторе Грейвзе, Ближнем Востоке и «Вашингтон пост», но эти слова отложились в моей памяти. Тем более что их смысл дошел до меня не сразу.

— Что вы делали в тот самый момент?

— Беседовал с Фенеллой Бейкер и Бетси Гинзберг. Ранее говорил с Биллом Дикманном, но он, кажется, уже ушел. Кто еще был? Несколько бизнесменов, пьющих в одиночку. Громкоголосые, болтливые водители-дальнобойщики, готовые говорить с кем угодно и о чем угодно. Обычная компания для бара рядового мотеля.

— Это все?

— Все, что я могу вспомнить. Потом, после приезда и отбытия «скорой помощи», в бар потянулись репортеры. Некоторые пришли в пальто, наброшенном на пижаму.

— Расскажите мне о женщине. Вы осмотрели ее?

— Благодаря большому числу судебных исков к врачам, мы, как вы знаете, не стремимся в те места, куда побоятся идти даже дурак.

— Проходя через вестибюль, вы столкнулись с губернатором Уилером?

— Нет. С губернатором я увиделся лишь ночью, в его «люксе».

— Укладывали его спать.

— Укладывал его спать. У тела женщины стояла хорошо одетая пара. Мужчина как раз снимал пальто, чтобы прикрыть тело. Я попросил его этого не делать, потому что хотел осмотреть ее.

— Она была еще жива?

— Нет. Смерть наступила мгновенно при ее соприкосновении с асфальтом.

— Не раньше?

— Думаю, что нет. Она приземлилась на голову, сломала себе шею, затем упала на спину.

— Вы видели доказательство того, что ее жестоко избили, прежде чем она упала или ее скинули вниз?

— Синяки на лице. Левый глаз заплыл. Кровь, струящаяся из носа и губ. Два выбитых передних зуба. Два или три сломанных ребра. Кровоподтеки на груди и животе.

— Коронер объявил сегодня утром, что ее не изнасиловали.

— Так какой же мотив? Ограбление? Кто-то позарился на ее одежду? Разумеется, избиение молодой женщины предполагает изнасилование.

— Пока вы ее осматривали, собралась толпа?

— Небольшая толпа. Главным образом журналисты.

— Вы помните, кто там был?

— Фредди Эрбатнот. Весьма симпатичная дама. Фенелла Бейкер пришла из бара вместе со мной. О ее красоте или отсутствии оной распространяться не будем. Стоял кто-то еще. Но помогал мне лишь водитель грузовика.

— Как я понимаю, погибшую вы видели раньше.

— Да. Встречал ее несколько последних дней. То в лифте, то в вестибюле мотеля.

— А почему вы обратили на нее внимание?

— Потому что она неизменно оказывалась в том же мотеле, что и мы, хотя не имела никакого отношения к предвыборной кампании. Правда, один раз она завтракала с Бетси Гинзберг.

— Вы видели ее с мужчинами?

— Нет. Похоже, она ехала одна в маленьком «фольксвагене».

Губернатор Уилер открыл дверь комнаты отдыха, на ходу снимая красно-черную клетчатую куртку.

— Как жизнь? — спросил он находящихся в комнате мужчин.

— Сколько чашек кофе вы выпили? — ответил вопросом на вопрос доктор Том.

— Всего лишь две. Но черного. — Кандидат хитро улыбнулся, словно ему удалось кого-то провести.

— Тогда не вините меня, если у вас начнется бессонница.

— А что мне делать? Каждый раз просить стуженного молока? Эти парни не могут без кофеина.

В двери возник Уолш.

— Сегодня утром Вик Роббинс слетел с моста в Пенсильвании. Погиб.

— Понятно. — Губернатор повесил куртку на плечики. — Вот уж кто был настоящим кудесником. Я сделал заявление?

- Да.
- Послал венок?
- Пошлешь, как только мы будем знать куда. И теперь в Уинслоу тебе нужно сказать что-то важное и значительное, чтобы попасть в вечерние выпуски новостей. Этот несчастный случай будет смотреться с телевизионного экрана.
- Естественно. И что я скажу?
- Фил и Пол стараются что-нибудь придумать.
- Каковы результаты?
- Расходы Пентагона.
- Уолш скрылся за дверью.
- Вам что-нибудь нужно, Кэжстон? — подал голос доктор Том.
- Да. Трансплантация мозга. Иди. И не возвращайся, пока не отыщешь подходящую голову.

ГЛАВА 9

— Да, телевидение этим заинтересуется, — говорил Уолш отцу после посещения школы Конроя. — Для местного потребления в самый раз. Несопоставимо, конечно, с прыжком Роббинса в Саскьюхенну. Вот об этом услышит вся страна. Так что в Уинслоу ты должен сказать что-то новое, папа. Обязательно.

Кандидату, безусловно, понравилась остановка в региональной школе Конроя.

И на детей произвело впечатление, пусть и не с самого начала, появление человека, который мог стать следующим президентом Соединенных Штатов.

В актовом зале школьный оркестр шесть раз сыграл «Америку», последний ничуть не лучше первого. Директор представил гостей и поинтересовался, знают ли дети, где находится Вашингтон. «В выпусках новостей!» — полагало большинство. Но маленькая девочка, выступив по знаку директора вперед, решительно заявила: «Один — неподалеку от Сиэтла, а второй — в центре округа Колумбия».

Затем директор спросил, на какой срок выбирают президента Соединенных Штатов.

- Навечно!
- Шесть лет!
- Нет, четыре года!
- Пока его не застрелят!

Далее губернатор Кэжстон Уилер произнес короткую речь, суть которой сводилась к тому, что стране нужны хорошие люди, которые смогут принести благоденствие всему миру.

Кандидат не спешил покинуть школу. Окруженный детьми, он начал показывать фокусы. Монеты исчезали из его рук, а потом он находил их в чем-то нагрудном кармане, во рту, в ухе. У одного негритенка монетка оказалась в кроссовке. Оттуда, наклонившись, и достал ее кандидат. Каждый, у кого обнаруживалась чудесным образом исчезнувшая монета, становился ее новым владельцем.

Дети тут же забыли про камеры, «юпитеры», вашингтонских

гостей. Они залезали на стулья и друг на друга, чтобы попасть в число счастливчиков, у которых находилась монетка. Кандидат в президенты смеялся едва ли не громче всех. Глаза его сияли, как и у детей.

Дети не хотели отпускать кандидата.

— Не уходите, сэр! С вами интереснее, чем в спортивном зале!

Кандидат прижимал их к груди и ерошил им волосы.

Репортеры скучали.

— Эй, Флетч! — театральным шепотом обратился к пресс-секретарю Рой Филби. — Не пойти ли нам в мужской туалет и выкурить сигарету с «травкой»?

Эндрю Эсти что-то доказывал учителю математики.

Мэри Райс сказала Флетчу, что Майкл Хэнреган спит в автобусе прессы.

Фотограф пугал маленьких девочек, поднося объектив к их лицам и включая вспышку.

Около учительской кое-кто из репортеров тихим голосом что-то бубнил в телефонные трубки. Другие ожидали своей очереди.

Снег прекратился. Но небо по-прежнему затягивали тяжелые, серые тучи.

— Удачный ход. — Флетч стоял с Уилером в школьном дворе.

— Да. Отец показывал мне эти фокусы, когда я учился в школе. Так я каждую неделю получал карманные деньги.

— Продолжаешь получать и теперь?

Уолш улыбнулся.

— Я до сих пор полагаю, что деньги должны выскакивать из моего носа.

Оба фургона телевизионщиков уже выезжали со школьной автостоянки.

Выйдя из школы, губернатор обернулся и помахал рукой детям, прилипшим к окнам.

— Я понял, о чем скажу в Уинслоу, Уолш, — на ходу бросил он сыну. — По пути подработаем мою идею.

— Конгрессмен уже должен ждать нас. — Уолш посмотрел на автобус команды кандидата. И ахнул: — О Боже!

У ступенек меж двух женщин-добровольцев, которым поручали встретить конгрессмена, стояла почтенная бабуля.

На вскрик Уолша повернулся губернатор. Ли Оллен Парк, застывший в дверном проеме, развел руками, показывая, что его вины в этом нет.

— Конгрессмен на поверку оказался женщиной, — констатировал губернатор. — А ты говорил, что его зовут Джек Спайв.

— Это не Джек Спайв, — признал Уолш. — Кто-то дал маху.

— Как ее зовут? — осведомился губернатор.

— Понятия не имею. В каком мы округе? — Уолш оглинулся на школьное здание. — В той ли мы школе?

— Можешь не сомневаться. Без репетиций они не смогли бы так плохо сыграть «Америку». — Губернатор вздохнул. — Наверное, мне придется обращаться к ней «госпожа член палаты представителей». Не очень благозвучно, но это политика.

И, протягивая руку, поспешил к бабуле.

— Добрый день. Давно жду встречи с вами. Как вы себя чувствуете? Вы так много делаете для своего округа. — Он помог бабуле подняться в автобус. И, подмигнув сыну, добавил: — Я хотел бы знать ваши планы на ближайшие четыре года.

— О-о-о-о! — столь оригинально отреагировала Бетси Гинзберг, когда Флетч остановился у ее кресла. — Неужели и я удостоилась вашего внимания?

Автобус дернуло, и Флетч ухватился за спинки кресел по сторонам прохода.

— Хочу спросить, нужен ли вам полный текст глубокомысленных высказываний кандидата в региональной школе Конроя?

— Конечно. — Бетси улыбнулась. — Он у вас есть?

— Нет.

— Жаль. Блестящие высказывания разнесло ветром. Ну и пресс-секретарь нам достался. Раньше-то вы участвовали в предвыборной кампании?

— Нет.

— Вы мне очень симпатичны, Флетч. Но не думаю, что вам следовало участвовать в этой.

— Так что такого произошло утром?

— Скажите мне, что произошло между вами и Фредди в Виргинии?

— Ничего. В этом-то и беда.

— Не может быть. Она сказала, что произошло.

— Мы просто не разобрались, кто есть кто. На конгрессе Ассоциации американских журналистов, год или два тому назад.

— Том самом, где убили Уолтера Марча?

— Да.

— Так что там случилось после смерти старого мерзавца?

— Я же вам говорю. Не разобрались, кто есть кто. Фредди полагала, что она — Фредерика Эрбатнот, а я придерживался противоположного мнения.

— Но она — Фредерика Эрбатнот.

— Значит, я ошибался. Хочу задать вам еще один вопрос. Мне доложили, что несколько дней тому назад вы завтракали с женщиной, убитой прошлым вечером, — говорил Флетч тихо, ибо сказанное предназначалось только для ушей Бетси.

— Совершенно верно. В столовой было много народу. Поэтому официантка посадила нас вместе. Двух одиноких женщин.

— Вы разговаривали?

— Конечно. Вежливая болтовня ни о чем.

— Вы — журналист, Бетси. Полагаю, вам удалось узнать некоторые подробности ее жизни?

— В общем-то нет.

— Но кое-что узнали?

— Обычная, ничем не выделяющаяся, милостивая женщина. Работала продавцом в универсаме в Чикаго. Кажется, в книжном отделе.

— Это все?

— Любила читать. Говорила, что прочитывает в неделю три-четыре книги. Спросила меня, читала ли я произведения Уильяма Максвелла, Джин Риз, Хуана Алонсо.

— Это все, что она рассказала?

— Нет. — Бетси порылась в памяти. — Ее отец погиб, когда ей было девять лет. Он работал на чикагском водопроводе. И стоял в траншее, когда с крана сорвалась труба. Потому-то она и мечтала о колледже.

— Ясно. Что еще?

— Ее мать так и не оправилась от трагической гибели мужа, тронулась умом, и через пять лет ее пришлось поместить в психиатрическую клинику.

— Однако вы выяснили немало.

— Жила она одна, в маленькой квартире. Сестра у нее в Торонто, замужем, четверо детей. Муж — владелец оружейного магазина. Салли, так называла себя Элизабет Шилдз, пару раз обручалась. В том числе и с чикагским полицейским. Но тот обрюхатил другую девушку и женился на ней. Салли замуж так и не вышла.

— Можно подводить черту?

— На ее банковском счету было три тысячи семьсот долларов. Она уволилась с работы, села в «фольксваген» и поехала по стране.

— Немного же вы вызнали.

— Обычная болтовня за завтраком.

— Вы знаете ее номер в Службе социального обеспечения?

— По-вашему, я сую нос в чужие дела?

— Вы же журналист.

— Я не брала у нее интервью.

— Почему она избрала тот же маршрут, что и ведущий предвыборную кампанию губернатор Уилер?

— В тот момент я этого не знала.

— За завтраком она не упомянула кого-либо из команды кандидата?

Бетси задумалась.

— Нет. Но она, похоже, знала, что я — репортер.

Автобус на полной скорости вписался в левый поворот, и Флетчу, чтобы не свалиться на Бетси, пришлось ухватиться за спинку сиденья.

— То есть меня она ни о чем не спрашивала, — закончила мысль Бетси, когда автобус выровнялся.

— А была у нее такая возможность?

— Мы же просто беседовали.

— Пока вы завтракали, никто из команды кандидата с ней не поздоровался, не кивнул ей, проходя мимо столика?

— Я такого не заметила. Она показалась мне очень одинокой.

— И жаждущей выговориться.

— С исповедью зна, однако, не навязывалась.

— Вчера вечером вы были в баре мотеля?

— Да. Пила ромовый пунш.

— С кем сидела в баре Салли? С кем она ушла?

— После нашего разговора в Спрингфилде я ее больше не видела. Даже не подозревала, что она следует за нами.

— Но вы же видели ее «фольксваген».

— Я не отличу «фольксваген» от авианосца.
— Отличия есть.
— Естественно.
— Морские чайки редко сопровождают «фольксваген».
— Так что теперь я знаю, как связаны Шилдз и предвыборная кампания.

— Как?
— А никак. Нет ни единой точки соприкосновения, а потому и писать пока не о чем. Пока. Вы скажете мне, если обнаружится такая связь?

— Скорее всего нет.
— После того, как я вам столько рассказала?
— Немного. Ваши слова.
— А теперь у меня к вам личный вопрос.
— Я весь внимание.
— Уолш не женат, не так ли?
— Да, он предпочитает девушек.
— Отлично. Почему бы вам не представить меня ему? Вы его друг.

— Разве вы не знакомы?
— По существу, нет. То есть меня не представили ему, как женщину. Он, конечно, знает, что я — репортер и освещаю избирательную кампанию.

— Понятно.
— Мне думается, ему может приглянуться женщина, стремящаяся создать крепкую семью.
— А вы как раз такая?
— Во всяком случае, смогу такой стать. Особенно если наш дом будет находиться на Пенсильвания-авеню.

— В квартале 1600*?
— Вот именно.
— Там же полным-полно комнат. Их все придется убирать.
— Вы еще не видели, как ловко я управляюсь со шваброй.
— Нет, не видел.
— Летаю, как молния. Раскрасневшись от возбуждения. В полном экстазе. Вы должны представить нас друг другу.

— Будет сделано.
— Кто-то из президентской семьи должен жениться на Гинзберге. Мы лучше всех умеем накрыть стол.

— Я вам верю.
— Скажите ему, что мы вместе работали в Атланте.
— Я никогда не работал в Атланте.
— Зато я работаю.
— Ну, хорошо.
— Ирвин! — выкрикнул водитель.
— Ирвин! — эхом отозвался Рой Филби. — Какое счастье, что это не мое имя.

— К телефону! — добавил водитель.
Черный шнур змеился вдоль приборного щитка и исчезал за спинкой сиденья.

* Адрес Белого дома.

— У нас телефон? — удивился Флетч.

— Не для репортеров, — пояснила Бетси. — Воспользоваться им может лишь пресс-секретарь. Хотите услышать, что говорил Джеймс насчет ксерокса?

— Уже слышал.

Флетч направился к водителю. Тот протянул ему телефонную трубку.

— Привет, — поздоровался Флетч. — Как хорошо, что вы позвонили.

Ответил ему голос Барри Хайнса.

— Вам бы лучше перейти вперед, Флетчер.

— Я и так впереди.

— Я имею в виду наш автобус. Вам надо бы посмотреть полуденный выпуск новостей.

— С удовольствием. Но зачем?

— Мне только что сообщили из Нью-Йорка, что нас ждет неприятный сюрприз.

— Какой?

Но Хайнс уже оборвал связь.

Вспыхнули тормозные огни первого автобуса. Плавно сбросив скорость, он съехал на обочину.

Флетч поискал, куда положить трубку.

— Короткая остановка. Мне надо перейти в другой автобус. Автобус с прессой повторил маневр автобуса с кандидатом и его командой.

— Положите трубку мне на колени, — пришел на помощь Флетчу водитель. — Больше звонков не будет.

Флетч так и сделал.

— Как вы узнали, что меня зовут Ирвин?

— Догадался, — ответил водитель.

ГЛАВА 10

— Мы опаздываем на митинг в Уинслоу, — заметил кандидат.

— Оркестр поиграет подольше, папа, — успокоил его Уолш.

Маленький телевизор висел под потолком, над сиденьем водителя. Экраном к салону. Показывали рекламный ролик, расхваливающий женские гигиенические тампоны.

— Приношу мои извинения, мадам, за плохой вкус моего телевизора, — улыбнулся кандидат члену палаты представителей. — К сожалению, тут я бессилен. — Они сидели рядышком на диванчике у боковой стены автобуса. — Абсолютно бессилен.

Флетч переступил через ногу губернатора. Остановился рядом с Уолшем.

— В чем дело?

Рекламный ролик сменился физиономией комментатора, огласившего основные новости дня: гибель в автокатастрофе на мосту в Пенсильвании организатора предвыборной кампании сенатора Аптона, последствия потасовки на хоккейном матче, число раненых и арестованных, раздача денег школьникам кандидатом в президенты Кэксеном Уилером. За исключением Барри Хайнса, что-то говорившего в телефонную трубку, вся

команда кандидата смотрела на экран. Им показали мост с разломанным ограждением, с которого свалился в ледяную воду Вик Роббинс, затем потасовку на трибунах хоккейной арены, и, наконец, комментатор добрался до самого интересного: «Сегодня утром губернатор Кэстон Уилер, в рамках своей избирательной кампании, посетил региональную школу Конроя, где раздавал деньги ученикам младших классов». На экране возник кандидат, показывающий фокусы в окружении галдящих детей. Затем крупным планом показали руку кандидата, вкладывающую монетку в ладонь ребенка.

— Одни получили десятицентовики, другие — четвертаки, кто-то и полдоллара. Многим не досталось ничего, — последовала реплика комментатора.

— Это покажут и в нашем штате? — спросил Фил Нолтинг.

— Скорее всего, — ответил Пол Добсон. — Наши конкуренты не упустят такой возможности.

Рядом с комментатором появилась худощавая горбоносая женщина.

— Мы пригласили в студию знаменитого детского психиатра, доктора Дороти Долкрат, автора книги «Перестаньте ругать своего ребенка».

— Это же надо, — покачал головой Добсон. — Как же быстро оказываются в студии эти эксперты. И часа не прошло, как мы уехали из школы. Неужели им больше нечего делать?

— Доктор Долкрат, вы только что видели на нашем студийном мониторе, как кандидат в президенты губернатор Кэстон Уилер раздавал монеты некоторым ученикам школы Конроя. Можете вы пояснить нам, какой эффект произведет это на школьников?

— Им причинен исключительный вред. Нанесена тяжелая моральная травма. Но прежде всего мы имеем дело со взрослым человеком, который пытался завоевать популярность, раздавая деньги.

— То есть предлагает детям ложные ориентиры?

— Воспитывает в них грубый материализм.

— По существу, показывает детям, что дружбу можно купить.

— И происходит это в школе, куда дети приходят за знаниями. А там любой взрослый для них — авторитет.

— Вот-вот, — покивал комментатор. — А уж для детей, не получивших денег...

— Они просто в отчаянии. Немного найдется в нашей стране индивидуумов, престиж которых в глазах детей выше, чем у кандидата в президенты. Может, сам президент, некоторые футболисты, лучшие представители других видов спорта. Встреча с человеком, который может возглавить самую могущественную страну в мире, так и останется едва ли не самым ярким воспоминанием детства. И те школьники, что не получили монету от губернатора Уилера, теперь полагают себя отверженными, париями. Утром эти дети получили моральную травму, которой могли избежать.

— О Господи, — выдохнул Кэстон Уилер.

— А дети, что получили монеты? С ними-то все будет в порядке?

— Отнюдь. Им будет даже хуже. Ибо выбор на них пал совершенно случайно, они получили награду, не ударив пальцем о палец. Все обстояло бы иначе, если б кандидат раздавал монеты отличникам в учебе или победителям спортивных соревнований. Тогда на детей, получивших монеты, не давил бы непомерный груз вины. А сейчас они в полной мере осознают, что получили монеты незаслуженно, когда их более достойные соученики остались ни с чем...

— Наверное, Джеймс остановил бы меня, — губернатор покачал головой. — Он бы понял, как воспримет мои фокусы прессы. Раздавать деньги детям! Должно быть, старина Джеймс посмеивается, глядя на экран.

Флетч наклонился к Уолшу.

— Похоже, моя карьера пресс-секретаря оборвется в самом ближайшем будущем.

— Муторная работа, — посочувствовал ему Уолш.

Выпуск новостей завершился прогнозом погоды.

— Что ж, — губернатор накрыл ладонью руку почтенной матроны — члена палаты представителей, — судя по всему, я загубил жизнь всех школьников вашего округа. — Он улыбнулся. — Вы согласны?

Сидевшая рядом матрона вытащила руку.

— Да, Кэкстон. Вы поступили безответственно. И бесчестно.

178

Кандидат пристально посмотрел на бабулю, дабы понять, говорит та серьезно или шутит. Оказалось, что серьезно. Потому он встал и отошел в хвост автобуса, где стояли Уолш и Флетч.

— Извините. Я думал, все так здорово, — начал Флетч. — И действительно было здорово. Весело.

— А надобно смотреть на все глазами прессы, — назидательно заметил Уолш. — На каждую мелочь. Предугадывать, как они смогут извратить самый благой поступок.

— Как же нам выпутаться? — спросил Флетч губернатора. — Может, заявление для...

Губернатор улыбнулся.

— Нет. Пусть варятся в собственном соку. Чертовы психиатры. Едва ли американцы сочтут меня Вельзевулом за то, что я раздавал монетки детям. — Он позвал Барри Хайнса и знаком предложил Шустрику подойти поближе. — Слушайте, парни. Делайте, что хотите, но в Инслоу эта старая карга не должна попасть на трибуну.

— Дама из Конгресса? — изумился Барри.

Губернатор кивнул.

— Заблокируйте ей дорогу. Поставьте подножку. Спрячьте сумочку. Мне все равно, что вы предпримете. Лишь бы она не дошла до трибуны.

— Это же ее округ, папа, — вмешался Уолш.

— Плевать. Она все равно выступит против меня. Так зачем мне поднимать ее престиж, фотографируясь рядом с ней?

— Хорошо, — кивнул Шустрик.

— Мы покажем этой старой карге, какой я чувствительный. — Губернатор открыл дверь в комнату отдыха. — Идите сюда, Флетч.

— Да, сэр. — Флетч последовал за губернатором.

— Закройте дверь.

Флетч закрыл.

— Мне очень жаль. Я не подозревал, что пресса...

— Я не собираюсь топтать вас ногами.

— Не собираетесь?

— Разумеется, нет. Кто первый сказал: «Если не выносишь жары, выметайся из кухни?»

— Э... Фред Фентон?

— Кто-кто?

— Повар Генри Восьмого. — Губернатор как-то странно посмотрел на Флетча. — Похоронен в часовне Тауэра. Поджарил фазана, забыв вынуть печень.

— Вы все выдумали. — Губернатор хохотнул.

— Естественно.

— Есть у вас что-нибудь для меня?

— Все, что...

— Вы же провели утро в автобусе прессы.

— О, да. Ленсинг Сэйер говорит, что команда Аптона хочет подложить вам свинью. Обнародовать данные о числе получающих пособие по подложным документам. Кажется, в вашем штате таких перебор. Они порадуют вас, как только опросы общественного мнения покажут, что за вашу кандидатуру готовы проголосовать более тридцати процентов избирателей.

— Что ж, попутного им ветра. По подложным документам получают пособия в любом штате. Так же, как везде вламываются в дома и грабят прохожих. Я попрошу Барри заняться этим. Пусть соединят воедино все мои достижения в борьбе с подлогами. А также подберут статистику по другим штатам. Когда же мой рейтинг приблизится к тридцати процентам, я выступлю на эту тему и включу в предвыборную программу специальный пункт. Касательно того, что социальную помощь должны получать лишь те, кому она положена.

— Просто удивительно, как иной раз формируется предвыборная программа.

— Что-нибудь еще?

— Эндрю Эсти жаждет эксклюзивного интервью.

— Из «Дейли госпел»?

— Да. Он вконец запутался. Если людям разрешено собираться на проповедь и молиться вместе в федеральных тюрьмах, почему такого нет в федеральных школах?

— Однако. «Долой проповеди из тюрем!»

— Нет, я думаю, ему хотелось бы обратного. «Вернуть проповеди в школы!»

— Только этого лозунга нам и не хватало.

— Как мы ему поможем? — спросил Флетч.

— Помолимся за него, — усмехнулся губернатор. — Что еще мы можем для него сделать?

Автобус остановился.

— Пойдемте, — распорядился губернатор. — Держитесь между мной и этой сучкой из Конгресса. Близко ее не подпускайте. Понятно? Если потребуется, двиньте ей по ребрам.

— Будет сделано.

— И передайте Ленсингу Сэйеру, что я дам ему эксклюзивное интервью в любое удобное для него время.

— Да, сэр.

Когда Флетч открыл дверь из комнаты отдыха, оркестр играл «Скачки в Кэмптауне».

— Джейкоб, прищорь эту лошадь, — пробурчал Кэкстон Уилер. — Если она вдруг встанет, нам ее не продать.

ГЛАВА 11

— Я благодарю вас всех, что в такой холодный день вы пришли сюда, чтобы дать мне шанс выступить перед вами, — обратился губернатор к горожанам, запрудившим самый маленький перекресток Уинслоу.

Уилли Фин сознательно выбрал для митинга именно этот перекресток. Маленькая толпа выглядит большой на маленькой площади. Большая кажется огромной. Кандидат в президенты привлек многих.

— Вы знаете, президентская кампания — всего лишь крестовый поход любителей. И я могу сказать вам, мои друзья в Уинслоу, что кампания, которая позволит мне следующие четыре года послужить вам в Белом доме, нуждается в вашей помощи и поддержке.

— Однако, — пробормотал себе под нос Флетч, стоя в грязи на периферии толпы.

— Он-таки сказал что-то новое, — отметила Фредди Эрбатнот.

Три телекамеры нацелились на трибуну. Фотографы замерли у подножия лестницы.

— Мир изменился, друзья мои, — прогремел голос губернатора. — И вы, и я это знаем, но нынешний хозяин Белого дома, похоже, даже не подозревает об этом. Так же, как и его высокопоставленные советники. Как и другие кандидаты республиканцы или демократы, которые хотят поселиться в Белом доме на следующие четыре года...

— Это не его обычные слова. Это не Речь! — вынесла вердикт Фредди.

— ...Ранее все, что происходило в Нью-Йорке или Вашингтоне, считалось важным в Парамарибо, Дурбане, Кампучии. И не было там ничего более важного. Нынче все изменилось. Теперь мы знаем, что происходящее в Сантьяго, Тегеране, Пекине чертовски важно для Нью-Йорка и Вашингтона.

— Однако, — повторил Флетч.

— ...Третий мир, как его называют, перестал быть чем-то чуждым, далеким, не имеющим для нас никакого значения. Хотим мы этого или нет, но мир становится более осозаемым. Планету покрывает сеть коммуникаций, такая электронная нервная система, во многом схожая с той, что является составляющей наших тел. Мы ощущаем боль не только, когда болит

сердце или голова, но и когда ударяемся пальцем ноги. Точно также теперь мы мгновенно ощущаем боль Монтевидео, Джидды, Бангкока. И конечно, друзья мои, мы ощущаем боль нашего внутреннего Третьего мира — Гарлема, Уоттса, индейских резерваций...

— Ну, дает,— прокомментировал Флетч.

Фредди то и дело искоса поглядывала на него.

— ...Уже нет Первого мира, или Второго, или Третьего. Есть человеческая цивилизация, которая на наших глазах превращается в единое целое!

— Неужели...— начал Флетч.

— Что неужели? — тут же спросила Фредди.

— Вы и я знаем, что ни теология, ни идеология не причастны к этому новому, неожиданному, всеобщему единению. Христианство две тысячи лет пыталось связать мир воедино... и потерпело неудачу. Ислам положил на это шесть веков... с тем же результатом. Американская демократия два столетия связывает мир... без особых успехов. Коммунизм почти сто лет занимается тем же... и ничего у него не выходит.

— Так он решился!

— Решился на что? — доставала его Фредди.

Тем временем член палаты представителей рвалась сквозь толпу к трибуне. Она все еще позволяла пожать себе руку, отрывочно отвечала на обращенные к ней просьбы, но лицо ее превратилось в каменную маску. А Барри Хайнс и Шустрик Грассели, вроде бы помогая ей, сбивали ее с нужного направления.

— Вы и я знаем, что связывает этот мир воедино, лучше чем миссионеры, эффективнее, чем любые армии...

— Что он такое говорит? — Фредди подрегулировала уровень записи на магнитофоне, висящем на поясе.

— Сегодня,— продолжал кандидат,— спутники позволяют нам видеть, как зреет пшеница в России, как растет рис в Китае. Мы можем разглядеть, как муштруют солдат в Карачи или под Лесото. Мы можем слетать в Эр-Рияд или Лусон перед ленчем или обедом. Любое изменение в экономике Алжира оценивается буквально в течение нескольких часов. Вполне возможно едва ли не мгновенно определить мнение населения Индии по тому или иному политическому вопросу...

Уолш Уилер, до того бесельно рассекавший толпу, решительно двинулся к автобусам. От лестницы на трибуну члена палаты представителей отделяли уже считанные метры.

— ...Вы и я, друзья мои, знаем, что мир объединяет технический прогресс, сцепляет его воедино куда лучше всех религий и идеологий. Технический прогресс создает нервную систему под кожей Матери-Земли. А потому, как мы с вами прекрасно понимаем, политикам, чтобы избежать ненужной боли, необходимо незамедлительно отреагировать на появление этой новой системы. Если сегодня мы проигнорируем страдания в любой части Земли, многие поколения будут страдать от боли и несчастий. Если мы сознательно оставим гниющую рану где-то далеко от нашей процветающей страны, зараза обязательно доберется и до нас.

Фотографы уже заняли лестницу на трибуну. На просьбы члена палаты представителей пропустить ее, обращенные к их спинам, они не реагировали.

— ...Американским политикам пора дорасти до осознания этой новой религии. Технический прогресс сводит нас ближе сиамских близнецов! Технический прогресс делает нас более взаимозависимыми, чем любые отношения труда и капитала! Технический прогресс объединяет людей там, где терпят поражение любовь и закон! Такова новая реальность! Мы должны как можно быстрее сжиться с ней! Ради мира на Земле! Ради благополучия всей планеты! Ради здоровья каждого ее жителя! Ради процветания! Друзья мои, ради продолжения самого рода человеческого!

Не сразу слушатели поняли, что кандидат закончил речь. Последовали глухие аплодисменты: никому не хотелось снимать перчаток, крики: «Так и надо, Кэжстон! Мы с тобой до конца!»

Заиграл оркестр.

У края трибуны кандидат пожимал руку члену палаты представителей, своим видом показывая всем, а особенно фотографам, что никогда не встречался с ней ранее и для него эта почтенная дама — одна из многих, составляющих отряд его доброжелателей. Затем он помахал руками толпе и сбежал по ступеням.

У автобуса Уолш Уилер, Пол Добсон и Фил Нолтинг что-то горячо обсуждали.

— Однако, — в который уж раз повторил Флетч, — я и представить себе не мог, что так просто быть волшебником.

— Вы что-то об этом знаете, — обвинила его Фредди. — Расскажите мне?

— Нет.

Фредди Эрбатнот надулась.

Повернувшись к трибуне, бабуля, член палаты представителей, что-то кричала в микрофон. Оркестр полностью заглушал ее слова.

— Что все это означает? — задала Фредди риторический вопрос.

— Только одно, — ответил Флетч. — Он попал в вечерний выпуск новостей.

ГЛАВА 12

Поравнявшись с Флетчем, губернатор Уилер широко улыбнулся.

— Настроение бодрое?

— Как у дедушки Адама.

Все еще улыбаясь, губернатор направился к сыну. Уолш, Фил Нолтинг и Пол Добсон являли собой стену, рухнувшую от звука трубы. На лицах всех троих отпечатался ужас.

— Как я выступил?

Уолш стрельнул глазами по сторонам, дабы убедиться, что они вне досягаемости ушей репортеров. Но рядом стояла лишь группа из тридцати или сорока пациентов местной психиатрической больницы, приведенных на встречу с кандидатом.

— Тебе надо бы предупреждать нас о подобных сюрпризах.
— Я же говорил, что у меня возникла идея.
— Да, но ты забыл упомянуть, что намерен бросить бомбу, предложив совершенно новый подход.

— Который потребует новой речи.— Глаза Филя Нолтинга превратились в щелочки.

— Да уж,— согласился губернатор.— Признаться, я обдумывал выступление, пока эта бабка из Конгресса что-то долдонила насчет водоснабжения.

— Дело в том,— вмешался Пол Добсон,— что мы должны готовить убедительные доводы в защиту каждого вашего тезиса до того, как вы их представите на суд общественности.

— Истину защищать не надо, не так ли? — возразил губернатор.

— Привет, губернатор,— обратился к нему один из психов, мужчина лет тридцати пяти.— Меня зовут Джон.

— Привет, Джон,— поздоровался с ним губернатор.

— Ты, возможно, произнес отличную речь, папа. Но мы-то ничего о ней не знали, а потому мы чувствуем себя ненужными.

— Я и сам не знал, скажу я об этом или нет,— улыбнулся губернатор.— Но так уж вышло, что сказал.

— Сейчас мы получим текст и посмотрим, что можно сделать,— подвел черту Добсон.

Губернатор пожал плечами.

— Все будет нормально.— И протянул руку другому психу, женщине лет тридцати.— Привет. Вы приятельница Джона?

В автобусе Ли Оллен Парк, координатор добровольцев, подсоединял к наушникам портативный магнитофон. Машинистка сидела за столиком, готовая приступить к работе.

— Ли Оллен,— начал Флетч. Парк не повернул головы.— Один простой вопрос.

— Не сейчас. Пожалуйста, сейчас вопросов не надо. Нам нужен полный текст речи губернатора.— Последнее предназначалось машинистке.— И чем быстрее, тем лучше.— Он нацепил наушники на голову машинистке. Она чуть поправила их.

На многоканальном телефоне, встроенном в кресло Барри Хайнса, горели все лампы вызова. Телефон не звонил. Сам Барри куда-то сгинул.

— Ли Оллен...— упорствовал Флетч.

Ли Оллен нажал кнопку «Пуск» на магнитофоне и приложил к уху третий наушник.

— Слышно хорошо? — спросил он машинистку.

Та кивнула. Ее пальцы уже бегали по клавиатуре.

— Мой Бог,— простонал Ли Оллен.— Что же он такое говорит?

— Ли Оллен, меня интересует Салли Шилдз, Элис Элизабет Шилдз...

— Не сейчас, Флетчер! Тут же настоящий ад! Губернатор взорвал бомбу, если вы этого еще не знаете.

— Нет. Не знаю.

— Во-первых, его поймали на подкупе школьников. Затем,

как нас сориентировали, пьющий, не пропускающий ни одной юбки, конгрессмен оказался чьей-то прабабушкой. И, наконец, он выступает в Уинслоу, словно Линкольн в Геттисберге. А день только начался.

— Ну что вы, — успокоил его Флетчер. — Добрая половина уже миновала.

— По моим часам — нет. — И Парк склонился над машинисткой, слушающей и печатающей. — Нам нужно каждое слово! Каждое слово!

— Теперь вы можете мне ответить, — твердо заявил Флетчер. Ли Оллен Парк все еще прижимал наушник к уху.

— Что? Что, что, что?

— Элис Элизабет обращалась к вам с просьбой зачислить ее в добровольцы? Вы ей платили за какую-нибудь работу?

— Нет. — Ли Оллен мотнул головой.

— Не обращалась?

— Мне докладывали о следующем за нашим караваном «фольксвагене». Это все, что я о ней знаю.

— Он сказал что-нибудь новое? — прокричал Билл Дикманн, один из тех, кто предпочел стопку спиртного речи кандидата.

— Похоже, что да, — признал Флетч.

— Совсем новое? — На лице Дикманна отразилась тревога.

— Я, конечно, не могу точно указать процент новизны...

— У кого пленка? — прервала его Стелла Кирчнер.

— У тех, кто сейчас оккупировал телефон в центре Уинслоу, — ответил Флетч. — Полагаю, что у них.

— У вас есть пленка, Флетч? Дайте ее нам, и я обещаю, что больше мы не будем писать о том, как кандидат подкупает школьников.

— Пленки у меня нет. Распечатка речи будет готова с минуты на минуту.

— Распечатка, — скривился Дикманн. — Мои издатели получают текст по системам теле- или радиовещания. Зачем же мне отправлять им еще и распечатку?

— Что же сказал губернатор? — наскокивала на Флетча Стелла Кирчнер.

— Ну, вроде того, что мир объединяется, несмотря на все усилия человечества.

Репортеры в изумлении уставились на него, словно он внезапно заговорил на незнакомом ему языке.

— И ничего насчет водоснабжения? — Рой Филби выглядел так, будто вот-вот шлепнется в обморок.

— Ничего.

— Дерьмо, — процедил Филби. — Я-то уже сообщал, что он говорил о водоснабжении... Так что он сказал не о водоснабжении?

Флетч ввел ее в автобус команды кандидата.

— О-о-о-о! — Бетси изобразила притворный восторг. — Неплохо тут живут. Телевизор, и все такое.

Уолш разговаривал с Ли Олленом Парком.

- Уолш, это Бетси Гинзберг.
- Я знаком с Бетси. — Уолш вопросительно глянул на Флетча.
- Как с репортером, но не как с женщиной, — вставила Бетси.
- Да, да, — покивал Флетч. — Она, как никто, умеет сервировать стол.

Губернатор вошел в автобус, когда Флетч собирал у добровольцев копии распечатки речи.

- Пойдемте со мной.
- Вслед за губернатором Флетч прошел в комнату отдыха.
- Присядьте на минуту.
- Мне надо раздать распечатки. — Флетч указал на листки в руке. — Сэр.
- Распечатки подождут: — Губернатор снял пальто, бросил на кровать. — Хочу услышать ваше мнение.
- По-моему, вы чертовски красноречивы. Сэр.
- Губернатор уселся на вращающийся стул. Флетч остался на ногах.

- Благодарю.
- Взять кристаллик идеи...
- Думаю, больше, чем кристаллик.
- Ума у вас — палата, — пробормотал Флетч.
- Благодарю. А теперь скажите, что вы об этом думаете?
- Откровенно говоря, гм...
- Что, гм... — Губернатор терпеливо ждал, пока Флетч соберется с духом.

— Я... э... не подозревал, что президентская кампания так оскудела идеями. Сэр. — Губернатор рассмеялся. — Мне-то казалось, что все определено заранее. И вы с самого начала знаете, что должны говорить, где и кому.

- Вы ошиблись. Вас это удивляет?
- Я никогда не удивляюсь, если случается ошибиться.
- Часть политической кампании — общение с людьми по всей стране. И хороший политик всегда прислушивается к голосу народа. Вот и вы утром поделились со мной очень дельной мыслью. Возможно, каждый знает, что это так, но никто еще не сказал об этом вслух. А может, только молодые впитали эту новую реальность с молоком матери, и теперь не представляют себе иного будущего.

- Да, сэр. Возможно.
- Я думаю, люди голосуют за того, кто говорит им правду. А вы?

— Надеюсь, что это так, сэр.

Губернатор протянул руку.

— Дайте-ка мне распечатку.

Флетч отделил для него верхний листок и чуть не выронил на пол остальные.

- Губернатор углубился в чтение.
- Посмотрим, что я такого наговорил.

— Немедленно отрывай свою чертову задницу от стула и поднимайся сюда. — Голос Уолша не оставлял сомнений в том, что он настроен серьезно.

— Да, сэр, лейтенант, сэр, — ответил Флетч в телефонную трубку. — Скажите только, куда поднимать мою чертову задницу, сэр.

— Номер 1220.

И в трубке раздались гудки отбоя.

Спеша к двери, Флетч споткнулся о нераспакованный чемодан...

Вторую половину дня Флетч то и дело перескакивал из автобуса прессы в автобус кандидата и обратно.

По телефонному аппарату, установленному в автобусе прессы, он долго беседовал с Уилли Финном, уже прибывшим в Калифорнию, о мероприятиях, намеченных на тот день в Спайрсвилле, на вечер в Фармингдейле, на следующий день в Кимберли и Мелвилле. Финн еще ничего не мог сказать о впечатлении, произведенном речью губернатора в Уинслоу, хотя уже слышал о ней. Трагическая смерть Виктора Роббинса, похоже, очень его опечалила.

Вместе со всей компанией Флетч побывал в Спайрсвилле. Купил в местном магазине кулек залежавшихся пончиков, съел четыре, пообщался с местными газетчиками, снабдил их всеми необходимыми материалами. Вернувшись после прогулки по Спайрсвиллю, Флетч обнаружил, что кто-то разбил окно в автобусе прессы.

По пути в Фармингдейл Флетч играл в покер с Биллом Дикманном, Роем Филби и Тони Райсом. Когда автобус остановился у отеля, его личное состояние увеличилось на двадцать семь долларов...

Двери лифта открылись. В кабине стоял Хэнреган. И смотрел на Флетча с каменным лицом. Не улыбнулся, не скривился.

— Вверх? — спросил Флетч.

Хэнреган молча сверлил его взглядом.

Ответила женщина, стоявшая рядом с Хэнреганом, в пурпурном платье и коричневых туфлях.

— Нет, мы едем вниз.

Флетч нажал кнопку вызова соседнего лифта.

Уолш раскрыл дверь номера 1220, едва Флетч постучал.

— Что происходит? — спросил он, как только пресс-секретарь переступил порог.

Они стояли в полутемном коридорчике у ванной.

— Ладно, — потупился Флетч. — Верну я эти двадцать семь долларов.

— Какой-то репортер, вонючий, грубый, грязный, оказался в моем номере раньше меня. Он уже сидел в кресле, когда я вошел.

— Вонючий, грубый, грязный репортер?

— Он сказал, что представляет «Ньюсбилл».

— О, этот вонючий, грубый, грязный репортер — Хэнреган Майкл Джи.

— Он поджидал меня, когда коридорный открыл дверь. Расположился вот в этом кресле.— Уолш прошел в спальню и указал на одно из кресел у окна.— Курил сигару.— В пепельнице на столике у кресла серела горка пепла.— Мерзавец. Полагаю, хотел показать мне, какие у него возможности. Запертые двери, право на уединение, похоже, ничто для репортеров «Ньюсбилл».

— Он просто хотел познакомиться с тобой поближе.

— Он не познакомился со мной поближе. Но довел меня до белого колена.

Во взгляде Уолша, однако, не чувствовалось злобы. Вроде бы он говорил о том, что разъярен, но глаза ясно указывали, что думает он совсем о другом. Да и голос не звенел от негодования, хотя в нем и слышались нотки раздражения.

И жалобу его, как воспринял ее Флетч, вызвали не эмоции, а нарушение заведенного порядка.

— Майкл Хэнреган — вонючий, грубый, грязный мерзавец, — согласился Флетч. — Он пишет для «Ньюсбилл». Но называть его репортером — слишком много чести.

— Я думал, «Ньюсбилл» представляет у нас кто-то еще. Потрясающе глупая женщина.. Как ее звать?

— Мэри Райс.

— Она не родственница Тони Райса?

— Нет. Мэри тоже пишет для «Ньюсбилл». Освещает избирательную кампанию. И все ее материалы отличает сенсационность. Чего стоит упоминание о том, что прапрапрадедушка Ли Оллена Парка был рабовладельцем.

— Круто!

— В общем, полная ерунда.

— Но ведь в «Ньюсбилл» нет ничего, кроме новостей, добытых их борзописцами из чьей-нибудь спальни через замочную скважину.

— Спальни, бары, залы суда — это их сфера. Плюс гороскопы. Влияние звезд небесных на земных. Последнее проходит у них, как новости.

— Но это еще не все. В вестибюле меня атаковала роскошная девица, заявившая, что она из «Ньюсуорлд».

— И что она хотела?

— Полный список побывавших вчера вечером в «люксе» отца. Плюс полный список тех, кто мог зайти туда. Что она вынюхивает?

— Так это Фредерика Эрбатнот.

— Да. Эрбатнот. С каких это пор «Ньюсуорлд» интересуется предвыборными кампаниями?

— Ты должен уяснить, Уолш, что Хэнреган и Эрбатнот — криминальные репортеры. Это все, что у них общее. Такова их работа. Они пишут о преступлениях.

— Так что они делают в автобусе прессы?

— Вчера вечером в мотеле убили женщину.

— А, перестань. Мало ли что случается в мотелях.

— Еще одну убили в отеле «Харрис» в Чикаго, когда там находилась команда губернатора. Ее нашли в чулане, примыкавшем к банкетному залу, где принимали журналистов.

Уолш вздохнул.

— Не можем ли мы лишить их аккредитации, поскольку они — криминальные репортеры?

— Я уже думал об этом. Но боюсь, мы только разожжем их интерес. Они станут более настойчивыми. Ты же не будешь отрицать, Уолш, у них есть основания интересоваться нами.

— Очень зыбкие. — Уолш взглянул на часы. — Отец ждет нас у себя к вечернему выпуску новостей.

— А о чем спрашивал Хэреган?

— Задать много вопросов он не успел. Я наорал на него, наорал на коридорного, позвонил в службу безопасности отеля, потом — тебе.

— Но о чем-то он спросил?

— Только о моем послужном списке.

— Твоим послужном списке? А какое отношение имеет он к цене фасоли?

— Я предложил ему обратиться в Министерство обороны, где ему выдадут все необходимые сведения. — Уолш поправил зеленый галстук. Надел зеленый пиджак. — Мерзавец. Я не вытолкал его вшей лишь потому, что не хотел пачкать руки.

— Боюсь, я бессилён тебе помочь, Уолш. — Флетч открыл дверь. — Пресса имеет право задавать вопросы.

ГЛАВА 14

188 — Губернатор Кэстон Уилер, выступая сегодня в Уинслоу, возвестил о приходе, как он выразился, Новой Реальности и тем самым перевел предвыборную кампанию в иную плоскость...

Этим сообщением начались вечерние выпуски новостей всех трех ведущих телевещательных компаний. Слова, разумеется, разнились, но суть оставалась неизменной.

Барри Хайнс сидел на полу по-турецки перед тремя телевизорами, которые он принес в спальню губернатора.

Губернатор, в рубашке с короткими рукавами, без галстука и ботинок, расположился в кресле, держа в поле зрения все три телевизора. Шустрик Грасселли развешивал в шкафу одежду губернатора. Флетч примостился на краешке кровати. Уолш стоял.

— Виктор Роббинс погиб зазя, — изрек Уолш. — Выпуски новостей начались не с Аптона.

— Нет, не зазя, — не согласился с ним губернатор.

В гостиной, по другую сторону закрытой двери спальни, Ли Оллен Парк и несколько добровольцев поили и развлекали местное руководство. Все ждали, пока губернатор оденется, чтобы сопроводить его и миссис Уилер на обед, который давал в их честь мэр города.

Затем все телекомпании показали выступление Уилера, естественно, сильно обрезанное.

— Президент еще никак не прокомментировал речь губернатора Уилера, — сообщили со всех трех экранов.

— Старик выкидает, в какую сторону подует ветер, — отозвался Уолш.

— Представитель Белого дома заявил, что предложения губернатора Уилера весьма серьезны и требуют тщательного анализа. А вот что сказал сенатор Грейвз, также претендующий на пост президента и участвующий в тех же первичных выборах, что и губернатор...

— Дураки всегда спешат, — вставил Барри.

Лицо сенатора один за другим заполнило три экрана, его скрипучий голос разнесся по всей Америке: «Слышал ли я, как губернатор Уилер поведал нам, что христианство и демократия уже никуда не годятся? Ну, я в это не верю. И полагаю, что большинство американских граждан согласятся со мной».

В спальне губернатора Кэкстона Уилера воцарилась мертвая тишина.

А телекомментатор продолжал: «Мы не смогли связаться с сенатором Аптоном, так как он улетел в Пенсильванию, где сегодня утром трагически погиб в авткатастрофе его близкий друг и организатор предвыборной кампании».

— Видите? — подал голос губернатор. — Старина Вик умер не зря. Позволил Аптону подготовиться к ответу.

Новости продолжались, перемежаясь рекламными роликами.

— Не знаю, отец, — покачал головой Уолш. — Просто не знаю.

— Чего же ты не знаешь? — воинственно спросил губернатор.

— Ты вроде бы сказал, что христианство и демократия нам уже и не годятся.

— Я этого не говорил! — воскликнул губернатор. — Я лишь сказал, что ни одна идея не смогла объединить мир так, как это делает технический прогресс. Черт побери!

— Есть разница между идеями и способами их реализации, — резко ответил Уолш.

— Разница между идеями и действительностью, — возразил губернатор. — И конкретные дела сослужат людям более добрую службу, нежели словесные замки.

Барри Хайнс, не поднимаясь с пола, дотянулся до телевизоров, выключил их, повернулся к губернатору и его сыну.

— По-моему, хорошая речь. Если задуматься, губернатор сказал правду. И не надо лезть в бутылку, Уолш, из-за глупой реплики Грейвза.

— Да, — поддержал его Флетч. — Ты же знаешь, умом Грейвз не блещет.

Дверь из гостиной открылась.

Вошла Дорис Уилер. В вечернем платье. С шарфом, наброшенным на широкие плечи. Она затворила за собой дверь.

Шагнула к губернатору.

— Кэкстон, ты только что проиграл выборы.

Губернатор побледнел.

— Подожди, подожди...

— Чего мне ждать? — Еще шаг, к центру спальни. — Ты же выставил себя круглым идиотом.

Уолш попытался к стене. Шустрик Грасселли регировался в ванную.

Дорис говорила с мужем так, будто в комнате они были вдвоем.

— Все твои сегодняшние поступки для меня — полный сюрприз. Раздавать деньги школьникам! Да еще не всем, а избранным. Барри передал тебе, что мне пришлось сказать по этому поводу? Не пустить члена палаты представителей Флагерти на трибуну! Надеюсь, ты не станешь убеждать меня, что это чистая случайность?

Губернатор посмотрел на Барри, потом — на жену. Все поняли, что услышанное от Дорис Барри оставил при себе.

— А что за бред ты нес в Уинслоу?

Глаза губернатора превратились в щелочки.

— Бред?

Дорис продолжила хорошо поставленным голосом опытного лектора.

— Кэкстон, ты прекрасно знаешь, что фермеры и лавочники в Уинслоу, как и повсюду в США, не желают слышать о Третьем мире. Их интересуют налоги, программы по здравоохранению, социальной защите, обороне, субсидии на зерно. Избиратель прежде всего эгоист! Каждый раз, слыша название какой-либо чужой страны, он знает, что ему придется платить!

— Дорис, надо говорить и об этом.

— А что ты лепил насчет технического прогресса? — Дорис Уилер закатила глаза.

Губернатор, сидевший в кресле, без галстука, обмяк. Слово на него навалилась усталость.

— Ты пытаешься показать, что ты — государственный деятель, Кэкстон? — выкрикнула Дорис.

— Мама, — вмешался Уолш, — ты же не хочешь, чтобы тебя слышали люди в гостиной?

— Почему нет? — Дорис не понизила голоса. — Пусть слушают! Предвыборная кампания губернатора Кэкстона Уилера завершена! Они могут допить виски, убрать в карманы чековые книжки и разойтись по домам, чтобы потом переметнуться к Симону Аптону или Джо Грейвзу.

Губернатор искоса глянул на Барри Хайнса, словно ища поддержки.

— Грейвз сболтнул чушь...

Барри Хайнс оставил на телевизоре пластмассовый стаканчик, наполовину наполненный «пепси».

Дорис смахнула стаканчик на ковер.

Губернатор Уилер уставился на коричневое пузырящееся пятно. Затем поднялся, подошел к зеркалу, начал завязывать галстук.

Барри Хайнс уже стоял у двери в гостиную.

— Кэкстон, — Дорис обращалась к спине мужа, — американцы не доверяют техническому прогрессу. Они не понимают технического прогресса. Технический прогресс отнимает у них работу.

— Перестань, — устало отмахнулся губернатор. — Американцы влюблены в технику. Они обожают компьютерные игры, механические игрушки, кабельное телевидение. Они даже устанавливают всякие хитрые приспособления на свои тракторы и грузовики...

— А в глубине души они полагают, — настаивала Дорис, — что все технические достижения — происки дьявола.

— О, Дорис!

— И надо быть круглым дураком, чтобы заявить, что технический прогресс заменит религию!

— Я ничего такого не говорил.

— Что технический прогресс заменит демократию!

Повернувшись от зеркала, губернатор застегивал рукава. По его щекам ходили желваки.

— Это наша вина, — попытался погасить пожар Уолш. — Мы переоценили значение гибели Вика Роббинса. До первичных выборов всего два дня, а нам очень хотелось попасть в вечерние выпуски новостей.

— Твои оправдания ни к чему, сын, — раздраженно осадил его губернатор. — Я сказал то, что считал нужным, и не намерен забирать назад ни единого слова.

— Что ж, эти слова дорого тебе обойдутся, — холодно процедила Дорис.

— А так ли я навредил себе? — Губернатор повернулся к Флетчу. — Как отреагировала пресса?

— Думаю, они еще не переварили всего того, что вы вывалили на них. А большинство просто обрадовались, услышав что-то новое.

— Естественно, — повела плечами Дорис. — Еще с большей радостью они опубликовали бы предсмертную записку Кэкстона.

— Кроме того... — Флетч замаялся. — Эндрю Эсти уехал в аэропорт. Назвал вас безбожником.

— Кэкстон! — воскликнула Дорис. — Ты знаешь, каков тираж «Дейли госпел»? Ты представляешь, что означает для нас потеря его читателей?

— О, Эсти! — хмыкнул губернатор. — Иисус Христос не одобрил бы его поступка. Иисус Христос омыл ноги проститутке.

Лицо Дорис Уилер порозовело.

— Как ты мог сказать все эти глупости, не посоветовавшись со мной? Как ты мог повторить их в Спайрвилле?

— Люди ждут, — напомнил губернатор.

— Поверьте мне. — Дорис Уилер оттолкнула Барри Хайнса и открыла дверь в гостиную. — На сегодня с самоуничтожением и глупостью покончено. Если вы все не можете убедить его не выставлять напоказ свою дурь, то мне это по силам, будьте уверены.

Выходя из спальни, она оставила дверь открытой.

В гостиной прием продолжался. Флетч беседовал с издателем и автором передовиц «Фармингдейл ньюс». Они хотели знать наверняка, что губернатор верит в абсолютную свободу прессы, и, судя по всему, могли кое-что рассказать о некоем федеральном судье. Флетч заверил их, что для губернатора свобода прессы — абсолютный закон и он не собирается назначать федеральных судей, не познакомившись с мнением местных жителей.

Выражение легкой тревоги, появившееся на лицах при появлении губернатора, исчезало по мере того, как осушались все новые бокалы. Не повредило и упоминание фильма Арчи Банкера.

Дорис Уилер кружила по комнате, не останавливаясь ни на секунду, переводя взгляд с одного лица на другое, стараясь не пропустить ни единого слова. Губернатор же стоял, засунув руки в карманы, обменивался любезностями с окружавшими его людьми, шутил сам, смеялся над шутками других. Уолли около бара что-то горячо обсуждал с пятью или шестью мужчинами лет двадцати пяти. А потом, совершенно неожиданно, губернатор возник рядом с Флетчем и, взяв его за локоть, отвел на пару шагов.

— Флетч, найди доктора Тома. Пусть поднимается сюда. Но только без черного чемоданчика. Он знает, что мне нужно.

Рука, державшая локоть Флетча, чуть подрагивала.

— Да, сэр,— ответил Флетч.

ГЛАВА 15

— Приветствую вас. Мисс Эрбатнот?

— Да?

— Рад, что поймал вас.

— Только что вышла из ванной.

— Пели любимую песенку про мытье ножек?

— О, вы знаете и об этом?

— Бывало, слышал ваш голосок через стену в Виргинии.

Утром — громче, вечером — тише.

— По утрам я принимаю холодный душ.

— Я как раз собирался заказать в номер сэндвич и бутылку молока. Но могу заказать и два сэндвича.

— Конечно, можете, Флетч. Если хотите съесть оба.

— Мне хватит и одного.

— Тогда и заказывайте один.

— Вы, похоже, меня не понимаете.

— Я стараюсь не казаться такой бесцеремонной, как некоторые.

— Видите ли, я могу заказать один сэндвич для себя. А второй — для друга. Который мог бы разделить со мной трапезу.

— Логично. У вас есть друг?

— Я подумал, может, им станете вы, учитывая, что приняли душ и все такое.

— Нет. Не стану.

— С чего такая уверенность?

— Я уверена.

— Мы могли бы съесть сэндвичи, посидеть рядышком, может, спели бы колыбельную.

— Нет. Не могли.

— Но, Фредди...

— Послушайте, Флетч, вы не обидитесь, если я положу трубку? Я жду звонка из Чикаго. А потом мне самой надо позвонить в Вашингтон.

— Ладно,— вздохнул Флетч,— перезвоню вам позже, когда вы передумаете.

Он позвонил в бюро обслуживания, заказал два сэндвича и кварту молока. Снял ботинки, рубашку, улегся на кровать.

Его номер ничем не отличался от того, в котором он провел прошлую ночь. Комната того же размера, те же немаркие обои, зеркало на том же месте, в ванной то же число полотенец. Картина, правда, висела другая. Вместо летящей под парусами шхуны ему предлагали любоваться горной вершиной, освещенной лучами восходящего солнца. Но Флетч не успел порассуждать о любви Америки к стандартизации, о неизменности номеров мотелей, самих мотелей, аэропортов, городов, телевизионных выпусков новостей, даже кандидатов в президенты: зазвонил телефон.

— Я знал, что вы передумаете, — сказал он в трубку. — И уже заказал вам сандвич.

— Как мило с вашей стороны, — ответил ему мужской голос. — Вы можете послать его в Айову?

— Почему бы и нет. Но кому?

— Мне. Рондоллу Джеймсу.

Флетч сел.

— Ай-эм Флетчер, мистер Джеймс.

— Пожалуйста, называйте меня Джеймс. Мои родители наградили меня именем, которое никто не может произнести правильно. Рондолл, сами видите. Как будто не могли найти чего-нибудь попроще. Так что я уже давно сдал его на хранение в отдел регистрации, где записывают вновь родившихся и умерших.

— Как я вас понимаю.

— Ваше имя тоже никто не может выговорить?

— Наоборот. Вы хотите вернуться на прежнее место работы?

— Пока еще нет. Я в Айове, приехал на похороны Вика Роббинса.

— Но он погиб в Пенсильвании.

— Жил он в Айове. Его тело доставили сюда вечером.

— Вы были друзьями?

— Очень близкими. Вик многому научил меня. Кто писал заявление для прессы? Уолш?

— Да. Когда пришло сообщение, губернатор был на заводе.

— Будь я там, заявление для прессы звучало бы не столь формально. Иногда эти парни забывают, кто действительно творит американскую политику. Как вам нравится моя работа?

— Я в ней не силен.

— Неужели? Но вы ведь попали в выпуски новостей всех телекомпаний. Для первого дня неплохо.

— Да, но не навредила ли нам эта речь?

— Главное, попасть на глаза избирателя. Получить время на телевидении, место в газете. Приближает кандидата к рядовому американцу, знаете ли. Нужно, чтобы кандидат стал добрым знакомцем. А что он говорит или делает — дело десятое.

— Как вы думаете, Джеймс, его слова дошли до людей?

— Не уверен. Он говорил, что технический прогресс объединяет мир, сближает нас, возможно, усиливает чувство ответственности за других. Так?

— Я думаю, да.

— Удивительно то, что я сидел в баре, в тысяче миль от того

места, где он выступал, но видел его и слышал все, что он говорит. Доказательство его правоты, не так ли?

— А что думали об этом те, кто сидел у стойки рядом с вами?

— Полагаю, речь Кэкстона не оценили. Один парень так и заявил: «Опять Кэкстон распинается ни о чем. Лучше б под-сказал, где найти работу моей жене». Любитель джина. Бармен? Типичная реакция. Умный бармен никогда не будет брать чью-то сторону. Сказывается на чаевых, знаете ли.

— Наверное, пройдет день или два, прежде чем кто-либо переварит сказанное губернатором.

— Больше, Ай-эм, больше. Вик не раз втолковывал мне, и я убедился на практике, что он абсолютно прав: чересчур умные мысли — не для предвыборной кампании. Предвыборная кампания — как боксерский поединок. Удар — нырок, удар — нырок. Надо двигаться, двигаться. И всегда с улыбкой на лице. Избиратели хотят лицезреть действо. Быстрое действо. Другого они не приемлют.

— А как насчет розданных школьникам монет? Это сработало на нужный образ?

— Несомненно.

— Правда?

— Готов поспорить. Как только психоаналитик набрасывается с телеэкрана на вашего кандидата, его рейтинг подскакивает минимум на три процента. Психоаналитики копаются в головах, знаете ли. Этого никто не любит.

— Вы даже подняли мне настроение.

— Такую цель я перед собой не ставил. И звоню по другому поводу. Но раз уж мы говорим, мой вам совет: если почувствуете, что Кэкстон собирается сказать что-то глубокомысленное, заткните ему рот перчаткой.

— Обязательно им воспользуюсь. А зачем вы звоните?

— Чтобы сказать, как я люблю Кэкстона Уилера. И объяснить мотивы моих недавних поступков.

— А что вы такого сделали?

— Лишился работы, знаете ли. А может, поставил крест и на всей карьере. Принес себя в жертву на алтарь Афины. Богини войны, так?

— О, да, здоровая такая деваха, со сковородкой в руке. Великолепная статуя. В детстве видел ее десятки раз. Губернатор сказал мне...

— То, что сказал он, не имеет значения. Слушайте сюда. Я работал на Кэкстона двадцать три года. Все это время был его глазами и ушами, ногами и ртом. Все двадцать три года, днем и ночью, включая выходные.

— Я знаю.

— Я хочу, чтобы вы поняли, как я люблю этого человека. Я восхищаюсь им и люблю и сейчас. Я знаю о нем больше, чем его жена, сын, кто угодно. Он — отличный парень. Ради него я готов на все, даже пожертвовать собой, что я и сделал.

Флетч ждал. Некролог человеческих отношений обычно не нуждается в комментариях слушателя.

— Кэкстон должен стать президентом Соединенных Шта-

тов, — продолжил Джеймс. — Я верю в это всем сердцем. Но его слабое место, если вы это еще не распознали, Дорис Уилер. Ужасная женщина. Ужасная. На людей смотрит, как крокодил. Если что-то рядом движется, она бросается, стараясь укусить как можно больнее. А Кэктона она кусает уже добрых тридцать лет.

— Джеймс, муж и жена... какое нам до этого дело?

— Никакого, если только один из них не баллотируется в президенты. Вот тут их отношения затрагивают и нас. Вы слышали, как она разговаривает с добровольцами? С пилотом зафрахтованного самолета?

— Еще нет.

— С репортером, сыном, самим Кэкстоном?

Флетч промолчал.

— Иначе, как сукой, ее не назовешь. Дорис Уилер — всем сукам сука. Иногда мне казалось, что она просто выжила из ума. Если кто может подвести Кэкктона, так это его жена, а он не хочет этого признавать.

— Должно быть...

— Не хочет признавать, — повторил Джеймс. — Всегда покрывает ее. Тысячу раз я просил его приструнить эту суку. Даже развестись, избавиться от нее. Он меня не слушал. И она становится все хуже, по мере того, как нарастает напряжение кампании. Я больше не мог выводить ее из-под удара, просто не мог, Ай-эм. Вы меня понимаете?

— Да.

— Пошли разговоры, что она помыкает губернатором, его командой, всеми. Или все делается, как она хочет, или жди скандала. Это, мол, ее кампания. Ею руководит она. И остальным лучше пристроиться ей в затылок, или жизни не будет.

— Тот визит в ожоговый центр...

— Один из подобных случаев. Она знала, что делает, Уолш просил ее поехать к детям. Ее личный секретарь, Салли, просила о том же. Барри и Уилли договорились с подругами, что она поиграет с ними в другое время. А она взяла и поехала играть.

— Почему?

— Да потому, что она уверена, что умнее всех.

— Да, но почему? Поступок-то глупый, учитывая обстоятельства...

— Во-первых, она не сомневается, что ей все сойдет с рук. Что бы ни случилось, вина ляжет на кого-то еще. Во-вторых, тщеславие. Плохо ли заявиться к подругам и поиграть с ними в теннис в ранге жены кандидата в президенты?

— Я обычно просто играю в теннис.

— Слушайте дальше.

— Подождите. Разве она не собирала пожертвования, играя в теннис? Кампания нуждается в средствах.

— Я же сказал: мы договорились, что она поиграет в теннис двумя днями позже. Она даже не отменила визит в ожоговый центр. Села в машину и уехала к подругам. Представляете себе? Медицинские сестры выкатили детей на креслах в большой зал. Собрались фотографы, репортеры. А эта сука не явилась. Какую боль причинила она детям? Зато наигралась в теннис.

— Но почему губернатор обвинил во всем вас?

— Он не может обвинить жену. Он никогда ее не винит. Раньше я всегда выкручивался. Договаривался с фотографами, репортерами. «Если вы об этом не напишете, я не останусь в долгу. Организую вам эксклюзивное интервью или устрою так, чтобы вы сфотографировали губернатора в душе, голым и с сигарой. Такое тянет на Пулитцеровскую премию, знаете ли». На этот раз я не смог, Ай-эм. Не смог.

— Но...

— Мое терпение лопнуло. Губернатор все эти годы не слушал меня. Ситуация осложнилась до предела. Дорис Уилер перешла все границы. Его шансы стать президентом росли день ото дня, а она грозила все погубить. А потому я рассказал репортерам все, как есть. Я надеялся, что Кэксон увидит, как воспринимает подобные выходки пресса, и приструнит эту суку.

— А он сможет?

— Должен. Потому что мужа сумасшедшей никогда не изберут президентом Соединенных Штатов.

— Они прошли вместе долгий путь, Джеймс.

— Тем стремительней будет падение.

— Если она такая мегера, почему он живет с ней? Развод придумали не вчера.

— Если хотите, я назову вам три причины, по которым он не разводится с ней.

— Разумеется, хочу.

— Во-первых, избиратели не одобряют развода. Хотя и проостили его президенту Рональду Рейгану. Общее мнение таково: если мужчина не может навести порядок в доме, можно ли ожидать, что он справится с целой страной?

— Это одна причина.

— Во-вторых, у нее есть деньги. И много. Ее папочка преуспел в нефтяном бизнесе. Жизнь у политика рискованная, требующая больших расходов. А нефть, как известно, отличная смазка.

— Это вторая.

— В-третьих, я полагаю, что Кэксон любит эту суку. Можете вы в это поверить? Не спрашивайте меня, как и почему. По мне, лучше любить змею. Но в жизни увидишь всякое. Есть у меня знакомые, которые слова сказать не могут без дозволения жены. И все они в один голос твердят: «Что бы я делал без моего солнышка?» Любовь, Ай-эм, слепа, как Фемида. Возможно, вы это заметили.

— И так же переменчива.

— Господи, как я рад, что моя жена сбегала пятнадцать лет тому назад с психоаналитиком. Вот уж кому следовало навести порядок в голове.

— Возможно и так, Джеймс. Но что делать мне?

— Нести свой крест, что же еще. Я лишь хотел, чтобы вы знали, благодаря кому я ушел от Кэксона.

— Его жене.

— Я его люблю. Восхищаюсь им. Я хочу видеть его президентом Соединенных Штатов. Ради этого я отдал бы все. Все, что

угодно. Так что, если возникнет необходимость, звоните в любое время.

— Ловлю вас на слове.

— Они выпшвырнули меня, но это неважно. Для Кэкстона я готов на все.

Флетч скоро понял, что достаточно опустить трубку на рычаг, чтобы телефон зазвонил вновь.

И едва он переговорил с выпускающим редактором «Ньюсуика», как в трубке раздался голос его давнего армейского приятеля Олстона Чемберса.

— Рад тебя слышать, — выразил свои чувства Флетч.

— Что происходит, Флетч?

— Если бы я знал.

— Только что услышал по радио, что ты стал пресс-секретарем Кэкстона Уилера, баллотирующегося в президенты. Твою физиономию показывали по телевидению.

— Да, теперь я пресс-секретарь.

— Почему ты это сделал? Что-то на тебя не похоже.

— Уолш позвонил позавчера вечером. Сказал, что отчаянно нуждается в помощи. Убедил меня, что так оно и есть.

— Это же надо, президентская кампания! И на что это похоже, Флетч?

— Ирреальный мир, Олстон. Абсолютно ирреальный.

— Я тебе верю. По телевизору тебя показали в костюме и при галстуке.

— Олстон, прибавь еще пару убийств.

— Что значит — убийств? Настоящих убийств?

— Двух женщин забили до смерти. Одну задушили. Они не принимали участия в предвыборной кампании, но я чувствую, что кто-то из команды кандидата, добровольцев или сопровождающих лиц имеет самое непосредственное отношение к этим убийствам.

— Ты шутишь.

— К сожалению, нет.

— Кэкстон Уилер — Джек-Потрошитель. С твоей легкой руки термин «v» президентский убийца приобретает новое значение.

— Это не смешно.

— В новостях об этом ничего не говорилось.

— Мы стараемся не афишировать эти сведения. По крайней мере все убеждают меня, что не стоит бросать прессе такой кусок.

— Я достаточно долго знаком с тобой, Флетч. Что-либо скрывать — не твоё амплуа. Особенно, если речь идет об убийстве.

— Ты не представляешь себе, Олстон, что тут творится. Слово мчится скорый поезд, люди вываливаются из вагонов, но никому и в голову не приходит дернуть за стоп-кран.

— Ты прав. Такое мне недоступно.

— Я и говорю, ирреальный мир. Слишком много власти. Престижа. Все меняется с калейдоскопической быстротой. Копы и те зачарованы кандидатом и его командой.

— Да, но убийство — это убийство.

— Слушай, Олстон, вчера вечером женщину сбросили с кры-

ши мотеля, аккуратно над спальней кандидата. Через полчаса в мотель заявляется мэр и говорит одному из руководителей избирательной кампании: «Послушайте, если мои полицейские будут беспокоить вас, гоните их прочь». А пресса услышала от него следующее: «Пожалуйста, не марайте грязью образ моего города. Не раздувайте в национальную сенсацию обычный несчастный случай, который мог бы произойти в любом другом маленьком городе».

— А Уилер? Что говорит об этом кандидат?

— Пожимает плечами: «Полицейские сирены сопровождают меня всю жизнь».

— А Уолш?

— «Местная проблема. Мы же завтра отбываем».

— Увоза с собой убийцу. Таково твое мнение?

— Я пытался убедить губернатора начать расследование. Но он убежден, что такое расследование поставит крест на его избирательной кампании, лишит его шанса стать президентом.

— Поэтому старина Флетч, мастер журналистского расследования, пусть и отошедший от дел, решил сам разобраться, что к чему.

— У меня связаны руки. Я не могу задавать вопросы. После первого же меня отправят домой.

— Но ты пытаешься, так?

— Да, обходными путями. Я же здесь никого не знаю, за исключением нескольких человек — Уолша, Фредерики Эрбатнот, Роя Филби...

— Тебе бы поспешить. Два убийства кряду обычно означают и третье, и четвертое...

— Я стараюсь изо всех сил, господин прокурор. Ощущение такое, будто я гащу пожар в цирке, знаешь ли. Потому что никто не хочет признать, что цирк горит.

— Я позвонил тебе лишь для того, чтобы поздравить с новой работой. И спросить: «Как случилось, что босоногий репортер* превратился в добропорядочного гражданина?»

— Мне нравится Кэкстон Уилер. Я хочу решить этот ребус.

— А почему он вообще включился в президентскую гонку? Будь у меня деньги его жены, я бы просто купил себе целую страну.

— Изнутри кампания выглядит иначе, чем снаружи. Снаружи вежливые ответы, улыбки, вселенское согласие. Изнутри — напряжение, споры...

— И убийства?

— В данном случае, да.

— А почему бы тебе при случае не спросить Уолша, с чего он так внезапно покинул нас? Меня это интересует до сих пор.

— О чем ты?

— Разве ты не помнишь? Проведя три дня на деревьях, мы вернулись в базовый лагерь. Не прошло и недели, как лейтенант Уилер отбыл в Штаты.

* Флетч по натуре бунтарь, не признающий светских манер. В частности, в редакцию он предпочитал приходить босиком.

- Его же перевели.
- Я знаю. Но как и почему?
- Как? Его папаша использовал политические связи. Почему? Потому что его папаша мог их использовать. Я вообще не пойму, как Уолш угодил на передовую. Его отец был конгрессменом.
- Мы так и не узнали, что послужило причиной перевода.
- Он свое отвоевал.
- Мы тоже.
- Олстон, в тот момент любой из нас постарался бы выбраться оттуда. Если б была такая возможность. У нас с тобой ее не было. наших отцов в Конгресс не избрали.
- И богатых жен у нас нет.
- А потому расскажи о себе. Как тебе нравится должность генерального прокурора?
- Флетч, в Калифорнии мы все прокуроры. И я еще не генеральный.
- В последнее время кого-нибудь засадил за решетку?
- Двоих, вчера. Ордеров на твой арест более не выдано. Я проверяю каждое утро.
- Давненько не заглядывал в Калифорнию.
- Если ты намерен остаться добропорядочным гражданином, Флетч, приезжай. Калифорнии нужны люди, которые носят костюмы.

Древний старик из бюро обслуживания извинился за задержку с заказом, пояснив, что в отеле полно репортеров, освещающих кампанию «этого Кэкстона Уилера. Разумеется, хотелось бы, чтобы его избрали. У меня кузена зовут Кэкстон».

- Эй, Фредди.— Он набрал номер еще до того, как за посылным закрылась дверь.
- Кто говорит?
- Черт побери, Фредди.
- Привет, Черт Побери.
- Я звоню, чтобы сказать, что ваш сандвич принесли.
- Зачем?
- Чтобы его съели.
- Вот и съешьте его.
- Черт побери, Фредди, вы всегда были такой милой, проявляли такой интерес...
- К сандвичу?
- Ко мне! Я не сандвич! Что произошло?
- Вы поступили на работу.
- Вам не нравится моя работа? Или я?
- Флетчер, что бы вы подумали о журналистке, которая очень уж сближается с пресс-секретарем кандидата в президенты, чью предвыборную кампанию она освещает?
- Ах, вот оно что.
- Какого вы были бы о ней мнения?
- Не слишком высокого.
- То-то и оно.
- Но на вершине очень уж одиноко.

- Вот видите, мы уже нащупали точки соприкосновения.
- Я увольняюсь! Немедленно! Я как раз искал предлог.
- И какой же предлог вы нашли?
- Перевод еды, естественно. Нельзя же выбрасывать такой хороший сэндвич. Подумайте о голодающих детях с Беверли-Хиллз, которым нечего есть, кроме сладких овсяных хлопьев.
- Спокойной ночи, Флетч. Приятных сновидений.
- Ах ты...

Флетч съел один сэндвич, потом второй, вышил бутылку молока.

Телефон звонил, не переставая. Речь губернатора Кэктона Уилера в Уинслоу заинтересовала журналистов со всего мира. Пережевывая ветчину, куриное мясо, хлеб, томатный соус, майонез и салат, Флетч втолковывал им, что никакого подтекста в речи нет, губернатор хотел сказать именно то, что они слышали.

Телефон звонил, когда Флетч принимал душ. Когда надевал ботинки, рубашку, пиджак. Когда вышел в коридор, закрыв за собой дверь номера.

ГЛАВА 16

Флетч оглядел бар: пьющие в одиночку бизнесмены, говорливые шоферы-дальнобойщики да несколько горожан, невесть за чем забредших в мотель.

— А где все? — Знакомые лица в баре он мог пересчитать по пальцам одной руки.

— Наверное, сидят по номерам, — предположил Билл Дикманн. — Бетси в клубе «4 Эйч», собачонкой бегаёт за Уолшем.

Подошел доктор Том. Поставил черный саквояж на стойку рядом с локтем Флетча.

— А вот и доктор. — Флетч широко улыбнулся.

— Лучшее предоплатное обслуживание. Если у вас нет температуры, когда появляется доктор Том, она обязательно будет к его уходу. Полезно для бизнеса, не так ли, доктор Том?

— Журналисты, — вздохнул доктор Том. — Если хоть один журналист скажет обо мне доброе слово, я готов принять двойную долю слабительного.

— Похоже, вы ее уже приняли, — ввернул Билл Дикманн.

— Все журналисты рождаются с хроническим поносом. Это медицинский факт, — доверительно сообщил доктор Том Флетчу. — Двойное шотландское, без льда. — Последнее предназначалось бармену.

— Я тоже журналист, — заметил Флетч.

— Насколько мне известно, вы сменили профессию до того, как пришли сюда.

✕ Мистер Флетчер? — Справа от него возникла женщина.

— Да? — Флетч повернулся к ней.

— Вы — мистер Флетчер?

— Да. Но вы можете называть меня мистер Джонс.

— Я — Джуди Надич. Из «Фармингдейл ньюз».

— Вы пишете отличные статьи.— Флетч рассмеялся.— Я в этом уверен.

Заулыбалась и Джуди.

— Вам понравился мой последний материал? О том, как чинить треснувшие чашки?

— Отличная работа. Прочитал несколько раз.

— Я знала, что эта заметка привлечет внимание.

— Естественно. У кого нет дома треснувших чашек?

— Вы знаете, я хотела взять интервью у Дорис Уилер.

— Полагаю, с этим вам нужно обратиться к мисс Салливан.

— Я обращалась и получила отказ.

— Почему?

— Она говорит, что день миссис Уилер расписан по минутам и выкроить даже полчаса для интервью невозможно. То есть дала понять, что читатели «Фармингдейл ньюз» не стоят и полчаса времени миссис Уилер. Она, разумеется, права. Но мне это интервью очень нужно.

— Конечно.— Флетч отметил, что Джуди очень мила. Несмотря на забранные в пучок каштановые волосы, толстый свитер, юбку из грубого материала, плотные колготки и туфли на каучуковой подошве.— Так что вы хотите от меня?

— Организуйте мне интервью с миссис Уилер. В обмен возьмите мое тело.

— Чистый бартер. Око за зуб.

— Примерно так.

— Я еще не встречался с мисс Салливан. Никогда не видел ее.

— Попытаться-то вы можете.

— Вы хотите, чтобы я ей позвонил?

— Пожалуйста. Она в номере 940.

— Вас устроит сопровождение?

— Что-что?

— Вы будете сопровождать миссис Уилер час или два, понимаете? Находиться рядом с ней. Вы не будете брать у нее интервью. Но сможете написать о том, что она делала и говорила другим людям. «Час в жизни Дорис Уилер». Если постараться, получится хорошее чтение.

— Конечно. Я согласна.

— Отлично. Я позвоню мисс Салливан. Постерегите мое пиво.

Под ухом бубнил доктор Том:

— ...журналисты — единственная категория людей, которых просят не оставлять своих останков науке. Экспериментально установлено, что сердца у журналистов очень маленькие и пересаживать их можно только мышкам-полевкам.

— Не позволяйте им сойтись в рукопашной, хорошо? — попросил Флетч Джуди.

— Не беспокойтесь.— Она забралась на стул Флетча.— Готова поспорить, уважаемые господа, что вы не знаете, как починить треснувшую чашку...

— Мисс Салливан? Это Флетчер.

— Что вам нужно? — Голос удивительно низкий, чуть ли не бас.

- Добрый вечер. Мы еще не встречались.
- Вот и хорошо. Пусть так будет и дальше.
- Как? — деланно изумился Флетчер. — А где же командная солидарность? Или мы гребем в разные стороны?
- Ближе к делу.
- Даже сотрудничества не получится?
- Получится. Но вы оставайтесь по вашу сторону забора, а я — по свою. Идет?
- Не идет. Ко мне обратилась юная дама, репортер из «Фармингдейл ньюз». Завтрашнее утро она проведет с миссис Уилер. Рядом, не более того.
- Только через мой труп.
- Это можно устроить.
- Кому нужна эта бестолковая провинциалка? И кто вы такой, чтобы планировать контакты Дорис?
- На завтра я выписываю ей журналистский пропуск. На сопровождение Дорис Уилер. Плюс фотографии. Если вам это не нравится, засуньте его себе в нос.
- Идите к черту, Флетчер.
- Едва ли я составлю вам компанию в аду, дорогая.

Доктор Том и Билл Дикманн ушли из бара. Джуди Надич дожидаясь его над пустой кружкой из-под пива.

- Что случилось с моим пивом? — полюбопытствовал Флетч.
- Я его выпила.
- Пиво хорошее?
- Нет.

Он протянул ей журналистский пропуск, который заполнил и подписал, поднявшись в свой номер.

- Держите. Завтрашнее утро вы проведете, сопровождая миссис Уилер. Только не путайтесь у нее под ногами.
- Благодарю. — Джуди с сомнением смотрела на квадрат плотной бумаги. — Мисс Салливан не возражала?
- А с чего ей возражать? Миссис Уилер только порадует ваше присутствие.

Шустрик Грасселли поднялся из-за столика в дальнем углу и подошел к Флетчу.

- Когда мне отдать вам свое тело? — спросила Джуди. — Сейчас?
- В каком мы городе?
- В Фармингдейле, где же еще.
- Когда я окажусь здесь в следующий раз.
- Вы меня отвергаете?
- Нет, нет. Просто я не верю в предоплату.
- Мистер Флетчер, могу я угостить вас пивом? — подал голос Шустрик.
- Конечно. Надеюсь, следующая кружка будет лучше предыдущей. Джуди не понравилось пиво, которое принесли мне в прошлый раз.

— Почему вас зовут Шустрик?

Шустрик Грасселли и Флетч взяли по кружке пива и проследо-

вали к столику Шустрика в дальнем конце бара. Джуди Надич, подхватив свою объемистую сумку, упорхнула, чтобы подготовиться к завтрашней встрече с Дорис Уилер.

— Так меня прозвали на ринге.

— За быстрый удар?

— Не уверен. Репортеры всегда подкалывали меня. Их интересуют только сведения об Уилерах. Но я им ничего не говорю, перевозжу разговор на далекое прошлое.

— А о чем они вас спрашивают?

— Сами знаете, о жизни губернатора. — Шустрик посмотрел Флетчу в глаза. — Его исчезновения.

Флетч понял, что от него ждут очевидного вопроса.

— Он исчезает? Что значит, исчезает?

— Его поездки на рыбалку. Так их иногда называли. Но ловить рыбу он не умеет. Тогда стали говорить, что он ездит на охоту. Но губернатор не смог бы подстрелить кролика, даже если бы умирал с голода. Вы понимаете. — Шустрик улыбнулся. — Поездки губернатора с проститутками. Оргии, которые он устраивает по уик-эндам. Пьяные загулы. В тайных притонах.

По спине Флетча пробежал холодок.

— О чем вы говорите?

— Все это знают. — Шустрик продолжал улыбаться. — Вся пресса. Его запои. Контакты с мафией. Женщин, которые та представляет ему по первому требованию. Он исчезает на несколько дней кряду. Это всем известно. Я ездю с ним.

— Губернатор не может просто исчезнуть.

— Он может. И на посту губернатора. И в бытность конгрессменом. Всегда исчезал. На несколько дней.

— Чепуха. Не может губернатор исчезнуть. Держать его под наблюдением — суший пустяк.

— Просто невозможно. Он об этом заботится. Я — тоже. Суть в том, что никто не знает, когда это случится. Ночью, в два или три часа утра, он звонит мне в мою комнату над гаражом и говорит: «Пора, Шустрик». Я отвечаю: «Да, сэр», — и подгоняю машину к черному ходу, где он меня уже ждет. Однажды он ушел с совещания попечителей университета, вроде бы в туалет. А сам сел в машину и сказал мне: «Пора, Шустрик». Я всегда знаю, что это значит.

— И пресса знает?

— Это великая неопубликованная сенсация. Они не решаются написать хоть строчку, потому что не знают, о чем писать. Доказательств ни у кого нет. Никому не известно, куда он ездит и что там делает. Знаю только я. — Шустрик отпил пива.

— А мне позволительно спросить?

— У губернатора была подруга, еще до того, как он женился. Барбара... фамилии не помню. Модельер то ли по шляпам, то ли по одежде. Тот коттедж она получила в наследство. От отца. Когда-то давно они ездили туда вместе, молодыми, он еще учился на юридическом факультете. Она умерла. Коттедж оставила ему. Они знали, что она должна умереть. Рак. О том, что коттедж принадлежит ему, никому не известно. Самый большой его секрет.

— Значит, исчезая, он объявляется в коттедже? Один?

— С ним еду я. Я знаю все дороги, даже проселочные. Ведущие на север, юг, запад, восток. Я могу проехать по ним даже с завязанными глазами. И еще никому не удавалось проследить за мной.

— Вы говорите о коттедже, построенном лет тридцать тому назад?

— Раньше. Гораздо раньше. Дом гниет. Разваливается. По комнатам гуляет ветер. Там холодно, сыро. Я стараюсь хоть как-то подновить его. Он ничего не замечает. Крыша течет. Камин коптит. Трубы проржавели. Воду я ношу ведрами с озера. Дом не ремонтировали уже добрых тридцать лет. Что я могу сделать один? Ничего не умею. Вырос-то в городе.

Флетч молча смотрел на шофера—телохранителя губернатора. Шустрик наклонился вперед.

— И вы знаете, что он делает в коттедже? Никаких шлюх, никакой выпивки. Не говоря уж о гангстерах. Только я. И фотография этой девушки, Барбары, на комодке в спальне.

— Она красавица?

— Ничего особенного. Милая. С приятной улыбкой.

— И чем он занимается?

— Ложится в постель. Спит. Спит и спит. Забирается в постель, едва войдя в дом. Кровать там большая, мягкая, но белье отсыревает. Он этого не замечает. Он спит пятнадцать-шестнадцать часов. Когда просыпается, я приношу ему еду. Бифштекс и яичницу. Всегда бифштекс и яичницу. Там есть телефон, по-прежнему записанный на фамилию Барбары, хотя она тридцать лет, как умерла. Телефонной компании-то все равно. Лишь бы оплачивались счета. Он звонит своей секретарше, вице-губернатору, жене, Уолшу. Решает какие-то вопросы. Затем вновь засыпает. Не ходит гулять. Не тратит энергию. Он, как медведь. Впадает в спячку на несколько дней. За те годы, что я провел с ним, он ни разу не спустился к озеру. Вне коттеджа его можно увидеть лишь когда он выходит из машины или садится в нее, а приезжаем и уезжаем мы обычно в темноте. Думаю, он даже не представляет себе, что это за лачуга.

— Шустрик, он принимает таблетки, чтобы так долго спать?

— Нет. Бифштекс и яичница. Вода из озера. В коттедже я не видел даже аспирина. Он просто спит. Сначала шестнадцать, пятнадцать часов. Потом восемь. Затем двенадцать. Там есть старые книжки. Эллери Куин. Ван Дайн. Иногда он читает в постели. Но до конца обычно не дочитывает.

— И даже его жена не знает об этом коттедже?

— Никто не знает.

— Но он же говорит, где находится, когда звонит им?

— Не говорит. Он это делает с давних пор. Я знаю, что они думают. Что он с какой-то женщиной. В некотором роде так оно и есть. Те, кто интересуется местопребыванием губернатора, получают стандартный ответ. Он в отъезде. По личным делам. Большинство журналистов отдало бы руку, чтобы узнать, где находится губернатор. Чего мне только за это не предлагали.

— Это уж точно.

— А пока они ничего не знают, им не о чем и писать, так?

— Так. Джеймс знает об этих поездках?

— Нет. Иной раз он закатывал такие скандалы. Орал на губернатора. Он полагал, что отлучки эти потенциально опасны. «Когда-нибудь тебя поймут, Кэксон, — говорил он, — и оболют грязью так, что отмыться уже не удастся».

— И что отвечал на это губернатор?

— Ничего. Джеймсу, кстати, ума хватает. Чего он только не делал, чтобы узнать у меня, куда же ездит губернатор. Мне известно немного, мистер Флетчер, но, что я знаю, я держу при себе.

— Шустрик, а с чего такая секретность? Сон — совершенно безобидное занятие...

— Не знаю. Может, эти поездки показывают, что он всего лишь человек? Что запасы его энергии не безграничны. Что ему нужен сон. Может, он этого стыдится. Может, причиной всему та женщина. Хотя она давно умерла.

— А может, губернатора влечет все необычное.

— Он ездит туда с давних пор. Ездил до того, как мы познакомились. Может, так и рождаются секреты? Сначала ты ничего не говоришь, а потом выясняется, что ты не можешь ничего сказать. Или старику нравится дурить всем голову. Пусть все думают, что он пьянствует с бабами, когда на самом деле он спит в мягкой постели у озера. Спит, как младенец. Перечитывает одни и те же книги, никогда не доходя до последней страницы.

— И что потом?

— Через три, четыре, иногда пять дней он встает, одевается, говорит: «Пора домой, Шустрик». Мы садимся в машину и возвращаемся в особняк.

Он никогда не говорит, где был.

Говорит, что уезжал. Только однажды произошло ЧП. Кажется, надо было за что-то голосовать. Наверное, его расчеты не оправдались, какие-то события накатились быстрее, чем он предполагал. И нам пришлось вернуться раньше обычного.

— Часто он уезжает?

— Три, четыре раза в год.

— Вам такая поездка — зеленая тоска.

— О, нет. Мне нравится смотреть на озеро. Я держу там свитера, толстую куртку. Там так тихо. Я беседую с птичками. Чирикаю в ответ. Знаете, если захотеть, с птицами можно разговаривать. Хотя бы пытаться. И мне нравится помогать бурундукам.

Флетч вскинул глаза на здоровяка экс-боксера.

— И как же вы помогаете бурундукам?

— Коттедж разваливается на глазах. Бурундуки роют норы под фундаментом. А камни из фундамента вываливаются, блокируя выходы из нор. Я убираю камни. Собираю орехи и кладу их у нор. Мне искать орехи проще, чем им. Я могу принести больше орехов, — говорил Шустрик совершенно искренне.

— Это понятно. Но благодарят ли они вас?

— Думаю, что да. Во всяком случае, орехи они утаскивают. Да и почему мне им не помочь? Я сильнее их.

- Конечно.
- Больше там делать особенно нечего.
- Не понимаю, как ему это сходило с рук столько лет. Как ему удавалось ничего не объяснять ни Дорис, ни Уолшу?
- А что тут удивительного? Ему же во всем сопутствует успех. Он уже кандидат в президенты. Чего еще можно желать? Они с этим смирились. Иной раз даже говорят мне, чтобы я присматривал за ним в эти отлучки. Они, конечно, не потеряли надежды узнать, где он скрывается. Но я молчу. Одному Богу известно, что они думают. Конечно, они волнуются. Но губернатор живет, как в стеклянной клетке. Имеет же он право на уединение.
- Получается, полностью он никому не доверяет.
- Он имеет на это право.
- Шустрик, если бы губернатор пьянствовал с бабами, вы бы не возражали?
- Не знаю. Наверное, нет. Зачем? Женщины нравятся мне больше бурундуков.
- Сказали бы вы правду?
- Глаза Шустрика сузились.
- Я бы молчал и об этом. Я считаю, что каждый должен стравливать пар, как ему этого хочется. Каждому нужно время, чтобы побыть с собой. Я вот иду в свою комнату над гаражом и делаю все, что мне вздумается. Правда, я никогда не привожу туда женщин. В губернаторский особняк. А в остальном могу делать все, что хочу. А губернатор постоянно в стеклянной клетке. За исключением тех дней у озера. Там он наедине с собой. И не принадлежит никому.
- Шустрик, а наркотики не имеют никакого отношения к этим поездкам?
- Абсолютно никакого. Он даже не пьет кофе. Заявись в коттедж доктор Том с его черным саквояжем, я бы выставил его за порог до того, как он успел бы оскорбить меня.
- Однако быстро.
- Доктор Том — оскорбление рода человеческого.
- А в последнее время он этого не делал? Не исчезал?
- Нет. — Шустрик нахмурился. — После начала избирательной кампании — нет. Последний раз мы уехали туда за день до Рождества. Вернулись перед Новым годом.
- Ясно. Теперь, Шустрик, главный вопрос.
- Шустрик, однако, как понял Флетч по выражению его лица, понятия не имел, о чем его сейчас спросят.
- Почему вы мне это рассказали?
- Потому, что меня попросил губернатор.
- Я так и думал. Но почему? Почему он попросил вас об этом?
- Шустрик пожал плечами.
- Не знаю. Но догадываюсь.
- Так о чем вы догадываетесь?
- Он знает, что вы любите доктора Тома с его черным саквояжем не больше моего. Я слышал, Уолш говорил ему об этом.

Флетч покачал головой.

— Получается, я знаю то, чего не знает Уолш. Как такое возможно?

— Видите ли, мистер Флетчер, окружение губернатора не очень-то думает о нем, пока он двигается, ходит, говорит, остается Кэктоном Уилером, шагает от победы к победе. В том числе его жена и сын. Они напоминают мне футбольную команду. Работают, как единый, тщательно отлаженный механизм, похлопывают друг друга по плечам и так далее. Если кто-то из них ломает себе спину, вроде Джеймса или того парня, что погиб сегодня, Виктора, как его там, они скоренько выясняют, как играть без него. И забывают даже думать о нем. Ворота стоят на поле, и цель у них одна — забить в них мяч. Другой цели нет. А губернатор и есть этот мяч. По нему бьют ногами, бросают его на землю, дерутся из-за него. А он остается мячом. — Шустрик покачал головой. — Давно вы в команде губернатора? Уже двадцать четыре часа? И губернатор захотел, чтобы вы узнали о его отлучках. Я понятия не имею, какими таблетками кормит его доктор Том. Но он хочет показать вам, что с ним все в порядке.

— Я не уверен, что вы правы насчет Уолша.

— В том, что губернатор ему безразличен? — Шустрик откинулся на спинку стула. — Нет, конечно. Он отца обожает. Отец для него — чудо из чудес. — Шустрик рассмеялся. — По-моему, губернатор хочет, чтобы сын думал, будто он сжигает лишнюю энергию с женщинами. Готов спорить. Уолш придет в ужас, если узнает, что старик просто спит в старом коттедже. Вы меня понимаете?

— Нагрузки у него большие.

— Да, и старик нашел способ справляться с ними. Представляете себе, что произойдет, если кто-нибудь напишет, что он уезжает отсыпаться? О Боже, да его карьера будет загублена. Пусть уж лучше все думают, что он участвует в оргиях, тем более что доказательств ни у кого нет.

— Ну, ну, — Флетч покачал головой. — Отец говорил мне, что в баре можно узнать много интересного, если внимательно слушать.

Уолш сунул голову в дверь, оглядел зал, но не вошел.

— Губернатор хочет, чтобы я знал, что никакой он не наркоман, а просто соня. Так?

Шустрик пожал плечами.

— Губернатор умный человек. А у меня мозгов нет. И не было. Но я знаю, что все будет хорошо, если я буду во всем слушаться его.

— Что он просил рассказать мне о миссис Уилер?

— Ничего.

Флетч отпил пива.

— А что вы можете сказать мне о миссис Уилер?

— Ничего. Женщина она жесткая, умная. Со стальным характером.

— Умнее губернатора?

— Да.

— Сегодня она орала на губернатора.

- Я не слышал. Был в ванной.
- Вы специально ушли в ванную.
- Да, — признался Шустрик.
- Какой же в этом ум? Она просто сорвалась.
- Миссис Уилер позволяет себе такое не один год. Возможно, сегодня она говорила по делу. Я ее не слышал.
- Вам пришлось приложить немало усилий, чтобы не услышать ее.
- Это моя работа. Она использует свой язык, как хлыст. Счет Уолша, кричит на губернатора, называет меня гунном.
- Не только язык, Шустрик. Руки тоже.
- Знаете, нельзя стать кандидатом в президенты, просто стоя под дождем. Кто-то должен толкать тебя, и толкать сильно. Видите ли, я знаю главную тайну губернатора — он хороший человек. Если б не она, губернатор впал бы в спячку давным-давно. Читал бы детективы. Играл с детьми. Вы понимаете, о чем я говорю?
- Что в этом плохого?
- Кто-то ведь должен стать президентом Соединенных Штатов? — бесхитростно ответил Шустрик. — Почему не умный, честный, хороший человек, такой, как Кэктон Уилер?

ГЛАВА 17

— Я составил, ксерокопировал и разнес список завтрашних мероприятий, — доложил Флетч. — Передал журналистам три специальных пресс-релиза, подготовленных Нолтингом и Добсоном. Ты их видел. О положении в Центральной Америке, об использовании природных ресурсов резерваций, об экономике России. Я также подкинул им неплохую тему для статьи.

— Какую же? — спросил Уолш.

Они сидели в его номере на двенадцатом этаже, за маленьким столиком у торшера.

— Рассказал им, как твой папаша давал тебе карманные деньги. Они исчезали из его рук, а потом ты находил их в кармане, башмаке или ушной раковине. Нормально?

— Нормально, — кивнул Уолш.

— Я хотел как-то сгладить инцидент в школе. Внушал журналистам, что к тем детям губернатор относился точно так же, как и к собственному сыну.

— Понятно. — В голосе Уолша звучали нотки нетерпения.

— Помог местной журналистке получить разрешение провести утро с твоей матерью.

— Через Салли? — уточнил Уолш.

— Совершенно верно.

— Ты столкнулся с ней впервые?

— Да.

— Вот уж сука, так сука.

— Полностью с тобой согласен.

— Флетч, я думаю, завтра тебе тоже надо провести какое-то время с матерью. Познакомиться с ней поближе. Понять, что она за человек.

— Конечно, надо.

— Я это устрою.

— У меня постоянно звонит телефон, Уолш. Весь мир желает знать, кто нацелил губернатора на «Новую реальность».

— И что ты им отвечаешь?

— Я говорю каждому, что речь в Уинслоу — плод многолетних раздумий кандидата.

— Это так? — резко спросил Уолш.

— Уолш...

— Так кто все-таки натолкнул его на эту мысль, Флетч?

— Я что-то сказал. Он спросил. Возможно, мои слова оказались той затравкой, на которой выкристаллизовалась речь. Утром, в автобусе. Твой отец заинтересовался моим мнением. Кандидат в президенты. Такое в моей жизни случилось впервые.

— Тебе это польстило.

— Естественно. Разумеется, у меня не было времени продумать идею до конца.

— Ты не спичрайтер*.

— А что я мог сделать?

— Спичрайтеры несут ответственность за каждое слово, что слетает с языка кандидата.

— Тем не менее, Уолш, не прошло и двух часов после нашего разговора, как твой папаша выступил в Уинслоу с блестящей речью, развив одну-две высказанных мною идеи...

— Он злился на эту бабку из Конгресса. Злился на прессу, выставившую его чуть ли не растлителем малолетних. Вот он и нанес ответный удар. Мы... наверное, я слишком уж надавил на него, требуя чего-то существенного, лишь бы попасть в вечерние выпуски новостей.

— А я полагаю, что речь удалась.

— Еще бы. Ты же попал в творцы истории. На вопрос: «Почему Кэкстон Уилер не стал президентом Соединенных Штатов?» — твои правнуки смогут прочитать в книжке следующий ответ: «Потому, что в Уинслоу, в снегопад, выступил с неудачной речью, критикуя христианство и демократию».

— Слушай, Уолш, может, я это делаю подсознательно, как только оказываюсь рядом с начальством? Любим начальством. Сразу начинаю закладывать мины. Твой отец — единственный начальник, который мне понравился. Я бы не хотел ставить под угрозу его карьеру.

— Эдипов комплекс. Ты об этом?

— Возможно. Я по натуре бунтарь. Никогда не ладил с начальством. Ты это знаешь не хуже меня. Ты помнишь холм 1918-го. А я помню, что щедро снабдил весь взвод марихуаной, дабы, накурившись, мы не могли участвовать в более ранней операции. Я знал, что нас отправят на смерть.

— Ты был прав.

— А тебя чуть не отдали под трибунал.

— Взвод все равно расчехвостили.

* Спичрайтерами (дословно «пишущие речи») называют авторов речей, с которыми выступают кандидаты.

— Слушай, Уолш, я репортер. А не пай-мальчик. И мне чертовски противно говорить этим журналистам, что мне нравятся их статьи, когда они двух слов связать не могут.

Уолш вглядывался в темноту, окружающую пятно света, отбрасываемое торшером.

— Может, мне собрать вещи и ускакать вечерней лошастью?

— А зачем ты привел ко мне Бетси Гинзберг?

— Чтобы вы поздоровались.

Уолш покачал головой.

— Вот что еще, Уолш,— продолжил Флетч.— Дама, с которой я познакомился задолго до этой предвыборной кампании, сегодня отказалась поужинать со мной из-за моей работы. Из-за того, что я — пресс-секретарь. Как ты борешься с изляпией, Уолш?

— Флетч, я думаю, что пока о сексе надо забыть.

— Я могу от этого заболеть.

— Болей на здоровье.

— Другая дама предложила мне свое тело в обмен на интервью с твоей матерью.

— Ты согласился?

— Разумеется, нет.

— Видишь? Ты уже болен.

— Может, мне лучше уехать, Уолш?

Уолш уставился на полированную поверхность стола.

— Ты лишь давал отцу монеты. Детей он одаривал сам. Некоторых детей. Ты лишь поделился с ним своими мыслями. А речь произносил не ты.

Флетч потянулся.

— Может, этим мне и нравится твой отец. У него тоже мятежная натура. Он ищет истину. И доносит до людей то, что считает нужным. Кстати, мне позвонил Джеймс. Он в Айове, на похоронах Вика Роббинса.

— Мерзавец. Он поехал туда в надежде, что Аптон возьмет его в свою команду.

— Я тоже подумал об этом.

— Сомнений тут быть не может.

— Он долго говорил со мной. Давал советы. Отвечал на вопросы.

— Небось сказал, что любит отца больше, чем себя. Отвечал на вопросы. Готов на все, лишь бы помочь ему. Предложил звонить в любое время. Я прав?

— Абсолютно.

— Плохо ли ему быть в курсе наших дел. Больше не говори с ним.

— Но я думаю, что он сказал правду. Двадцать три года...

— Ничего не значит.

— Возможно, но...

Уолш махнул рукой, отсекая возражения.

— Он стремился опорочить мою мать. Такое не прощается. Нельзя заявлять о верности моему отцу, предвыборной кампании и подкладывать матери такую свинью.

— Он трактует случившееся иначе.

— Тебе хочется, чтобы Джеймс получил прежнюю работу? Твою работу?

— Наверное, это невозможно.

— Невозможно. Этот подонок сам вырыл себе яму. Ошибки бывают и в нашем деле. Ничто человеческое нам не чуждо. Но, если ты пошел войной на жену кандидата, в избирательной кампании тебе места нет.

— Уолш, послушай меня.

— Я слушаю.

— Он говорит, что характер твоей матери становится все хуже. Это начинают замечать люди, журналисты...

Уолш покачал головой, показывая, что не согласен с таким выводом.

— Когда одновременно говорят десять человек, кому-то приходится кричать.

— Эта сцена в спальне твоего отца...

— Ерунда, мама просто стравила пар. Слишком уж велико напряжение. — Флетч всматривался в глаза Уолша. — Разве она причинила хоть какой-то урон? Люди узнали, что кандидат смотрит фильмы Арчи Банкера. Это и хорошо. Всем ясно, что ничто человеческое ему не чуждо.

— Не чуждо, Уолш?

— Естественно.

— Но только Шустрик Грасселли знает, насколько не чуждо, так?

Уолш коротко глянул на Флетча.

— Я вижу, репортеры пристали к тебе с вопросами об отлучках отца. Мне следовало предупредить тебя.

— Ты знаешь, куда он ездит, Уолш?

— Конечно. В один уединенный дом. Принадлежащий приятелю. Приезжает туда, ловит рыбу, отдыхает, читает исторические романы. Вырабатывает политическую стратегию.

— Откуда тебе это известно?

— Он сам сказал мне. Номер телефона не дает никому. Звонит нам сам. Мы его не беспокоим. Он не хочет, чтобы репортеры прознали об этом. Я его понимаю.

— Кто этот приятель?

— Его сокурсник по юридическому факультету. Адвокат.

Зазвонил телефон.

Уолш схватил трубку.

— Слушаю... Уже иду. — Он положил трубку, поднялся. — Мать.

Флетч остался в кресле.

— Когда ты спишь, Уолш? — спросил он.

— Отосплюсь в Белом доме, — ответил тот.

ГЛАВА 18

Флетч вышел из лифта на пятом этаже и зашагал к своему номеру. В коридоре увидел человека. Стоящего спиной к лифту. Правой рукой человек опирался о стену. Левой держался за голову. Флетч подошел к нему.

— Билл?

Глаза Билла Дикманна застилала пелена. Флетча он не узнавал. Возможно, даже не догадывался, что к нему обращаются.

— Билл...

Колени Дикманна подогнулись. Флетч не успел подхватить его. Все произошло слишком внезапно. Многовечие спустя Билл Дикманн лежал на полу без сознания. С его лица исчезла гримаса боли.

В кармане пиджака Дикманна Флетч нашел ключ от номера 916.

Весил Дикманн немало. Но Флетч дотащил его до служебного лифта.

Когда раскрылись двери, перед Флетчем возник Эндрю Эсти. В пальто со значком «Госпел дейли». В одной руке Эсти держал чемодан, в другой — портативную пишущую машинку.

— Я думал, вы покинули нас, мистер Эсти.— Войдя в лифт, Флетч нажал кнопку с цифрой «9».

— Мне приказали вернуться.

Эсти как бы и не замечал Дикманна, навалившегося на спину Флетча.

— Я рад, что вы вернулись.

— Я особой радости не испытываю,— сухо ответил Эсти.

— Но кто-то должен делать эту работу.

— Неужели вы думаете, что мы могли оставить наших читателей в неведении, когда развернута антиамериканская, антихристианская кампания?

Лифт остановился. Двери раскрылись.

— Мы на девятом этаже?

Эсти кивнул.

— Тогда нам пора.— И, сгибаясь под тяжестью Дикманна, двинулся к номеру 916.

В номере Флетч уложил Дикманна на кровать. Взялся за телефонную трубку.

— Что вы делаете? — остановил его голос Дикманна.

Журналист открыл глаза, озираясь по сторонам, не понимая, как оказался на кровати.

— Звоню доктору Тому.

— Как вы оказались в моем номере?

— Вы отключились, Билл. На пятом этаже. Упали в обморок.

— Положите трубку на место.

Телефонистка на коммутаторе еще не ответила Флетчу.

— Может, не стоит?

— Положите трубку.

Флетч подчинился.

— А теперь убирайтесь отсюда.

— Вы могли бы поблагодарить меня, Билл. Все-таки я притащил вас сюда на собственном горбу.

— Благодарю.

— Билл, я вам не жена, босс, брат, друг... и так далее.

— И что?

— Билл, у вас что-то не в порядке с головой. Я видел, как вы пытались отвернуть ее. Возможно, завтра это удастся.

— Вам до этого нет никакого дела. — Билл сел, опустил ноги на пол, обхватил голову руками.

— Ваше недомогание — не такой уж секрет, Билл. Доктор Том, конечно, не подарок, но он не станет с утра звонить вашему редактору, чтобы доложить о состоянии вашего здоровья. Доктора по-прежнему хранят врачебные тайны, даже доктор Том.

Дикманн вроде бы слушал, а потому Флетч продолжил.

— Представьте себе, что вы сумели отвернуть голову. Подумайте, какое это будет отвратительное зрелище. Вы идете, держите голову в руках на уровне живота. Кровь хлещет из шеи и пачкает костюм. Что будет с дамами? Вы хотите, чтобы такое увидела Фенелла Бейкер? Да у нее со щек облетит вся пудра.

— Уходите, Флетч. Пожалуйста. — Дикманн не отрывал рук от головы. — Беспокойтесь о ком-нибудь еще. Об Айре Лейптоне. У него проблемы посерьезней моих.

— А какие у него проблемы?

— Вот у него и спросите.

— Тут вы правы. Но, Билл, вы только что потеряли сознание. Оказавшись не на своем этаже. Вы себя не контролировали, не отдавали отчета, что делаете. Перед тем, как упасть на пол, вы не узнали меня.

— Ладно, ладно. И что мне теперь прикажете делать?

— Обратитесь к врачу. Избирательная кампания не стоит вашей жизни, Билл. Надеюсь, вы это понимаете?

— Я в полном порядке.

— В таком же порядке, как и снеговик четвертого июля.

— Оставьте меня.

— Хорошо. Если вы того желаете. — У двери Флетч обернулся. — Вы уверены, что я ничем не могу вам помочь?

— Можете.

— Чем же?

— Скажите, на того ли я поставил кандидата? Кто выиграет эти чертовы праймеры?

— Я не ясновидящий, Билл.

— Тогда пользы от вас для меня ноль.

— Но я могу сказать вам, что это первичные выборы. Не последние. Гонка только началась. Спокойной ночи, Билл.

ГЛАВА 19

— Доброе утро. Благодарю, — сказал Флетч в телефонную трубку.

Когда зазвонил телефон, он решил, что телефонистка коммутатора хочет напомнить ему, что уже половина седьмого.

— Вижу, вы уже проснулись, — густой голос кандидата.

Флетч взглянул на часы. Шесть двадцать.

— Доброе утро, — повторил он. Сел. Его плечи, грудь, живот покрывала пленка пота. Батарей жарили почем зря. А вечером, когда он ложился спать, ему показалось, что в номере холодно. И он даже взял из шкафа лишнее одеяло. Теперь-то одеяла не требовались.

— Вы, должно быть, привыкли подниматься рано.

- Правда?
- У меня сложилось такое впечатление.
- О, да,— не стал спорить Флетч.— Есть у меня такая привычка.
- Голова уже работает?
- Конечно. Загадайте мне загадку. Даже если знаете ответ.
- Послушайте, Флетч, я только что позвонил Лесингу Сэйеру. Предложил ему поехать со мной в больницу.
- В больницу?
- На утро у меня намечен визит в больницу Фармингдейла.
- Однако. Ну, конечно, сэр.
- Он может взять у меня интервью по пути. Я хочу, чтобы вы поехали с нами. Чтобы не вызывать кривотолков. Не могу же я общаться с прессой через вашу голову.
- Я понимаю.
- Мы отъезжаем в половине девятого. За руль сядет Шустрик.

— Да, сэр.

— Жду вас у входа в отель в половине девятого. Вы не спите?

— Наоборот. Бодр, как снеговик...

Флетч босиком прошлепал к двери, открыл ее, взял пачку газет, оставленную для него кем-то из добровольцев.

Сверху лежал номер «Ньюсбилл». С заголовком на первой полосе: «СМЕРТЬ УЧАСТВУЕТ В КАМПАНИИ УИЛERA».

Флетч просмотрел статью с многочисленными фотографиями, напечатанную на третьей странице.

«Фармингдейл. Кандидат в президенты и его помощники отказываются отвечать на вопросы, касающиеся двух молодых женщин, убитых в последние семь дней в тех городах, где находилась команда Уилера.

Вторую из них, Элис Элизабет Шилдз, двадцати восьми лет, нашли голой и избитой на тротуаре аккуратно под окнами «люкса» на седьмом этаже, в котором останавливался Уилер.

Помощники Уилера не пожелали даже сказать, что ничего не знают ни об этих женщинах, ни об убийствах...»

Написал статью Майкл Хэнреган.

— Ну, ну,— пробормотал Флетч.— Дамбу прорвало. Теперь кому-то пора братья за швабру.

ГЛАВА 20

— Нет, нет, яичницу не буду,— замахал руками Айра Лейпин. Он и Флетч сидели в кафетерии отеля.— Мой доктор предупреждает — холестерина в крови должно быть как можно меньше. И, разумеется, никакого кофе.— Лейпин заказал овсянку, гренки без масла и чай. Флетч — бифштекс, яичницу, апельсиновый сок и кофе.

— Как вам нравится избирательная кампания? — спросил Айра Лейпин Флетча.

- Постоянно преподносит сюрпризы.
- Какие же?

— Кэкстон Уилер умнее, чем я думал. Более честный. Более разумный.

— Разве вы его не знали?

— Нет.

— Были знакомы с его сыном?

— Да.

— Как теперь вы относитесь к прессе? Теперь вы видите нас со стороны.

— Тертые калачи. Без труда могут раздуть из мухи слона. Возьмите, к примеру, вчерашний случай в школе. Фокусы с монетами, которые показывал губернатор. Событие пустяковое, но раструбили на всю страну.

— Айра кивнул.

— Я сообщил об этом в редакцию. О значимости, правда, ничего не сказал. Оставил на их усмотрение.

— То есть редакторов, выпускающих номера...

— Такие-то пустячки зачастую и приобретают решающее значение... — Айра посыпал овсянку сахаром, щедро сдобрил сливками. Положил в чашку три ложки сахара, добавил сливок. Густо намазал гренки джемом. Принялся за еду. — Знаете, вы у нас барашек на закланье. Да, да. Вас бросили на съедение волкам. Мне. Нам. Вы удивлены? Ешьте бифштекс. Бифштекс на завтрак. Вы бы вогнали моего доктора в запой. Впрочем, сделать это не так уж и трудно. Он постоянно балансирует на грани. Мы на таком этапе предвыборной кампании, когда на вашем месте им нужен кто-то из молодых. Которому потом можно дать пинка под зад. Сгодился бы и Джеймс, но он подустал. И трюки его мы знали наперечет. Наскучил он нам. Вы молоды и, судя по разговорам, мыслите неординарно. Так оно и есть. О вас уже выдумывают истории. Переключают внимание с губернатора. Когда эти бестолковые, отнимающие столько времени и энергии праймеры закончатся, из вас сделают козла отпущения. Вам придется отвечать за все ошибки кампании. А потом они пригласят профессионалов. Вы думаете, я не знаю, что говорю? — Флетч слушал и ел, а потому не выразил должного изумления. — Один из них уже наготове. Вы слышали о Грэхеме Киндуэлле? Его уже взяли консультантом по контактам с прессой. Я готов поспорить на оставшийся кусок гренка, что Уилер разговаривал с ним этим утром. Может, даже дважды. Киндуэлл, хозяин большого вашингтонского кабинета, владелец крупной фирмы, специалист в информационных проблемах, можно ли желать лучшего претендента на пост пресс-секретаря президента Соединенных Штатов? Вы думаете, что попадете в Белый дом? Неужели вы так наивны? Я видел, как это делается. «Президентская кампания — крестовый поход любителей». Где он это взял? Кэкстон Уилер — любитель. Да он такой же любитель, как проститутка в Джорджтауне. А его жена — женщина-дракон. Она может выйти в финал любого соревнования. Даже по кетчу. Я подумал, что вам следует знать об этом.

— Благодарю, — достаточно бодро ответил Флетч. — Возможно, вы правы.

- А вы не возражаете против того, что вас используют?
- Используют всех. Все зависит от того, для какой цели.
- Идеализм, — скорчил гримасу Айра Лейпин. — Идеализм едет домой на автобусе. — Он вылил в чашку последние капли из чайника. — Меня тошнит. Послушайте, неужели вы пришли сюда, не зная, что в коридоре убили женщину?
- О чем вы? — удивился Флетч.
- Вы не слышали? Хорошим же вы были репортером. Ночью убили горничную. Задушили.
- В этом отеле?
- Да. Ее нашли повара. В четыре утра. В служебном лифте. Два дня тому назад женщину сбросили с крыши отеля, в котором мы останавливались. Не знаю, что и сказать. Мы продолжаем предвыборную кампанию, словно ничего не происходит... Что с вами? Теперь затошнило вас? Что случилось с вашим загаром? Вы так побледнели. Выпейте-ка кофе.
- Не хочу.
- Выпейте, выпейте. У вас такой вид, будто ваше сердце оторвалось и сейчас выкатится из ваших ботинок.
- Благодарю.
- Пейте, пейте. Я все равно не буду. Доктор говорит, что от кофе я начинаю нервничать.

ГЛАВА 21

- Вы не заболели, Флетч? — Бетси Гинзберг столкнулась с ним в вестибюле, на выходе из кафетерия.
- Нет.
- Вы такой бледный.
- Увидел карикатуру Пола Цера. — И действительно, Рой Филби показал ему карикатуру, когда они расплачивались с кассиршей. — Так как вам Уолш? Теперь, я понимаю, вы с ним знакомы.

Майкл Дж. Хэнреган прошествовал мимо них в кафетерий. То ли улыбнулся Флетчу, то ли скорчил гримасу, подняв руку с тремя растопыренными пальцами.

Флетч словно и не заметил его.

— А что вы думаете об Уолше? — задала Бетси встречный вопрос.

— Хладнокровный парень. Уверенный в себе, компетентный. Полностью контролирует ситуацию.

— Ну, не знаю, — повела плечами Бетси.

— Значит, он на вас не клюнул, — подвел итог Флетч. — Но вы подумайте, какая у него сейчас ответственная работа.

Из лифта появился кандидат. И тут же завладел всеобщим вниманием. С его лица не сходила улыбка.

Люди двинулись к нему, чтобы пожать руку. Некоторые с детьми. Засверкали фотовспышки. Шагая к двери, кандидат пожимал руки, выслушивал, что ему говорят, коротко отвечал.

Флетч пристроился рядом.

— Нам нужно поговорить. Наедине. Поскорее.

— Почему бы и нет. Что случилось?

— Айра Лейпин сказал мне, что убита еще одна женщина, — прошептал Флетч губернатору в ухо.

Перед тем, как выйти на улицу, губернатор повернулся к швейцару, чтобы поздороваться с ним за руку.

Широко улыбаясь, едва слышно процедил сквозь зубы: «Каждый час в Соединенных Штатах убивают двух человек, Флетч. Вам это известно?»

— Надо поговорить.

— Поговорим обязательно.

ГЛАВА 22

— Ага! — Выражение участливости, утешения сползло с лица губернатора, как только он увидел, что в палате нет никого, кроме Ай-эм Флетчера. Дверь за губернатором закрылась. — С чем вы попали в больницу?

— Тревога, — ответил Флетч. — Острая.

— Я уверен, что в самое ближайшее время вы поправитесь и вернетесь домой.

Пока губернатор обходил основные отделения больницы — родильное, общей хирургии, детское (в отделения интенсивной терапии и геронтологическое его не повели), Флетч договорился с администратором, что губернатора пригласят в одну из пустых палат. Предлогом послужило желание губернатора позвонить по телефону.

— Так что вас тревожит? — уже более серьезным тоном спросил губернатор. — Что-то случилось?

— Хэнреган опубликовал статью в «Ньюсбилл». — Флетч достал из внутреннего кармана пиджака первую страницу с заголовком и две другие с текстом. — Я хочу, чтобы вы посмотрели, как это выглядит на бумаге.

Стоя у окна, губернатор просмотрел статью.

— И что? Кто поверит «Ньюсбилл»? Однажды они написали, что с Дорис у меня второй брак. А первый раз я женился в университете.

— Боюсь, что теперь от Хэнрегана просто так не отделаешься. Обратите внимание на третий абзац.

Губернатор прочел вслух.

— «Помощники Уилера не пожелали даже сказать, что они ничего не знают ни об этих женщинах, ни об убийствах...» — Он протянул газету Флетчу. — Как можно что-либо говорить о том, чего не знаешь?

— Плюс ко всему этой ночью в отеле убили женщину. Горничную. Так сказал мне Айра Лейпин. Между прочим, вам известно, что жену Лейпина убили?

— И теперь он убивает других женщин?

— Возможно. Кто-то же это делает.

Губернатор прошелся по палате, вернулся к окну.

— Вы полагаете, кто-то нацелился на меня?

— Вот об этом я не задумывался.

— Так подумайте. Какова конечная цель этих убийств? Поставить мою избирательную кампанию на колени.

— Напряжение, конечно, возрастет...

— Избавиться от меня, поставить перед избирателем большой знак вопроса, другого мотива я не вижу.— Губернатор пожал плечами.— А может, дело рук какого-то параноика. Вам представляется, что убийца едет вместе с нами?

— Печальное известие, не так ли? Именно поэтому нас сопровождает Фредерика Эрбатнот, криминальный репортер «Ньюсуорлд». Она не так падка на сенсации, как Хэнреган, но теперь ей придется что-то написать.

— Пожалуй, надо попросить Нолтинга подготовить специальное заявление касательно разгула преступности в стране. Теперь-то я могу сказать, что убивают везде, где я появляюсь.

— Губернатор...— Флетч загнулся.

— Да?

— Я все понимаю. Вы должны защищать себя. Избирательную кампанию. Но ваши заявления не приблизят нас к решению главной проблемы.

— А что еще мы можем сделать? До праймери два дня.

— Самое лучшее — выяснить, кто убил этих женщин.

— Но как? Мы постоянно в пути, переезжаем с места на место. Сколько людей сопровождает нас? Человек пятьдесят — шестьдесят? Кто пытается подрубить под корень мою избирательную кампанию? И аккуратно в тот момент, когда я начал входить во вкус. Кто? Аптон? Невероятно. Грейвз? Он, конечно, известен своими грязными делишками, но на такое не пойдет. Ли Оллен не может проверить каждого. Мы путешествуем слишком быстро, у нас нет необходимых для этого средств. Своей команде я доверяю полностью. Они все проверены досконально. За исключением вас. Но вы появились после убийства в отеле «Харрис». Так что же мне делать? Выйти к избирателям и сказать: «Друзья мои, я — не убийца!» Боюсь, меня не поймут.

— Что-то сказать придется. И пора уже что-то делать. Мне понравилась ваша «Новая реальность», но дело в том, что людей больше волнуют нераскрытые убийства, сопровождающие предвыборную кампанию.

Губернатор указал на страницы «Ньюбилл», которые Флетч все еще держал в руке.

— Вы показали эту мерзость Уолцу?

— Когда я позвонил утром, его уже не было в номере.

Губернатор посмотрел на часы.

— Через двадцать минут у меня запись в телестудии. Я упомяну о смерти женщин, скажу, что я в ужасе. Мы должны остановить рост насилия. Каждый из нас сможет оказаться следующей жертвой. Вечером большой митинг в Мелвилле. Потом я должен лететь в Нью-Йорк для участия в программе «Вопросы и ответы». Она пойдет завтра утром в прямом эфире. И все твердят, что завтра же утром я должен заглянуть в церковь, поскольку в Уинслоу обвинил христианство в беспомощности.

Какое-то мгновение мужчины молчали. Главная-то проблема так и оставалась нерешенной.

— Черт,— пробурчал губернатор,— опять пошел снег.

— Теперь вы пригласите агентов ФБР? — спросил Флетч.

— Нет, — покачал головой губернатор. — И ваша задача, Флетчер, позаботиться о том, чтобы эти убийства не отразились на мне. На избирательной кампании. Это все, что от вас требуется. Первичные выборы в этом штате через два дня. Найти убийцу за это время невозможно. И я не могу допустить, чтобы люди шли на избирательные участки, думая о том, что убийства женщин напрямую связаны с моей предвыборной кампанией. Ясно?

— Да, сэр.

— Тогда нам пора.

Флетч распахнул перед губернатором дверь.

— Вы знаете, что президент в два часа дня проводит пресс-конференцию?

— Да.

— Пресс-конференцию в субботу. На него это непохоже.

— Я думаю, он будет хвалить христианство и демократию и вылетит на меня ушат помоев, — выходя из палаты, предположил губернатор.

ГЛАВА 23

— А вот и я, — возвестила Фредди Эрбатнот, возникнув рядом с Флетчем.

Окупировав телефонную будку в вестибюле отеля, Флетч пытался найти Уолша Уилера. Номер последнего не отвечал. Барри Хайнс не знал, где Уолш. Вроде бы тот собирался на встречу с Ассоциацией молодых профессионалов Фармингдейла. Ли Оллен Парк полагал, что Уолш на агротехнической выставке в пятидесяти милях от Фармингдейла (Флетч выяснил, что Уолш позавтракал с молодыми профессионалами, а потом посетил выставку).

— Вы ищите меня, не так ли? — спросила Фредди.

— Как всегда. — Флетч повесил трубку. — Вы уже собрали вещи?

— Я никогда их не разбираю.

— Я тоже. Но мне надо подняться наверх и покидать в чемодан то, что я достал из него вечером. Пойдете со мной?

— Сэр! В ваш номер?

— Да.

— Разумеется, пойду.

Джуди Надич вылетела из лифта.

— Эй! — позвал ее Флетч.

Она обернулась, по ее щекам катились слезы.

— Что случилось? — спросил Флетч.

— Эта сука! — всхлинула Джуди.

— Кто?

— Ваша мисс Салливан! — Она шагнула к Флетчу. — И ваша Дорис Уилер!

— Что они сделали?

— Ничего. Вышвырнули меня. Обозвали белкой.

Флетч не смог сдержать улыбки.

— Предложили мне написать о выставке цветов! — вновь слезы. — А до нее еще больше месяца!

— Так проучите их.

Джуди постаралась взять себя в руки.

— Как?

— Естественно, на газетной полосе. — Флетч осознал правоту Джеймса: миссис Дорис Уилер, жене кандидата в президенты, следовало дать урок светских манер. Его даже бросило в жар.

— Мне не о чем писать! — взвизгнула Джуди. — Я даже не видела, как выглядит внутри ее номер.

— Понятно, — вздохнул Флетч.

— А я так надеялась на эту статью. — И Джуди, опустив голову, двинулась к выходу — писать о цветочных выставках, склеенных чашках, пожертвованиях, необходимых для поддержания в чистоте статуй в парках.

— Бедные провинциальные репортеры, — покачала головой Фредди. — Когда-то я была такой же.

Флетч нажал кнопку вызова.

— Где?

— В Большом Нью-Йорке.

— Большой Нью-Йорк не провинция. Пусть он и большой.

— В президентских кампаниях провинциальных журналисток соблазняют бокалом легкого вина и награждают поцелуем в щеку. — Двери кабины раскрылись. Фредди вошла в лифт.

— Так, значит, здесь вы живете? — Фредди огляделась. — Ваш чемодан темно-коричневый. А мой — светло-синий.

— Да. В этом разница между мальчиками и девочками. — Он прошел в ванную, чтобы взять бритвенные принадлежности. — Что вам известно о женщине, убитой этой ночью?

— Мэри Кантор, тридцати четырех лет, вдова, трое детей. Ее муж служил в морской авиации, штурман. Погиб три года тому назад в авиакатастрофе.

Флетч попытался было представить себе трех сирот, но отогнал это видение.

— А женщину в Чикаго опознали? Ту, что нашли задушенной в чулане?

— Жена акушера. Член Лиги женщин-избирателей. Очень уважаемая дама. Возможно, удостоверение личности или автомобильные права были в сумочке, а ее кто-то утащил.

Флетч вернулся в спальню. Фредди уже улеглась на разобранную постель.

— Не понимаю, что связывает этих женщин. Светская дама из Чикаго, Элис Элизабет Шилдз, одинокая поклонница книг, и, наконец, горничная, вдова летчика, мать троих детей.

— У них есть одна общая черта.

— Какая?

— Все они — женщины.

— Горничную изнасиловали?

— Я еще не говорила с коронером. Сотрудница лаборатории уверена, что женщину не изнасиловали. Но в том, что убийства совершены насильником, сомнений нет.

— Что вы имеете в виду?

— Изнасилование — это не просто удовлетворение сексуальной потребности. Главное здесь — возвыситься над женщиной, унижить ее, втоптать в грязь. А секс — это вторично.

— Я понимаю, — кивнул Флетч. — Но без фактического изнасилования нельзя утверждать, что убийца — мужчина. Вполне возможно, что их отправила на тот свет сильная женщина.

— Да, да, — отозвалась с кровати Фредди. — Фенелла Бейкер. Сорвала с себя блузку и обратилась в мускулистую амазонку.

— Как убили последнюю жертву?

— По мнению полиции, задушили мягким шнуром. Вроде пояса от банного халата.

— Меня тревожит отсутствие сексуального контакта. — Флетч достал из стенового шкафа пиджак, быстро сложил его и сунул в чемодан. — Сильная женщина... Вы видели утреннюю парашу Хэнрегана?

— Конечно.

— Теперь и вы должны что-то написать.

— Уже написала. Обошлась с вами по справедливости. Убийства имели место в тех городах, где находилась команда кандидата, но никакой связи с предвыборной кампанией не выявлено. Полиция даже не уверена, что все убийства — дело рук одного человека.

— То есть вы намекаете, что происшедшее может оказаться не более чем совпадением.

— Да.

— Вы в это верите?

Фредди пожала плечами.

— Если б верила, то не сидела бы здесь. Мне пришлось отметить, как и Хэнрегану, что кандидат не пожелал отвечать на вопросы, касающиеся этих убийств.

— Это правда. Ему нечего сказать.

— Правда... — Фредди потянулась, откинула голову на подушку кровати. — Флетч, а что говорит Уилер по этому поводу?

— Убийства эти для него что мухи над тарелкой каши. Он только и делает, что отгоняет их. Он ведет предвыборную кампанию. И не хочет, чтобы она превратилась в полицейское расследование.

— Действительно, в этом случае его шансы упадут до нуля.

— Он говорит об использовании технических достижений для сбора и распространения информации, производства продуктов, вообще об улучшении благосостояния народов всей планеты, а ему подбрасывают трупы.

— Кто?

— Может, вы мне и скажете?

— А нет ли другой причины, по которой он избегает наших вопросов? И расследования убийств?

— Разве крах избирательной кампании недостаточно уважительная причина?

— Да нет, достаточно.

— Вы намекаете, что его останавливает нечистая совесть?

— Салли Шилдз нашли на тротуаре под его окнами на седьмом этаже. И Хэнреган в отличие от меня написал, что Дорис

и Кэксон Уилер занимали отдельные «люксы». Дорис — богатая сучка. Мне рассказывали, как она третирует людей. Так с чего ему ее любить?

— Вы думаете, что кандидат пользуется услугами других женщин?

— Кто знает?

— Мне кажется, он не стал бы выкидывать их из окна своего номера.

— Ситуация могла выйти из-под контроля, — промурлыкала Фредди.

— Есть одна идея... — Флетч помаялся.

— Выложите ее мне. Полагаю, я смогу оценить, далека ли она от истины.

— Тот, кто это делает, подкладывает мину под избирательную кампанию Кэксона Уилера. Уничтожает его как кандидата в президенты.

— И чья эта идея?

Вновь Флетч замялся.

— Кэксона Уилера.

— Я так и думала. Даже в разговоре с вами он старается отвести от себя всякие подозрения. Был он в своем номере, когда Элис Элизабет Шилдз приземлилась на тротуаре, или нет?

Флетч заерзал в кресле.

— С временным раскладом не все чисто. Он говорит, что, выйдя из машины, не заметил ни толпы на тротуаре, ни людей, спешащих на улицу из бара, а вот поднявшись в свой номер, услышал полицейские сирены и увидел мигание маячков.

— Такого быть не может.

Флетч промолчал.

— И кто, по мнению Уилера, мог убить этих женщин?

— Он упомянул Эндрю Эсти.

— Эсти? — Фредди рассмеялась. — Не думаю, что его религия разрешает убивать.

— Он сопровождал команду кандидата три недели. Вчера уехал, вечером вернулся, и тут же новое убийство. Я столкнулся с ним в лифте поздним вечером. Раздраженным, злым...

— Эсти не допустит, чтобы его изобличили как убийцу, — улынулась Фредди. — Верховный суд может запретить молитвы в тюрьме.

— Билл Дикманн, — назвал Флетч второго подозреваемого.

— Как я понимаю, Билл серьезно болен.

— Вчера вечером я нашел его в коридоре на пятом этаже. Его прихватило в очередной раз. Когда я подошел к нему, он опирался на стену. Меня он не узнал. Вообще не соображал, где находится, что делает. А потом потерял сознание. Я отнес его в номер на девятый этаж. Когда он очнулся, то не мог понять, каким образом оказался на собственной кровати.

— А что он делал на пятом этаже?

— Кто знает? Но утром я вспомнил, что стоял между основным и служебным лифтами. Горничную нашли в служебном лифте, так?

Фредди погрустнела.

— Бедный Билл. У него пятеро детей.— И тут она рассмеялась.— Вы заметили, как изменилось лицо Филби, когда тот понял, что пропустил новую речь кандидата? Словно доктор сказал ему, что придется вырезать весь желудок.

— Такое трудно переварить.

— А Джо Холл невероятно вспыльчив. Я видела, как однажды он вышел из себя. На процессе в Нэшвилле. Судебный клерк отказался пропустить его в зал заседаний. Усомнился в подлинности его документов. Джо обезумел. Набросился на клерка с кулаками. А чем занимается Уилер во время своих отлучек? — неожиданно спросила Фредди.

— Вы упорно переводите разговор на Уилера.

— А вы с тем же упорством уходите от Уилера. И его команды. Продолжаете напирать на журналистов. Неужели вы так легко забыли собственное прошлое?

— Я стараюсь говорить с вами откровенно. Я доверяю вам.

— Особенно теперь, когда знаете, что я — Фредди Эрбатнот.

— Да. Когда мы оба сошлись на том, что вы — Фредерика Эрбатнот.

— В команде губернатора тоже полно чокнутых. К примеру, доктор Том. Мне кажется, он получил свой диплом у самого Сатаны.

— У него есть недостатки,— признал Флетч.

— А Ли Оллен Парк не пропустит ни одной юбки. Я с такими сталкивалась. И шофер губернатора...

— Шустрик Грасселли.

— У него тело гориллы, а мозг — тритона. Барри Хайнс...

— Я вижу, что у нас не команда, а сумасшедший дом.

— Флетч, дорогой, вот вы кажетесь мне вполне нормальным. Флетч взглянул на часы. Без двадцати двенадцать.

— Не опоздать бы к автобусу.— Он подошел к креслу, защелкнул замки чемодана.— В час митинг в торговом центре. А вечером большой митинг в Мелвилле.

Фредди осталась в кровати.

— Так где скрывается губернатор во время своих отлучек?

— Шустрик рассказал мне, что он едет в безымянный коттедж и отсыпается там.

— Отсыпается?

— Несколько суток спит, а в промежутках читает.

— Занятно.

— Не стану утверждать, что я ему поверил.

Фредди поднялась.

— Флетч, пусть этот разговор останется между нами.

— Другого и быть не может.

Фредди направилась к двери.

— Возможно, мы чего-то не заметили, не увидели, не услышали. Вы понимаете... Есть же у нас мисс Салливан, которая так жестоко обошлась с этой журналисткой из местной газеты. Она очень злобная женщина.

Флетч опустил чемодан на пол.

— Я хочу попросить вас еще об одном, Фредди.

— Не обещаю, что выполню вашу просьбу.

— Будьте настороже ради собственного блага. Кто-то убивает женщин. Вы — женщина.

— Я вам еще этого не доказала.

— Хотите поцеловать меня в нос?

— Вы меня эксплуатируете. — И Фредди поцеловала его в губы.

Тут же Флетчу пришлось оторваться от нее, чтобы ответить на телефонный звонок.

— Завтра вас ждет то же самое, — хриплый пропитый мужской голос.

— Могу я узнать, с кем говорю?

— С лучшим репортером «Ньюсбилл», мерзавец ты этакий.

— А, Хэнреган. А я-то думал, что вы уже летите в Нью-Йорк, получать Пулицеровскую премию.

— Завтра вас ждет много интересного. Особенно для тех, кто отказывается говорить со мной насчет убийств. Я собираюсь опубликовать вопросы, на которые мне не дали ответа. Где, например, был Кэкстон Уилер, когда Элис Элизабет Шилдз вышвырнули через окно его спальни? Где она провела четыре предыдущих ночи? Почему Барри Хайнса выгнали из университета штата Айдахо? Расстрелял ли Уолш Уилер группу подростков, когда служил в армии?

— Не расстреливал.

— Вопросы — пустяк, сынок. Главное — ответы или их отсутствие.

— Барри Хайнса выгнали из университета, потому что он не смог усилить химию. Такое случается со многими.

— Кому какое дело. Вы же ухватили суть?

— Вы делаете успехи, Хэнреган. Если я-таки устрою вам интервью, вы опубликуете ответы? Или опять что-нибудь выдумаете?

— Тебе придется рискнуть, парень. Если я не смогу опубликовать то, что напоминает ответы, придется ограничиться вопросами.

— Я все понял. Счастливо, Майкл.

Флетч тут же перезвонил Барри Хайнсу и попросил найти Уолша и передать тому, что он должен выкроить время для встречи с Майклом Хэнреганом и Фредерикой Эрбатнот.

ГЛАВА 24

Флетч открыл заднюю дверцу арендованного черного «седана».

— Уолш сказал, что мне следует поехать с вами в торговый центр.

Дорис Уилер дружески кивнула ему.

— Отлично.

Он нашел Уолша, без пальто и галстука, на тротуаре у отеля. Ледяным тоном, цедя слова, Уолш сообщил, что согласен встретиться с Фредерикой Эрбатнот и Майклом Хэнреганом, если Флетч полагает, что это необходимо.

— Мне сесть впереди? — Женщины, Дорис Уилер и мисс Салливан, занимали практически все заднее сиденье. Шофера автомобиля Флетч видел впервые.

— Нет, нет, — возразила Дорис Уилер. — Места вам хватит. Зайдите с другой стороны.

Флетч обошел машину, открыл дверцу, сел, потеснив высокую, коротко стриженную, с большим носом мисс Салливан. В итоге она оказалась посередине, и ей пришлось поставить ноги на возвышение, под которым проходила труба глушителя. В таком нелепом положении она напоминала большую собаку, посаженную в маленькую конуру.

— Мы не знакомы, — обратился к ней Флетч. — Ай-эм Флетчер.

Мисс Салливан холодно кивнула.

— Салли.

Автобус с командой кандидата отвалил от тротуара. За ним последовал автобус прессы. Тронулись с места легковушки добровольцев и микроавтобусы телекомпаний, формируя караван.

— Пристраивайтесь за вторым автобусом, — скомандовала водителю Дорис Уилер.

Зеленый «мустанг» добровольца и синий «пикап» вклинились между арендованным черным «седаном» и вторым автобусом. На заднем бампере «пикапа» белела наклейка с надписью: «ПОГУДИ ЗА АПТОНА».

Водитель нажал на клаксон.

— Перестаньте, — осадил ее Дорис Уилер.

— Я слышал, утром вы не поладили с местной журналисткой. — Флетч повернулся к мисс Салливан.

— Корова, — фыркнула та.

— Она нагрubiла вам?

— Тупица.

— Я же велела вам пристроиться за вторым автобусом, — обратилась Дорис к водителю.

Автобусы и автомобили остановились на красный свет. Водитель посмотрел на Дорис Уилер в зеркало заднего обзора, не пытаясь обогнать зеленый «мустанг» и синий «пикап». Да и стояли машины бампер к бамперу.

— Чем она вас оскорбила? — спросил Флетч.

— Все интервью с миссис Уилер планирую я.

— Ей не требовалось интервью. Она лишь хотела побыть рядом, понаблюдать, послушать.

— В это утро у нас не было времени для таких, как она. И в дальнейшем не навязывайте нам своих протезе, Флетчер. Не лезьте не в свои дела.

— Мои «дела», как вы изволили выразиться, избирательная кампания в целом. И грести мы должны в одну сторону.

— Тихо, тихо. — Дорис Уилер похлопала Салли по коленке. — Мистер Флетчер работает на нас, и мы рассчитываем на его помощь. Вы же приложите все силы, чтобы помочь нам, не так ли, мистер Флетчер?

Даже в этих, вроде бы вежливых фразах чувствовались командные нотки.

Зажегся зеленый свет, и караван двинулся дальше.

— Обгоните эти две машины,— взялась за старое Дорис Уилер.

— Автобусы никуда от нас не денутся, мадам.

— Я сказала: обгоните их!

Вновь водитель глянул в зеркало заднего обзора. На главной улице Фармингдейла он вывалился из каравана на полосу встречного движения. Приближающийся желтый «кадиллак» взвизгнул тормозами. Сзади в него врезалась «хонда». Черный «седан» вернулся в свой ряд уже впереди «пикапа», но за зеленым «мустангом».

— Сумасшедший,— бросила Дорис Уилер.— Обгоните и эту машину.

— При первой возможности,— пообещал водитель.

— Оставьте эти разговоры,— отрезала Дорис Уилер.— Делайте, что вам говорят!

Они миновали центр Фармингдейла, и встречных машин заметно поубавилось. Водитель вновь выехал на полосу встречного движения, обошел «мустанга» и вклинился между ним и автобусом прессы.

— Местных журналистов надо гладить по шерстке,— продолжил Флетч.— Сегодня Джуди Надич пишет для «Фармингдейл Ньюз». А через три года может стать обозревателем «Вашингтон пост».

— Через три года она будет стирать ползунки и готовить обед своему толстому мужу,— возразила Салли.

— Не пойму, о чем вы говорите,— вмешалась Дорис Уилер.

— О глупой корове, что заявила к нам этим утром.

— Какой именно?

— Той, что улыбалась. Она думала, что разрешение Флетчера откроет ей все двери. Показала мне какой-то листок с нацарапанными на нем словами.— Салли фыркнула.— Думала, что эти слова что-нибудь значат.

— Вы послали ее к нам, Флетчер?

— Она могла стать вам другом на всю жизнь. Для молодой журналистки не часто выпадает шанс написать статью о жене кандидата в президенты. Эта статья могла бы послужить трамплином для ее карьеры.

— Ранее вы участвовали в избирательных кампаниях, Флетчер? — спросила Дорис Уилер.

— Нет, мадам.

— До сих пор не могу понять, почему Кэкстон взял вас.

— Чтобы делать ошибки, мадам,— без запинки ответил Флетч.— Чтобы придать кампании ауру юности и любительства.— Дорис злобно глянула на него.— Чтобы меня могли обвинить во всех недоработках и уволить до первичных выборов в Пенсильвании и Калифорнии. Чтобы я согрел место для Грэхема Кидуэлла.— Теперь и Салли смотрела на него, как на котенка, перевернувшего блюдечко с молоком.— Чтобы отправить меня домой на автобусе.

Они выехали на автостраду. Вновь повалил снег.

— И с чего это Уолш решил обратиться к вам? — добавила Дорис Уилер.

— Я знаю, как управляться с ксероксом.

— Мне известно, что в армии вы оказали моему сыну важную услугу. — Дорис поправила пальто. — Но, откровенно говоря, не могу взять в толк, зачем вы понадобились ему сейчас.

Водитель ехал так близко от автобуса прессы, что стекло постоянно обдавало грязью и песком, вылетавшими из-под задних колес. «Дворники» работали с максимальной скоростью. Всю машину, даже заднее стекло, забросало грязью.

— Сумасшедший! — заорала на водителя Дорис. — Сбросьте скорости! Отстаньте от автобуса!

— Не хочу, чтобы кто-то вклинился между нами, — ответил водитель.

— Сумасшедший! И где только Барри нашел такого водителя?

— В свободное время, когда я не вожу идиотов, я — пожарный, — пояснил водитель.

Глаза Дорис вылезли из орбит.

— Считайте, что вас выгнали с обеих работ.

Салли достала из сумочки ручку и блокнот, сделала пометку.

В зеркало заднего обзора водитель посмотрел на Флетча.

— Что ж, — Дорис откинулась на спинку сиденья, — давайте подумаем, чем же вы можете нам помочь.

Флетч постарался показать, что он весь внимание. Еще со школы он знал, что учителям и лекторам это всегда по нутру.

— Мой муж, Флетчер, легко поддается чужому влиянию. Он умный, энергичный, кто с этим спорит. Но постоянно интересуется мнением окружающих. Видите ли, он всегда сомневается в собственных суждениях.

— Слушает, что говорят советники? — предположил Флетч.

— Он слушает всех. И особое впечатление производит на него последняя услышанная идея.

— Чего бы она ни касалась, — ввернула Салли.

— Такой он впечатлительный? — изобразил удивление Флетч.

— Я знаю его больше тридцати лет.

— С той поры, как умерла Барбара?

Дорис уставилась на него, словно он громко пукнул.

— Какая Барбара?

— Не важно.

— Я понимаю, вам льстит внимание губернатора, его интерес к вашим мыслям.

— Конечно.

— И эту ерунду, я про «новую реальность», он почерпнул от вас?

— Не совсем.

— Молодежь считает особым долгом дискредитировать устои нашего общества.

— А что в этом плохого?

— Политически это самоубийство. Как я и сказала вчера вечером. Разрушить их невозможно. И это единственная реальность.

Водитель сбавил скорость, и разрыв с автобусами увеличился. Добровольцы не решались обогнать машину, в которой ехала Дорис Уилер.

— Беда Кэктона в том, что он не всегда представляет себе последствия того или иного шага. И зачастую не знает, к чему приведут его высказывания. Утром я долго беседовала об этом с Эндрю Эсти.

— Правда?

Салли кивнула.

— Рассказывала ему о моем дедушке, проповеднике из Небраски... — Дорис Уилер повторила рассказ о дедушке и Флетчу. Именно его сын, отец Дорис, нашел месторождение нефти.

Флетч перестал слушать. Этому он тоже научился еще в школе.

— В разговоре с Кэктоном нужно проявлять осмотрительность, — подвела итог Дорис. — Ваша работа — оберегать его, даже от себя самого. Избирательная кампания не прогулка по летнему саду.

— А что вы думаете об этих убийствах? — спросил Флетчер.

— Вы имеете в виду женщин? — спросила Дорис Уилер.

— Вы, стало быть, в курсе.

— Естественно.

— Есть какие-либо предположения на этот счет?

Поворот к торговому центру начинался на вершине небольшого холма. Так как двигался караван с приличной скоростью, при прохождении поворота могли возникнуть сложности. Так, собственно, и произошло. Зеленый «мустанг» просто проскочил мимо, и теперь ему предстояло преодолеть немало миль до ближайшей дорожной развязки.

— Нет, предположений у нас нет, — ответила Дорис. — И не наше это дело. Убийствами должна заниматься полиция.

Автобусы уже замерли на автостоянке торгового центра. Собравшаяся толпа, две или три тысячи человек, топталась в мокром снегу, ожидая появления кандидата.

— А почему нас не сопровождает полиция?

— Чего только не хватает избирательной кампании, так это полицейского расследования, — ответила Салли.

— Вы не верите в закон и порядок?

Салли наградила его презрительным взглядом.

Водитель остановил машину на приличном расстоянии от автобусов. Посреди самой большой дужки. И замер. Похоже, он не собирался открывать дверцы своим пассажирам.

Дорис открыла дверцу сама.

— Какая грязная машина.

— Не волнуйтесь, — пробормотал водитель. — Большие вы ее не увидите.

— Я же сказала, что подам на вас жалобу. — Дорис Уилер вылезла из кабины.

— Вы можете быть женой президента Соединенных Штатов, — прокричал вслед водитель, — но в Фармингдейле вы — старая карга!

Салли последовала за Дорис Уилер. Флетч вышел с другой стороны.

— И за вашего мужа я голосовать не буду! — не унимался водитель. — Нечего ему делать в Белом доме, — если его жена — такая сука.

«Седан» рванул с места, окатив их грязью.

ГЛАВА 25

— Как дела, господин прокурор? — Поднявшись в номер отеля «Первый» в Мелвилле, Флетч улегся на кровать и позвонил Олстону Чамберсу. — У меня одна минута, не более. Должен встретиться в баре с Уолшем и двумя журналистами на предмет смерти и смерти. И смерти.

— Как ты, Флетч?

— Кручусь как белка в колесе.

Часы показывали пять вечера. В восемь начинался митинг на крытом стадионе Мелвилла...

С трех до четырех Флетч просидел в радиостудии города Маккензи, организовавшей «горячую» линию, по которой кандидат отвечал на вопросы радиослушателей. Большинство вопросов касались мер социальной защиты малоимущих, дотаций фермерам, расширения дорожного строительства. Некоторые обращались с личными проблемами. Не раз упоминалась поднимающаяся волна преступности, что дало возможность кандидату упомянуть о горничной, убитой в отеле, где он провел ночь. Ровно час губернатор старался честно ответить на все вопросы, чего бы они ни касались.

Затем Шустрик доставил их из Маккензи в Мелвилл.

В отеле Флетчу передали кипу записок. Журналисты, освещающие кампанию, хотели встретиться с ним (Ленсинг Сэйер, Фенелла Бейкер, Стелла Кирчнер). Просили позвонить журналисты со всех концов страны (плюс один из Мехико и один из лондонской «Таймс»). Рондолл Джеймс из Айовы звонил трижды.

Флетч отзвонился лишь Олстону Чамберсу.

— Хотел сказать тебе, что нашел ответ на вопрос, который задавал вчера вечером.

— Какой вопрос?

— Насчет неожиданного отъезда Уолша с военной базы. После того, как мы три дня просидели на деревьях.

— А что тебя удивило? Он устал. Наелся войной досыта. Его папашка подергал за какие нужно веревочки. Я бы сам смотался оттуда при первой возможности. Да и другие тоже.

— Тут дело другое. Уолш обхамил старшего офицера.

— Подумаешь, событие.

— Я переговорил с капитаном Уолтерсом. Между прочим, у него оптовый книжный магазин в Денвере.

— Приятный человек. Всегда приносил нам книги. В любой ситуации сохранял хладнокровие.

— А вот Уолшу в какой-то момент оно изменило. Он последними словами изругал майора Лесли Хант.

— Мерзкая тварь. Презирала солдат за то, что они — мужчины.

- Помнишь ее любимого конька?
- Конечно. Палатка-столовая должна располагаться в центре лагеря. Таково требование устава. А снайперов побоку. То-то они пользовались нашей глупостью.
- Двух парней из роты Кей подстрелили, когда они шли на завтрак. Одного в ногу, другого в спину.
- Вот этого я не помню.
- Уолтерс говорит, что с этого все и началось. Уолш накричал на майора на заседании штаба.
- И за это Уолша услали в Штаты? Следовало наградить увольнительной.
- Не за это. Потом он угрожал ей.
- Отлично.
- Замахнулся прикладом карабина. Произошло все при свидетелях. Если бы не отец, говорит Уолтерс, Уолш загремел бы под трибунал.
- Черт, Уолш пережил три или четыре жутких дня. А эта баба-майор — круглая дура. Сама-то никогда не была на передовой, а потому хотела, чтобы мы показывали чудеса героизма на пути в столовую.
- Именно так. Я подумал, что тебе это небезынтересно.
- Значит, Уолш спустил на нее всех собак. Молодец.
- Уолтер помнит тебя. Просил рассказать, как ты поживаешь. Я сказал, что ничего не знаю.
- Уолш парень не промах. Напугал до смерти эту сучку и быстренько смотался домой. У его мамочки не может быть глупых детей.

ГЛАВА 26

— Я согласился встретиться с вами вопреки собственным убеждениям.

Они сидели за круглым столиком в темном углу бара в квартале от отеля «Первый». В центре столика стояла вазочка с орешками. Перед каждым: Уолшем, Флетчем, Майклом Джи. Хэнреганом и Фредерикой Эрбатнот официантка поставила по кружке пива. Хэнрегану принесли и стопку виски.

Из музыкального автомата лилась тихая, успокаивающая мелодия.

Хэнреган первым делом приложился к виски.

— Флетч, однако, настоял на этой встрече, вероятно, из-за того дерьма, что вы напечатали этим утром в «Ньюсбилл», Хэнреган, — продолжал Уолш тихим голосом. — Вы не провели с нами и нескольких часов, а уже сообщили, что никто не хочет разговаривать с вами по поводу каких-то убийств, случившихся Бог знает где и когда. — Уолш посмотрел в потолок и покачал головой. — Полагаю, что с тем же успехом вы можете поинтересоваться у нас о кражах со взломом и разбоях, имевших место в тех городах, где мы побывали. И не забудьте о прелюбодеяниях. В мотелях этого хватает с лихвой. — Голос его звучал устало. — А повод, по которому мы встречаемся, весьма простой. Вы — не политические репортеры. Флетчер говорит мне, что

ваша специальность — преступность. И в общем-то я не понимаю, почему мы должны возить вас в своем автобусе. Вы настаивали на встрече, и я согласился. Но пока у меня есть все основания просить Флетча отказать вам в аккредитации.

— Вы закончили? — поинтересовался Хэнреган.

Фредди повернулась к Флетчу.

— Отказ в аккредитации не пойдет вам на пользу. Да и пребывание в автобусе прессы не самое радостное впечатление, которое я испытала в жизни.

— Вот-вот, — покивал Хэнреган. — «Ньюсуорлд» обеспечит Эрбатнот лимузином с водителем. А я найму вертолет. Так что не мелите чушь, Уилер.

Уолш бросил в рот несколько орешков.

— Через несколько минут Флетч и я должны быть на совещании у кандидата. Если у вас есть вопросы, задавайте.

Хэнреган отхлебнул из кружки. Его глаза блеснули.

— Как давно вы были знакомы с Элис Элизабет Шилдз?

— Я ее знать не знал.

— Вы встретились с ней в Чикаго?

— Повторяю, я ее не знал.

— А кто знал? Ваш папаша?

— Мой отец также не был с ней знаком.

— Так почему она упала на тротуар под окном его спальни?

Уолш скорчил гримасу и промолчал.

— Уолш, — вмешалась Фредерика Эрбатнот, — мы бы продвинулись вперед, если бы получили список лиц, находившихся в «люксе» вашего отца в тот вечер, когда убили Элис Элизабет Шилдз.

— Составить такой список невозможно, мисс Эрбатнот. Там были местные журналисты. Я не знаю их фамилий. Пара координаторов предвыборной кампании, жителей этого города. Одного зовут Уильям Бурк, фамилия второго Блэкстоун. Были еще Фенелла Бейкер, Ленсинг Сэйер, ваша Мэри Райс, — он глянул на Хэнрегана, — Дикманн, кто-то еще.

— А вы там были?

— Да. Приходил и уходил.

— А доктор Том? — спросила Фредди.

— В родном городе вашего доктора Роберта Тома зовут доктор Хорошее Самочувствие. Он выписывает больше рецептов, чем любой другой врач. Как он стал лечащим врачом вашего отца?

— Он сопровождает отца во время избирательной кампании, не более того.

— Ваш отец постоянно живет на таблетках? — Хэнреган придвинул к себе пиво Фредди.

— Мой отец принимает таблетки очень редко, — отчеканил Уолш. — Лишь в случае крайней необходимости.

— Тогда почему три-четыре раза в год его увозят, чтобы прочистить ему голову?

— На этот идиотский вопрос я отвечать не собираюсь.

— И почему уезжает ваш отец? — спросила Фредди. — Он же действительно неожиданно исчезает на несколько дней.

— Он исчезает, но не «неожиданно». Использует паузы в сво-

ем графике, когда они возникают. Ловит рыбу. Читает книги по истории. Даже Кэкстон Уилер нуждается в отдыхе. За последний календарный год мой отец отсутствовал на работе ровно пятнадцать дней. Если хотите, можете раздуть из этого сенсацию.

— А куда, собственно, он ездит? — поинтересовался Хэнреган.

— Вам до этого нет дела.

— Но он всегда уезжает один, — уточнила Фредди.

— Нет. Его сопровождает сотрудник.

— Шустрик Грасселли, — фыркнул Хэнреган. — Сундук на колесах.

— Сундук с компьютером внутри, — добавил Флетч.

— Опять же часть вопросов снялась бы сама собой, — продолжила Фредди, — если бы мы знали, что делал ваш отец в тот вечер, когда умерла Элис Элизабет Шилдз. Когда, только точно, до минут, он вернулся в отель, когда поднялся в номер... и так далее.

— Я сомневаюсь, чтобы он хоть что-то помнил, — покачал головой Уолш. — Наша страна лежит в четырех временных поясах. По ходу кампании мы мотаемся из одного пояса в другой. Живя в таком ритме, поневоле теряешь чувство времени. Я имею в виду точное время.

— А вот вы, по-моему, его не потеряли, Уолш.

— Заткнись, женщина. — Хэнреган допил пиво Фредди. — Не думай, что ты стала настоящей журналисткой лишь потому, что «Ньюсуорлд» позволили тебе звонить в редакцию.

Фредди улыбнулась Флетчу.

— Эта телка в Чикаго. Жена гинеколога...

Фредди хихикнула.

— Эйлен Рамси. Жена акушера. Интересуетесь биографическими данными, Майкл? Или мне самой позвонить в «Ньюсбилл»?

— Вы и ваш отец оба знали ее.

— Едва ли, — возразил Уолш.

— Вы разговаривали с ней на приеме в отеле «Харрис». — Хэнреган взялся за кружку Флетча. — И ваш отец тоже.

— Хэнреган, мы разговариваем с десятками людей. И десятки людей разговаривают с нами. В политической кампании иначе не бывает.

— А потом некоторые из них оказываются в морге. — Хэнреган поднес кружку Флетча ко рту.

— Ясно, — подала голос Фредди. — Из ваших слов следует, что ни вы, ни ваш отец не знали миссис Рамси.

— За отца я ничего сказать не могу. Но полагаю, что он ее не знал. Да и как они могли познакомиться? Я ее не знал.

— Вы не можете говорить за вашего отца? — вскинулся Хэнреган. — Так почему вы не привели старика сюда, чтобы я задал ему этот вопрос? Доктор Том по такому случаю мог бы вколоть ему что-нибудь тонизирующее.

Уолш посмотрел на часы.

— Может, вы ответите на вопросы о прошлой ночи? — продолжил Хэнреган. — Тут память вас не подведет?

— Какие вопросы? — полюбопытствовал Уолш.

— Коронер определил, что смерть Мэри Кантор, горничной отеля, наступила между одиннадцатью вечера и половиной третьего утра. В полночь вас в номере не было.

— А вы были? — Уолш набычился. — Я вас предупреждал, Хэнреган. Не лезьте ни в мой номер, ни в номера моих родителей.

— Так где вы были? — гнул свое Хэнреган.

— После приезда мы с Флетчем провели короткое совещание в моем номере. Примерно в половине двенадцатого, так, Флетч? Потом я пошел в «люкс» матери. Нам надо было кое-что обсудить. Вернулся к себе, поработал с документами.

— На три с половиной часа это не растянешь.

Уолш пожал плечами.

— Больше мне сказать нечего.

— Вы можете сказать, что делали в тот момент, когда Элис Элизабет Шилдз целовалась с тротуаром?

— Не помню. Кажется, был в баре. А до того — в своем номере.

— Звонили по телефону?

— Возможно.

— Телефонистка коммутатора отеля говорит, что ваш номер не отвечал с восьми вечера.

— Если я работаю, то, бывает, не снимаю трубку. Ко мне заходил Барри Хайнс. С Филом Нолтингом мы пытались выработать позицию кандидата по Южной Африке. В бар я спустился, дожидаясь Флетча. Звонки-то в основном были насчет Рондолла Джеймса от его приятелей-журналистов, поэтому я и не брал трубку. Извините, но железное алиби я вам предоставить не могу.

— Уилер, когда вы служили в морской пехоте, вас едва не отдали под трибунал.

Лицо Уолша закаменело.

— Что вы имеете в виду?

— Вы отказались повести свой взвод в разведку. Взвод, который пошел вместо вашего, погиб до последнего человека.

— Он не отказывался, — вставил Флетч. — Мы так накурились марихуаны, что не могли пошевелиться. Все до единого. За исключением лейтенанта.

— Вы стреляете наугад, Хэнреган. — Уолш посмотрел на репортера. — Меня не отдавали под трибунал.

— Не отдавали. Ваш папаша этого не допустил.

— Мой отец не имел никакого отношения к моей военной службе.

— Однако он помог вам поскорее вернуться в Штаты.

— Меня перевели в Вашингтон, — признал Уолш. — Возможно, не без участия отца. В колледже я изучал статистику. Вот меня и направили в бюро статистики Министерства обороны, где я и служил до демобилизации. Можете написать об этом, что хотите.

— Всего два месяца?

— Да. Мой отец хотел знать, насколько реальным для молодого офицера, только что вернувшегося с поля боя, кажутся статистические данные, публикуемые Пентагоном.

— Чуть,— пробурчал Хэнреган.

— А раз мы затронули статистику, позвольте мне сказать следующее.— Уолш наклонился вперед, оперся локтями о стол.— За год убивают больше двадцати тысяч американцев. Каждый год преступления так или иначе затрагивают более тридцати процентов американских семей. В этом интервью я не буду приводить социологические причины появления таких цифр, не буду касаться того, как администрация Кэстона Уилера планирует снизить эти цифры. Я не буду оскорблять длинными выкладками слух мисс Эрбатнот. Но вам я скажу, что по статистике преступления случаются везде, где бы мы ни оказались. И для этого не обязательно быть кандидатом в президенты. Это все, что я могу сказать криминальным репортерам. Лично я ничего не знаю об этих убийствах. И мой отец тоже. Если вы думаете, что они каким-то образом связаны с предвыборной кампанией, я советую приглядеться к вашим коллегам-журналистам. Я же полагаю, что это обыденное явление современной американской действительности.

— Женщин не убивают там, где появляется команда Аптона,— резонно заметил Хэнреган.— И нас не послали освещать избирательную кампанию Грейвза.

— Будем считать, что им повезло. Будьте осмотрительнее с тем, что пишете. У нас политическая кампания, а не новогодний парад.

Флетч поднялся вслед за Уолшем. Пиво осталось лишь в кружке последнего.

— Эй, Уилер,— крикнул вслед им Хэнреган.— Как вышло, что вы ни разу не женились?

У двери Флетч обернулся. За столом остался один Хэнреган. Кружка Уолша уже стояла перед ним. Хэнреган ухмылялся.

По дороге к отелю Фредди держалась от них на почтительном расстоянии.

— Грязный, вонючий, наглый мерзавец.— Уолш улыбнулся.— Как ты думаешь, я сильно ему помог?

— Конечно. Теперь ему многого уже не напечатать.

ГЛАВА 27

— Небольшое изменение в планах,— объявил кандидат своей команде.— Я решил, что миссис Уилер, которая вместе со мной будет сегодня на трибуне, скажет несколько слов,— все лица остались бесстрастными.— Она выступит прямо передо мной. Скажет то, что хочет сказать, а затем представит меня. Уолш, позаботься о том, чтобы ведущий митинга, кто бы он ни был, объявил о выступлении твоей матери, а не моем.

Уолш наклонился вперед.

— Конгрессмен хочет представить тебя, папа. А не мать. Для него это важно.

— Придется ему представлять твою мать. Кто еще будет на трибуне?

— Мэр Мелвилла, судья...

— Мне передали их «объективки»?

Уолш протянул отцу несколько листов.

Совещание проходило в гостиной «люкса» кандидата. Флетч чувствовал себя как дома: третий по счету отель, а комната точь-в-точь, как две предыдущие. Стандартизация правила бал в Америке.

— Барри? — Губернатор просматривал листки. — Тебе есть, что сказать?

— Да, сэр. Наш рейтинг упал на четыре пункта в опросах Харриса и на три — у Гэллапа.

Губернатор поднял голову, на его лице отразилось удивление.

— А я думал, что дела у нас идут на лад.

— На сегодняшний день Аптон опережает нас на восемь пунктов, а Грейвз отстает на четыре.

Губернатор провел пальцем по царапине на щеке.

— Аптон! — воскликнул Ли Оллен Парк. — Он даже не приезжал сюда! Был в Пенсильвании и Айове.

— Должно быть, разлука согрела сердца избирателей, — предположил Фил Нолтинг.

— Плохо дело, — покачал головой губернатор. — Наверное, кое-что из сказанного мной в Уинслоу нанесло кампании...

— Урон, — закончил фразу Пол Добсон.

— Дорис была права.

— Мы все были правы, — поправил его Добсон.

— Может, всему виной зеленый костюм Уолша, — вставил Ли Оллен Парк. — Глядя на него, избиратели думают, что у нас «крестовый поход любителей».

— Пол и Фил, я хочу, чтобы вы подготовили мне первоклассную речь. В понедельник я выступлю с ней. Я получу время на телевидении? — спросил губернатор.

— Да, — кивнул Барри. — Договор подписан, деньги уплачены.

— Это будет моя основная речь. Стержень ее — международные переговоры, в том числе со странами третьего мира, о заключении всеобъемлющих соглашений по разработке и контролю новых технических решений по передаче, приему и распространению информации, — говорил губернатор медленно. Нолтинг записывал все слово в слово. — Моя цель — не контроль технических достижений, а принятие международного договора, согласно которому никто — ни нация, ни политическая партия, ни какая-то другая группа, не сможет контролировать значительную часть единого информационного пространства.

— Слишком уж научнообразно, — засомневался Добсон.

Губернатор зыркнул на него.

— Вот и поработайте, чтобы моя мысль стала доступной рядовому избирателю.

— Можем ли мы использовать такие фразы, как «укрепление мира» или «процветание всех народов»? — спросил Нолтинг.

— Звучит неплохо, — холодно ответил губернатор. — Но хорошо бы использовать и тройку-другую моих слов.

— Папа, утром ты выступаешь в нью-йоркской передаче «Вопросы и ответы». Она транслируется на всю страну. Если ты хочешь выйти с новой инициативой, почему не сделать это

WELCOME

R

завтра утром? Зачем ждать митинга в столице штата перед самыми выборами?

— Может, ты и прав.— Губернатор задумался.— Обычно главный козырь берегут до последнего. У «Вопросов и ответов» хорошая аудитория.

— Для подобных заявлений,— добавил Добсон.

— Так скажите им все,— предложил Флетч.

— Нет.— Губернатор покачал головой.— Телезрителям я скажу, что тема не исчерпана, что Аптон, Грейвз и президент недостаточно точно истолковали мои слова, а потому все необходимые разъяснения я дам в понедельник, на вечернем митинге.

Барри Хайнс кивнул.

— Это их заинтригует.

— Кстати, о распорядке завтрашнего дня:— Уолш повернулся к отцу:— «Вопросы и ответы» выходят в эфир в одиннадцать утра. В девять ты посетишь службу в церкви на Тридцать шестой улице. Пока ты и Флетч сидели в радиостудии, мы с Барри связались с нью-йоркскими газетами. Репортеры и фотографы встретят тебя у церкви. Между прочим, Флетч, тебе туда лучше не ходить.

— Ты не хочешь, чтобы я шел в церковь?

— Когда кандидат в президенты посещает церковь, пресс-секретарю делать там нечего. Ты понял?

— Мне велено не ходить в церковь.

— Когда я лягу спать?— спросил губернатор.

238 — Самолет взлетит из аэропорта Мелвилла в половине первого ночи,— ответил Уолш.— В половине третьего ты будешь спать.

— Кто полетит со мной?

— Флетч, Барри и Шустрик.

— И Боб.

— И доктор Том,— подтвердил Уолш.

— Значит, вы без опаски сможете пить нью-йоркскую воду,— заметил Пол Добсон.

Уолш повернулся к Добсону. Он по-прежнему был без галстука, а потому Флетч видел, как напряжена его шея.

— Обрато мы ждем тебя в четыре, максимум в половине пятого. В аэропорту столицы штата постараемся организовать встречу, но в воскресенье собрать много народу не удастся. Очередной тур НФЛ*.

— Тот, кто хочет стать президентом, всегда стоит вторым за футболом,— прокомментировал губернатор. Оглядел свою команду.— Что-нибудь еще?

— Флетч, сейчас пойдем ко мне. Я хочу дать тебе последние газетные вырезки. Тебе пора знакомиться с журналистами Висконсина.

— Это точно. Но есть еще один вопрос, который хотел бы обсудить.

Присутствующие как один заерзали на стульях.

— Прошлой ночью в отеле, где мы останавливались, убили

* НФЛ — Национальная футбольная лига.

горничную. Мэри Кантор, вдову военного летчика. В отеле, где мы провели позавчерашнюю ночь, убили другую женщину. Элис Элизабет Шилдз, продавщицу книжного магазина.

— Чего только не бывает! — бросил Уолш.

— И еще одну женщину, Эйлен Рамси, жену акушера, нашли мертвой в чулане отеля «Харрис» в Чикаго после того, как мы уехали оттуда.

— Как вы думаете, нью-йоркский «Космос» победит в этом году? — спросил Барри Хайнс.

— Я видел сегодняшшний номер «Ньюсбилл», — подал голос Фил Нолтинг. — И, по моему разумению, вы должны были приложить все силы, чтобы не допустить появления этой статьи до вторника, когда пройдут праймеры.

— Возможно. Но пресс-секретарь я неопытный, так что чудес от меня ждать не приходится.

— Ваши симпатии по-прежнему на стороне прессы, — присоединился к своему коллеге Добсон. — Суть информации вам не важна. Инстинктивно вы стремитесь донести ее читателю. И чем больше в ней грязи, тем лучше.

— Достаточно, — вмешался в перепалку губернатор. — Проблема налицо. Кто-то убивает женщин. Вполне возможно, что делается это с одной целью — поставить крест на моей избирательной кампании.

— Кто же пойдет на такое? — спросил Ли Оллен Парк.

— Это ерунда, — покачал головой Уолш. — Возможно, у Симона Аптона есть здесь свой человек, но он не станет убивать женщин, чтобы попасть в Белый дом.

— Разумеется, нет, — согласился губернатор. — Но, приняв за аксиому, что кто-то это делает, тут же задаешься вопросом: а зачем?

— Наверняка какой-нибудь псих, — предположил Ли Оллен Парк.

— Вы кого-нибудь подозреваете, Флетч? — спросил Барри Хайнс.

— Многих. Было бы неплохо, если бы каждый из присутствующих провел со мной несколько минут и убедительно доказал, что у него есть железное алиби на то время, когда произошло хотя бы одно убийство.

— Черт, — вырвалось у Уолша.

— Я бы этого не делал, — покачал головой Добсон.

— Только так я смогу воспрепятствовать появлению в газетах материалов, бросающих тень на избирательную кампанию.

Губернатор поднялся.

— Пора одеваться. Уже семь двадцать. Мои часы не спешат?

— Флетч, — обратился к нему Фил Нолтинг, — стараясь защитить нас, вы тем самым создаете впечатление, что у нас есть причины отводить от себя подозрения.

— Я думаю, что есть.

Вслед за губернатором встали и остальные.

— Похоже, ты потерял слушателей, Флетч, — заметил Уолш.

— Так что же мне делать? Это же бомба с часовым механизмом, и часы уже пущены.

— Прикройте ее собственным телом,— посоветовал Добсон, выходя из гостиной.

— Подождите.

— Флетчер, ну сколько можно изображать детектива-любителя? — осадил его губернатор.

— Пойдем, Флетч.— Уолли ждал его у двери.— По пути в мой номер я куплю тебе сборник «Лучшие детективы года».

ГЛАВА 28

— Ай-эм? Это Джеймс...

Вернувшись к себе, Флетч нашел на столе вазу с дюжиной красных гвоздик. И записку:

«Флетчер. Рада, что вы с нами.

Дорис Уилер».

Ожидая заказанный сэндвич, он позвонил всем, кроме Рондолла Джеймса.

Когда принесли ужин, Флетч принял душ, сел на кровать и принялся за еду, одновременно проглядывая газетные вырезки.

На телефонные звонки он старался не обращать внимания, но в конце концов не выдержал и снял трубку...

— Извините, что жую.

— Вы должны что-то делать. Немедленно. Днем мне позвонил репортер, освещающий избирательную кампанию. Рассказал об этих убийствах. Убили уже трех женщин.

— Кто вам звонил?

— Эрбатнот.

— Понятно. Вы все еще в Айове?

— Да.

— И что вы ей ответили?

— Сказал, что для меня это новость.

— Неужели?

— Ай-эм, я знаю, кто убийца. Как, впрочем, и Кэкстон.

Флетч отодвинул пустую тарелку из-под сэндвича.

— Вы говорили насчет этого с Кэкстоном?

— Не раз.

— Что он сказал?

— Может, лучше вы поделитесь тем, что вам известно,

Джеймс.

— Не понимаю я Кэкстона. Почему он ничего не предпринимает?

— Джеймс!

— Эдвард Грасселли.

— Старина Шустрик?

— В этом нет никакого сомнения.

— Почему Шустрик?

— Вы не знаете, кто он такой? Все уже забыли.

В досье Шустрика лежали лишь фотография и листок с датой рождения и теперешним адресом.

— Так кто такой Шустрик Грасселли?

— Убийца. Осужденный убийца. Забил человека до смерти. Кулаками. Профессиональный боксер. Его кулаки — смертоносное оружие. Отсидел за это в тюрьме... почти пятнадцать лет.

— О чем вы говорите?

— Как-то вечером один парень прогуливался с собакой. Большой собакой. Шустрик Грасселли шел мимо. Когда он поравнялся с собакой, та его тянула. За ногу. Шустрик поднял крик, пообещал парню, что заявит в полицию, потребовал, чтобы тот назвал свою фамилию. Так этот парень спустил на него собаку. Грасселли прибил пса. Как, не знаю, но разможил ему голову то ли о стену, то ли об асфальт. А потом принялся за хозяина. И убил голыми руками. На глазах полудюжины свидетелей.

— О Господи, Джеймс.

— Собака уже не представляла никакой опасности. Человека не убивают после того, как инцидент исчерпан. Это уже не самооборона.

— Старина Шустрик пошел на такое?

— Умышленное убийство.

— Почему же губернатор помиловал его?

— Большая итальянская семья развернула шумную кампанию в его защиту. Того же мнения придерживалась и боксерская ассоциация, включая тренерский совет. Грасселли примерно вел себя в тюрьме. Однажды спас старика, который подавился пищей, но такое всегда можно подстроить.

— Губернатор знал его прежде?

— Нет. После освобождения Грасселли с матерью пошли в особняк губернатора, чтобы поблагодарить его. Кэкстон предложил взять его на работу.

— Тут совсем другие убийства, Джеймс. Одно дело убить на улице в приступе ярости. И совсем иное — убийства женщин.

— И там, и тут убивали кулаками. На такое способны очень немногие. Давайте посмотрим на происшедшее несколько под иным углом. Из города в город переезжает сорок — пятьдесят человек, оставляя за собой шлейф убийств. Мы знаем, что один из этой компании уже совершал нечто похожее. Пусть и давно, но забил мужчину до смерти. Какова вероятность того, что и убийства женщин — его работа?

— Немалая.

— Это Шустрик, будьте уверены.

— Мне показалось, что губернатор говорил со мной предельно откровенно. Почему же он не упомянул о прошлом Шустрика?

— Потому что знает, что Шустрик виновен. Скажите мне, губернатор ратует за активный поиск убийцы?

— Глупость какая-то. Скрывая вину Шустрика, губернатор становится соучастником преступления. Я в это не верю.

— Подумайте как следует, дружище. Подумайте о том, что может знать о губернаторе Шустрик.

— Например?

— О Боже! Да ему известно все! Шустрик — его шофер, камердинер, телохранитель. Всегда находится рядом. Сопровождает Кэкстона во всех поездках, даже когда тот исчезает на несколько дней кряду. Выпивка. Бабы. Бог знает что еще.

— Вы верите, что он прет и шляется по бабам?

— Послушайте, я знаю Кэкстона больше двадцати лет. Он не святой, а мужчина. Энергия так и прет из него. Вы это заметили, не так ли? А спать с Дорис все равно, что с бульдозером.

— Шустрик рассказывал мне об этих поездках.

— Конечно, рассказывал. Небось, говорил, что они ездят в горы молиться.

— Почти.

— Если поездки такие безобидные, то зачем держать их в секрете? Почему они окружены покровом тайны, проникнуть сквозь который мечтали все журналисты штата, а теперь, наверное, и всей страны?

— Ладно. Итак, губернатор знает, что убийца — Шустрик, но боится, что тот выложит всю правду, если он укажет на него пальцем.

— Да.

— Может, Шустрик не заговорит.

— Пусть так, хотя я в этом очень сомневаюсь, но подумайте, что скажут об умении губернатора разбираться в людях? Взять телохранителем парня, который по ночам убивает женщин. А кого же он возьмет на должность государственного секретаря, спросят избиратели. Гиммлера?

— Джеймс, я не знаю, что предпринять. Все уехали на митинг.

— Остановите Грасселли. Как, не знаю, но вы должны что-то сделать.

— Джеймс, мне не выдержать десять раундов с Грасселли. Он старый, медлительный, но боксер.

— Найдите его. Не спускайте с него глаз. Купите ему билет в Ташкент. Ушлите куда-нибудь подальше. Без особого шума. Господи, как жаль, что меня нет рядом с Кэкстоном. Я бы все уладил еще вчера, если не раньше. Все это сука, Дорис Уилер. Если бы не она...

— Я все понял, Джеймс.

— Отлично. Действуйте.

Торопливо одеваясь, Флетч вдруг заметил, что в стопке газетных вырезок пять схвачены скрепкой. Они лежали в изголовье кровати. Он наклонился и поднял их. Верхней оказалась вырезка из «Чикаго сан-таймс».

«Чикаго. Сегодня утром в чулане, примыкающем к банкетному залу, сотрудниками отеля «Харрис» найдено тело женщины. По мнению полиции, женщину задушили.

Предыдущим вечером в зале принимали журналистов, освещающих избирательную кампанию губернатора Кэкстона Уилера.

Согласно сообщению полиции, женщина, примерно тридцати лет, в зеленом платье и туфлях на высоком каблуке, не имела при себе документов, удостоверяющих ее личность».

За ней следовала вырезка из «Кливленд плейн дилер».

«Кливленд. Женщина, известная на улицах как Элен Трой,

которую за последние десять лет полиция арестовывала не меньше сорока раз за приставание к мужчинам, ранним утром избита до смерти в подъезде на Кассел-стрит.

Полиция полагает, что в этот район Трой привлекла толпа, собравшаяся, чтобы встретить кандидата в президенты, Кэктона Уилера, остановившегося в расположенном неподалеку отеле «Стерн».

— О Господи! — ахнул Флетч.

Третья вырезка была из «Уичито Игл энд Бикон».

«Уичито». Жительница Калифорнии, Сюзан Стретфорд, двадцати шести лет, вчера во второй половине дня найдена забитой до смерти в своем номере в отеле «Кейсон». Судебный медик сообщил, что она умерла несколько часов тому назад.

Горничная отеля, Джейн Полтроу, которая нашла тело, сказала, что она припозднилась с уборкой, потому что останавливающаяся в отеле предыдущей ночью команда кандидата в президенты Кэктона Уилера и освещающие предвыборную кампанию журналисты прибавили ей работы.

Мисс Стретфорд, инженер по компьютерам, приезжала в Уичито по делам. Полиция утверждает, что в город она приехала одна».

— Боже мой.— Флетч посмотрел на остатки сэндвича на столе, и его чуть не вырвало.

Четвертая вырезка касалась смерти Элис Элизабет Шилдз, которую «скорее всего столкнули с крыши прямо над окнами «люкса», в котором останавливался кандидат в президенты Кэктона Уилера».

Пятая была из «Фармингдейл ньюз».

«Фармингдейл. Мэри Кантор, тридцати четырех лет, которая работала горничной после смерти ее мужа, военного штурмана, погибшего три года тому назад в авиакатастрофе, ранним утром найдена задушенной в служебном лифте отеля...»

Флетч закрыл глаза.

— Господи... Так их уже пять...

Еще не придя в себя, Флетч снял трубку после телефонного звонка.

— Флетчер...

— Сейчас говорить не могу. Извините. Мне не следовало брать трубку.

— Флетчер... — В голосе не было ничего человеческого. — Это Билл Дикманн.

Флетч тряхнул головой, отгоняя дурноту.

— Да, Билл?

— Помогите мне.

— А в чем дело, Билл?

— Вы сказали... что поможете.

— Что случилось?

— Флетч, моя голова. Моя голова. Мне так плохо. Я боюсь. Не знаю...

— Билл, где вы сейчас?

* Уичито — город в штате Канзас, центр авиационной промышленности.

- Я уже...
- На стадионе?
- Да. Под трибунами. У телефона.
- Билл, оглядитесь. Нет ли кого знакомого? Или копа?
- Ничего не вижу. Это ужасно. Что...
- Билл, стойте на месте. Я сейчас.
- Я боюсь... Не знаю...
- Уже бегу, Билл. Ничего не делайте. Стойте, где стоите. Бегу к вам.

ГЛАВА 29

Флетч проскочил вращающуюся дверь отеля, оглядел пустынную улицу, вернулся в вестибюль, поспешил к портье.

— Как мне найти такси?

— Наверное, подождать, пока оно подъедет, — предложил портье логичное решение. — Случается, они заглядывают к нам.

— Я очень спешу.

Портье пожал плечами.

— Вызова у нас нет. Придется подождать.

— А далеко крытый стадион?

— Восемь кварталов на север. И потом три на восток*. Без такси вам туда не добраться.

— Благодарю.

Флетч так сильно толкнул вращающуюся дверь, что задняя лопасть стукнула его по спине. Такси, естественно, не было. Он посмотрел на часы. Ребром ладони стукнул себя по животу. Мышцы спружинили удар.

— Придется попотеть, — сказал он себе.

И побежал по тротуару на север. Его догнала какая-то развалюха. Флетч замахал руками, надеясь, что водитель остановится, но тот объехал его по широкой дуге.

После восьмого квартала Флетч повернул на восток. Впереди сверкал огнями стадион. Он перепрыгнул через сугроб, отделявший мостовую от тротуара, и, поскользнувшись, подвернул ногу.

Над входом висел огромный транспарант:

КЭКСТОНА УИЛЕРА — В ПРЕЗИДЕНТЫ

На тротуаре толпились люди. У самых дверей стояли полицейские и пожарные.

Флетч уже взялся за ручку двери, когда пожарный схватил его за плечо.

— Туда нельзя.

— Но мне надо.

— Приказ командира пожарной команды. Зал переполнен.

— Вопрос жизни и смерти?

— Совершенно верно.

Глубоко вздохнув, Флетч полез за бумажником.

* Американцы предпочитают улицы, ориентированные по сторонам света, пересекающиеся под прямым углом.

— Моя фамилия Флетчер. Я пресс-секретарь губернатора Уилера. Мне надо пройти.

Пожарный даже не взглянул на удостоверение.

— Сейчас мы не пропустили бы и самого губернатора.

— Человеку плохо. Журналисту. Он попросил помочь ему. Я выведу его оттуда. И у вас станет на одного человека меньше.

— Пусть его выведет кто-то еще. — Пожарный остановил старушку с желтыми ягодами на шляпке. — И у нас станет на два человека меньше.

Проулок вдоль боковой стены не освещался. Никто и не чистил его от снега. Изнутри доносились звуки музыки, приветственные крики, аплодисменты.

Воздух, выдыхаемый Флетчем, образовывал облако тумана перед его лицом.

Как и ожидал Флетч, вверх по стене уходила пожарная лестница. Специальные балансиры удерживали ее нижнюю площадку на высоте четырех метров. Под тяжестью человека площадка могла опускаться вниз.

Флетч подозревал, что не сможет прыгнуть так высоко, но решил проверить это на практике. Разбежался по скользкому, бугристому от ледяных наростов асфальту. Прыжка не получилось. Наоборот, поскольку выйдя, он полетел на землю. Угодил головой в деревянный ящик из-под апельсинов, наполненный мусором.

Из ящика выпала пустая банка из-под кетчупа. Флетч отшвырнул ее ногой. Банка беззвучно влипла в снег.

Флетч поднял ящик, перевернул. На его ботинки посыпались кожура грейпфрутов, яичная скорлупа, куриные кости. Он поставил ящик под пожарной лестницей. Встал на него. Подпрыгнул, пытаясь ухватиться за нижнюю площадку. Приземляясь, проломил ящик. Боль в подвергнутой ноге отдалась по всему телу. Он вновь стоял на асфальте, по колено в сломанных дощечках.

— Отчего человек не летает? — печально вздохнул Флетч.

Он быстро собрал достаточное количество ящичков, коробок, бочек, чтобы добраться до нижней площадки пожарной лестницы. Она со скрипом опустилась вниз, и Флетч полез наверх. Преодолев половину лестницы, оказался перед металлической дверью. Естественно, ручки снаружи не было. Не только ручки, но и замочной скважины. Металлические полосы по периметру закрывали щель между дверью и дверной коробкой.

— Человек мыслит, — повторил Флетч и полез выше.

Пожарная лестница оканчивалась небольшой площадкой. На ней Флетча ждала не дверь, а окно. С толстым матовым стеклом. Оборудованное датчиками сигнализации. Запертое изнутри.

Он ударил по стеклу каблуком. Посыпались осколки, зазвенел звонок тревоги. Звучал он, как школьный звонок, сердитый, но негромкий. Внутри оркестр играл «Боевой гимн республики». Люди скандировали: «Уилер! Уилер! Уилер!» Флетч логично рассудил, что в сложившихся обстоятельствах едва ли кто обратит внимание на этот звон.

Еще несколькими ударами он расширил дыру, рукавом пид-

жака отодвинул провода, перелез на подоконник, прыгнул вниз. Пол оказался ниже, чем он ожидал. А потому левая нога вновь отозвалась острой болью.

Музыка и скандирование стихли. Их заменил мужской голос. Не отрывая ноги от пола, чтобы не свалиться в темноте со ступенек, Флетч двинулся налево. Через несколько шагов наткнулся на стену. Повернул направо, на мужской голос: «Защипать нашу великую республику...» Вновь стена, еще поворот. Стало заметно светлее. Флетч увидел, что стоит на площадке старой деревянной лестницы. Звонка он уже не слышал.

Нога не болела, так что он сбежал по ступеням. Открыл дверь в коридор на балконе. Со стороны коридора дверь маскировало зеркало.

Чтобы сориентироваться, Флетч вышел на балкон.

Ни одного свободного места. Люди стояли даже в проходах.

На возвышении полукругом сидели Дорис Уилер, губернатор Кэктон Уилер и городская верхушка. У микрофона держал речь конгрессмен Джек Спайв.

Чуть впереди, лицом к партеру, возникшему на месте ледовой арены, стоял сводный оркестр школ города. Люди заполнили все проходы, хотя пустых стульев еще хватало. На другой стороне, в отдельной ложе, Флетч увидел Фредерику Эрбатнот, Роя Филби, Фенеллу Бейкер, Тони Райса, других репортеров. Кто сидит в такой же ложе, справа от него, оставалось тайной.

С балкона Флетч спустился в фойе. Слева от дверей в зал увидел три телефона-автомата. Дикманна рядом с ними не было.

Флетч осмотрел все уголки. Никаких следов Дикманна. Не нашел он и других телефонов.

Народ толпился в фойе.

Пожарный, который не пускал Флетча, переместился с улицы в фойе. Заметил Флетча. Двинулся к нему. Флетч скорее всего избежал по лестнице на балкон.

— Фредди, — Флетч сел рядом с ней; лишь в ложе прессы остались свободные места, — вы не видели Шустрика Грасселли? Она покачала головой.

— Мне пришла в голову одна мысль.

— Надо найти Шустрика.

— Не кажется ли вам странным, что Уолш нанял вас буквально через несколько дней после того, как я присоединилась к репортерам, освещающим предвыборную кампанию?

— Помогите мне найти Билла Дикманна.

— Я имею в виду, что вы мастер журналистского расследования. Как и я.

— Билл позвонил мне в отель. Отсюда. Попросил помочь ему. У него опять что-то с головой.

Ее карие глаза уставились на Флетча.

— Похоже, он боялся того, что может сделать.

— Давно он звонил?

— О Господи. — Флетч посмотрел на часы. — Полчаса тому назад. Люди не летают.

— Шустрика я не видела. И Билла тоже.

Флетч поднялся.

— Я просил его не отходить от телефона. Сейчас его там нет. Взгляд Флетча обежал партер. Проходы расчистились. По ним ходили лишь пожарные и полицейские.

Фредди наклонилась к Рою Филби и Тони Райсу, что-то им сказала.

Бетси Гинзберг сидела внизу, в самой середине партера.

Рой и Тони тоже встали.

— Они вам помогут. Я сказала им насчет Билла.

Флетч отступил в сторону, давая им выйти из ряда.

— Поищите его. Возможно, он в одной из комнат отдыха. — По голосу чувствовалось, что он при последнем издыхании.

— А может, его уже увезли в больницу? — предположил Рой.

— Прошло не так уж много времени после его звонка. Скорее всего он еще здесь.

Перед тем как выйти из ложи, Флетч еще раз посмотрел вниз. Бетси поднялась со своего места и пробиралась к проходу.

— О черт! — сказал себе Флетч. — Бетси!

Он выбежал из ложи прессы так быстро, что ткнулся в спину Тони Райса.

— Флетч! — крикнула вслед Фредди. — Ты его засека?

— Нет!

Он помчался по коридору к лестнице, слетел в фойе. Народу там заметно прибавилось, похоже, полиция вытолкнула сюда тех, кто не смог найти свободный стул в зале. Многие громко выражали свое недовольство. К дверям, ведущим в зал, Флетч протолкался с великим трудом. И уткнулся в толстый живот полицейского, перегородившего вход.

— Пожалуйста, дайте мне пройти. — Флетч протиснулся между животом и распахнутой половинкой двери.

— Порядок нарушать не будете?

— Ни в коем разе, — обернувшись, ответил Флетч.

И тут его заметил пожарный, все еще болтающийся в фойе.

— Задержите его! Эй, задержите этого парня!

И он протиснулся мимо полицейского.

Через головы сидящих Флетч увидел Бетси, выходящую через дверь справа от возвышения, где расположились чета Уилеров и «отцы» города. Над дверью горела табличка «Запасной выход».

Флетч двинулся направо по проходу, идущему поперек партера. Когда он проходил мимо Хэнрегана, за его спиной, чьи-то руки схватили его за плечи, развернули на сто восемьдесят градусов.

— Одну минуту. — Пожарный чуть пригнулся, словно готовился к удару. — Вы причинили нам массу хлопот.

— Извините. — Флетч отступил на шаг.

Майк Хэнреган повернулся к ним.

Пожарный схватил Флетча за руку.

Флетч не сопротивлялся.

— Пойдемте со мной.

— Трудности, Флетчер? — ухмыляясь, спросил Хэнреган.

— Я очень тороплюсь, Майкл.

— Это хорошо. — Хэнреган с короткого замаха вогнал левый кулак в бок пожарного.

Тот разом отпустил Флетча.

А мгновение спустя скрутил Хэнрегана в бараний рог.

— Спасибо, Майкл, — поблагодарил его Флетч.

Лицо Хэнрегана побагровело.

— Пустяки, Флетч. Одно удовольствие врезать копу.

— Майкл, — Флетч попытался, видя, что к ним потянулись полицейские, — вы ударили пожарного!

— Послушайте, — Хэнреган уже переключился на державшего его пожарного, — вы что, не читаете «Ньюсбилл»? Я — Хэнреган, черт побери!

По проходу под балконом Флетч быстро добрался до двери с табличкой «Запасной выход», открыл ее и оказался в пустом, ярко освещенном коридоре.

Слева дверь вела за кулисы. Справа, в конце коридора, в фойе.

Указатель у короткого коридора, идущего перпендикулярно основному, гласил: «ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ, ВТОРНИК — СУББОТА, 10—4».

На фразу оратора: «Я хочу представить вам человека, который станет следующим президентом Соединенных Штатов», — зрители ответили оглушительным ревом.

Флетч выбрал короткий коридор. Дверь в нише справа вела в выставочный зал. Массивная, двойная, полированного дерева. Разумеется, запертая.

Флетч обернулся.

Напротив еще одна дверь. Маленькая, неприметная. С надписью: «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ». И ниже, буквами поменьше: «Пожарного выхода нет».

Флетч подошел к двери, повернул ручку. Дверь открылась.

А в зале гремел голос Дорис Уилер: «Мой муж, сын и я рады тому, что приехали в Мелвилл. Давным-давно, когда мы только что поженились...»

Лестница за дверью, освещенная тусклыми лампочками, вела в подвал, в крошечную тьму.

— ...И друзья, которых мы приобрели тогда...

— Нет! — донесся из подвала женский вскрик.

Флетча бросило в жар.

Спускаясь по лестнице, он услышал звук глухого удара, напоминающего пощечину, шарканье ног по бетону.

На последней ступеньке Флетч остановился, прислушался.

На пол упало что-то легкое, возможно, дощечка.

— Перестань! — вновь женский вскрик.

— Бетси! — позвал Флетч.

Тусклые лампы аварийного освещения кое-где горели и в подвале. Тут и там стояли какие-то ящики, стенды, выставочные объекты.

— Мой муж и я вслушиваемся в ваши слова, осознаем ваши проблемы...

Флетч двинулся к центру подвала.

— Бетси?..

Множественно усиленный системой громкой связи, голос Дорис Уилер заглушал все прочие звуки.

— Мы знаем, сколько денег, времени, труда вложили вы в ваши школы, фермы, магазины, дома...

Еще слабый вскрик.

— Бетси! — проревел Флетч.

Снова шарканье ног по бетонному полу.

Глаза Флетча наконец привыкли к полумраку подвала.

Послышался звук сильного удара.

Женщина ахнула, истерически взвизгнула.

— Уолш! — проорал Флетч.

Он навалился на огромный ящик, на поверку оказавшийся пустым и потому легко отъехавший в сторону. Флетч же, потеряв опору, упал. А когда сел, увидел перед собой мужчину, зажавшего в угол женщину.

— Уолш, — позвал Флетч, не поднимаясь с пола.

Уолш обернулся. Флетч увидел лицо безумца.

Одной рукой Уолш держал Бетси за волосы, второй зажимал ей рот.

Ее пальцы впились в бицепсы Уолша. Она все еще пыталась вырваться. Глаза Бетси вылезли из орбит.

— Эй, Уолш, ты сошел с ума. Не понимаешь, что творишь.

— ...У вас будет друг в Белом доме, человек...

Уолш глянул на потолок подвала. В тусклом свете ламп блеснули его глаза.

Флетч встал.

— Я здесь, Уолш. Пора бы тебе уняться.

Перекрывая гром овации, до них вновь долетел голос Дорис Уилер: «В Белом доме будет тот, кто...»

Левой рукой, той, что сжимала волосы, Уолш нагнул голову Бетси к себе. А правой, сжатой в кулак, с силой ударил по лицу.

Ее голова стукнулась о стену.

— Уолш! Прекрати!

Стоя за спиной Уолша, Флетч поднял обе руки и ребрами ладоней ударил по мышцам между шеей Уолша и его плечами.

Руки Уолша упали.

У Бетси подогнулись колени, и она повалилась на пол.

Флетч попытался поймать ее. Уолш отшатнулся, оттолкнув его. Бетси лежала на полу, словно брошенная в угол тряпичная кукла.

Уолш попытался к стене, наклонил голову и попытался поднять руки.

— Спокойнее, Уолш. Стой и не дергайся.

Уолш повернулся. Волоча ноги, пошел вдоль стены.

Флетч схватил его за плечо и развернул к себе. Ударил дважды — в челюсть и живот.

Уолш упал, широко раскрыл рот, лова воздух. Затем медленно поднял руку к окровавленному лицу.

— Лежи тихо, Уолш.

Бетси лишилась чувств. Из сломанного носа текла кровь. Левая скула превратилась в синяк. Кровь текла и из рваной раны на затылке.

Флетч осторожно вытащил ее из угла. Уложил на бок у стены и подsunул под голову свернутый пиджак.

Уолш уже лежал на спине.

Флетч шагнул к нему.

— Все кончено, Уолш.

Уолш тяжело дышал.

— ...Кэктон Уилер, 1600, Пенсильвания авеню...

— Ты можешь идти, Уолш? Бетси очень плохо. Мы должны вызвать «скорую помощь».

Уолш смотрел в потолок.

А подвал наполнял голос Дорис Уилер: «...Белый дом... Белый дом... Белый дом...»

— Чего мать так орет? — пробормотал Уолш.

ГЛАВА 30

— Открыто, — ответил на стук губернатор Кэктон Уилер. — Заходите.

Подходя к двери, Флетч не знал, чего ждать. Он предполагал, что губернатор не спит. С другой стороны, в черном саквояже доктора Тома хранились всякие чудеса. Да и вообще губернатор мог уехать из Мелвилла.

— Доброе утро, — пробормотал Флетч.

В номере горели все лампы. За окном набирал силу рассвет.

Дорис и Кэктон Уилер сидели на диване, взявшись за руки. В той же одежде, что на вечернем митинге. Двое молодых людей, известных всему миру, а теперь потрясенных случившейся трагедией.

— Как Уолш? — спросил Кэктон.

— Сломана ключица. Ссадины на лице, — ответил Флетч. — Ему сделали укол. Сейчас спит.

— А женщина? Мисс Гинзберг?

— Сильное сотрясение мозга. Рваная рана на затылке. Сломанный нос. Небольшая потеря крови. Шок.

— Я тоже в шоке. — Дорис Уилер смотрела в пол. — Вы думаете, что Уолш убил всех этих женщин?

— Да, — кивнул Флетч. — У меня нет ни малейших сомнений.

Флетчу пришлось сесть. От усталости ноги не держали его.

— Скажите, ради Бога, что же мы делали не так? Как он мог стать убийцей?

Флетч молчал, ожидая, что ответит губернатор. Но Кэктон лишь печально смотрел на жену. Эти вопросы они задавали себе всю ночь напролет.

— Мы думали, что Уолш семижильный, — прервал затянувшееся молчание Флетч. — Гнется, но не ломается. А оказалось, что человеку такое просто не под силу. Слишком много навалилось на него. Ему приходилось изображать мистера Хладнокровие, мистера Всезнайку, принимать все удары, закрывать собой все бреши, понимать и прощать всех, кроме себя. Напряжение росло и росло, а способа стравить пар у него не было. Только он не мог ни на кого кричать. — Флетч посмотрел на Дорис Уилер, потом перевел взгляд на губернатора. — И выспаться времени

у него не было. Потому что со всеми вопросами шли к нему. Так что он не мог не сорваться. В подобной ситуации это неизбежно.

— Как вы узнали, что их убивал Уолш? — спросил губернатор. — А узнали вы много, раз смогли отыскать его в подвале и остановить.

— Если у меня и возникли подозрения, то лишь вчера вечером. Он дал мне газетные вырезки, чтобы я ознакомился с материалами репортеров Висконсина. Из стопки выпало пять заметок, скрепленных вместе, об убийствах пяти женщин.

— Пяти... — эхом отозвалась Дорис Уилер.

— Пяти, — подтвердил Флетч. — Кроме известных нам, он еще убил женщин в Кливленде и Уичито.

— Боже мой, — простонал губернатор.

— Ранее Уолш делал вид, что ничего не знает об убийствах трех, о которых его спрашивали. Ничего не знает и не хочет знать. Когда же я нашел подборку вырезок, я понял, что ему кое-что известно, возможно, даже больше, чем нам, и что эти убийства его очень тревожат.

— Он знал, что убийца — он? — спросил губернатор.

— Не уверен. Если и знал, то лишь подсознательно. Возможно, ему казалось, что это кошмарный сон. Наверное, он не отдавал отчета в своих действиях. Но утром какое-то шестое чувство заставляло его вырезать эти заметки из газет.

Губернатор наклонился вперед, уперся локтями в колени и закрыл лицо руками.

— Боже мой.

— Когда я увидел подборку, то сразу же вспомнил, что весь день он проходил без галстука. Сказал мне, что оставил его где-то в машине. А женщину, Мэри Кантор, прошлой ночью задушили мягким шнуром, возможно, и галстуком. Когда я подумал, что женщин может убивать Уолш, меня чуть не вывернуло наизнанку. — К горлу Флетча вновь подкатила тошнота. Несколько секунд он не мог произнести ни слова. — Да еще в армии был случай, когда он угрожал старшему по званию офицеру. Женщине.

— Ударил ее. — Губернатор не поднимал головы.

— Что?

Губернатор медленно поднялся, прошел к окну.

— Ударил ее. Несколько раз.

— Понятно, — выдохнул Флетч.

— У меня были друзья в Пентагоне. И я воспользовался своими связями. Быстренько перевел его в Вашингтон, в статистическое бюро. Позаботился о том, чтобы в его личном деле не упоминалось об этом инциденте. Пожалуй, не следовало этого делать.

— Так много стояло на кону, Кэктон, — повернулась к мужу Дорис Уилер.

— Да, — кивнул губернатор. — Ставки были высоки.

— Вы подозревали Уолша? — осторожно спросил Флетч. — Вы зашифровали его, отказываясь начать расследование?

Губернатор ответил не сразу.

— Я не мог заставить себя даже подумать об этом. Гнал от себя эти мысли.

— Но вы чувствовали, что такое возможно?

Вновь долгая пауза и едва слышный ответ.

— Да. — Он отвернулся от окна. На его щеках блестели слезы. — Он обезумел, когда начал избивать майора. Так, во всяком случае, утверждали свидетели.

— И тогда напряжение было очень велико. Он не выдержал и сломался.

— Не понимаю я этого, — вмешалась Дорис Уилер. — Человек может выдержать все.

Флетч словно и не слышал ее. Обратился к губернатору:

— Я думал, что вы защищаете Шустрика.

— Шустрика? — Губернатор пожал плечами. — По правде говоря, даже не думал о нем. Знаете, я видел, как он собирал орешки для белок и бурундуков. — Он улыбнулся и вытер слезы.

— Во всем виновата система первичных выборов, — поставил диагноз Флетч. — Слишком большая нагрузка выпадает на всех. И в течение длительного времени. Шести, восьми месяцев. Это чистое безумие. Даже одного из репортеров, Билла Дикманна, отправили ночью в больницу с нервным расстройством. А что доказывают эти выборы?

— В этом все дело, — ответил губернатор. — Доказывают, что можно выдержать и такие нагрузки. Как ни странно, утром я говорил о преимуществах нашей избирательной системы. Если кандидат, его семья, команда не в силах поддерживать столь бешеный темп, пусть это проявится сейчас, в избирательной кампании, а не в Белом доме. — Он прошел к комоду, взял какие-то бумаги, бросил их в корзинку для мусора. — И все-таки кое-какие результаты налицо. Пусть я не победил, но поставил очень важные и интересные вопросы.

Сидящая на диване Дорис Уилер промокнула платком глаза.

— Кэжстон, а мы не можем продолжить? Нет ли возможности...

— Я уйду в отставку с поста губернатора. И буду рядом с Уолшем. Позабочусь о том, чтобы он получил необходимое лечение, в больнице или в тюрьме. — Губернатор говорил тихо, но твердо. — И, конечно, сделаю все возможное, чтобы хоть как-то компенсировать семьям погибших утрату близкого человека...

Дорис всхлипнула.

Из груди губернатора вырвалось рычание.

— Сейчас вы ничем не поможете Уолшу, — заметил Флетч. — Судья, который сидел рядом с вами на вечернем митинге, провел судебное заседание в три часа ночи. Как он сказал, чтобы избежать лишней суеи. Он отправил Уолша на психиатрическую экспертизу. На тридцать дней. Его уже увезли.

— Психиатрическую экспертизу, — повторил губернатор. — Уолш... — На его щеках вновь заблестели слезы.

В дверь постучали.

В маленькую прихожую вошел Шустрик. В одной руке он держал чемодан и черное пальто, в другой — желтые бланки телеграмм.

— До сих пор не могу понять, что я тут делаю. — Флетч покачал головой. — То ли Уолш позвал меня, чтобы я защитил

его... Его напугало появление криминального репортера, Фредерики Эрбатнот. То ли в глубине души надеялся, что я вновь спасу его.

Дорис встала.

— Но вы не справились ни с тем, ни с другим, не так ли?

— Машина у подъезда, — обратился к губернатору Шустрик. — Я взял ее напрокат на свое имя. Полагаю, сегодня нам не стоит появляться в аэропорту.

— Это точно, Шустрик.

Шустрик протянул телеграммы.

— От президента, других кандидатов...

Губернатор указал на корзину для мусора.

— Положи их туда, Шустрик.

Телеграммы упали в корзину.

Кэкстон взял жену под руку.

— Пойдем, мама. Нам пора домой.

ГЛАВА 31

— Нам по пути? — спросил Флетч блондинку с карими глазами, стоящую в здании аэропорта рядом с синим чемоданом.

— Нет. У меня своя дорога.

— Рад вас видеть. — Флетч опустил на пол чемодан...

После того как черный «седан» с Шустриком за рулем и Кэкстоном и Дорис Уилер на заднее сиденье отъехал со скоростью катафалка, Флетч поднялся в свой номер и заснул. Спал он беспокойно, его мучили кошмары.

Проснувшись, заказал на завтрак бифштекс, яичницу, апельсиновый сок и кофе, по телефону забронировал билеты, расплатился за номер, оставив его за собой еще на несколько часов...

— Я снова без работы, — добавил Флетч.

— Это у вас хорошо получается.

— Похоже, единственное, что я умею.

— Флетч, мне жаль вашего друга. Мне жаль Уолша.

— А мне — женщин. И Кэкстона Уилера.

У тоннеля для прибывающих пассажиров собралась толпа со значками «АПТОНА — В ПРЕЗИДЕНТЫ» на пальто. Тут же стояли Тони Райс, Стелла Кирчнер, Рой Филби. Эндрю Эсти держался от них подальше, выражение его лица более приличествовало судьбе, а не репортеру.

— Вы отправили статью? — спросил Флетч.

— Да. Спасибо, что сказали мне о ночном заседании суда. Есть статьи, которые я бы не писала. — Она улыбнулась. — Но раз их надо писать, я готова потрясти мир.

— Надеюсь, что вы писали честно и непредвзято.

— Бедный Майкл Хэнреган, — Фредди не удалось сдержать смех. — Он-то ничего не написал, так?

— Майкл Хэнреган в тюрьме, — пояснил Флетч. — За избежание пожарного. За сопротивление должностным лицам, находящимся при исполнении. За появление в пьяном виде и нарушение порядка в общественном месте.

— Бедный Майкл Хэнреган, — хихикнув, повторила Фредди.

— Я ему очень благодарен. Пытался внести за него залог, пока был в полицейском участке, но местные копы полагают, что ему требуется небольшой отдых. Он кричал из камеры: «Неужели здесь никто не читает «Ньюсбилл»?» В таком состоянии они не решились выпустить его на улицу.

Толпа у тоннеля зашевелилась. Вспыхнули «юпитеры» телевизионщиков. Флетч и Фредди Эрбратнот молча наблюдали за прибытием в Мелвилл сенатора Симона Аптона.

Кандидат начал пожимать руки встречающих. Улыбаясь, двинулся к выходу, сопровождаемый своей командой и местными сторонниками. Замыкали процессию освещавшие предвыборную кампанию Аптона журналисты. Свои пожитки они тащили сами, а потому вид у них был неважнецкий.

— Я лечу в Чикаго, — прервала молчание Фредди. — И свободных мест нет.

— Понятно.

— А потом в Спрингфилд. Взять интервью у женщины, которую должны освободить после сорокалетнего заключения.

— И я, я тоже лечу в Спрингфилд.

— Не может быть!

— Так уж и не может?

— Нет.

— Откуда вы знаете?

— Вы думаете, что я лечу в Спрингфилд штата Иллинойс, так?

— Допустим.

— А я лечу в Спрингфилд, штат Массачусетс. Самолет в Чикаго полон, а на пересадку в тамошнем аэропорту у меня пятнадцать минут. — Она рассмеялась. — Ну что, Флетч? На этот раз я утерла вам нос? Вы знаете, куда я еду, но взять билеты для себя уже не успею.

— Так уж получилось, что я лечу в Спрингфилд, штат Массачусетс, — ответил Флетч. — В это время года там очень хорошо.

Смех застрял у Фредди в горле. Она взгляделась в лицо Флетча, пытаясь понять, шутит ли он или говорит серьезно.

— Вы летите в Чикаго одним рейсом со мной?

Флетч достал билеты из внутреннего кармана пиджака и протянул Фредди.

— Мелвилл — Чикаго — Бостон — Спрингфилд. Штат Массачусетс.

Фредди не отрывала глаз от билетов.

— Это же мои рейсы.

— Вернее, мои. Или вы хотите сказать, что нам по пути?

Фредди подняла на него глаза.

— Как вы это сделали?

— Что?

— Узнали, куда я лечу, и заказали билеты на те же рейсы.

В этот самый момент автобус с командой сенатора Симона Аптона тронулся с места.

— Послушайте, Фредди. — Флетч взял у нее билеты и сунул в карман. — Ну почему вам везде чудятся тайны?

Перевод с английского ВИКТОРА ВЕБЕРА.

ПЕРУ

ШАДОН

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Лесни, которые пишет и исполняет Алена Свиридова, не похожи на то, что звучит сегодня в эфире. Под них неуместно «делать козу», прихлебывая баночное пиво или, сорвав с себя майку, гикая и посвистывая, отбивать такт ногами. Их нужно слушать и получать удовольствие от причудливости мелодии, особенностей аранжировки, магии ритма и, конечно же, манеры исполнения — неповторимой и очень оригинальной, которая не оставляет у слушателей сомнений в том, что перед ними — личность незаурядная.

— Когда я впервые увидел Алену Свиридову, она сразу покорила меня, — говорит писатель Аркадий Арканов. — На сцене был человек талантливый, удивительно точно понимающий, что он делает. Когда же узнал, что она еще и сама пишет свой репертуар, то понял, что с этих пор я ее пристрастный поклонник. Что еще можно сказать об Алене? Божья искра. Блестящая будущность. Потрясающая красота.

Алена — человек везучий. Кто знает, увидел бы известный писатель молодую певицу, если бы не случай, благодаря которому подающая надежды Алена, до той поры потрясавшая лишь меломанов города Минска, в котором жила, смогла вдруг ворваться в столичный «бомонд» и стать вровень с уже известными исполнителями? Просто один из музыкантов группы «Любэ», оказавшийся в Минске, разглядел в Алене восходящую звезду и решил стать ее продюсером. Дальше события разворачивались, как в сказке. За довольно короткое время на телеэкранах появились два клипа Свиридовой, снятые Хлебородовым и Алешенко, чье

мастерство помогло «выгодно подать» дебютантку и завоевать ей симпатии молодежной аудитории. Следующий рубеж — участие Алены в сольных концертах Валерия Леонтьева.

— Я шла на прослушивание к Валерию Яковлевичу и боялась поверить в то, что это не сон, — рассказывает Алена. — Для меня он — Мастер, профессионал высочайшего класса.

Он встретил Алену сдержанно, оценивающе окинув взглядом ее совсем не сценическую «джинсу».

— Пожалуйста, начинайте, — сказал он, устало усаживаясь в кресло после изматывающей репетиции. На столике рядом подомашнему дымилась чашечка кофе.

Она вышла на сцену, и волнение ее исчезло. Несмотря на не такой уж большой опыт выступлений, Алена чувствовала себя на подмостках уверенно и спокойно.

— ...ведь никто никогда не любил тебя так, как я... — пела Алена, и музыка, необычная, изысканная, завораживающая, превращала эту угловатую, с мальчишескими повадками девушку в эlegantную леди, леди-шарм...

Следующая песня была о высоте — о высоте, к которой должен стремиться каждый думающий и ищущий человек. Построенная на иносказаниях, она открывала теперь уже совсем другого человека — доверчивого романтика, рвущегося распахнуть свои объятия небесам. Причудливо изломанная мелодия, нежная и светлая, своеобразные стихи, ни на кого не похожая манера исполнения свидетельствовали об одаренности автора.

Кофе давно остыл, а маэстро так и не притронулся к нему.

— Хорошо, — сказал он в конце и добавил: — Только поменяй-

те, пожалуйста, костюм — у меня красивое шоу...

Они отработали вместе восемь концертов за четыре дня. Все четыре песни, которые она исполняла, Леонтьев стоял за кулисами и внимательно слушал, хотя изначально предполагалось, что он должен за это время хоть немного передохнуть в гримерной. Публика, пришедшая «на Леонтьева», приняла Свиридову и аплодировала ей с немалым энтузиазмом. Кстати, после первого же выступления Алены, которая сменила комбинезончик на шикарное, специально сшитое платье, Валерий Яковлевич признал свою ошибку — в новом туалете певица что-то теряла, пропадало то своеобразие, особенность пластики, которые ее отличали. И во втором концерте Алена появилась перед зрителями в джинсах уже с благословения Леонтьева.

С тех пор они больше не встречались, но, когда одна из телевизионных программ снимала передачу об Алене и пригласила Валерия Леонтьева сказать несколько слов о Свиридовой, он без колебаний согласился. При его-то загруженности (в то время Валерий Яковлевич был полностью поглощен репетициями своей новой программы) — факт весьма примечательный.

— Сегодняшний музыкальный рынок весьма тесен, — говорит Валерий Леонтьев. — При всем обилии имен, звучащих с эстрады, истинных звезд, к сожалению, совсем немного. И Алена сумела занять свое достойное место в их числе. Она пошла по пути наибольшего сопротивления. Ее песни не из тех, что запоминаются с первого раза и становятся шлягерами. Но, понравившись, они проникают в душу, и хочется слушать их еще и еще. От музыки, которую пишет Алена, струится ка-

кой-то свет, искренность и чистота. Алена — личность, а это редкость не только на эстраде, но и в жизни. Мне очень хочется, чтобы ее творческая судьба сложилась ярко и счастливо, — она этого достойна.

На середине фразы дверь в телевизионную студию скрипнула, и в нее вошла Алена. Прокравшись на цыпочках мимо снимающих Леонтьева операторов, она встала за их спиной и с нескрываемым любопытством стала слушать, что же думает о ней Мастер. При этом восходящая звезда эстрады походила на шкодливого мальчишку, только что расколотившего футбольным мячом стекло в соседском доме и получившего вместо положенной взбучки эскимо на палочке...

ЕЛЕНА ЦЫГАНКОВА

ШАМАН

Жизнь и смерть
Джима Моррисона

Джим Моррисон, вокалист квартета из Лос-Анджелеса, умер в Париже от сердечного приступа, находясь на вершине славы. Это произошло почти двадцать лет назад, но и сейчас Джим Моррисон и группа «Дорз» — Рей Манзарек (клавишные), Робби Кригер (гитара) и Джон Денсмор (ударные) — известны и любимы даже теми, кто родился уже после того, как Джима не стало. Ведь после смерти звезды ее известность возрастает вдвойне. Интерес к личности Джима Моррисона не ослабевает с годами. Его пластинки, фильмы и книги о нем пользуются неизменной популярностью. Джим Моррисон был богом чувств, скрытых эмоций, спонтанных порывов, танца, музыки. Он был не просто артистом, он был шаманом.

Джим Моррисон — личность яркая, неординарная, противоречивая, вызывавшая вплоть до конца шестидесятых годов страх

и неприязнь американского обывателя. Его воспитание в семье на первый взгляд может показаться весьма обыденным и укладывается в строгие рамки условности. Именно этим объясняется тот факт, что вплоть до середины 1969 года Джим говорил о своих родителях, как об умерших.

«Я просто не хотел их впутывать, — объяснял он. — Думаю, я говорил это в шутку, ведь ничего не стоит разузнать подробности чьей-либо личной жизни, если очень постараться».

Его желание «не впутывать родителей» скорее можно объяснить несколько эгоистичным стремлением создать свой собственный имидж, ведь его отец, будущий контр-адмирал военно-морского флота США, олицетворял собой как раз то, от чего Джим пытался убежать.

Джим родился 8 декабря 1943 года в Миллбурне, куда его отец,

минер Тихоокеанского флота, получил назначение на работу по подготовке моряков. Почти сразу же после рождения сына отец возвращается на Тихий океан, чтобы принять участие в захвате островов. Первые три года своей жизни Джим провел с матерью Кларой и родителями отца Полом и Каролиной Моррисон в Клиаруотерз во Флориде. Этот период оказался одним из самых продолжительных периодов оседлости в жизни Моррисонов. Жизнь кадрового офицера вооруженных сил состоит из бесконечных переездов с одной базы на другую, и вся семья кочует подобно цыганскому табору, пересекая страну из конца в конец. В таких условиях Джим и приобрел привычки и черты характера, которые не вызывали восторга у окружающих. Пока он рос, Моррисон-старший был нечастым гостем в семье и в короткие периоды общения, похоже, не пользовался у сына особым авторитетом. Поэтому Джим в детстве получил весьма смутное понятие о дисциплине, и с годами его характер мало изменился в этом плане.

В середине 1946 года, когда отец вернулся с войны, Моррисоны отправились в долгое плавание на корабле. 6 месяцев они провели в Вашингтоне и год в Нью-Мехико.

Именно здесь произошло то, что Джим назовет потом самым важным моментом в жизни. Моррисоны ехали на машине из Альбукерке в Санта Фе, когда увидели последствия одной дорожной катастрофы. Вот как сам Джим рассказывал об этом:

«В первый раз в жизни я увидел, что такое смерть... Я, мама, папа, бабушка и дедушка ехали на рассвете по пустыне в автомобиле. Вероятно, грузовик с индейцами столкнулся с другой машиной, потому что по всей дороге валялись

окровавленные люди. Мы остановились... Мне было тогда года четыре или пять, и я не помню, был ли я до этого хоть раз в кино, и вдруг все эти окровавленные тела вокруг, они лежали по всей дороге, истекая кровью. Я был совсем ребенком, поэтому меня оставили в машине, а отец и дедушка пошли посмотреть... Я ничего не видел... только странные красные пятна и людей, лежащих вокруг, но я понял, что что-то происходит, потому что почувствовал, как вибрировали люди вокруг меня; ведь это были мои родители и все такое, и вдруг я догадался, что они понимают больше меня. Вот тогда я впервые ощутил страх... И я был уверен, что в тот момент призраки всех этих умерших и вошли в мою душу, а я был как губка, я просто сидел, готовый впитать их в себя... Это не сказки о призраках, для меня это действительно что-то значит».

Воспользовался ли Джим этой историей для оправдания своего шаманства, которое ему приписывали, судить трудно, однако вряд ли найдется много людей, которые могли бы с такой определенностью в столь раннем возрасте проследить подобное психологическое воздействие.

В начале 1948 года служба старшего Моррисона заставила семью перебраться в Лос-Альтос, на север Калифорнии, где они прожили четыре года. А затем последовали бесконечные переезды. Сначала вся семья, в которой было уже трое детей, год жила в Вашингтоне, затем, пока отец выполнял патриотический долг в Корее, мать с детьми два года провела в Калифорнии, в Клермонте около Лос-Анджелеса. По возвращении отца они переезжали то в Альбукерку, то в Сан-Франциско, пока в декабре 1958 года отец Джима не полу-

чил должность в Вашингтоне. Там Джим проучился три года в школе имени Джорджа Вашингтона, став центром внимания как школьников, так и учителей. Он постоянно выкидывал всякие фокусы, чтобы удивить или рассердить тех, кто его окружал. Его считали неуравновешенным, избалованным ребенком, который часто нарушает правила не только поведения, но и хорошего тона. Тем не менее отметки Джима в школе были неизменно высокими, что приводило всех в недоумение.

Занятия в школе совершенно не интересовали Джима, к тому же к собственной карьере он был совершенно безразличен, поэтому учиться дальше не хотел. Однако родители сообщили ему, что он зачислен в Санкт-Петербургский колледж во Флориде и что жить он будет у бабушки с дедушкой в Клиаруотерз. Джим согласился, решив, что по крайней мере это обеспечит ему личную свободу. В ноябре 1961 года Моррисон уехал во Флориду, а вся семья — в Калифорнию.

В Санкт-Петербургском колледже Джим завоевал популярность лишь благодаря своему хулиганскому поведению. Здесь он задержался всего лишь на год, затем перешел в Государственный университет во Флориде в городе Теллахасе, но уже в конце второго семестра приехал к родителям в Калифорнию, чтобы объявить о своем решении перейти в университет кинематографии Лос-Анджелеса (УКЛА). Моррисоны категорически отвергли эту идею, и Джиму пришлось вернуться в университет.

Однако он усердно занимается, сдает экзамены в УКЛА, и родители, поставленные перед свершившимся фактом, вынуждены согласиться на его перевод. Это случилось в январе 1964 года. Джим

буквально ворвался в жизнь колледжа и умудрился оставить след даже в УКЛА с его либерализмом. Усовершенствованным вариантом прежних шалостей Джима стало его первое знакомство с наркотиками и увлечение алкоголем. Здесь он организовал небольшую группу, куда вошло еще четверо будущих продюсеров «Дорз». Но самую большую роль в этом сыграл Деннис Джакоб, которому Джим после дискуссии об Уильяме Блейке, Альдосе, Хаксли и им подобным предложил создать дуэт под названием «Двери: открытые и закрытые», который явился моделью будущей группы «Дорз».

Когда наконец он снял фильм для выпускного экзамена (курс был столь очевиден, либеральным, что не сдать экзамен было почти невозможно), результат оказался настолько плачевным, что даже те, кто его поддерживал, не смогли его отстоять. Оскорбленный таким пренебрежительным отношением к его усилиям, Джим повел себя самым типичным для него образом. Через несколько дней после просмотра его первого — и последнего — фильма Джим ушел из УКЛА. Можно было бы сказать, что время, проведенное Джимом в УКЛА, прошло впустую, если бы не его знакомство с неким Реем Манзареком.

Райнольд Даниэл Манзарек родился в Чикаго 2 декабря 1939 года. С детских лет он занимался музыкой, позднее увлекся джазом, блюзом, роком. В Чикагской консерватории изучал технику классической музыки. Как и Джим, Рей не сразу нашел свое призвание, он окончил университет Де Пола, получил степень бакалавра по вопросам экономики, в УКЛА изучал право. Осознав, что юриспруденция не его стихия, он попытался стажироваться в Западном Банке

Америки, но через три месяца вернулся в УКЛА на факультет кинематографии.

Еще до встречи с Джимом Рей организовал студенческую группу «Рик энд Рейвенз», в которую вошли два его брата и еще трое друзей. Именно Рею и его группе Джим Моррисон обязан своим первым появлением на сцене. Рей обратился к нему с просьбой выступить на выпускном вечере, один из музыкантов неожиданно ушел из группы, и, чтобы не нарушить условия контракта, им нужен был шестой человек. Джим не играл ни на одном инструменте, но они легко справились с этой проблемой, дав ему в руки неподключенную электрогитару. По окончании выступления Джим забрал свой гонорар и исчез. Он уехал в Калифорнию и жил там сначала в квартире вместе с Деннисом Джекобом, а потом один — на крыше гаража.

Именно тогда Джим и пристрастился к наркотикам, с каждым днем увеличивая дозу ЛСД, которая продавалась в Калифорнии совершенно легально и в большом количестве. Тогда впервые и появились те песни, которые впоследствии будут звучать на пластинках «Дорз».

Примерно в это же время Джим познакомился с Памелой Карсон, девятнадцатилетней девушкой из Калифорнии. Это было началом связи, которой суждено стать постоянной, насколько возможно для Джима. Они расхотелись, опять сходились, но вновь ненадолго.

Окончательно группа «Дорз» сформировалась, когда Манзарек познакомился с ударником Джоном Денсмором и гитаристом Робби Кригером в центре медитации Махариши, который был в то время широко известен благодаря «Битлз».

Роберт Алан Кригер, самый молодой из четверых, родился в музыкальной семье. Он учился играть сначала на трубе, а затем, увлекшись блюзом, на пианино и гитаре, которая и стала его призванием. «Робби пришел с гитарой, — вспоминает Рей, — и когда надел на мизинец горлышко стеклянной бутылки и коснулся струн, я сказал: «Вот это звук! Изумительно! Как раз то, что нужно. Так и должны звучать «Дорз»...»

Почему «Дорз» так популярны до сих пор? Это связано с тем, что в них воплотилось все необходимое для музыкальной группы. Робби Кригер: не только блестящий сочинитель песен, но и прекрасный гитарист; Рей Манзарек: музыкант, играющий на клавишных, имеющий классическую подготовку, обожающий блюзы, но к тому же играл на бас-гитаре, придавая мелодии окончательную отточенность; Джон Денсмор: ударник, неподражимо передающий шаманский ритм и приносящий удивительный драматизм в исполнение; Джим Моррисон: баритон, поэт непревзойденной энергетике с врожденным талантом композиции.

Группа стремилась соединить рок-музыку с поэзией и драмой, исполнителя и публику, подключив их непосредственно к Вселенскому Разуму.

Но успех пришел не сразу. Контракт со студией «Коламбия» был лишен на полке, а группа репетировала, лишь изредка выступая перед публикой, причем пел Рей. Джим очень стеснялся и стоял к залу спиной.

В январе 1966 года «Дорз» наконец-то получили постоянную работу в клубе «Лондон Фог» в качестве «домашней» группы.

Джим считал, что именно за время работы в «Лондон Фог» им

удалось добиться того звучания, той манеры, к которой он стремился и которая, по мнению многих, умерла вместе с ним. «Это поиск, как будто ты открываешь одну дверь за другой... Наше выступление на сцене — это стремление к метаморфозам. Сначала нас больше интересует темная сторона жизни — зло, ночь. Но через нашу музыку мы стремимся к свету, к воплощению мечты», — говорил Джим.

«Лондон Фог» не был союзным клубом и не мог платить группе больше 5 долларов в неделю и 10 долларов по пятницам и субботам. «Коламбия» серьезной финансовой помощи не оказывала, а вскоре и совсем от них отказалась.

В апреле их окончательно уволили из «Лондон Фог». Владелец клуба сказал: «Парни, вы тут уже несколько месяцев. Боюсь, нам надо поискать уже другую группу».

«В тот самый момент, когда мы думали: «Боже, что же нам теперь делать?» — вспоминает Рей. — как подарок судьбы появился агент по ангажементам из компании «Виски — Эй-Гоу-Гоу», он прослушал нас, сразу же влюбился в Джима, наша музыка ему тоже понравилась, и он спросил: «Парни, а что если вам стать «домашней» группой «Виски»?» Парни отнеслись к этому предложению очень хорошо, тем более что ставки с 5 долларов на всех повышались до 135 долларов в неделю на каждого. Они были на седьмом небе от счастья».

За те три месяца, что «Дорз» выступали в «Виски», их увольняли в среднем по два раза в неделю. Иногда потому, что они играли слишком громко (это была идея Джона, который считал, что музыка «должна бить по мозгам»), но чаще из-за Джима, который был либо пьян, либо в наркотическом

трансе, либо и то и другое, а иногда просто не появлялся. Как только их увольняли в очередной раз, они отправлялись в «Лондон Фог», нанимали побольше людей из толпы своих поклонников, те приходили в «Виски», требуя выступления «Дорз». Это всегда срабатывало безотказно.

А вскоре произошло событие, которое, по существу, решило судьбу группы: их услышал Джек Хольцман из студии звукозаписи «Электра Рекордз». Однако подписать с ними контракт Хольцман решил лишь после серии прослушиваний и персональной рекомендации Артура Ли из группы «Лав». Джим позднее говорил, что «предложение Джека Хольцмана было единственным конкретным предложением. Другое дело, что пришлось договариваться об условиях получше. Спросом мы тогда не пользовались». Контракт заключили на семь альбомов в год с возможным продлением контракта еще на два года. Продюсером группы стал Пол Ротшильд. «Когда я услышал их в первый раз, — вспоминает Пол, — «Дорз» не произвели на меня никакого впечатления... в первом отделении это было просто плохо, но я остался на второе, и они были великолепны, они были неподражаемы».

По мнению Рея Манзарека, сотрудничество «Дорз» с Полом Ротшильдом стало «браком, заключенным на небесах: Пол оказался как раз тем, кто был нам нужен. Он был знатоком поэзии, джаза, рок-н-ролла, музыки кантри и великолепным продюсером. Он пользовался большим авторитетом, но всегда понимал, что нам необходима свобода... Если он хотел нам что-нибудь предложить, он обычно говорил так: «Послушайте, а что если нам попробовать сделать вот так?» И часто оказы-

вался прав, и мы с ним соглашались».

В начале сентября группа вместе с Полом Ротшильдом приступила к работе. Однако в работе над альбомом не все шло гладко. Возникали трудности и с записью, и с самим Джимом, который все больше увлекался наркотиками и алкоголем. В основу альбома положены композиции Джима Моррисона, написанные им на крыше гаража в Калифорнии. Эти композиции были безоговорочно приняты публикой. Любому критику стало ясно, что песни Моррисона — это драгоценные камни, которые он будет шлифовать и в следующих альбомах.

Альбом был записан в рекордно короткий срок — две недели — и вышел в апреле 1967 года. Над студией «Сансет Стрип» в Голливуде появилась первая афиша группы: «Дорз» вырвались вперед со своим электризующим альбомом».

Закончив запись, «Дорз» отправились на гастроли, чтобы познакомиться публику со своим новым альбомом. Это был весьма благоприятный период для группы: у них практически не было конкурентов. Слушатели, пожалуй, так и не смогли до конца осознать, насколько глубоки их песни о любви — до них так не пел никто. И никто не знал, что замышляют господа Леннон и Маккартни на Эбби Роуд, 2. Музыкальные критики сильно растерялись, пытаясь подобрать подходящие эпитеты для «Дорз». Большинство из них сконцентрировали свои усилия на разборе композиции «The End». О «Дорз», вернее о Джиме, писали, что это умный, образованный артист, обладающий самой фотогеничной внешностью со времен Элвиса Пресли, — подарок богов.

Моррисон, пожалуй, был пер-

вым рок-певцом, который заговорил о мистической силе рок-н-ролла, о присущем рок-концерту аспекте ритуальности. За это газетчики издевались над ним: «Не воспринимай себя слишком серьезно, Моррисон, ведь это всего лишь рок-н-ролл, а ты всего лишь рок-певец».

Джим не мог и не хотел придерживаться компромиссов ни в искусстве, ни в жизни. Он собирался пройти весь путь и умереть в поиске. Все или ничего. Всегда риск. Он не просто развлекал зрителей или изображал чувства, он был великолепен, охвачен страстью и безумием в своем желании творить, в стремлении быть настоящим. Это делало его опасным, непредсказуемым, конфликтным. И он пытался найти покой и уединение в наркотиках. На сцене Моррисон играл трагедию, ужас, невыразимую муку. А публика ВИДЕЛА, ЧУВСТВОВАЛА ЭТО, она была словно под гипнозом.

Так возник имидж артиста-медиума. Потом о Моррисоне писали как о шизоидном типе. Говорили, что он «эротический политикан, интересующийся всем, что имеет отношение к бунту, беспорядку, особенно в деятельности, казалось бы, бессмысленной». Позднее он станет предметом мечтаний всех школьников, его портреты будут оклеены все спальни Америки. Но это все впереди. А пока что группа выступает в Сан-Франциско в «Филмор Аудиториум», традиционном месте сбора рок-музыкантов андерграунда, и «Дорз» имеет успех, превосходящий успех «Сопвис Кэмел» и «Янг Расскалз»...

В самом начале творческой биографии Джим пытался объяснить журналистам: «Концерты «Дорз» — это собрание людей, которых мы создали для специальной театральной дискуссии. Когда мы даем представление, мы

участвуем в создании мира и празднуем это вместе с толпой».

Джим всегда был уверен в том, что «каждый момент жизни — это драгоценный камень, капля времени, это все, что у нас есть... Когда «Дорз» выходит на сцену, у нас нет ни прошлого, ни будущего, у нас есть только настоящее. Тот благословенный момент, когда четверо парней на сцене, публика в зале, движение энергии между ними — это и есть общение. Моя энергия полностью растрачена, и я чувствую полное очищение от всего темного и греховного...»

Оказалось, Джим мог «завести» не только зрителей в зале. В конце 1967 года «Дорз» должны были выступать в телешоу Эда Сулливана с композицией «Sight My Fire», но возникла небольшая проблема. Си-би-эс из соображений морали потребовала, чтобы они заменили одну строчку в тексте, на что «Дорз» с готовностью согласились. Нечего и говорить о том, что в прямом эфире прозвучал текст без изменений, и в операторской это произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Этот инцидент стал для группы начальным проявлением презрения к условностям и фальшивым моральным ценностям, которые для них ничего не значили.

К ноябрю о «Дорз» писали все американские газеты на первых страницах, их анализировали такие издания, как «Тайм», «Лайф» и другие.

Этот период ознаменовался также тем, что будет потом оказывать значительное влияние на судьбу Джима и группы «Дорз». Джим пристрастился к алкоголю, который все больше вытеснял из его жизни кислоту и другие наркотические препараты. «Каждый глоток, — объяснял Джим, — это еще один шанс познать блаженство».

Поначалу он пил просто потому, что опьянение приносило ему радость. «Оно освобождает человека и способствует разговору. Это похоже на бродяжничество: вы отправляетесь вечером на пьянку и не знаете, где все это закончится утром. Это может быть приятно, а может быть отвратительно, как повезет».

А потом он пил по той причине, по какой пьют все алкоголики.

Быть поэтом — не означает писать стихи. Это требует другого стиля жизни и смерти, это захлестывающая грусть, это лихорадочное состояние по утрам, которое ничто не уйдет, кроме смерти. Быть поэтом — это свершение. Это трагическая судьба, которую выбирает поэт, и делает это с радостью.

Ни один из современных поэтов не писал так о чувстве одиночества, страха и разобщенности, как это делал Джим Моррисон.

«Если у моих стихов есть хоть какая-то цель, так это увести людей из тех рамок, в которых они видят и чувствуют», — пояснял он.

В творческом отношении 1967 год был счастливым для группы — два альбома в первой пятерке, три сингла в первой тридцатке, к тому же альбомы «Sight My Fire» и «Doors» один за другим стали золотыми дисками. Ничто не предвещало трагедии. Но она разразилась. Это произошло в Нью-Хэвен, штат Коннектикут, на следующий день после того, как Джим отметил свое 24-летие. Аудитория в зале была настроена благожелательно, и концерт проходил как обычно. Джим вел себя весьма свободно, попросил у зрителей в зале сигарету, сбросил подставку для микрофона и даже плюнул в первый ряд, но плевком не долетел, и это, похоже, никого не возмутило. Джим был доволь-

но агрессивен на сцене, а публика подыгрывала ему. Все шло как на любом другом концерте «Дорз» до тех пор, пока не дошло до последней песни «Back Door Man». Во время музыкального проигрыша Джим, не сбиваясь с ритма, начал рассказывать, и публика сразу же догадалась, что это не обычная импровизация Моррисона.

«Я хочу вам кое-что рассказать, это произошло всего несколько минут назад, здесь, в Нью-Хэвен...»

Потом он подробно рассказал о том, что делал в этот вечер, с кем обедал, о чем разговаривал, как познакомился с девушкой в гардеробной. После этого Джим сразу же вернулся к песне и допел ее за 30 секунд, ровно столько времени нужно было для того, чтобы зажечь свет в зале. Моррисон обратился к зрителям с вопросом, хотят ли они еще послушать музыку, и все завопили: «Да!!!» «Тогда погасите свет! ПОГАСИТЕ СВЕТ!» На сцене появился полицейский. Джим был с ним не слишком любезен, он сунул ему в лицо микрофон со словами: «Ну, парень, скажи что-нибудь». Но тут подошел еще один полицейский. Билл Сиддонс, гастрольный менеджер группы, храбро защищал Моррисона, пытаясь заслонить его собой, но ничто не помогло. На сцену выбежало еще несколько полицейских. Зрители начали расходиться, оставшиеся в знак протеста расшвыряли деревянные складные сиденья. Сиддонс бросился спасать инструменты. Моррисона запихали в патрульную машину и отвезли в полицейский участок. Его обвинили в непристойном, аморальном поведении и сопротивлении представителю закона. Билл Сиддонс уплатил штраф в размере 1500 долларов из гонорара группы. Впоследствии выяснилось, что фактически Жи-

му не было предъявлено никакого обвинения, но этот инцидент окончательно уничтожил и без того подорванное уважение к закону и порядку. Случившееся также усилило недоверие истеблишмента к группе «Дорз» и прибавило ей забот.

В начале 1968 года «Дорз» вернулись в студию, чтобы записать третий альбом, оказавшийся самым сложным. Рей назвал это «синдромом третьего альбома». При записи альбома почти сразу возникли проблемы с Джимом: он собирал в студии друзей и вообще всех, кто попадался ему под руку, и напивался до состояния невменяемости. Выпуск третьего альбома был под угрозой. Пол Ротшильд предложил пригласить Бобби Ньювирта, в прошлом гастрольного менеджера Боба Дилана, а ныне уважаемого в своем роде музыканта. Ему предстояло сделать документальный фильм о группе.

Работа над альбомом с большим трудом подходила к концу. Он вышел в июле 1968 года и, как ни странно, занял первое место в рейтинге популярности.

Сразу же после выпуска альбома «Дорз» отправились на гастроли и совершили свое первое за океанское турне в Великобританию, Данию, Западную Германию и Голландию. За все время гастролей Джим только один раз устроил публичный скандал. Это произошло в Амстердаме. Приняв слишком большую дозу стимуляторов, Джим начал бузить на сцене, а когда его «проводили» за кулисы, он отключился. Его отвезли в ближайшую больницу, а Рей, Робби и Джон остались, чтобы продолжить концерт в качестве трио...

Группа вернулась в Америку и начала работу над своим четвертым альбомом, одновременно вы-

ступая с концертами в Лос-Анджелесе.

Популярность «Дорз» начала падать. Они были вместе уже три года и теперь оказались между двух огней: критика требовала изменений, называя это «ростом», а основную часть фанатов вполне устраивала традиционная манера «Дорз».

Февраль 1969 года стал решающим для группы. Неудовлетворенность Джима тем, что «Дорз» все больше отходят от первоначальной концепции, все возрастала, он считал, что их музыка носит теперь просто развлекательный характер.

Прослышав, что группа «Ливин Театр» собирается приехать в университет Южной Калифорнии, Джим забронировал билеты на все их выступления. Он познакомился с музыкантами и обсуждал с ними технику исполнения, не намного отличающуюся от той, которой пользовался прежде Джим, она заключалась в прямом диалоге с аудиторией, в поддержании реакции любыми средствами. Джим нашел в группе «Ливин Театр» не только реализацию собственных идей, но и их развитие, а значит, и новый путь для творчества. Он решил сразу воплотить все это на концерте в Майами-Бич.

«Мне до смерти надоел тот имидж, который мне навязали и который я сам поддерживал», — говорил Джим.

С самого начала день складывался чрезвычайно неудачно. Опоздав на оба рейса из Лос-Анджелеса, Джим добирался до Майами через Новый Орлеан. Когда он наконец прилетел во Флориду, то был уже совершенно пьян. Концерт начался с опозданием на час и с самого начала превратился в базар. Пытаясь найти отклик в зрительном зале, Джим обрывал одну песню и начинал другую, переругивался с публикой, но, не

чувствуя нужной реакции зрителей, он становился все более агрессивным и вызывающим. Наконец, исполняя «Touch Me», он пошел на крайние меры... тогда-то и произошла легендарная «вспышка в Майами».

«Все, что я помню, — рассказывает Робби, — это то, что ночь в Майами была действительно жаркой. Место, где мы выступали, больше подошло бы для политических митингов и собраний, чем для рок-шоу. Кондиционеров вообще не было, так что к тому времени, как мы вышли на сцену, зал представлял собой сумасшедший дом: подростки пили, курили и бог знает чем еще занимались... Своего выхода мы ждали в раздевалке наверху, там было несколько полицейских, мы с ними шутили, смеялись и прекрасно проводили время. Наконец мы спустились и начали играть. Надо сказать, что у Джима было мрачное настроение... он поссорился со своей подружкой, и это усугубило положение. То, что случилось потом, трудно передать словами...»

Я должен признать, что это выступление было не из лучших, одну песню мы начинали три раза, прежде чем нам удалось исполнить ее до конца... Но ребятам в зале нравилось, и полицейские тоже развлекались — все смеялись и танцевали...»

Концерт превратился в обыкновенную свалку. Когда на сцену ворвалась толпа, Джим исчез — то ли ушел сам, то ли его стащили со сцены силой, а охрана и остальные музыканты восприняли это как сигнал к отступлению, опасаясь, что сцена провалится под тяжестью людей. На следующий день группа отправилась на недельный отдых в Карибское море. По возвращении они намеревались продолжить работу над аль-

бомом, прежде чем отправиться в новое турне весной.

Но в Лос-Анджелесе началось расследование, которое привело к краху Джима Моррисона и группы «Дорз». На всей истории лежал оттенок истерии, так что у простого обывателя могло сложиться впечатление, будто в Майами произошел не обыкновенный рок-концерт, а серьезные общественные волнения.

Крики общественного негодования не смолкали несколько дней. Все ждали очередного концерта «Дорз», когда Джиму неожиданно предъявили обвинение в том, что он появлялся в общественном месте в непристойном виде, в богохульстве, пьянстве и разврате. Через 24 часа новость была на первых страницах всех газет.

Однажды Джим в шутку сказал: «Думаю, что мы группа, которую любят до ненависти, так было с самого начала... нас все презирают, а я этим наслаждаюсь. Почему? Не знаю! Думаю, мы существуем в своем собственном мире эгоизма, а людям это не нравится, они нас за это ненавидят».

Вначале группа восприняла всю эту историю как шутку и, услышав, что в Майами собираются устроить Съезд Поборников Нравственности, «Дорз» сразу же объявили о своем намерении созвать свой съезд в Калифорнии. Предполагалось, что организаторы съезда прилетят в Лос-Анджелес из Калифорнии для сбора пожертвований в пользу оскорбленных. Но очень скоро они поняли, что смеяться в принципе не над чем, предстоящее турне разваливалось на глазах, города, один за другим, аннулировали предыдущие договоренности, и через несколько дней не осталось ни одного города, желавшего принять их у себя. Еще большую обеспокоенность вызвал тот факт, что от записей «Дорз»

отказались авиалинии и радиостанции крупнейших городов. Нечего и говорить, что пресса мгновенно ухватилась за эту тему, и очень скоро все те, кто даже никогда и не слышал о группе и Джиме Моррисоне, стали буквально экспертами благодаря рассказам о «дикаре рока» во всех утренних газетах. А когда ФБР в конце марта выдало ордер на арест Джима, на основании сомнительного обвинения в незаконном пересечении границы во время поездки на Карибское море, стало уже не до шуток.

Надеясь на то, что все решится само собой, Джим добровольно явился в суд и был отпущен под залог в 5000 долларов.

Чтобы отвлечься от неприятностей, Джим с головой погрузился в проект нового фильма, который собирался снимать на собственной студии «Хайуэй Продакшн». Кроме того, он собирался опубликовать свои две книги «Боги» и «Новые люди». Хотя книгу «Боги» часто преподносят как поэзию, но на самом деле это скорее кинематографические сценарии, совершенно непрофессиональные, соединенные несколькими стихотворениями. Если в 1969 году это и могло представлять какую-то ценность, то сейчас эти произведения воспринимаются как претенциозный бред ученика шестого класса высшей школы. Книга «Новые люди» не могла поднять авторитета ни Джима, ни группы «Дорз», в ней смешались поэтические направления шестидесятых годов, но форма выражения столь пространна, что книга не может быть названа ни глубокой, ни значительной. Пожалуй, секрет поэзии Джима в том, что ее невозможно оторвать от концертного исполнения и перенести на печатный лист.

«Поэзию Джима не обязательно

записывать,— считал Рей,— Я всегда воспринимал его как последователя классических греческих традиций, человеком, который выходит на сцену и декламирует свои стихи под ритмичный стук, отбиваемый руками или ударными инструментами, или под собственный ритм стиха. В поэзии Джима всегда присутствовал внутренний ритм».

Пока Джим с увлечением занимался фильмом и книгами, остальные музыканты группы записывали новый альбом, рассчитывая, что позднее Джим на их музыку сможет написать вокальную партию, если захочет.

В течение лета «Дорз» выступали часто, но на их концерты приходило все меньше зрителей, и постоянно существовала угроза, что Джим может опять перейти рамки дозволенного. Перед одним из концертов за кулисами группу приветствовал шериф. Помахивая бумажками, он заявил, что у него есть постановление на арест каждого из них, а подпишет он их или нет, будет зависеть от того, как они себя поведут во время выступления.

Радостным освобождением от столь навязчивой опеки стали для группы концерты в Мехико-Сити в конце июля. И исполнение, и реакция аудитории были выше всяких похвал.

Но в США отношение к ним не изменилось, по-прежнему существовали трудности с организацией выступлений. Спонсоры аннулировали заключенные ранее контракты.

Состоявшиеся в конце июля выступления в Лос-Анджелесе были первыми серьезными выступлениями после долгого перерыва.

Толпы людей осаждали театр. Правда, их интересовала не только музыка. Зрителям не терпелось увидеть человека, которому было

предъявлено обвинение в аморальном поведении, они спорили, сможет ли он вообще выйти на сцену, поскольку к этому периоду в общественном сознании окончательно сложился имидж Джима — безнадежного алкоголика. Но Джим выходил на сцену. Его манера исполнения изменилась и приняла форму размышлений вслух.

Остаток лета Джим посвятил обсуждению проекта нового художественного фильма и подготовке материала для записи нового альбома. Работу над фильмом он начал еще весной, но по различным причинам дело не продвигалось дальше сценария, фильм назывался «Нву». Критика, обрушенная на «Дорз» и Джима, дала Моррисону новый импульс. Возможно также, что неудавшаяся попытка создать фильм убедила его в том, что только в музыке он сможет выразить свои мысли и чувства.

Юридические формальности и дело в Майами продолжали доставлять беспокойство. В конце ноября Джим вынужден был вновь предстать перед судом с прошением о признании его невиновным и вновь был отпущен под залог 5000 долларов. Судебное разбирательство должно было состояться в апреле будущего года. Но через несколько дней в Финиксе, куда Джим отправился послушать выступление «Роллинг Стоунз», Джима и тех, кто с ним был, арестовали прямо в самолете. И хотя его поведение во время полета нельзя было назвать безупречным, в другое время это не вызвало бы столь пристального внимания, однако над ним еще не рассеялись черные тучи Майами-Бич. Кроме того, в тот период участились случаи угона самолетов, и новый закон предусматривал суровые меры наказания за нарушение правил полета, вплоть до 10 лет тюремного заключения.

а также большой денежный штраф. В соответствии с этим законом ему и было предъявлено соответствующее обвинение, а также его обвиняли в постоянном пьянстве и нарушении общественного порядка.

К счастью, у Джима не оставалось времени для долгих переживаний: группа записывала следующий альбом, который занял в рейтинге 4-е место.

В следующем месяце вышел сингл «You make Me real/Roundhouse Blues», который с трудом вошел в число пятидесяти лучших. Но это не слишком беспокоило Джима, так как в конце марта он должен был предстать перед судом в Финиксе по обвинению, предъявленному ему в ноябре 1969 года. Суд был настоящим фарсом, стюардесса, главный свидетель обвинения, все время путалась в показаниях и не могла с определенностью сказать, что делал Джим, а что его два приятеля, также находившиеся в самолете. В конце концов Джима признали виновным лишь в словесном оскорблении и угрозе физической расправы, тогда как более серьезные обвинения по гражданскому иску были отклонены. Но слушание дела было перенесено, поскольку на последнем заседании суда свидетельница решила изменить показания.

В это же время выходят книги Моррисона «Боги» и «Новые люди» в твердой обложке. Это событие озарило жизнь Джима некоторой надеждой. Однако о Майами еще не забыли, запись «живого» альбома была в проекте, давление на «Дорз» усиливалось. Все это вызвало у музыкантов самые мрачные предчувствия.

И не напрасно. Это произошло в Бостоне. Во время выступления «Дорз» администрация концертного зала решила остановить слиш-

ком затянувшееся шоу и выключила микрофоны. Все, кроме микрофона Джима, к сожалению. А он в это время совершенно недвусмысленно поделился с залом своими мыслями по поводу случившегося. Следующее шоу «Дорз» было аннулировано.

На этом несчастья не кончились. Когда все обвинения с Джима уже были сняты, свидетельница почему-то решила вернуться к своим первоначальным показаниям. К тому же судебное разбирательство перенесли с апреля на август. С одной стороны, это было неплохо, поскольку у адвоката Джима появилась возможность более тщательно подготовиться к защите, а с другой стороны, Джима это угнетало, он не мог не думать о предстоящем процессе и открыто заявил о своем намерении уехать в Париж, давно привлекавший его внимание.

Джим отбыл в Париж еще до суда в Майами. По пути в Европу он задержался в Нью-Йорке, чтобы передать студии «Электра» записи выступлений группы для «живого» альбома. К этому периоду относится самая эксцентричная из его выходок. Остановившись у Патриции Кеннели, редактора журнала «Джаз энд Поп», Джим вдруг решил на ней жениться. Эта церемония не была обычной свадьбой, и вряд ли брачный контракт имел законную силу; все это больше напоминало шашаш, ведь Патриция являлась действительным членом нью-йоркского общества ведьм. В следующую субботу Джим с одним из своих друзей уехал в Париж, где в промежутках между запоями осматривал достопримечательности, как обычный турист. Следующие две недели он провел в Испании и Северной Африке, а в Лос-Анджелес вернулся как раз к моменту выхода альбома «Absolutely Live».

Как и ожидалось, альбом был хорошо принят и занял в рейтинге восьмое место. По иронии, это произошло на следующий день после вылета Джима в Майами, где наконец-то должен был состояться судебный процесс. Интересы Джима представлял адвокат Макс Финк, который защищал его в Филадельфии. Финк подготовил длинную речь, в которой намеревался доказать, что поведение Джима в тот вечер было вполне в духе современности. В целом, это был очень впечатляющий документ, читая который Джим и сам почти поверил, что у него есть шанс выиграть дело, тем более что в Финиксе Максуду удалось его отстоять. «Знаете, я начинаю верить, что меня могут признать невиновным», — сказал он своим друзьям перед началом суда. Это было довольно смелое заявление, учитывая тот факт, что в ноябре должны состояться перевыборы судей и оправдательный приговор противнику истеблишмента не мог не сказаться отрицательно на судьбе судьи. Процедура первого дня не заняла много времени. Судья Гудман решил, что этот день слишком насыщен, и отложил разбирательство еще на два дня. Заседание было назначено на среду, 12 августа. Тогда присяжные и вынесли свой приговор, сильно пошатнувший обретенную Джимом уверенность.

«Лос-Анджелес Фри Пресс» так прокомментировала события: «Во Флориде присяжных вдвое меньше, но, очевидно, они вдвое добросовестнее. К тому же они вдвое старше, чем где бы то ни было; самому молодому сорок два, и можно предположить, что они судят предвзято каждого, кому меньше тридцати».

Адвокат Джима потребовал отвода состава присяжных, мотивируя это тем, что они не смогут

смотреть на Джима как на равню. Судья принял протест и отложил слушание до следующей недели. В понедельник суд в том же составе заслушал формальное обвинение, речь защитника и показания свидетелей. У Джима вновь появилась надежда, когда Макс подверг свидетелей перекрестному допросу и сразу же обнаружил явные несоответствия в их показаниях. Однако шестого свидетеля запутать было невозможно, именно по его жалобе было возбуждено дело, и даже Максуду Финку не удалось найти убедительных доводов, чтобы опровергнуть его обвинения. Свидетеля звали Роберт Дженнингз, и он был убежден, что Джим в течение пяти — восьми секунд обнажался перед публикой. Во время выступления этого свидетеля всплыл интересный факт и он, и другие члены его семьи работали в государственной адвокатуре.

Следующий день, четверг 20 августа, официально был выходным, но поскольку у «Дорз» были выступления в пятницу и субботу, судья Гудман согласился не прерывать работу до вторника. Еще один свидетель заявил, что ничего такого не видел, и в подтверждение его слов было представлено около 150 снимков, вполне невиновных. И тогда судья огласил постановление суда, в соответствии с которым запрещалось свидетельствовать о допустимых нормах поведения в обществе, что подрывало стратегию защиты Финка. Адвокат пытался обжаловать это постановление, но тщетно, судья Гудман был непреклонен. Будущее Джима представало в мрачных красках.

Во вторник после выступлений в Калифорнии «Дорз» вновь были в Майами, чтобы выслушать показания еще четверых свидетелей — полицейских, каждый из которых

подтверждал, что во время концерта в тот вечер либо видел какой-нибудь непристойный жест, либо слышал какое-нибудь неприличное слово.

Из-за судебного процесса в Майами пострадало второе турне «Дорз» по Европе. Правда, им удалось выступить на втором фестивале «Айл оф Уайт». Ребята не любили выступать под открытым небом, но, учитывая критическую финансовую ситуацию, у них не оставалось выбора. 29 августа они выступили на сцене перед толпой в полмиллиона человек. Выступление было не самым удачным, и Джим с готовностью признал это. Он был крайне обеспокоен тем, что его ждет, и не мог не думать о том, что его выступление в «Айл оф Уайт» может оказаться последним выступлением на сцене.

В среду, 2 сентября, заседание суда продолжило свою работу. Похоже, следствие зашло в тупик. После длительного перерыва и заслушивания дюжины свидетелей, включая самих «Дорз», суд удалился на совещание, чтобы по возвращении через два с половиной часа снять с Джима обвинение в непристойном поведении и пьянстве, но признать виновным в богохульстве. Залог составил 50 000 долларов. Приведение приговора в исполнение было назначено на октябрь. Конечно, Джим не мог не догадываться о том, каким будет исход, но тем не менее был ошеломлен.

Сообщение о смерти Джимми Хендрикса — на следующий день после оглашения приговора — лишь усугубило депрессию Джима, а через несколько недель стало известно о смерти Дженис Джоплин, которая также была близким другом Моррисона.

В конце октября Джим приехал в Майами. Как и ожидалось, ему

присудили максимальное наказание: штаф в 500 долларов и 6 месяцев тяжелых работ, с отбыванием наказания в тюрьме во Флориде...

8 декабря 1970 года, день, когда Джиму исполнилось двадцать семь лет, стал событием, благодаря которому поэзия Джима стала легендой. По какой-то причине он отказался от пьяного дебоша и решил отметить этот день благим делом — записать свои стихи на пластинку. Это было большой удачей, поскольку дало нам возможность услышать стихи Моррисона в их первоначальном свободном звучании, а не как театральное представление или сухой напечатанный текст. Все стихотворения, которые он в тот вечер читал в «Виллидж Рекордерз», кроме «American Prayer», были ранее опубликованы. Во время записи Джим отбивал ритм на тамбурине, чтобы выделить слово или фразу, и увлек этим зрителей. Он был так счастлив, что даже забыл о своем решении больше не выступать со сцены и согласился дать концерты в Далласе и Новом Орлеане.

О том, что публика действительно хочет видеть группу на сцене, свидетельствовал тот факт, что 12 тысяч билетов, по 6 тысяч на каждое шоу, были распроданы в Далласе молниеносно. Концерт прошел хорошо, и «Дорз», а особенно Джим, чувствовали, что вновь нашли свой путь.

Зимой 1971 года, пока «Дорз» завершали запись нового альбома, Джим вел переговоры со студией «Электра» о возможности выпуска своего поэтического альбома, а также с издателем «Сайман энд Шустер» об издании книг «Боги» и «Новые люди» в бумажном переплете. В то же время Джим неофициально обсуждал кинематографические и театральные планы со своими друзьями по

УКЛА Лэрри Маркусом и Фредом Миру, что было довольно странно, поскольку он собирался в Париж на продолжительное время.

За несколько дней до того, как улететь в Париж навстречу своей смерти, Джим сделал свое последнее заявление для прессы:

«Для меня это никогда не было делом, так называемым представлением. Это была жизнь и смерть, попытка поговорить, ввести людей в мой мир мысли».

Рей свидетельствует:

«Джим уехал в Париж как раз тогда, когда мы работали над компановкой «LA Woman», у нас оставалось не более двух песен, когда он сказал: «Знаете что, здесь все идет отлично, может быть, вы сами все это закончите? А мы с Пэм хотели бы съездить в Париж на некоторое время». Мы сказали: «О'кей, поезжай, развейся, расслабься и ничего не бери в голову. Пиши стихи». А Джим рвался в Париж, чтобы окунуться там в артистическую среду, уехать подальше от Лос-Анджелеса, рок-ролла, прессы, постоянно гоняющейся за сенсациями. «Желтая» пресса буквально охотилась за Джимом, и это его раздражало. Он очень устал. Ему надоело быть Королем-Ящером. Он был поэтом и артистом и не желал, чтобы в нем видели короля кислотного рока.

Он чувствовал, что все эти титулы, которыми его награждает публика, совершенно не соответствуют тому, чем занимаются «Дорз» и что они хотят выразить».

Джим уехал в Париж, где собирался писать, может быть, набросать проект нового фильма. Агнесса Варда хотела с ним переговорить о съемках художественного фильма; Джекис Демис и Стив Маккуин тоже предлагали ему сделать какие-нибудь фильмы. Джиму хотелось сменить обста-

новку, глотнуть свежего воздуха, отдохнуть. Контракт со студией «Электра» истек. «Дорз» могли бы подписать новый контракт с какой-нибудь другой студией, но в тот момент они еще не были уверены, что хотят записывать пластинки. У них не было никаких планов на будущее. Так что, когда Джим заявил, что собирается в Париж, ребята ответили: «О'кей, увидимся позже...» Это был их последний разговор.

Джим уехал, а группа репетировала два раза в неделю и ждала его возвращения.

«Последнее, что я слышал о Джиме, это то, что он звонил Джону по телефону, узнать, как идут дела с альбомом «LA Woman». Джон ответил ему, что дела идут прекрасно, и Джим страшно обрадовался, сказал, что готов записывать новый альбом, как только вернется. Конечно, ему было чем заняться, у него появилось много новых идей, он работал над стихами. Все с большим оптимизмом отнеслись к будущему Джима, включая самого Джима, и Пэм».

Тем временем до Джима стало постепенно доходить, что его творческий отпуск в Париже — не совсем то, чего он ждал. Но виноват в этом был сам Джим, поскольку продолжал сильно пить.

Нет ничего удивительного в том, что его страстное желание писать в Париже стихи заметно поутихло.

Ситуация напоминает классический замкнутый круг: из-за пьянства страдает поэзия, что погружает Джима в депрессию, от которой он пытается избавиться с помощью спиртного... Чтобы вырваться из этого кольца, Джим и Пэм совершают долгие путешествия: в апреле и мае они посетили Францию, Испанию и Марокко, а конец мая, последние 10 дней провели на Корсике.

Несмотря на неоднократные попытки бросить пить, в творческом отношении этот период не был удачным для Джима. Организованный им в Париже показ фильмов, копии которых он привез с собой, успеха не имел.

2 июля его в последний раз видели живым. Когда вечером он, Пэм и Алан Ронней пошли пообедать, Джим был в подавленном состоянии. Ронней посоветовал ему посмотреть фильм «Persuaded», в котором играл Роберт Митчум. Джим был его поклонником. Он отвез Пэм домой и пошел в кино один. С этого момента факты заканчиваются и начинаются слухи.

Рассказывает Рей:

«...3 июля 1971 года мне позвонил Билл Сиддонс и сказал, что Джим Моррисон умер. Я ответил, что не верю, так как уж слишком много раз это слышал, Джим умирал уже раз шесть или семь. Но он продолжал: «Да нет, похоже, что теперь уже по-настоящему». Тогда я ответил: «О'кей, раз ты менеджер, то оторви свою задницу от стула и слетай в Париж».

Итак, в понедельник пронесся слух, что Джим Моррисон умер во время уик-энда. По неизвестным причинам первой всколыхнулась британская национальная пресса. Позвонили в лондонское отделение «Электра Рекордз», чтобы узнать подробности. Там ничего не знали. Запросили парижское отделение.

Во Франции никто и понятия не имел, что в городе находится Джим Моррисон. На телефонный запрос в американское посольство и полицейское отделение в Париже поступил ответ, что ни в одном морге нет американца по фамилии Моррисон.

Тем временем в компанию «Электра» позвонил еще один из двух рок-еженедельников Велико-

британии. Ну, уж если рок-пресса с ее разветвленной агентурной сетью воспринимает это всерьез...

Когда телефонный звонок разбудил Билла Сиддонса и он понял, о чем идет речь, то буквально взвился: «Ну, хватит об этом!» В конце шестидесятих годов Моррисон регулярно умирал каждый уик-энд. Это стало уже чем-то вроде привычной шутки в офисе «Дорз». Каждый понедельник Билл приветствовал Джима примерно так: «Да ведь ты, кажется, умер». А Джим ему отвечал: «Как, опять? А как на этот раз?» Тем не менее звонок через океан обызвлял выяснять ситуацию. Поэтому Сиддонс набрал парижский номер Джима, не сомневаясь ни минуты, что сейчас услышит его голос. Но к телефону подошла Пэм. Она сказала, что хорошо бы ему приехать прямо сейчас, но ничего не захотела объяснить. Пэм всегда недолюбливала Сиддонса, поэтому Билл следующим же рейсом вылетел в Париж, рассудив, что, уж если она просит его приехать, значит, действительно что-то случилось.

Во вторник 6 июля Сиддонс, прибыв в Париж, сразу же отправился на квартиру Джима, где нашел Пэм, заколоченный гроб и свидетельство о смерти, в котором сообщалось, что Джим умер от сердечного приступа, осложненного удушьем. На следующий день гроб был захоронен на кладбище «Père la Chaise». В четверг Сиддонс и Памела вернулись в Лос-Анджелес, а в пятницу Билл сделал сообщение для прессы, в котором излагались подробности уик-энда, рассказанные Пэм.

По ее информации, Джим вернулся в квартиру рано утром в субботу (вероятно, после киносеанса), у него началось кровохарканье, и он сказал, что хочет принять ванну. Пэм ушла спать, а ко-

гда проснулась часов в пять, Джим все еще был в ванной. Пэм решила, что он, как всегда, разыгрывает ее, но когда попыталась поднять его, то поняла, что это не шутка. Тогда она позвонила в парижский центр пара-медитации. Приехали полиция и врач, который и констатировал смерть.

Заявление было сделано для того, чтобы пресечь слухи, которые всегда сопровождают подобные события. Но попытка оказалась безуспешной, основной причиной недоверия к этой информации было то, что официальная версия была представлена спустя шесть дней после предполагаемой смерти, а этого времени вполне достаточно, чтобы сочинить какую-нибудь историю. Явным несоответствием в рассказе Пэм было то, что, по ее словам, полиция прибыла в субботу, в день смерти Джима. Но, когда британское отделение компании «Электра» звонило в парижскую полицию, там ответили, что никто, соответствующий описанию Джима и с такой фамилией, не умирал в этот уик-энд.

Причина смерти также подвергалась сомнению. Общее мнение было таково, что самое последнее, от чего бы мог умереть Джим, так это от старости или от сердечного приступа. Упоминание о каких-то нарушениях дыхательных функций также ставит в тупик; правда, он дважды болел пневмонией, но это было два года назад, и все, кто видел его в Париже, заверяли, что Джим, если не считать запоев, чувствовал себя лучше, чем когда бы то ни было.

Тот факт, что не было произведено вскрытия, удивляет, принимая во внимание столь скоропостижную смерть. То, что имя врача, констатировавшего смерть, не было обнародовано, послужило еще одной причиной того, что

многие отнеслись с недоверием к официальной версии. Не стоит и говорить, что поползли самые невероятные слухи. Одно из предположений звучит вполне правдоподобно. Говорят, что Джим вместо кино пошел в клуб «Циркус» — центр героинистов, где принял чрезмерную дозу героина, пытаясь снять с себя депрессию.

Другой широко распространенной версией является то, что Пэм не была с Джимом во время уик-энда и, только вернувшись в понедельник, обнаружила его мертвым.

Существует еще одна версия, по которой Джим Моррисон не умер, а просто ушел со сцены общественной жизни. Эта версия базируется на том, что никто из свидетелей не видел мертвого Джима.

Один писатель выдвинул гениальную идею, что Джим исчез, чтобы подождать, пока приговор в Майами потеряет силу, после чего появится вновь. Когда вопрос о такой возможности задается музыкантам группы «Дорз», они держатся единым фронтом и высказывают свое мнение очень осторожно. Вот что сказал Джон в интервью в 1977 году:

«Через несколько месяцев после случившегося я встретил Пэм, и, как только я заглянул ей в глаза, я ясно почувствовал, что Джим умер... а с другой стороны, из всех знакомых мне людей он был единственным, кто мог бы выкинуть такую штуку: он мог бы махнуть на Греческие острова, не сказав никому ни слова».

За исключением Памелы, разумеется. Ведь если был какой-то сценарий, то она должна была принять в нем участие. А поскольку сама она умерла в 1974 году от смертельной дозы наркотика, так и не сказав ни «за», ни «против» этой версии, то такая возмож-

ность, пусть даже очень слабая, остается.

Конечно, Джима разыскивали и в окрестностях Сан-Франциско, и на Греческих островах. Рассказывали, как однажды «Джим» неожиданно появился на пороге какой-то неизвестной западной радиостанции среди ночи и дал большое интервью, а потом исчез в темноте. Разумеется, никаких фотографий, записей или свидетелей не осталось, но, похоже, эта сказка имела отношение к «Комедии Призрака», альбому, выпущенному в 1974 году студией «Капитол Рекордз», в записи которого участвовали: ударник Х, бас-гитары У и W, клавишные — Z, вокал, гитара и фортепиано — Призрак. На обложке была расплывчатая фотография, намекавшая, что это Джим после серьезной пластической операции.

Разумеется, единственная возможность получить точный ответ — вскрыть могилу, как это было в случае с Ли Харви Освальдом, и идентифицировать труп в соответствии с карточкой стоматолога. До тех пор, пока это сделано не будет, найдется масса людей, утверждающих, что Джим где-то рядом с нами. Но, принимая во внимание все свидетельства, факты и правдоподобные слухи, не приходится сомневаться в том, что 7 июля 1971 года в Париже в гробу действительно находилось тело, и это было тело Джеймса Дугласа Моррисона.

«Когда мы узнали о том, что случилось в Париже,— говорил Джон Денсмор,— мы были просто в шоке... Мы подумали только: «Что же теперь делать?..» Мы были в растерянности, а потом наконец решили... продолжить заниматься музыкой. У нас троих было такое хорошее звучание, мы чувствовали, что не должны останавливаться. Джим был нашим

другом, мы вместе жили, вместе писали музыку, но мы понимали, что у нас есть и своя собственная жизнь, что мы должны идти дальше. Никто из нас не хотел уходить в другую группу, мы сблизились и решили все начать сначала».

«Мы даже пытались найти другого певца,— вспоминает Рей,— но Джима никем нельзя было заменить. Мы вчетвером так долго были вместе и так были привязаны друг к другу, что нам бы понадобилось слишком много времени, чтобы приспособиться к другому человеку. Да и этому парню было бы слишком тяжело, ведь он всегда оставался бы только заменой Джима».

Группа «Дорз» вернулась в студию и приступила к работе вместе с Брюсом Ботником. Большую часть вокальных партий исполнял Рей. Название оставили прежним. В конце октября группа выпустила новый альбом. В основном он состоял из песен Джима, от которых он отказался, когда записывали последний альбом. Новый альбом назвали не без некоторого оттенка юмора «Other Voices» («Другие голоса»). Нет сомнения в том, что будь это какая-нибудь другая группа, альбом был бы принят более снисходительно. Но они оставались «Дорз», и к ним относились с пристрастием. Наиболее точное объяснение ситуации дал «Роллинг Стоун»:

«Они все еще «Дорз», но без той присущей им страсти и пронзительности; совершенно ясно, что Джим Моррисон был больше чем солист».

Да, это правда. И они в этом сами скоро убедились. Гастроли группы в Торонто и Оттаве собрали совсем немного зрителей, а выступления в Нью-Йорке, равно как и в Линкольне, Небраске и Филадельфии, были приняты благо-склонно только потому, что в ре-

пертуар были включены их старые песни.

Гастроли по Европе также прошли с весьма умеренным успехом. А выпущенный в 1972 году альбом был весьма слабым и получил плохие отзывы как критики, так и публики.

Потом были новые имена, новые идеи, новые альбомы. Но ни лучшие английские музыканты, приглашенные Робби и Джоном в начале 1973 года для создания новой группы «Батс Бэнд», ни сольные пластинки Рея, ни альбомы, записанные Робби и Реем совместно с другими группами, не смогли вернуть им даже части того внимания, которое приковывала к себе бывшая «Дорз».

Вновь о группе заговорили в 1975 году, когда кинорежиссер Фрэнсис Форд Coppola решил использовать музыку «Дорз» в своей будущей киноэпопее о вьетнамской войне «Апокалипсис сегодня». Но опыт Джима доказал еще раньше, что «Дорз» и кинематограф — недееспособное сочетание. По ряду причин так случилось и на этот раз.

И вот однажды Робби пришла в голову интересная мысль:

«Я подумал о стихах Джима, которые он записал примерно лет пять назад. Я позвонил Джону Хаэну, он был тогда инженером звукозаписи, и спросил: «Что с записями стихов Джима? У тебя не остались каких-нибудь копий?» А он ответил: «У меня есть кое-что получше. У меня остались оригиналы. Может быть, вы подъедете и выберете что-нибудь, из чего можно будет что-то сделать?»

Слух о том, что скоро легендарные стихи Джима Моррисона увидят свет, быстро распространился. Все ждали чего-то необыкновенного. Но сделать альбом было не таким легким делом, как показалось на первый взгляд.

«Этот альбом стихов Джима, — говорил в своем интервью Джон, — не был закончен, и нам, Рею, Робби и мне, пришлось его дорабатывать... Это будет нечто вроде биографии: его детство, юношеские годы, молодость, популярность. Все это записано на шестнадцати дорожках, и мы собираемся писать новую музыку к этим стихам, а еще мы хотим включить истории о том, как он делал свои фильмы, всякие случаи из жизни... Это действительно жизнь Джима».

Альбом Джима Моррисона «An American Prayer» с музыкой «Дорз» вышел в ноябре 1978 года. В преддверии выпуска альбома Рей, обращаясь к публике, сказал:

«Я надеюсь, что те люди, которые захотят послушать альбом, поймут, что это уникальный опыт... это не такая пластинка, которую можно поставить на проигрыватель, пока вы возитесь на кухне или ремонтируете автомобиль. Вам нужно сесть и послушать. Он требует... он требует всего лишь сорока минут вашего времени, и, если вы отдадите нам сорок минут вашего времени, мы уведем вас туда, где вы, возможно, никогда не были».

Опасения Рея по поводу того, что альбом не будут покупать, не оправдались, он занял 4-е место в рейтинге в Америке; может быть, это и не очень высокий результат в свете их предыдущих успехов, но для альбома разговорного жанра — это случай беспрецедентный.

Наряду с возросшим интересом к творчеству Джима Моррисона пристальное внимание стала привлекать его биография. В 1980 году издательство «Уорнер Букс» выпустило книгу «Никто не уходит отсюда живым». Авторами этой столь долгожданной биографии стали Джерри Хопкинс и Дэнни

Шугерман. Последний взялся соединить и отредактировать черновики Хопкинса, при этом он не забыл описать в книге себя в качестве «помощника» Джима под псевдонимом Денни Сулливан. Американские читатели любят своих звезд, но уже после их смерти, поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1982 году книга стала первым бестселлером и продержалась на этом уровне шесть недель. Общее мнение рок-прессы было примерно таким: «Ну, что ж, пусть будет хотя бы это, пока нет ничего более достоверного». Читатели мало внимания обращали на критические замечания и продолжали активно раскупать книгу, что навело киноиндустрию Голливуда на мысль создать фильм о жизни Джима Моррисона, а Джон Траволта даже заявил, что будет играть в нем главную роль. При обсуждении кинематографической версии биографии Джима мнения неожиданно разделились на два лагеря, и каждая сторона имела особое мнение. С одной стороны, это была компания «Уорнер», которая, естественно, собиралась использовать за основу книгу Хопкинса — Шугермана. Другой стороной выступила, как ни странно, семья Моррисонов, которая раньше не согласилась на публикацию всех стихотворений Джима. Муж сестры Джима Алан Грехем заявил, что «фильм должен отражать точку зрения семьи, потому что, хотя этого никто не знает, к концу жизни Джим стал гораздо терпимее и сблизился с семьей». «Уорнер Бразерз» предупредены, — продолжил он, — что если они сделают этот фильм, то мы подадим на них в суд». Для семьи, которой Джим избегал в течение почти всей своей взрослой жизни, такая забота выглядит неожиданной.

Потом прошли слухи, распро-

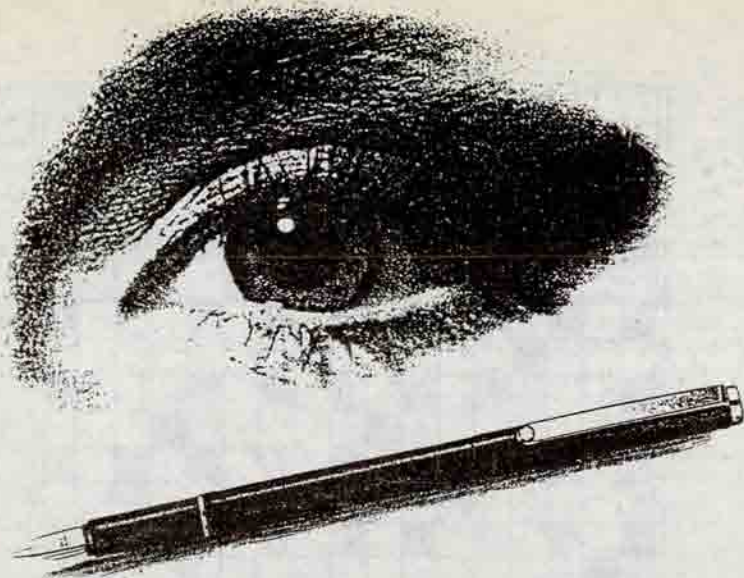
страняемые рок-прессой, о том, что известный режиссер Уильям Фридкин собирается снимать фильм о «Дорз» и Моррисоне; что сестра Джима заявила о своем намерении поставить мюзикл «Рок-Сага — Жизнь Джима Моррисона», что Джон Денсмор собирается писать книгу о «Дорз». Уже в 1983 году издательства США и Великобритании совместно выпустили «Иллюстрированную историю «Дорз». И «Дорз» действительно стала историей.

Как-то Джим бросил такую фразу: «Каждое поколение хочет иметь новые символы, новых людей, новые имена. Они хотят оторваться от своих предшественников».

Интересно, мог ли он предположить, что два десятилетия спустя уже другое поколение будет с меньшим пылом, чем их отцы, — и столь же безуспешно! — пытаться разгадать непостижимую тайну Джима Моррисона? Поэта? музыканта? чародея?

«Я вижу себя... огромной огненной кометой, летящей звездой. Все останавливаются, показывают пальцем и шепчут в изумлении: «Посмотрите на это!» А потом — фьюить, и меня уже нет... и больше они никогда не увидят ничего подобного... и никогда не смогут меня забыть — никогда».

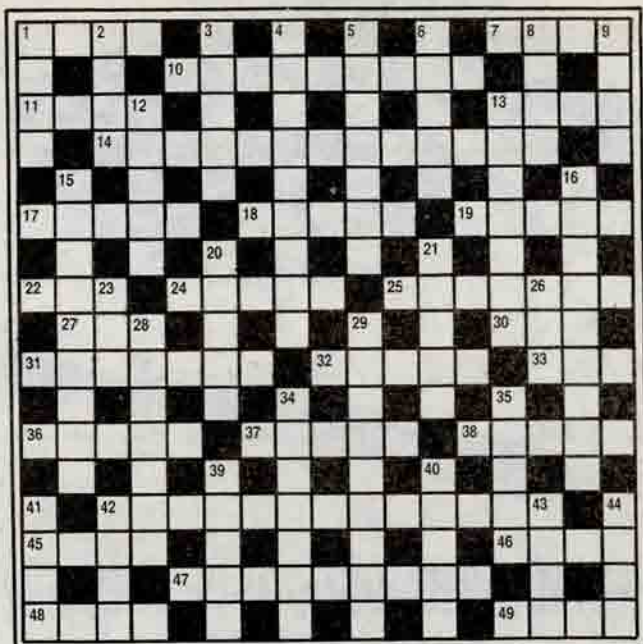
ВНИМАНИЮ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ!
Реклама в «СМЕНЕ» —
Ваш
долговременный успех!

Вашу рекламу увидят миллионы в нашей стране и за рубежом. Каждый номер наши читатели не только передают из рук в руки, но и бережно хранят.

Проиллюстрированная цветными фотографиями, ярко, выразительно оформленная талантливыми художниками,

реклама в «СМЕНЕ»
ВЫГОДНА И НАДЕЖНА.

Об условиях вы можете узнать, написав по адресу:
101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14,
редакция журнала «Смена» или позвонив по телефону
250-49-98.

ЗРУДИТ

По горизонтали.

1. Соло, ..., трио, квартет. 7. Искусственное сооружение, на котором стоит церковь Покрова на Нерли. 10. Русский писатель, введший в литературу слово «частушка». 11. Одна из самых изнуряющих эмоций. 13. Чукотский аркан для ловли оленей. 14. Швейцарский химик и бизнесмен, изобретший целлофан. 17. Первая столица Франции. 18. Прозвище младшего лейтенанта Шамшиева в повести С. Каледина «Стройбат». 19. Стихотворец, о котором В. Маяковский сказал: «Хватка у него моя». 22. Ветер на озере Алаколь в Казахстане; несущий зиму. 24. Священный залог нерушимого братства казаков. 25. Роковое увлечение Д. Яновского, мешавшее ему в полную силу проявить свой шахматный талант. 27. Один из семидесяти апостолов, автор послания «Пастырь», не включенного в Библию. 30. Французский художник, автор серий «Клоуны», «Осужденные», «Страсти Христовы». 31. Вечный жених Коломбины. 32. Народ, первый в Европе познакомившийся с бумажными деньгами. 33. Крупный остров, воды у которого — одни из самых тихих в Мировом океане. 36. Самый быстрый из рябков. 37. Путь, который легче пройти, если он освещен огнем любви. 38. Самоцвет. Его полезно носить гипотоникам. 42. Корабельная роща в эпоху Петра Первого. 45. Название синего опала у Плиния Старшего. 4. «Последние недели поста» «... был такой, что на возах ездили без дороги» (Л. Толстой. «Анна Каренина»). 47. Английский городской. 48. Удар налево в фехтовании. 49. ... дороже денег (русская поговорка).

По вертикали.

1. Конные скачки в Грузии, 2. В греческой мифологии — порожденная Хаосом тьма. 3. Пора сбора овец с горных пастбищ в Исландии. 4. Страна, где любовные письма вкладывают только в розовые конверты. 5. Роман У. Фолкнера, изданный у нас неизмеримо большим тиражом, чем «Деревушка» и «Город», хотя он без них непонятен. 6. «Глубокомысленнейший из всех энциклопедистов» (А. Герцен). 8. Древний завоеватель Александрии, говоривший: «Если доказательства соответствуют тому, во что я верю, они мне не нужны. Если не соответствуют — они ложны». 9. Мера сыпучих тел, прежде распространенная в Австрии и Германии. 12. Выть — это на Руси ... еды. 13. Мореплаватель, установивший первые торговые отношения Англии с Россией. 15. Порода собак. Первым ее изобразил Сальватор Роза. 16. Главный враг атеиста. 20. «Талант попадает в цель, в которую никто попасть не может; ... попадает в цель, которую никто не видит» (А. Шопенгауэр). 21. Иссиня-черный скакун Автандила (Ш. Руставели, «Витязь в тигровой шкуре»). 23. Титул родовой знати в древней Англии, позже слившийся с титулом графа. 26. Хвойное дерево со свойственным ему веткопадом. 28. Прием у шаха, где читали стихи, слушали музыку. 29. Доктор, лечивший канцлера Бисмарка, однажды недовольно заворчавшего на него: «Лечите, а не разговаривайте! Надоели ваши расспросы!» Доктор ответил: «В таком случае, ваше сиятельство, обратитесь лучше к ветеринару. Это единственный врач, ни о чем не спрашивающий своих пациентов». 34. Приверженец религиозного мировоззрения, ставящего веру выше разума. 35. Родной город Зинаиды Волконской. 39. Маневр, предпринятый М. Кузузовым после Бородинского сражения. 40. Культовое животное Артемиды. 41. Птица, не способная летать над морем. 42. Двадцать су в средневековой Франции. 43. Рыба, упоминаемая в «Гамлете» Шекспира. 44. Агрессор в мире газов.

ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

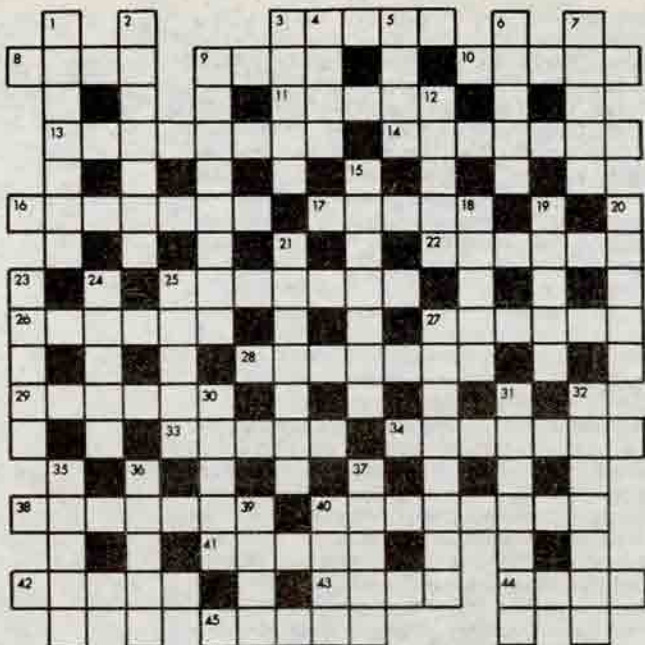
По горизонтали.

3. Дубрава. 9. Апель. 10. Техас. 11. Шреттер. 13. Франция. 14. Дыльяк. 15. Лжа... 18. Ариль. 19. Селигер. 23. Елва (на Нигере). 25. Кираса. 26. Индуизм. 27. Сема. 29. Поло. 31. Идиллия. 32. Тютчев. 35. Зима. 36. «Ремесло». 37. Жакан. 39. Сен. 41. Зеркало. 44. Льянка. 45. Орхидея. 46. Юрист. 47. Окапи. 48. Панглос.

По вертикали.

1. Кварк. 2. Шлендра. 4. ...упряжь... 5. Рута. 6. ...вред. 7. Кельнер. 8. Хайям. 11. Шиллинг. 12. Рыжик. 16. Мензула. 17. Неясыть. 18. Авометр. 20. Гик. 21. Рагозин. 22. Балобан. 24. Бурдель. 28. Пиранья. 30. Лем. 33. Черкесы. 34. Весло. 35. Зарянка. 37. Железо. 38. Ведро. 40. Якопо... 42. Орфа. 43. Фигг.

КРОССВОРД
 Составил
А. Ковалев,
 Санкт-Петербург

По горизонтали.

3. Насекомое, чей полет изобразил Н. Римский-Корсаков в опере «Сказка о царе Салтане...». 8. Животное, которое нельзя брать в руки, иначе, по народному поверью, появятся бородавки. 9. Помещение в вагоне. 10. Персонаж в опере М. Мусоргского «Сорочинская ярмарка». 11. Имя художника, которому А. Пушкин посвятил стихотворение «Любимец моды легкокрылой». 13. Рискованная, сомнительная затея. 14. Подземный гриб. Одна из разновидностей похожа на картофельный клубень. 16. Советский космонавт. 17. Бальный танец. 22. Двухструнный казахский музыкальный инструмент. 25. Руководитель первой советской дрейфующей полярной станции. 26. Гора на Кавказе. 27. Воздействие, давление. 28. Животное, бежавшее за поездом в романе А. Доде «Тартарен из Тараскона». 29. Одно из самых толстых деревьев мира. 33. Человек, не похожий на других, а поэтому его считают странным. 34. Птица, завезенная в Европу конкистадорами. 38. Спутник Сатурна, открытый У. Гершелем. 40. Плотная шерстяная или полушерстяная ткань. 41. Предмет, на котором гадали девушки, бросая его в воду. 42. Восемь драм как аптекарская единица массы. 43. Дерево с жирными семенами. 44. Одна из рыб, какие видит в ведре Егорушка (А. Чехов. «Стель»). 45. Чувство, из-за которого Платон осуждал трагедию.

По вертикали.

1. Курорт, где в 1922 году был подписан договор

о восстановлении дипломатических отношений между Германией и Советской Россией. 2. Человек, исповедующий тибето-монгольскую форму буддизма. 3. Роговой шип на ногах у птиц. 4. Русская емкость объемом в четверик. 5. Композитор и пианист, у которого при пересечении европейских границ обычно не требовали паспорта. 6. Жидкость, снабжающая кровь питательными веществами. 7. Славянский бог, который «любовь очень одобрял». 9. Пролив на пути из Балтийского в Северное море. 12. Электронная лампа, изобретенная американским инженером Де Форестом. 15. Африканский ксилофон. 18. Предместье, обыгрываемое в стихотворении Б. Пастернака «Метель». 19. Внешний вид. 20. ... да Гама — мореплаватель, первым обогнувший Африку. 21. Камера в Петропавловской крепости, где во время следствия сидел А. Радищев. 23. Экспрессивный бразильский танец. 24. Титул знаменитого Мюнхгаузена. 25. Человек, поставивший крест на миледи в «Трех мушкетерах» А. Дюма. 27. Место суда над фашистскими преступниками. 30. Плотницкий инструмент для сверления. 31. И языка нет, а правду скажет (загадка). 32. Общее название домашних животных. 35. Зевс, ..., Минерва — капитолийская триада древних римлян. 36. Русский художник, оформивший балет И. Стравинского «Весна священная» в антрепризе С. Дягилева. 37. Ловкий трюк. 39. Автор картины «Голубые танцовщицы», хранящейся в Музее изобразительных искусств в Москве. 40. Широко распространенный в японском домашнем быту музыкальный инструмент.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 10**

По горизонтали.

1. Дикуша. 4. Хамсин. 12. Жеманница. 13. Недотрога. 14. Иона. 15. Лукинична. 17. «Тени». 19. Чан. 21. ...Тахир... 24. Ибаны. 25. Правило. 26. Струг. 28. Стека. 29. Размышление. 30. Отказ. 32. Унгуз. 34. Блиндаж. 35. Абака. 36. Витте. 39. Шип. 43. Атту. 44. Хлопкороб. 45. ...цвет... 48. «Мейфлауэр». 49. Баронесса. 50. ...хватка. 51. Гильза.

По вертикали.

1. Дежкин. 2. Комендант. 3. Шанс. 5. Ауто. 6. Столешник. 7. Ниацин. 8. Зипун. 9. Галич. 10. Яншин. 11. Гдыня. 16. Наквашенник. 18. Чичурачки. 20. Сбитенник. 22. Крамола. 23. «Флуераш». 27. Газ. 28. Сиу. 31. ...тобетейка. 33. Учивость. 37. Размах. 38. Клоун. 39. Шпора. 40. Полба. 41. ...добро... 42. Отвага. 46. Блок. 47. Энди.

Шахматная эпиграмма

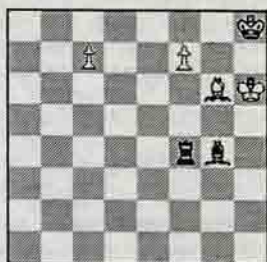

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию оригинальных задач-миниатюр II международного конкурса «Смены». Все задачи, присланные в журнал до 1 сентября с.г., примут участие в конкурсе, а поступившие в редакцию позднее этого срока — в конкурсе будущего года. В номере также публикуются решения задач, опубликованных в «Смене» №№ 1—4.

79. В. ЖЕЛТОНОЖКО

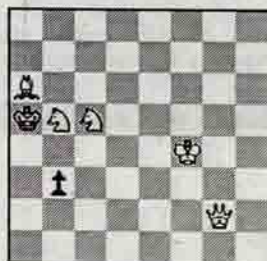
Екатеринбург

Мат в 2 хода

80. Л. ГРОЛЬМАН

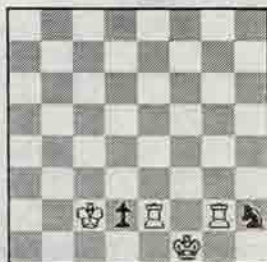
Казань

Мат в 2 хода

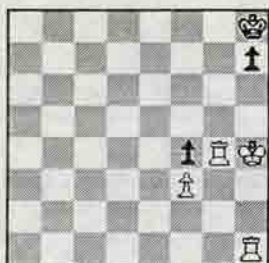
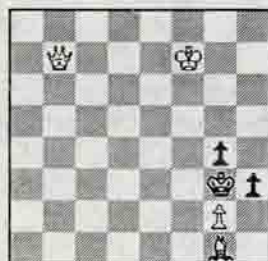
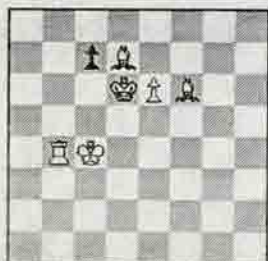
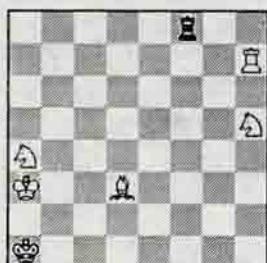
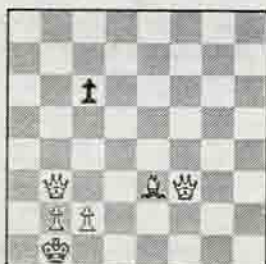
81. А. БЫЛЕВСКИЙ

Ульяновск

Мат в 3 хода

82. Н. НОВИК*г. Бирск, Башкортостан***Мат в 3 хода****83. В. ИВАНОВ***п. Повенец, Карелия***Мат в 3 хода****84. В. МЕЛЬНИЧЕНКО***г. Котовск, Украина***Мат в 3 хода***а), б) Ab4 — g7***85. С. ДЕМИДЮК***Брест***Мат в 3 хода****86. В. ЩЕРБИНА***Донецк, Украина***Мат в 4 хода****87. С. ДЕМИДЮК***Брест***Мат в 4 хода**

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

«СМЕНА» 1, 1993

1. О. Сакс. 1.Ла3
2. В. Попов. 1. Фg6? b2!, 1.Фg2!
3. В. Мельниченко. 1.Фf5
4. Ю. Лялюшкин. 1. Kpb3! ~ 2. Фе5, 1...Kрс5 2. Фd6, 1...Се4 2. Фb6
5. В. Кожакин. 1. Cf7! Kpg5 2. Kg4, 1...Кре4 2. Kf1
6. В. Жуликов. 1.Ла4! Kрс4 2. Фа3, 1...b3 2. Фе1, 1...Kpb6 2. Фc1
7. Н. Зиновьев. 1. Kpf6! h5 2. Cf3 Kph2 3. Ле 1 и 4. Лh1x, 1...Kpg4 2. Лh8 h5 3. Лh5 Kph5 4. Cf3x, 2...Kpf4 3. Лh6 Kpg4 4. Лh4x
8. В. Самило. 1. Фе3 Cg3 2. Фf3 Kpd2 3. Kg3
9. В. Желтоножко. 1. Лb7! Kd2 2. Kpg2! Ke4 3. Ke4 Кра5 4. Kc5 Кра5 5. Kb3 Кра4 6. Kc5

«СМЕНА» 2, 1993

10. В. Матзуш. 1. Ke3! Kph2 2. Kg4, 1...Kpg1 2. Фа1, 1...f2. Фh6 (дуаль — 2. Фb7)
11. Н. Зиновьев. 1. Kd6! Кре5 2. Лb4 Kpd5 3. Cf6 Kрс5 4. Лb5x, 2...g2 3. Kрс6 g1Ф 4. Лc4x, 1...Kрс5 2. Cd8 Kpd5 3. Cb6 Кре5 4. Лf5x, 2...g2 3. Кре6 g1Ф 4. Лc4x
12. В. Щербина. 1. Ch2! Ch2 2. Kpb6 Cc7 3. Kрс7 Ke4 4. Ле4

«СМЕНА» 3, 1993

13. О. Сакс. 1. a4
14. А. Шахназарян. 1. Kq1

15. Н. Зиновьев. 1. Cg3
16. С. Ткаченко. а) 1. Kpf6, б) 1. Лf4; в) Лg4, г) 1.Лg4
17. А. Аманбаев. 1.Лg7? Ле7!, 1.Лg6! Лh2 2.Лg7!
18. Л. Грольман. 1. Се4 e6 2. Kh7 Kpf4 3. Фh2x, 1...Kpf4 2. Фh2 Kpg5 3. Kh7x, 1...Kpf6 2. Фh8 Kpg5 3. Ке6x, 2...Kpf7 3. Cg6x

«СМЕНА» 4, 1993

19. С. Ткаченко. а) 1. a7; б) 1. Лab6; в) 1. Cc5; г) 1. Kc5
20. С. Цырулик. 1. Kd2!, 1. Фc3? Cf8!
21. Л. Грольман. 1. Фc3! ~ 2. Фа5 Kpb1 3. Фе1x, 1...Kf3 2. Cc2 Кра2 3. Фа5x, 1. Кре7? Ke4!, 1.Фg7? Kpb1!, 1. Фf6? Ke6!, 1. Фе5? Kf3!
22. Ан. Кузнецов. 1. Фе7 Kph5 2. Kf3 h6 3. Фf7x, 1...f6 2. Фh7 Kpg5 3. Ке6x, 1...h6 2. Фf7 Kpg5 3. Kf3x (дуаль — 2. Фе5)
23. Н. Зиновьев. 1. Фе5 Лg7 2. Фg7, 1...Лg6 2. Фf4, 1...Лg3 2. hg, 1. Лg2 2. Kpg2
24. В. Иванов. 1. Cg4 Кре5 2. Ch3 Кре4 3. Cg2 Kрс 4. Cf1 Кре4 5. Ce2 Kpd5 6. Cd3 Kрс5 7. Лf6 Kpd5 8. Лf5x

Побочн. решение: 1. Cg4 Кре5 2. Cf5 Kpf6 3. Kpd6 Kpd5 4. Кре5 и т.д. 1...Kpd5 2. Ле3 Kрс4 3. Се6 Kpb5 4. Kрс7 и т.д. Или 1. Kрс7 Кре5 2. Cg6! hg 3. h7 Кре4 4. Лf7 Kpd3 5. h8Ф Kрс2 6. Лf2, 2...Кре6 3. Ch7 Кре5 4. Cd3 Кре6 5. Лf5 Кре7 6. Cc4 и т.д.

АЛЛА ТРИСТАН

...И ОТКРОЮТСЯ ИСКУСНЫЕ

АНДРЕЙ МЕЩЕРЯКОВ. Архангел Михаил.

Семьдесят лет Россия была страной воинствующего атеизма. Взрывались храмы, монастыри, церкви превращались в склады, клубы или гаражи, иконами растапливали печи. Естественно, и иконописцы оказались не у дел. Одни были вынуждены эмигрировать, другие отправились по этапу... Во второй раз, после петровских преобразований (Петр ликвидировал крупнейший иконописный центр, своеобразную Академию художеств XVII века — мастерскую Оружейной палаты), иконописные традиции, казалось, полностью утратились. А ведь когда-то многочисленные иконописные мастерские существовали почти в каждом городе, при каждом монастыре.

Лишь в начале 70-х в Троице-Сергиевой лавре монахиней Иулианией (Марией Сергеевной Соколовой) была создана первая в наше время школа традиционной иконописи. Признанным авторитетом в иконотворчестве стал

отец Зинон, архимандрит Псково-Печерского монастыря. И только в 1988 году, спустя семь десятилетий, наконец-то официально сняли запрет с иконописания. Полуразрушенные, оскверненные храмы возвращались церкви. Вот тогда-то и возникла необходимость в православных художниках, умеющих создавать фрески, писать иконы, реставрировать уцелевшие памятники. (А ведь не каждый из закончивших светские художественные школы или училища может стать иконописцем.) Вскоре в Москве прошла первая выставка иконы. Образовалось общество «Изограф», возрождавшее традиции церковного древнерусского искусства XI—XII веков.

Сейчас вряд ли можно насчитать несколько десятков православных художников-иконописцев, а тех, которые не живут в миру, то есть ведут достойный истинного иконописца аскетический образ жизни, — и вообще единицы.

287

Мастерская

ПАВЕЛ ПЕЛЕВИН. Чудо Георгия о Змие.

«Московская иконописная мастерская» возникла около двух лет назад. Ее основатели: Александр Кучинский, Андрей Мещеряков, Павел Пелевин — не только иконописцы, но и ювелиры. У каждого из них свой особый почерк, мастерская окормляется Святой Православной Церковью, ей оказывается духовная поддержка архимандритом Зиномом.

Мастерская так же возрождает иконописные традиции, но в отличие от «Изографа» художники следуют образцам иконописи не периода ее расцвета, а переходного и нового времени. Это работы царского изографа Симона Ушакова и его учеников, мастеров семнадцатого века, которых собирали в Оружейную палату со всех концов страны. Это и работы крупнейших иконописцев Федора Зубова, Семена Спиридонова. Возвращение к старым мастерам естественно. Ведь их произведения отличаются виртуозностью рисунка, тонкой проработкой деталей, необыч-

ностью колорита. Но «Московская иконописная мастерская» обращается не только к традициям царских изографов семнадцатого века, но и к лаковой миниатюре Палеха.

При создании современных икон мастера применяют старую технологию: иконы пишут на доске темперой, краски изготавливают из драгоценных камней — сапфира, рубина и полудрагоценных — янтаря, малахита, используют сусальное золото, нередко икону украшают окладом...

Но было бы неверно считать, что произведения «Московской мастерской» — только копии старых икон (хотя на протяжении столетий древнерусские иконописцы работали по определенным образцам). Молодые художники стараются отходить от установленных канонов, идти своим путем. Как сказано в Писании: «Надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные».

АЛЕКСАНДР ДОНСКОЙ. Не рыдай мене Мати...

АЛЕКСАНДР РУДОЙ. Богоматерь.

АЛЕКСАНДР РУДОЙ. Спаситель.

АЛЕНА СВИРИДОВА

ИНДЕКС 70820